
Карл Густав
Юнг
Человек
и его символы

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

C.G. Jung

MAN
AND HIS SYMBOLS

Aldus Books Ltd
1964

К. Г. Юнг

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СИМВОЛЫ

Электронное издание

ИОИ
Москва
2020

УДК 159.9(081)
ББК 88.3
Ю50

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Человек и его символы / К. Г. Юнг ; пер. с англ. В. В. Зеленского. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 403 с. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7312-0974-8

Данная книга является последним прижизненным трудом К. Г. Юнга, а также единственным популярным изложением его теории, адресованным самым широким кругам читателей. Используя метод «аналитической психологии» Юнга, его ближайшие сподвижники и ученики наглядно демонстрируют, как подсознание через символы влияет на древние мифы и современное искусство, на научный поиск и на весь жизненный путь человека от младенчества до старости.

УДК 159.9(081)
ББК 88.3

Электронное издание на основе печатного издания: Человек и его символы / К. Г. Юнг ; пер. с англ. В. В. Зеленского. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — 405 с. — ISBN 978-5-88230-470-5. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7312-0974-8

Джон Фримен

Введение

Появление данной книги имеет свою необычную историю, напрямую связанную как с ее содержанием, так и со всем тем, что из нее вытекает. Поэтому я хотел бы рассказать, каким образом она оказалась написанной.

Однажды — это случилось весной 1959 года — Британская радиовещательная корпорация пригласила меня взять интервью у доктора Карла Густава Юнга для Британского телевидения. Предполагалось, что интервью будет, что называется, достаточно «глубоким». В то время я знал о его книге и о его работе весьма мало, а поэтому отправился для знакомства в прекрасный дом Юнга на берегу озера в Цюрихе. Это было началом дружбы, которая столь много значила для меня и, я надеюсь, доставила некоторое удовольствие и Юнгу в его последние годы жизни. Телевизионное интервью ко всей дальнейшей истории отношения не имеет, за исключением того, что оно оказалось успешным, и по странному стечению обстоятельств эта книга также стала завершающим результатом телевизионного успеха.

Дело в том, что одним из тех, кто увидел Юнга на экране, был Вольфганг Фогес, ведущий директор «Алдес Букс». Еще с детства Фогес увлекался современной психологией, когда жил по соседству с Фрейдом в Вене. Увидев Юнга, рассказывающего о своей жизни, работе, идеях, Фогес вдруг сообразил, насколько печально то обстоятельство, что на фоне широкого знакомства образованного читателя с учением Фрейда Юнг до сих пор неизвестен широкой публике, — как ни странно, он всегда считался трудным автором для популярного чтения.

Фактически Фогес и явился создателем «Человека и его символов». Почувствовав во время телевизионной передачи, что между Юнгом и мной существуют теплые личностные отношения, он попросил меня о возможности присоединиться к нему в попытке убедить Юнга изложить его самые основные и важные мысли таким языком и в таком объеме, чтобы они были интересны и доступны взрослому читателю-неспециалисту. Я буквально подпрыгнул от такой идеи и помчался обратно в Цюрих, убежденный, что смогу убедить Юнга в необходимости и важности подобной работы. В течение двух часов почти не перебивая Юнг слушал меня в своем саду, а затем сказал: «Нет». Он сообщил мне это в самой вежливой форме, но с очевидной твердостью; никогда ранее он не пытался популяризировать свои работы и сейчас не был уверен в том, что сможет сделать это успешно. В любом случае он уже стар и достаточно утомлен, так что у него нет желания брать на себя обязательство, относительно которого у него столько сомнений.

От друзей Юнга я знал, что он человек твердых решений. Он обдумывает и взвешивает проблему внимательно, не торопясь, и ответ, который он дает, обычно является окончательным. Я вернулся в Лондон весьма разочарованный и уверовавший в то, что отказ Юнга завершил все мероприятие. Возможно, так бы оно и было, если бы не два вмешавшихся обстоятельства, предвидеть которые я не мог.

Первым стало упорство Фогеса, настоявшего на том, что следует предпринять еще одну попытку уговорить Юнга, прежде чем смириться с окончательным провалом всего начинания. Другим оказалось событие, до сих пор удивляющее меня всякий раз, когда я оглядываюсь на этот период своего прошлого.

Как я уже говорил, телевизионная передача прошла успешно. Она принесла Юнгу огромное количество писем от самых разных людей, в большинстве своем обычных людей, не имевших ни медицинской, ни психологической подготовки, на которых внешний облик, юмор, скромное обаяние этого великого человека произвели сильное впечатление. Эти люди увидели в

его взглядах на жизнь и человеческую личность нечто такое, что могло им помочь. И Юнг несказанно радовался не столько получению самих писем (его почта во все времена была достаточно обширной), сколько получению их от людей, которые в обычных обстоятельствах не смогли бы найти с ним никакого контакта.

Именно тогда ему приснился весьма знаменательный сон. (Прочитав книгу, вы поймете, насколько это может оказаться важным). Ему приснилось, что он находится не в своем кабинете, где ведет беседы с известными докторами и психиатрами, съезжавшимися к нему со всего света, а в каком-то общественном месте и обращается к огромному множеству людей, которые слушают его с жадным вниманием и ПОНИМАЮТ ВСЁ, ЧТО ОН ГОВОРИТ...

Когда через неделю-другую Фогес повторил просьбу о том, чтобы Юнг создал книгу не для философов или врачей-клиницистов, а для широкой публики, Юнг дал себя уговорить. Правда, он выставил два условия. Первое — книга будет написана им совместно с группой его ближайших последователей, с помощью которых он пытался воплотить в жизнь свои идеи и методы. Второе — то, что мне поручается задача координации работы и разрешения всех проблем, могущих возникнуть между авторами и издателем.

Дабы читателю не показалось, что мое введение выходит за пределы разумной скромности, хочу тут же сообщить, что я был весьма признателен за второе условие, хотя и с некоторой оговоркой. Весьма скоро я понял главную причину, по которой выбор Юнга пал на меня. Он рассматривал меня как человека разумного, но далеко не исключительного, интеллектуального, но без какого-либо серьезного знания психологии. Юнг видел во мне «среднего читателя» данной книги; то, что мог понять я, было бы понятно и всем остальным, все то, что отпугивало своей непривычностью, могло показаться неясным и трудным и для других. Мало обрадованный подобной оценкой своей роли, я тем не менее скрупулезно настаивал (порой, возможно,

к большому раздражению соавторов) на том, чтобы каждый параграф был написан и — если это требовалось — переписан до такой степени ясности, которая позволяла бы мне сказать с уверенностью, что книга всецело обращена к широкому читателю и сложные темы, поднимаемые в ней, раскрыты с предельной и впечатляющей простотой.

После долгого обсуждения было решено, что темой книги будет Человек и его Символы. Юнг самолично пригласил для этой работы своих сотрудников д-ра Марию-Луизу фон Франц из Цюриха, вероятно своего ближайшего профессионального конфидента и друга; д-ра Джозефа Л. Хендерсона из Сан-Франциско, одного из наиболее известных и доверенных американских юнгианцев; миссис Аниэлу Яффе из Цюриха, которая будучи опытным аналитиком, работала личным секретарем Юнга и его биографом; и д-ра Иоланду Якоби, являвшуюся после Юнга наиболее профессиональным автором среди членов юнговско-го кружка в Цюрихе. Все четверо были выбраны отчасти потому, что были опытными специалистами в заданных темах, но также и по причине того, что все они пользовались полным доверием Юнга и были способны к самоотверженной работе по юнговскому плану, как члены единой команды. Юнг сам определил ключевые темы и структуру книги, наблюдал и направлял работу своих соавторов и написал стержневую главу «Подход к бессознательному».

Последний год жизни Юнга был посвящен главным образом данной книге, и его собственный раздел был полностью завершен еще до последовавшей 6 июня 1961 года смерти (Юнг закончил редактуру текста за десять дней до начала болезни), главы же, написанные его соавторами, были одобрены им вчерне. После смерти Юнга в соответствии с его указаниями всю ответственность за окончание работы взяла на себя д-р фон Франц. Название книги «Человек и его символы» и ее общие черты были детально проработаны самим Юнгом. Глава, подписанная его именем, — его собственная работа (кроме нескольких редакционных поправок). Кстати, она была написана по-английски.

Остальные главы были написаны разными авторами по указанию Юнга и под его наблюдением. Окончательная редактура всей работы после смерти Юнга была сделана д-ром фон Франц, исполнена неспешно, с пониманием и добрым юмором, за что издательство и я в долгу перед ней.

Теперь относительно содержания самой книги.

Юнговское мышление окрасило мир современной психологии много больше, чем это обыкновенно осознают неспециалисты. Такие, к примеру, известные термины, как «экстраверт», «интроверт», «архетип», — суть юнговские понятия, подчас слишком вольно трактуемые другими. Но его неоценимый вклад в психологическое понимание — концепция бессознательного (подобно «подсознательному» Фрейда), представляющего не просто свалку вытесненных подавленных желаний, но микрокосм, составляющий такую же жизненную и реальную часть человеческой сути, как и сознательный «мыслимый» мир эго, лишь бесконечно более широкий и богатый по своему масштабу. Язык и обитатели этого бессознательного — символы, а средства сообщения — сновидения.

Таким образом, изучение Человека и его Символов есть в действительности исследование отношения человека к своему бессознательному. А так как, по убеждению Юнга, бессознательное — это великий поводырь, друг и советчик сознания, сама книга напрямую связана с изучением человеческого бытия и духовных проблем. Мы знакомы с бессознательным и сообщаемся с ним (в обоих направлениях) главным образом с помощью снов, и на протяжении всей книги (и прежде всего в собственной главе Юнга) можно обнаружить настойчивое утверждение важности сновидений в жизни человека.

Было бы неприлично с моей стороны пытаться растолковывать данный труд Юнга читателям, многие из которых наверняка более подготовлены к его пониманию, чем я. В своей роли я выступаю лишь как некий «понимающий фильтр», но никоим образом не интерпретатор. Тем не менее осмелюсь сделать два указания, которые мне как неспециалисту представляются важ-

ными и могут, возможно, помочь другим читателям. Первое — о снах. Для юнгианцев сон не является стандартизованной криптограммой, которая может быть расшифрована с помощью словаря символических значений. Сон есть суммирующее, важное и личностное выражение индивидуального бессознательного. Он так же «реален», как и любой другой феномен, связанный с индивидом. Индивидуальное бессознательное спящего обращается к самому сновидцу и с этой целью выбирает символы, имеющие значение только для сновидца и ни для кого больше. Поэтому интерпретация снов, будь то аналитик или сам сновидец, является для психолога-юнгианца крайне личным, индивидуальным делом (иногда экспериментальным и весьма длительным), которое никоим образом не может быть осуществлено с помощью каких-либо правил.

И напротив, сведения из бессознательного имеют важнейшее значение для человека, видящего сон поскольку во сне человек проводит чуть ли не половину своей жизни, а бессознательное частенько предлагает индивиду совет или руководство, которые не могут быть получены из иного источника (образ химической таблицы, явившейся Менделееву во сне, и др.). Поэтому, когда я говорил о сне самого Юнга, в котором он обращается к широким массам, то описывал не какую-то магию и не утверждал, что Юнг занимается предсказаниями судьбы. В простых выражениях повседневного опыта я представил, каким образом собственное бессознательное Юнга «посоветовало» ему пересмотреть неадекватное решение, которое он вынес сознательной частью своего разума.

Из этого следует, что ни один хорошо подготовленный юнгианец не может рассматривать сны лишь как случайное событие. Наоборот, способность устанавливать связь со своим бессознательным — это часть целостного человека, и юнгианцы «учатся» (лучшего термина я придумать не могу) быть восприимчивыми к снам. Когда, в свою очередь, сам Юнг встал перед критическим выбором писать или не писать эту книгу, он оказался способен призвать ресурсы как сознания, так и бессознательного, чтобы

собрать воедино весь свой разум. На протяжении всей книги легко обнаружить, что сон воспринимается как прямое личное и осмысленное сообщение сновидцу, — сообщение, использующее символы, общие для всего человечества, но использующее их каждый раз совершенно индивидуальным образом, оно может быть интерпретировано только с помощью индивидуального «ключа».

Второе указание, которое мне хотелось бы сделать, имеет отношение к особенностям доказательного метода, свойственного всем авторам данной книги и, возможно, всем юнгианцам. Люди, ограничивающие свою жизнь исключительно миром сознания и отвергающие сообщения бессознательного, связывают себя законами сознания, формальной жизнью. С безупречной (но зачастую бессмысленной) логикой алгебраического уравнения они переходят от взятых предпосылок к неоспоримым выведенным заключениям. Юнг и его коллеги, как мне кажется (знают они это или нет), отбрасывают ограничения подобного метода рассуждения. Это вовсе не означает, что они игнорируют логику, в своих рассуждениях они все время обращаются и к бессознательному, и к сознанию. Их диалектический метод сам по себе символичен и непрямолинеен. Они убеждают не при помощи узкого луча силлогизма, но кружением, повторением, представлением вторичных аспектов той же темы под несколько другими углами зрения — до тех пор, пока читатель, который так и не нашел единственного завершающего момента доказательства, не обнаружит, что каким-то необъяснимым образом он уже воспринял, вобрал в себя некую более широкую и всеобъемлющую истину.

Юнговские аргументы (как и аргументы его коллег) раскручиваются спирально вверх над предметом, подобно птице, облетающей дерево. Вначале у земли она видит лишь неразбериху ветвей и листьев. Постепенно, по мере того как она кружит все выше и выше, вновь открывающиеся части дерева предстают во все большей целостности и связи с окружающим. Некоторые читатели, возможно, вначале сочтут подобный «спиральный»

метод доказательства неясным или даже запутывающим, но, полагаю, ненадолго. Это всего лишь характеристика юнговского метода, и очень скоро сам читатель почувствует себя вовлеченным в убедительное и глубоко захватывающее путешествие.

Все разделы данной книги говорят сами за себя и вряд ли нуждаются в моем предисловии. Первая глава (текст самого Юнга) вводит читателя в область бессознательного, особое место в ней уделено архетипам и символам, образующим его язык, а также снам, с помощью которых бессознательное сообщает о себе.

Д-р Хендерсон в следующей главе иллюстрирует возникновение некоторых архетипов в древней мифологии, народной легенде, первобытном ритуале.

Д-р фон Франц в главе, названной «Процесс индиви-дуации», описывает процесс, при котором сознание и бессознательное внутри индивида научаются узнавать, уважать и приспосабливаться друг к другу. В известном смысле эта глава воплощает не только суть всей книги, но, возможно, и сущность всей юнговской философии жизни: человек становится целостным, интегрированным, спокойным, плодотворным и счастливым, когда (и только тогда) процесс индивидуации закончен, когда сознание и бессознательное научаются жить в мире и дополнять друг друга.

Миссис Яффе, как и д-р Хендерсон, демонстрирует в привычной структуре сознания повторяющийся — почти навязчивый — интерес к символам бессознательного. Эти символы сохраняют для человека глубокую значимость и наполнены для него внутренним притяжением, вне зависимости от того, встречаются ли они в мифах и волшебных сказках, которые анализирует д-р Хендерсон, или в изобразительном искусстве, которое, как показывает миссис Яффе, удовлетворяет и восхищает нас постоянной апелляцией к бессознательному.

Наконец, я должен сказать несколько слов о главе д-ра Якоби, отличающейся от других глав. Фактически, это сокращенная история одного интересного и успешного анализа. Ценность

данной главы в книге очевидна, но несколько предупредительных слов все же необходимы. Прежде всего, как указывает д-р фон Франц, не существует такой вещи, как типичный юнгианский анализ. И его не может быть, поскольку каждый сон — это частное и индивидуальное сообщение, никогда два сна не используют символы бессознательного одинаковым образом. Поэтому каждый юнгиан-ский анализ уникален, и было бы ошибочным считать данный, взятый из клинических записей д-ра Якоби (или чьих-либо иных), как «репрезентативный» или «типичный». Все, что можно сказать о случае Генри и его порой сенсационных снов, это то, что они дают истинный пример возможности применения в частном случае юнгианского метода. И еще. Полная история даже сравнительно несложного случая заняла бы целую книгу. Очевидно, что история анализа Генри была достаточно сжата. Например, ссылки на «И цзин» не выглядели бы столь неясными, в них не ощущался бы привкус оккультного, будь они представлены в полном контексте. И тем не менее окончательный вывод таков — думаю, что и читатель с ним согласится, — анализ снов Генри при всех оговорках весьма обогащает книгу.

Я начал с описания того, как Юнг пришел к необходимости написания книги «Человек и его символы». Я закончу напоминанием о том, насколько замечательна, возможно, уникальна эта публикация. Карл Густав Юнг был одним из великих врачей всех времен и вместе с тем великим мыслителем нашего века. Его желанием было помочь мужчинам и женщинам познать самих себя, дабы это само-знание и мыслимое само-пользование вело их к более полной, богатой и счастливой жизни. В самом конце своей собственной жизни, которая была полной, богатой и счастливой, он решил оставшиеся у него силы истратить на труд, обращенный к более широкой аудитории, чем та, с которой ему приходилось иметь дело прежде. Он завершил свою задачу и свою жизнь в одно и то же время. Эта книга — его дар широкой читающей публике.

Часть 1

Карл Густав Юнг

ПОДХОД К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

Значение слов

Человек пользуется устным или письменным словом для того, чтобы выразить смысл, который он хотел бы передать. Наш язык полон символов, но мы также пользуемся знаками и образами не строго описательными. Некоторые являются простыми аббревиатурами, т. е. рядом заглавных букв, таких, например, как ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, другие — известные торговые марки, названия лекарств, нашивки, эмблемы, знаки различия. Сами по себе бессмысленные, они приобретают узнаваемость в результате ежедневного употребления или преднамеренного введения. Это не символы. Это — знаки, и они лишь обозначают объекты, к которым относятся.

То, что мы называем символами, — это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному и очевидному смыслу. Они подразумевают нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Например, многие критские памятники отмечены знаком двойной секиры. Мы узнаём этот предмет, но его символический смысл остается непонятен для нас. Или представьте себе индуса, который, вернувшись из Англии, рассказывает друзьям, что англичане поклоняются животным, поскольку в старых английских церквях он обнаружил изображения орлов, львов, быков. Он не знал (как и многие христиане), что эти животные — символы евангелистов, восходящие к видению пророка, а видение, в свою очередь, имеет предшествующую аналогию с египетским богом Солнца Гором и его четырьмя сыновьями. Более того, существуют такие примеры, как колесо и крест, известные повсеместно, хотя и они при определенных условиях имеют символическое значение. То, что они символизируют, — все еще предмет противоречивых суждений.

Таким образом, слово и изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который точно не определен или его нельзя объяснить. И нет надежды определить или объяснить его. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести наши мысли к концепции «божественного Солнца», но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить божественное бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо «божественным», мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве.

Так как существует бесчисленное множество вещей за пределами человеческого понимания, то мы постоянно пользуемся символической терминологией, чтобы представить понятия, которые мы не можем определить или полностью осознать. Это одна из причин, по которой все религии пользуются символическим языком или образами. Но подобное сознательное использование символов — лишь один аспект психологического факта, имеющего большое значение: человек также продуцирует символы спонтанно и бессознательно в форме снов.

Это не так легко понять, но понять необходимо, если мы хотим узнать больше о том, как работает человеческое сознание. Человек, если мы внимательно поразмыслим, никогда ничего полностью не воспринимает и никогда ничего полностью не осознаёт. Он может видеть, слышать, осязать, воспринимать вкус, но насколько далеко он видит, как хорошо он слышит, что говорят ему осязание и вкус, зависит от количества и качества его ощущений. Они ограничивают восприятие окружающего его мира. Пользуясь научной аппаратурой, человек может частично компенсировать недостатки своих органов чувств. Например, он может увеличить пределы зрения с помощью бинокля, а чувствительность слуха — с помощью электронного усиления. Но большинство разработанных приборов не могут

сделать что-нибудь большее, нежели приблизить отдаленные и маленькие объекты к его глазам или сделать слабые звуки более слышимыми. Неважно, какими инструментами пользуется человек, в некоторой точке все равно наступает предел уверенности, за который осознанное знание переступить не может.

Более того, существуют бессознательные аспекты нашего восприятия реальности. Когда наши органы чувств реагируют на реальные явления, скажем, изображения или звуки, они переводят их из области реального в область разума, — это очевидный факт. Здесь они становятся психическими явлениями, конечная природа которых непознаваема (психика не может познать свою собственную психическую сущность). Поэтому любой опыт содержит бесконечное множество неизвестных факторов, не говоря уже о том, что каждый конкретный объект всегда неизвестен в определенных отношениях, поскольку мы не можем знать конечной природы самой материи.

Кроме того, существуют некоторые события, которые мы не отмечаем в сознании; они остаются, так сказать, за порогом сознания. Эти события имели место, но были восприняты подпорогово, без участия нашего сознания. Мы можем узнать о таких событиях только интуитивно или в процессе глубокого размышления, который ведет к последующему осознанию того, что они должны были произойти; и хотя первоначально мы игнорировали их эмоциональное и жизненное значение, оно все же проступило из бессознательного в виде послемысли.

Подобные события могут проявиться, например, в форме снов. Как правило, бессознательный аспект любого явления открывается нам в снах, в которых он возникает не как рациональная мысль, а в виде символического образа. Исторически именно изучение снов подвигло психологов на изучение бессознательного аспекта сознательных психических явлений.

Именно на основе таких свидетельств психологи выдвинули предположение о существовании бессознательной психики, хотя многие ученые и философы отрицают ее существование. Они наивно аргументируют свою позицию тем, что подобное

предположение психологов ведет к допущению существования двух «субъектов», или (говоря обычным языком) двух личностей, внутри одного индивида. В действительности же так оно и есть. Одно из проклятий современного человека заключается в том, что он страдает от расщепления собственной личности. И это ни в коем случае не патологический симптом, а вполне обыденное явление, которое можно наблюдать везде и в любое время. Не только у невротиков правая рука не знает, что делает левая. Это неприятное положение является симптомом общей бессознательности, бесспорного общего наследия всего человечества.

Человек развивал свое сознание медленно и трудно. Потребовались бессчетные века, чтобы достичь цивилизованного состояния (которое произвольно датируется временем изобретения письменности около 4000 года до н. э.). Эта эволюция и сейчас далека от завершения, поскольку значительные области человеческого разума погружены в темноту. То, что мы называем «психическим», «душой», ни в коей мере не идентично нашему сознанию и его содержанию.

Тот, кто отрицает существование бессознательного, фактически предполагает, что наше нынешнее знание психики является полным. Но эта вера определенно ложна, так же как ложно и предположение, что мы знаем все, что можно знать о Вселенной. Наша психика есть лишь часть природы, и тайна ее безгранична, поэтому мы не можем дать полное определение ни психическому, ни природе. Мы можем лишь заявлять, что верим в их существование и, как умеем, описываем, каким образом они действуют. Помимо свидетельств, собранных в медицинских исследованиях, существуют сильные логические основания, чтобы отвергнуть заявления типа «бессознательное не существует». Утверждающие это лишь выражают древний «мизонеизм» — страх перед новым и неизвестным.

Разумеется, есть исторические причины для противостояния идее существования неведомой области в человеческой психике. Сознание — относительно недавнее приобретение природы,

и оно все еще пребывает в стадии «эксперимента». Оно хрупко, подвержено опасностям и легко ранимо. Как заметили антропологи, одним из наиболее частых умственных расстройств, встречавшихся у представителей первобытных племен, оказывается то, что последние называют «потерей души», что означает, как указывает само название, заметное разрушение (точнее, диссоциацию) сознания.

Среди людей, чье сознание находится на уровне развития, отличающемся от нашего, «душа» (психика) не ощущается как нечто единое. Многие первобытные племена считают, что человек имеет помимо собственной еще и «лесную душу» и что эта «лесная душа» воплощена в диком животном или в дереве (друиды), с которыми тот или иной человек имеет некоторую психическую идентичность. Именно это известный французский этнолог Леви-Брюль назвал «мистическим участием»[1]. Правда, позже под давлением критики он отказался от этого термина, но я полагаю, что его оппоненты были неправы. Человек может находиться в состоянии психической идентичности с другим человеком или предметом, и это известный психологический факт.

Подобная идентичность среди находящихся на первобытном уровне развития племен принимает самые разнообразные формы. Если «лесная душа» принадлежит животному, то считается, что это животное и человек связаны братскими узами. Предполагается, что человек, чьим братом является крокодил, находится в безопасности, когда плавает в реке, кишащей крокодилами. Если его душа воплощена в дереве, то считается, что дерево имеет над ним нечто вроде родительской власти. В обоих случаях тот или иной вред, нанесенный «лесной душе», истолковывается как вред, нанесенный самому человеку. В ряде племен полагают, что человек имеет сразу несколько душ; такая вера отражает некоторые первобытные представления о том, что

[1] Мистическое участие — исходная психологическая связь с объектами или между людьми в результате сильной бессознательной соотнесенности; тождество между субъектом и объектом.

каждый человек состоит из нескольких связанных между собой, но все же отдельных друг от друга единств. Это означает, что человеческая психика далека от полного синтеза, напротив, она слишком легко готова распасться под напором неконтролируемых эмоций.

Хотя описанная ситуация известна нам по работам антропологов, ею не следует пренебрегать и в нашей развитой цивилизации. Мы тоже можем оказаться диссоциированными и утратить собственную идентичность. На нас влияют различные настроения, мы становимся неразумными, порой нам не удается вспомнить самые важные факты о самих себе, так что даже близкие нам люди удивляются: «Что за черт в тебя вселился?» Мы говорим о способности «контролировать» себя, но самоконтроль — весьма редкое и замечательное качество. Мы полагаем, что полностью контролируем себя; однако друзья без труда расскажут нам о нас такое, о чем мы не имеем ни малейшего представления.

Вне всякого сомнения, даже на так называемом высоком уровне цивилизации человеческое сознание еще не достигло приемлемой степени целостности. Оно все так же уязвимо и подвержено фрагментации. Сама способность изолировать часть сознания — безусловно ценная характеристика. Она позволяет нам сконцентрироваться на чем-то одном, исключив все остальное, что может отвлечь наше внимание. Но существует огромная разница между сознательным решением отделить и временно подавить часть психики и ситуацией, когда это происходит спонтанно, неосознанно или без согласия на то и даже вопреки собственному намерению. Первое — достижение цивилизации, второе — первобытная «потеря души», или патологический случай невроза.

Таким образом, в наши дни единство сознания все еще не очевидно, слишком легко оно может быть разрушено. Способность же контролировать эмоции, весьма желательная, с одной стороны, с другой — оказывается сомнительным достижением,

так как лишает человеческие отношения разнообразия, тепла и эмоциональной окраски.

Именно на этом фоне мы и должны рассмотреть важность снов — этих легких, ненадежных, изменчивых, смутных и неопределенных фантазий. Чтобы объяснить свою точку зрения, я бы хотел описать, как она развивалась с годами и как я пришел к выводу, что сны — это наиболее частый и универсально доступный источник для исследования способности человека к символизации.

Зигмунд Фрейд стал первым, кто на практике исследовал бессознательный фон сознания. Общим положением в его работе было то, что сны не являются делом случая, а связаны с сознательными проблемами и мыслями. Это предположение основывалось на выводах известных неврологов (например, Пьера Жане), что невротические симптомы связаны с определенным сознательным опытом. Эти симптомы оказываются некими отщепленными областями сознания, областями, которые в другое время и при других обстоятельствах были бы сознательными.

В конце прошлого века Фрейд и Иосиф Брейер выяснили, что невротические симптомы — истерия, некоторые виды боли и ненормальное поведение — несут в себе символическое значение. Это один из путей, по которым бессознательная психика проявляет себя, равным образом как и в снах, и оба пути оказываются одинаково символичными. У пациента, который, к примеру, столкнулся с непереносимой ситуацией, может развиться спазм при глотании: «он не может это проглотить». В сходных условиях психологического стресса другой пациент получает приступ астмы: он «не может дышать атмосферой дома». Третий страдает от паралича ног: «он не может ходить», т. е. «не может продолжать делать что-либо». Четвертый, которого рвет во время еды, «не может переварить» какой-то неприятный факт. Можно привести множество примеров подобного рода, но такие физические реакции лишь одна из форм, в которой выражаются проблемы, бессознательно нас волнующие. Чаще же они находят воплощение в снах.

Любой психолог, которому довелось выслушивать людей, описывающих свои сны, знает, что символика сна намного разнообразнее, чем физические симптомы неврозов. Она часто состоит из детально разработанных и живописных фантазий. Но если аналитик при работе с материалом этих снов будет использовать разработанную Фрейдом технику «свободных ассоциаций», он в конце концов обнаружит, что сны могут быть сведены к нескольким основным типам. Эта техника сыграла важную роль в развитии психоанализа, так как она позволила Фрейду использовать сны как исходную точку для исследования бессознательных проблем пациента.

Фрейд сделал простое, но глубокое наблюдение — если поощрить видевшего сон продолжать рассказывать о своем сновидении и мыслях, на которые оно наводит, то пациент пойдет достаточно далеко и откроет бессознательный фон своего недуга: как тем, что он скажет сам, так и тем, о чем он бессознательно умолчит. Сначала идеи сновидца могут казаться иррациональными и несущественными, но через некоторое время все то, чего он старается избежать, его неприятные мысли или переживания, подавляемые в себе, становятся очевидными. Неважно, каким путем он стремится замаскировать это; все, что он говорит, указывает на суть его проблемы. Врач вообще-то достаточно часто сталкивается с темными сторонами жизни людей, что позволяет ему редко ошибаться при интерпретации намеков, которые пациент выдает за знаки своей встревоженной совести. То, что открывается в конце концов, к сожалению, обычно подтверждает предположения врача. В этой области трудно что-либо возразить против фрейдовской теории вытеснения и осуществления желаний как очевидной причины символизма снов.

Фрейд придавал особое значение снам как отправной точке процесса «свободных ассоциаций». Но спустя время я стал чувствовать, что использование разнообразных фантазий, которые бессознательное продуцировало во время сна, является неадекватным и порой вводящим в заблуждение. Мои сомнения начались, когда однажды коллега рассказал мне о своих пере-

живаниях во время долгого железнодорожного путешествия по России. Хотя он не знал языка и не мог даже разобрать написание слов кириллицей, по дороге он размышлял над странными буквами, которыми были сделаны железнодорожные надписи, и фантазировал, придумывая для них разные значения.

Одна мысль порождала другую, и в неспешном, расслабленном состоянии он обнаружил, что «свободные ассоциации» всколыхнули старые воспоминания. Среди них досадно обнаружились давно канувшие неприятные темы, которые он не хотел держать в памяти и которые сознательно забыл. Фактически этот человек столкнулся с тем, что психологи назвали бы его «комплексами», т. е. подавленным эмоциональным содержанием, которое могло вызывать постоянное психологическое раздражение или в некоторых случаях даже симптом невроза.

Этот эпизод навел меня на мысль, что нет необходимости рассматривать сны как исходную точку процесса «свободных ассоциаций» в том случае, если хочешь определить комплексы пациента. Описанный случай продемонстрировал, что можно достичь центра с любой точки окружности. Можно начать с букв кириллицы, с медитации перед хрустальным шаром, с молитвенного колеса, или современной живописной картины, или даже со случайного разговора по поводу пустякового события. В этом отношении сон столь же эффективен, как и любое другое отправное событие. И тем не менее сны имеют особое значение даже тогда, когда они возникают в результате эмоционального расстройства, в которое вовлечены присущие тому или иному лицу комплексы. («Привычные» комплексы — это наиболее чувствительные зоны психики, приоритетно реагирующие на внешние беспокоящие стимулы.) Вот почему свободные ассоциации могут привести от любого сна к потаенным кризисным мыслям.

В этот момент, однако, для меня стало очевидным, что сны несут в себе собственную, уникальную и чрезвычайно важную функцию. Очень часто сны имеют определенную, с очевидностью целеполагающую структуру, указывающую на подспудную идею или намерение, хотя, как правило, последние не всегда

с самого начала воспринимаются как таковые. Поэтому я стал размышлять, нужно ли уделять больше внимания актуальной форме и содержанию сна или же позволить «свободной ассоциации» вести по цепи мыслей к комплексам, которые могут быть легко обнаружены и другими способами.

Эта новая мысль и была поворотным моментом в развитии моей психологии. Постепенно я оставил ассоциативный путь, который уводил от содержания самого сна. Я предпочел сконцентрироваться на ассоциациях непосредственно самого сна, полагая, что последний выражает нечто специфическое, то, что пытается сказать нам бессознательное.

Изменение моего отношения к снам повлекло изменение и самого метода; новый метод принимал во внимание все широкое разнообразие области сновидений. История, рассказанная сознательным разумом, имеет свое начало, развитие и конец, но во сне все обстоит иначе. Координаты времени и пространства здесь совершенно другие, и, чтобы это понять, необходимо исследовать сон со всех сторон, точно так же, как можно взять в руки неизвестный предмет и поворачивать его до тех пор, пока не выявятся все особенности его формы.

Возможно, я уже достаточно полно показал, как постепенно пришел к разногласию с методом «свободных ассоциаций» Фрейда; я стремился держаться как можно ближе к самому сну и исключать все малозначительные идеи и ассоциации, которые он вызывал. И хотя они на самом деле могли привести к комплексам пациента, у меня имелась другая, более далеко идущая цель, чем выявление комплексов, вызывающих невротические расстройства. Существует много иных способов, посредством которых комплексы можно обнаружить, например, психолог может получить все нужные указания с помощью тестов словесных ассоциаций (спросив пациента, с чем он связывает данный набор слов, и изучив его ответы). Но чтобы узнать и понять психическую жизнь целостной отдельной личности, важно осознать, что сны человека и их символические образы играют более значительную роль.

Почти каждый, например, знает, что существует бесчисленное множество образов, которые могут символизировать половой акт (или, иначе говоря, представлять его в аллегорической форме). Любой из этих образов путем ассоциации может привести к идее полового акта и к специфическим комплексам, которые проявляются у индивида в отношении собственных сексуальных установок. Но точно так же можно выявить эти комплексы путем фантазирования над незнакомыми русскими буквами. Отсюда я пришел к предположению о том, что сон может нести в себе и иное послание, чем сексуальная аллегория, и что это происходит по определенным причинам. Попробую это проиллюстрировать.

Человеку может присниться, что он вставляет ключ в замок, машет тяжелой палкой или пробивает дверь тараноподобным предметом. Все эти действия можно рассматривать как сексуальную аллегорию. Но фактически само бессознательное выбирает один из этих специфических образов: это может быть и ключ, и палка, и таран, — и это обстоятельство само по себе также значимо. Всякий раз задача заключается в том, чтобы понять, почему ключ был предпочтен палке или тарану. И иногда в результате оказывается, что содержание сна означает вовсе не сексуальный акт, а имеет другую психологическую интерпретацию.

Рассуждая таким образом, я пришел к выводу, что в интерпретации сна должен принимать участие лишь тот материал, который составляет ясную и видимую его часть. Сон имеет свои собственные границы, и его специфическая форма говорит нам, что относится ко сну, а что уводит от него. В то время как «свободные ассоциации» уводят от материала по некой зигзагообразной линии, метод, разработанный мной, больше похож на кружение, центром которого является картина сна. Я все время вращаюсь вокруг картины сна и отвергаю любую попытку видевшего сон уйти от него. Снова и снова в своей профессиональной работе я вынужден повторять: «Вернемся к вашему сну. Что этот сон говорит?»

Например, моему пациенту приснилась пьяная, растрепанная, вульгарная женщина. Ему казалось, что эта женщина — его жена, хотя на самом деле его жена была совсем иной. Внешне сон представлялся абсолютной бессмыслицей, и пациент счел его полной ерундой. Если бы я как врач позволил ему начать процесс ассоциаций, он неизбежно попытался бы уйти как можно дальше от неприятного намека своего сна. В этом случае он закончил бы одним из своих ведущих комплексов — комплексом, который, возможно, не имел ничего общего с женой, и тогда мы ничего бы не узнали о значении этого сна.

Что же тогда пыталось передать его бессознательное с помощью своего с очевидностью ложного заявления? Ясно, что оно как-то выражало идею падшей женщины, тесно связанной с жизнью пациента, но так как проекция этого образа на его жену была неоправданной и фактически неверной, я должен был поискать в другом месте, дабы обнаружить, что же собой представлял этот отталкивающий образ.

Еще в Средние века, задолго до того, как физиологи выяснили, что в каждом человеке наличествуют и мужские, и женские гормоны, говорилось, что «каждый мужчина несет в себе женщину». Этот женский элемент в каждом мужчине я назвал «анима». Женский аспект представляет определенный подчиненный уровень связи с окружающим миром, и в частности с женщинами, уровень, который тщательно скрывается от других и от себя. Иными словами, хотя видимая личность человека может казаться совершенно нормальной, он может скрывать от других — и даже от самого себя — плачевное положение «женщины внутри».

Именно так и обстояло дело с моим конкретным пациентом: его женская сторона пребывала не в лучшей форме. Его сон фактически сообщал: «Ты в известном смысле ведешь себя как падшая женщина» — и тем самым вводил пациента в необходимое состояние шока. (Этот пример, конечно, не должен быть понят как доказательство того, что бессознательное озабочено «моральными» нарушениями. Сон не говорил пациенту: «Веди

себя лучше», а просто пытался уравновесить перекошенную природу его сознательного разума, который поддерживал фикцию, что пациент — совершенный джентльмен.)

Легко понять, почему сновидцы склонны игнорировать и даже отрицать послания своих снов. Сознание естественно сопротивляется всему бессознательному и неизвестному. Я уже указывал на существование среди первобытных племен того, что антропологи называют мизонеизм, — глубокого и суеверного страха нового.

Примитивные люди проявляют совершенно животные реакции на непредвиденные события. Но и «цивилизованный человек» реагирует на новые идеи зачастую так же: воздвигая психологические барьеры, дабы защитить себя от шока встречи с новым. Это легко наблюдать в любой индивидуальной реакции на собственный сон, когда оказывается необходимым допустить некую неожиданную мысль. Многие пионеры в философии, науке и даже в литературе были жертвами врожденного консерватизма своих современников. Психология — весьма молодая наука, и, поскольку она пытается иметь дело с бессознательным, она неизбежно встречает мизонеизм в его крайнем проявлении.

Прошлое и будущее в бессознательном

Итак, я обрисовал некоторые из принципов, на которых зарождается мое отношение к проблеме снов, и поскольку мы хотим исследовать способность человека к продуцированию символов, сны оказываются самым главным и доступным материалом для этой цели. Два основных положения, которые необходимо учитывать при работе со снами, суть следующие: первое — сон следует рассматривать как факт, относительно которого нельзя делать никаких предварительных утверждений, кроме того, что сон имеет некоторый смысл; и второе — сон есть специфическое выражение бессознательного.

Вряд ли можно сформулировать данные положения более сжато. Неважно, сколь незначительным, по чьему-либо мнению, может быть бессознательное, в любом случае следует признать, что оно достойно исследования, сродни вши, которая, при всем к ней отвращении, все же вызывает живой интерес энтомолога. Если кто-нибудь с малым опытом и знанием снов полагает, что сон — это хаотическое, бессмысленное событие, то он, конечно, волен полагать и так. Но если допустить, что сны являются нормальными событиями (каковыми они и являются на самом деле), то необходимо признать, что сны имеют рациональное основание для своего возникновения, или же они целенаправлены, или же и то и другое одновременно.

Посмотрим теперь более внимательно на те пути, которыми связаны в мозгу сознательное и бессознательное. Возьмем общеизвестный пример. Внезапно вы обнаруживаете, что не можете вспомнить нечто, что только что хотели сказать, хотя перед тем ваша мысль была совершенно ясна и определенна. Или,

скажем, вы хотите представить своего друга, а его имя выпало в момент, когда вы собирались его произнести. Вы объясняете это тем, что не можете вспомнить, фактически же мысль стала бессознательной или даже отделилась от сознания. Мы обнаруживаем подобные явления и в связи с нашими органами чувств. Если достаточно долго слушать непрерывную ноту на границе слышимости, звук будет то периодически прекращаться, то снова возобновляться. Эти колебания обусловлены периодическим уменьшением и повышением нашего внимания, а отнюдь не изменением самого звука.

Но когда нечто ускользает из сознания, то перестает существовать не в большей степени, чем автомобиль, свернувший за угол. Последний просто выпал из поля зрения, и так же, как мы можем увидеть его позже вновь, так вспоминается и временно забытая мысль.

Таким образом, часть бессознательного состоит из множества временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые, невзирая на утрату, продолжают влиять на наше сознание. Отвлеченный чем-либо, с «отсутствующим сознанием», человек может отправиться за чем-либо в соседнюю комнату. Внезапно он останавливается озадаченный — он забыл, что ему нужно. Его руки шарят по столу как во сне: человек забыл свое первоначальное намерение, хотя бессознательно руководим, управляем им. И вот он вспоминает, чего, собственно, хотел. Бессознательное вновь вернуло ему утраченную цель поиска. Если вы наблюдаете поведение невротика, то можете видеть его совершающим некоторые поступки, по видимости сознательно и целенаправленно. Однако если вы спросите его о них, то обнаружите, что он или не осознает их, или имеет в виду нечто совсем другое. Он слушает и не слышит, он смотрит и не видит, он знает, однако не осознаёт. Подобные примеры столь часты, что специалист понимает, что бессознательное содержание разума ведет себя так, как если бы оно было сознательным. В таких случаях никогда нельзя быть уверенным в том, сознательны ли мысли, слова и действия или нет.

Именно подобный тип поведения заставляет многих врачей игнорировать заявления их истерических пациентов как полную ложь. Эти люди, действительно, рассказывают «больше» неправд, чем многие из нас, но все же «ложь» вряд ли здесь окажется правильным словом. Фактически их умственное состояние вызывает неопределенность поведения, поскольку их сознание подвержено непредсказуемым затемнениям при вмешательстве бессознательного. Подобным же колебаниям подвержена и их кожная чувствительность. В какой-то момент истерическая личность может почувствовать укол иглой, а последующий, может статься, окажется незамеченным. Если внимание невротика сфокусировано на определенной точке, его тело может быть полностью анестезировано до тех пор, пока напряжение, вызывающее отключение болевых «приемников», не спадет. После этого чувствительность восстанавливается. Все это время, однако, он бессознательно следит за тем, что происходит вокруг.

Врач ясно представляет данное обстоятельство, когда гипнотизирует такого пациента. Кстати, нетрудно показать, что последний пребывает в курсе всех деталей. Укол в руку или замечание, сделанные во время отвлечения сознания, могут быть вспомнены им во время гипноза столь же точно и отчетливо, как и в случае отсутствия анестезии или «забывчивости». В связи с этим вспоминаю женщину, которая однажды была привезена в клинику в состоянии полного ступора. Когда на следующий день она пришла в себя, то сознавала, кто она, но не представляла, ни где находится, ни почему она здесь, ни даже какое сегодня число. Однако, когда я загипнотизировал ее, она рассказала мне, почему она заболела, как попала в клинику, кто ее принимал. Все эти детали легко проверялись. Она даже назвала время своего привоза, потому что видела часы в приемном покое. Под гипнозом ее память была столь же ясна, как если бы она была все время в сознании.

Когда мы обсуждаем подобные темы, то часто должны привлекать свидетельства из клинической практики. По этой причине многие критики полагают, что бессознательное и его

тонкие проявления принадлежат всецело к сфере психопатологии. Они считают любое проявление бессознательного чем-то невротическим или психотическим, не имеющим отношения к нормальному состоянию. Но невротические явления ни в коем случае не являются продуктами исключительно болезни. Фактически они не более чем патологические преувеличенности нормальных событий; и лишь потому, что они оказываются преувеличенными, они более бросаются в глаза, чем соответствующие нормальные события. Истерические симптомы можно наблюдать у всех нормальных людей, но они столь легки, что обычно проходят незамеченными.

К примеру, забывчивость есть совершенно нормальный процесс, обусловленный тем, что некоторые сознательные мысли теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда наш интерес перемещается, он оставляет в тени те вещи, которыми мы до этого были заняты; точно так же луч прожектора освещает новую область, оставляя предыдущую в темноте. Это и неизбежно, так как сознание может одновременно держать в полной ясности лишь несколько образов, и даже такая ясность неустойчива.

Но забытые мысли не перестают существовать. Хотя они не могут быть воспроизведены по заказу, они присутствуют в сублимированном состоянии — как раз за порогом воспоминания, откуда могут спонтанно появиться в любое время, часто через много лет полного забвения.

Я говорю о том, что мы когда-либо сознательно видели или слышали, а затем забыли. Мы все видим, слышим, обоняем множество вещей, даже не замечая их, и все это потому, что наше внимание или отвлечено, или воздействие этих вещей на наши чувства слишком мало, чтобы оставить сознательное впечатление. Бессознательное, однако, замечает их и, собственно, такие неосознаваемые восприятия могут играть большую роль в нашей повседневной жизни. Мы же не всегда в состоянии оценить, насколько сильно они влияют на наши реакции на людей или события.

В качестве наиболее, с моей точки зрения, впечатляющего примера, приведу случай, произошедший с профессором, который прогуливался за городом со своим учеником и был погружен в серьезный разговор. Внезапно он заметил, что его мысли прервались неожиданным потоком воспоминаний раннего детства. Он не мог понять причины этого отвлечения. Ничто из того, о чем говорилось, казалось, не имело ни малейшего отношения к этим воспоминаниям. Оглянувшись, наш профессор догадался, что первые воспоминания детства пришли ему в голову в тот момент, когда они проходили мимо фермы. Он предложил своему ученику вернуться к тому месту, где образы детства впервые всплыли в его сознании. Очутившись там, он ощутил запах гусей и тотчас же понял, что именно этот запах вызвал поток воспоминаний. В молодые годы он жил на ферме, где держали гусей, и их характерный запах оставил прочное, хотя и позабытое впечатление. Когда он проходил мимо фермы, то почувствовал этот запах подсознательно, и это ощущение вызвало к жизни давно забытые переживания детства. Восприятие оказалось неосознанным, поскольку внимание было направлено на другое, а стимул не слишком велик, чтобы отвлечь его и достичь сознания напрямую. Но он вызвал «забытые» воспоминания.

Такое действие «намека», или «спускового крючка», может объяснить развитие не только положительных воспоминаний, но и вполне невротических симптомов в случаях, когда вид, запах или звук вызывают воспоминания прошлого. Девушка может работать у себя в конторе, пребывая в отличном настроении и прекрасно себя чувствуя. Вдруг у нее начинается страшная головная боль и появляются другие признаки недомогания. Оказывается, ее слух уловил гудок далекого корабля, и это бессознательно напомнило девушке горькое расставание с любимым, которого она всеми силами пыталась забыть.

Кроме обычного забывания Фрейд описал несколько случаев, когда происходит «забывание» неприятных моментов, которые человек охотно старается забыть. Как заметил Ницше, когда гордость достаточно настойчива, память предпочитает

уступить. Поэтому среди забытых воспоминаний мы встречаем немало таких, которые обязаны своему пребыванию в подпороговом состоянии (следовательно, и невозможностью воспроизведения по желанию) собственной несоответствующей и несовместимой природе. Психологи называют их подавленным содержанием.

Примером может послужить секретарша, которая ревнует одного из сотрудников своего босса. Обычно она забывает приглашать этого человека на совещания, хотя его имя ясно значится в списке. Если ее спросить об этом, она скажет, что «забыла» или что ее в это время «отвлекли». И никогда не признается даже себе в истинной причине своего забывания.

Многие люди ошибочно переоценивают роль воли и полагают, что ничто не может произойти в их собственном разуме без их решения и намерения. Но следует хорошо различать намеренное и ненамеренное содержание сознания. Первое проистекает из личностного эго; второе — из источника, который с эго не идентичен, а представляет его «другую сторону». Именно эта «другая сторона» и заставляла секретаршу забывать о приглашениях.

Существует множество причин, по которым мы забываем вещи, которые отметили или пережили, и точно так же существует множество путей, по которым они могут прийти на ум. Интересный пример представляет криптомнезия, или «скрытое воспоминание». Автор может писать произведение по заранее составленному плану, развивая свою мысль или линию повествования, как вдруг он внезапно сбивается в сторону. Возможно, ему на ум пришла свежая идея, или иной образ, или другой сюжет. Если вы спросите его, что же вызвало такое изменение, он будет не в силах вам ответить. Он даже может и не заметить отклонения, хотя и начал создавать нечто совершенно новое и, очевидно, ранее ему не знакомое. Иногда то, что он пишет, поразительно похоже на работу другого автора — и это можно убедительно продемонстрировать, — работу, которую, как полагает первый автор, он никогда не читал.

Я обнаружил показательный пример подобного рода в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор почти дословно воспроизводит инцидент из судового журнала 1686 года. По чистой случайности я вычитал этот морской случай в книге, опубликованной в 1835 году (за полвека до того, как писал Ницше), и когда я обнаружил подобный пассаж в «Так говорил Заратустра», то был поражен его особым стилем, так отличным от привычного языка Ницше. Я был убежден, что Ницше тоже видел эту старую книгу, хотя и не делал на нее ссылок. Я написал его сестре, которая была еще жива, и та подтвердила, что она и ее брат действительно читали вместе эту книгу, когда ему было одиннадцать лет. Исходя из контекста, я полагаю совершенно невероятным, чтобы Ницше сознавал, что совершает плагиат. Я считаю, что через пятьдесят лет эта история проскользнула в фокус его сознания неожиданно.

В этом случае имеет место подлинное, хотя и неосознанное, воспоминание. Подобного рода вещи могут произойти с музыкантом: слышанную им в детстве крестьянскую мелодию или популярную песню он внезапно обнаруживает как тему в симфонии, сочиненной им самим уже будучи взрослым. Идея или образ вернулись из бессознательного в сознающий разум.

Все, что я рассказал о бессознательном, лишь поверхностный очерк о природе и действии этой сложной составляющей человеческой психики. Необходимо еще указать виды подпорогового материала, из которого спонтанно могут производиться символы наших снов. Подпо-роговый материал состоит из всего набора нужд, импульсов, намерений; всех восприятий и догадок, всех рациональных и иррациональных мыслей, выводов, индукций, дедукций, посылок; из всего разнообразия чувств. Любое из них, или все они вместе, могут принимать форму частичного, временного или постоянного бессознательного. Данный материал большей частью становится бессознательным потому, что, как говорится, для него не оказывается места в сознании. Некоторые мысли теряют свою эмоциональную энергию и становятся подпороговыми (т. е. они больше не привлекают созна-

тельного внимания) потому, что стали казаться неинтересными и несущественными, или потому, что существуют причины, по которым мы желаем удалить их из поля зрения.

Фактически же для нас «забывать» подобным образом нормально и необходимо для того, чтобы освободить место в сознании для новых впечатлений и идей. Если этого не будет происходить, то все, что мы переживаем, будет оставаться выше порога сознания и наш разум окажется до невозможности переполненным. Это явление так широко известно сегодня, что большинство людей, которые хоть что-то знают о психологии, принимают его как само собой разумеющееся.

Но точно так же, как сознательное содержание может исчезать в бессознательном, новое содержание, которое до того прежде никогда не осознавалось, может возникать из него. Оно вспыхивает как некий намек, слабое подозрение: «что-то висит в воздухе» или «пахнет крысой». Открытие, что бессознательное — это не простой склад прошлого, но что оно полно зародышей будущих психических ситуаций и идей, привело меня к новым подходам в психологии. Большое количество дискуссий развернулось вокруг этого положения. Но остается фактом то, что помимо воспоминаний из давнего осознанного прошлого, из бессознательного также могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи; мысли и идеи, которые до этого никогда не осознавались. Они возникают из темноты, из глубин разума, как лотос, и формируют наиболее важную часть подпо-роговой психики.

Подобные вещи мы обнаруживаем в каждодневной жизни, когда задачи порой решаются совершенно новыми способами; многие художники, философы и даже ученые обязаны своими лучшими идеями вдохновению, в то время как эти идеи появились из бессознательного. Способность достичь богатого источника такого материала и эффективно перевести его в философию, литературу, музыку или научное открытие — одно из отличительных свойств тех, кого называют гениями.

Ясные доказательства такого факта мы можем найти в истории самой науки. Например, французские математик Пуанкаре и химик Кекуле своими научными открытиями (что признают они сами) обязаны внезапным «откровениям» из бессознательного. Так называемый «мистический» опыт французского философа Декарта включил в себя подобное внезапное откровение, во вспышке которого он увидел «порядок всех наук». Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон потратил годы в поисках истории, которая иллюстрировала бы «сильное чувство двойственности человеческого бытия», когда вдруг во сне ему открылся сюжет «Доктора Джекила и мистера Хайда».

Позже я детально опишу, каким образом подобный материал возникает из бессознательного, и исследую формы, в которых это бессознательное выражается. Сейчас же я просто хочу отметить, что способность человеческой психики продуцировать новый материал особенно значительна, когда имеешь дело с символами сна; в своей профессиональной практике я постоянно обнаруживал, что образы и идеи, содержащиеся в снах, не могут быть объяснены лишь в терминах памяти. Они выражают новые мысли, которые еще никогда не достигали порога сознания.

Функции сна

Обсуждение некоторых подробностей происхождения наших снов диктовалось тем, что это та почва, из которой произрастает большинство символов. К сожалению, они трудны для понимания. Как я уже указывал, сон совершенно не похож на историю из жизни сознательного разума. В обыденной ситуации мы думаем над тем, что хотим сказать, выбираем наиболее выразительный способ передачи мысли и пытаемся сделать наш рассказ логически связанным. Например, грамотный человек будет избегать слишком сложных метафор, дабы не создавать путаницы в понимании. Но сны имеют иное строение. Образы, кажущиеся противоречивыми, смешно толпящимися в спящем мозгу, утраченное чувство нормального времени, даже самые обычные вещи во сне могут принять загадочный и угрожающий вид.

Может показаться странным, что бессознательное располагает свой материал столь отлично от принятых норм, которые мы, бодрствуя, накладываем на наши мысли. Каждый, кто помедлит минутку, чтобы вспомнить сон, признает эту разницу главной причиной, по которой сны считаются такими трудными для понимания. Они не имеют смысла в терминах состояния бодрствования, и потому мы склонны или не принимать их во внимание, или считать «баламутящими воду».

Вероятно, в этом будет легче разобраться, если вначале мы осознаем, что идеи, с которыми мы имеем дело в нашей, по всей видимости, дисциплинированной жизни, совсем не так ясны, как нам хотелось бы в это верить. Напротив, их смысл (и эмоциональное значение для нас) становится тем менее точным, чем ближе мы их рассматриваем. Причина же кроется в том, что все, что мы слышали или пережили, может становиться под-поро-

говым, т. е. погружаться в бессознательное. И даже то, что мы удерживаем в сознании и можем воспроизвести по собственному желанию, приобретает бессознательные оттенки, окрашивающие ту или иную мысль всякий раз, как мы ее воспроизводим. Наше сознательное впечатление быстро усваивает элемент бессознательного смысла, который фактически значим для нас, хотя сознательно мы не признаём существования этого подпорогового смысла или того, что сознательное и бессознательное смешиваются и результируют являющийся нам смысл.

Конечно, такие психические оттенки различны у разных людей. Каждый из нас воспринимает абстрактные и общие положения индивидуально, в контексте собственного разума. Когда в разговоре я использую такие понятия, как «государство», «деньги», «здоровье» или «общество», я допускаю, что мои слушатели понимают под ними примерно то же, что и я. И это «примерно» здесь важно. Ведь любое слово даже среди людей одной культуры воспринимается по-разному, оно слегка отлично для них по смыслу. Причиной такого колебания (непостоянства) смысла является то, что общее понятие воспринимается в индивидуальном контексте и поэтому понимается и используется индивидуально. И разница в смыслах, естественно, оказывается наиболее значительной для людей с разным социальным, политическим, религиозным или психологическим опытом.

Пока понятия формулируются только словами, вариации почти незаметны и не играют практической роли. Но когда требуется точное определение или подробное объяснение, можно внезапно обнаружить поразительную разницу не только в чисто интеллектуальном понимании термина, но особенно в его эмоциональном тоне и приложении. Как правило, эти различия подпо-роговы и потому никогда не осознаются.

Обычно этими различиями пренебрегают, считая их избыточными нюансами смысла, имеющими мало отношения к практическим повседневным нуждам. Но тот факт, что они существуют, показывает, что даже самое практическое содержание сознания содержит вокруг себя полумглу неопределенно-

сти. Даже самые тщательно сформулированные философские или математические понятия, которые, по нашему мнению, не содержат в себе ничего, кроме того, что мы в них вложили, тем не менее представляют собой нечто большее, нежели мы полагаем. Такова одна из еще неизученных до конца особенностей психики. Простые числа, которыми мы пользуемся при счете, значат больше, чем мы думаем. Одновременно они являют собой мифологический элемент (для пифагорейцев числа представлялись священными), но, разумеется, мы этого не учитываем, когда пользуемся ими в бытовых нуждах.

Каждое понятие в нашем сознающем разуме имеет свои психические связи, ассоциации. Так как эти связи могут различаться по интенсивности (в соответствии с важностью того или иного понятия для нашей целостной личности или по отношению к другим понятиям, идеям и даже комплексам, с которыми они ассоциируются в нашем бессознательном), то они способны менять «нормальный» характер понятия. Последнее может приобрести совершенно отличный смысл, если сместится ниже уровня сознания.

Эти подпороговые составляющие всего с нами происходящего могут играть незначительную роль в нашей повседневной жизни. Но при анализе снов, когда психолог имеет дело с проявлениями бессознательного, они очень существенны, так как являются корнями, хотя и почти незаметными, наших сознательных мыслей. Именно поэтому обычные предметы и идеи во сне могут приобрести столь мощное психическое значение, из-за чего мы просыпаемся в страшной тревоге, хотя, казалось бы, не увидели во сне ничего дурного — лишь запертую комнату или пропущенный поезд.

Образы, являющиеся в снах, намного более жизненны и живописны, чем соответствующие им понятия и переживания в яви. Одна из причин этого заключается в том, что во сне понятия могут выражать свое бессознательное значение. В своих сознательных мыслях мы ограничиваем себя пределами рациональных утверждений — утверждений, которые значительно

бледнее, так как мы снимаем с них большую часть психических связей.

Я вспоминаю свой собственный сон, который мне трудно было осмыслить. В этом сне некий человек пытался подойти ко мне сзади и запрыгнуть мне на спину.

Я ничего о нем не знаю, кроме того, что однажды он подхватил мою реплику и лихо спародировал ее. И я никак не мог увидеть связи между этим фактом и его попыткой во сне прыгнуть на меня. В моей профессиональной жизни часто случалось так, что кто-нибудь искажал мысль, которую я высказывал, но едва ли мне пришло бы в голову рассердиться по этому поводу. В сохранении сознательного контроля над эмоциональными акциями есть известная ценность — и вскорости я добрался до сути этого сна. В нем использовалось расхожее австрийское выражение, переведенное в зрительный образ. Эта фраза, довольно распространенная в быту, — Du kannst mir auf den Buckel steigen («можешь хоть на спину мне залезть»), — означает следующее: «мне безразлично, что ты говоришь обо мне».

Можно было бы сказать, что сон представлялся символическим, поскольку он не выражал ситуацию непосредственно, но косвенно, с помощью метафоры, которую я сначала не мог понять. Когда подобное случается (а такое бывает часто), то это не преднамеренный «обман» сна, но всего лишь отражение недостатка в нашем понимании эмоционально нагруженного образного языка. В реальной жизни нам необходимо определять вещи как можно точнее, и поэтому мы научились отвергать издержки декоративной фантазии языка и мыслей, теряя таким образом качества, столь характерные для первобытного сознания. Большинство из нас именно бессознательному перепоручило все необыкновенные психические ассоциации, порождаемые вещами или идеями. Первобытные же люди, напротив, по-прежнему признают существование психических качеств за предметами внешнего мира; они наделяют животных, растения или камни силами, которые мы считаем непонятными и неприемлемыми.

Обитатель африканских джунглей, увидев при свете дня ночное животное, знает, что на самом деле это деревенский знахарь, временно принявший такое обличье. Он также может счесть зверя «лесной душой» или духом предка одного из своих соплеменников. В жизни дикаря важную роль может играть дерево, поскольку он будет думать, что оно обладает собственной душой и голосом, и ощущать связь между своей собственной судьбой и судьбой дерева. В Южной Америке есть индейцы, убежденные, что они красные попугаи ара, хотя и знают, что у них нет перьев, крыльев и клюва. Для первобытных племен предметы не имеют столь отчетливых границ, какие они приобретают в наших «рациональных» обществах.

То, что психологи называют «психической идентичностью», или «мистическим участием», устранено из нашего предметного мира. А это как раз и есть тот ореол бессознательных ассоциаций, который делает первобытный мир столь красочным и фантастичным. Мы лишили себя этого. И, сталкиваясь с подобными ассоциациями, не понимаем их, более того настаиваем, что они неверны, поскольку для нас они сокрыты под порогом сознания.

Неоднократно мне приходилось консультировать высокообразованных и интеллигентных людей, которые видели глубоко потрясшие их сны, сталкивались с фантазиями или видениями. Они считали, что никто в здравом уме и трезвой памяти ничего подобного испытывать не может, а тот, кто все же сталкивается с подобным, явно не в своем уме. Один богослов однажды сказал мне, что видения Иезекииля есть не что иное, как болезненные симптомы, и что, когда Моисей и другие пророки слышали «голоса», обращенные к ним, они страдали от галлюцинаций. Можете себе представить его ужас, когда нечто подобное «неожиданно» произошло с ним. Мы настолько привыкли к «очевидно» рациональной природе нашего мира, что уже не можем представить себе ничего выходящего за рамки здравого смысла. Дикарь, сталкиваясь с шокирующими явлениями, не сомневается в собственной психической полноценности; он размышляет о фетишах, духах или богах.

Однако наши эмоции, в сущности, те же. Ужасы, порождаемые нашей рафинированной цивилизацией, могут оказаться еще более угрожающими, чем те, которые дикари приписывают демонам. Порой положение современного цивилизованного человека напоминает мне одного психического больного из моей клиники, который сам некогда был врачом. Однажды утром я спросил его, как дела. Он ответил, что провел изумительную ночь, дезинфицируя небо сулемой, но в ходе такой санитарной обработки Бога ему все же обнаружить не удалось. Здесь мы имеем налицо невроз или нечто похуже. На смену идеи Бога или «страха Бога» приходит невроз беспокойства или фобия. Эмоция осталась по сути той же, но ее объект переменил к худшему название и смысл.

Вспоминается профессор философии, который однажды консультировался у меня по поводу раковой фобии. Он был убежден, что у него злокачественная опухоль, хотя десятки рентгеновских снимков ничего подобного не подтверждали. «Я знаю, что ничего нет, — сказал он, — но ведь могло бы быть». Откуда могла возникнуть подобная мысль? Очевидно, она появилась вследствие страха, внушенного явно неосознанным размышлением. Болезненная мысль овладела им и держала под контролем.

Ему, образованному человеку, смириться с подобной мыслью было труднее, чем дикарю пожаловаться на то, что его беспокоят духи. Злобное влияние злых духов — в первобытной культуре, по крайней мере, — допустимое предположение; цивилизованному же человеку невероятно трудно допустить, что его неприятности есть не что иное, как дурацкая игра воображения. Первобытное явление наваждения не растворилось в цивилизации, оно осталось таким же. Лишь толкуется иным, менее привлекательным образом.

Я произвел несколько сравнений между современным человеком и дикарем. Подобные сравнения, как я покажу ниже, существенны для понимания символических склонностей человека и той роли, которую играют сны, выражающие их. Обна-

ружилось, что многие сны представляют образы и ассоциации, аналогичные первобытным идеям, мифам и ритуалам. Эти сновидческие образы были названы Фрейдом «архаическими пережитками», само выражение предполагает, что они являются психическими элементами, «выжившими» в человеческом мозгу в течение многих веков. Эта точка зрения характерна для тех, кто рассматривает бессознательное лишь как придаток к сознанию (или, более образно, как свалку, куда сбрасывается все, от чего отказалось сознание).

Дальнейшее исследование показало, что такое отношение несостоятельно и должно быть отвергнуто. Я обнаружил, что ассоциации и образы подобного рода являются интегральной частью бессознательного и могут возникать вне зависимости от образованности и степени развитости ума человека. И эти ассоциации и образы ни в коей мере не безжизненные или бессмысленные «пережитки». Они до сих пор живут и действуют, оказываясь особенно ценными в силу своей «исторической» природы. Они образуют мост между теми способами, которыми мы сознательно выражаем свои мысли, и более примитивной, красочной и живописной формой выражения. Но эта форма обращена непосредственно к чувству и эмоциям. Эти «исторические» ассоциации и есть звено, связывающее рациональное сознание с миром инстинкта.

Я уже обсуждал любопытный контраст между «контролируемыми» мыслями в состоянии бодрствования и богатством воображения во снах. Здесь можно увидеть еще одну причину подобной разницы. Поскольку в своей цивилизованной жизни мы лишили множество идей эмоциональной энергии, то больше на них не реагируем. Мы пользуемся ими в речи и в общем-то реагируем, когда их используют другие люди, но они не производят на нас значимого впечатления. Требуется нечто большее, чтобы воздействовать на нас более эффективно с целью заставить изменить свои установки и поведение. И это как раз то, что делает «язык снов», он несет столько психической энергии, что вынуждает нас обращать на него свое внимание.

Была у меня, например, одна пациентка, дама, известная своими глупыми предрассудками и упорным сопротивлением каким-либо разумным доводам. С ней можно было спорить хоть весь вечер, она не внимала ни одному аргументу. Однако ее сны приняли совсем другое направление. Однажды ей приснилось, будто она была приглашена в гости по очень важному общественному поводу. Ее приветствовала хозяйка со словами: «Как мило, что вы пришли. Все ваши друзья здесь и ждут вас». Хозяйка подвела даму к двери и открыла ее, сновидица шагнула вперед и попала — в коровник!

Язык сна был в данном случае достаточно прост и понятен даже самому несведущему. Женщина поначалу не хотела принять во внимание содержание своего сна, который попросту поразил ее самомнение и в конце концов достиг своей цели. Спустя некоторое время она все же признала его смысл, но так и не смогла понять причину собственной самоиздевки.

Такие послания из бессознательного являются более значимыми, чем их воспринимает большинство людей. В своей сознательной жизни мы подвержены самым различным видам воздействий. Окружающие нас люди стимулируют или подавляют нас, события на службе или в общественной жизни отвлекают от собственной жизни. Вместе и порознь они сбивают нас с пути, свойственного нашей индивидуальности. В любом случае, признаём мы или нет то или иное воздействие, которое оказывается на наше сознание, оно уже растревожено и в известной степени подчинено этим событиям. Особенно сильно это проявляется у лиц с ярко выраженной экстравертной установкой или у тех, кто вынашивает чувство неполноценности и сомнения в своей личной значимости.

Чем дольше сознание пребывает под влиянием предрассудков, ошибок, фантазий и инфантильных желаний, тем больше будет возрастать уже существующая роль невротической диссоциации и вести в итоге к более или менее неестественной жизни, далекой от здоровых инстинктов, природного естества и простоты.

Общая функция снов заключается в попытке восстановить наш психический баланс посредством производства сновидческого материала, который восстанавливает — весьма деликатным образом — целостное психическое равновесие. Я назвал бы это дополнительной (или компенсаторной) ролью снов в нашей психической жизни. Этим объясняется, почему люди с нереальными целями, или слишком высоким мнением о себе, или строящие грандиозные планы, не соответствующие их реальным возможностям, видят во сне полеты и падения. Сон компенсирует личностные недостатки и в то же время предупреждает об опасности неадекватного пути. Если же предупредительные знаки сновидения игнорируются, то может произойти реальный несчастный случай. Жертва может упасть с лестницы или попасть в автомобильную катастрофу.

Вспоминается случай с человеком, запутавшимся в большом количестве сомнительных афер. У него развилась почти болезненная страсть к альпинизму, в виде компенсации. Он все время искал, куда бы «забраться повыше». Однажды ночью во сне он увидел себя шагающим с вершины высокой горы в пустоту. Когда он рассказал свой сон, я сразу же увидел опасность и попытался предупредить ее, убеждая этого человека ограничить свои восхождения. Я даже сказал, что сон предвещает его смерть в горах. Но все было напрасно. Через шесть месяцев он таки шагнул «в пустоту». Горный проводник наблюдал за тем, как он и его друг спускались по веревке в одном трудном месте. Друг обнаружил временную опору для ноги на карнизе, и сновидец последовал за ним вниз. Вдруг он ослабил веревку и, по словам гида, «словно прыгнул в воздух». Он упал на своего друга, оба полетели вниз и разбились.

Другой типичный случай произошел с одной дамой, чрезмерно высоконравственной. Днем она пребывала в надменности и высокомерии, зато по ночам ей виделись сны, наполненные самыми разнообразными непристойностями. Когда я заподозрил их наличие, дама с возмущением отказалась это признать. Но сны меж тем продолжались, и их содержание стало более угро-

жающим и отсылающим к прогулкам, которые эта женщина привыкла совершать по лесу и во время которых она предавалась своим фантазиям. Я усмотрел в этом опасность, но она не прислушалась к моим предостережениям. Вскорости в лесу на нее напал сексуальный маньяк, и только вмешательство людей, услышавших ее крики о помощи, спасло женщину от неминуемого убийства.

Никакой магии в этом нет. Сами сны указывали на то, что эта женщина испытывала тайную страсть к такого рода приключениям, — точно так же, как и альпинист искал выхода из своих трудностей. Разумеется, никто из них не рассчитывал заплатить столь высокую цену: у нее оказались сломанными несколько костей, а он и вовсе расстался с жизнью.

Таким образом, сны могут иногда оповещать о некоторых ситуациях задолго до того, как те произойдут в действительности. И это вовсе не чудо или мистическое предсказание. Многие кризисы в нашей жизни имеют долгую бессознательную историю. Мы проходим ее шаг за шагом, не сознавая опасности, которая накапливается. Но то, что мы сознательно стараемся не замечать, улавливается нашим бессознательным, которое передает информацию в виде снов.

Сны часто предупреждают нас подобным образом, хотя далеко не всегда. Наивным было бы поэтому считать, что существует некая благодетельная рука, которая нас всегда остановит вовремя. Выражаясь определеннее, служба помощи иногда работает, а иногда и нет. Таинственная рука может даже указать дорогу к гибели, иногда сны кажутся ловушками, каковыми и оказываются на самом деле. В таком случае они ведут себя как дельфийский оракул, который предвещал царю, что, перейдя реку Халис, тот разрушит великое царство. Только после того, как этот царь был побежден в битве, выяснилось, что оракул предсказывал крах его собственного царства.

Имея дело со снами, не следует становиться наивными. Они зарождаются в духе, который носит не вполне человеческий характер, а является скорее дыханием природы, — дух прекрас-

ного и благородного, равно как и жестокого божества. Чтобы охарактеризовать этот дух, следует скорее приблизиться к миру древних мифологий или к сказкам первобытного леса, чем к сознанию современного человека. Я вовсе не отрицаю великих достижений, происшедших в результате эволюции общества. Но эти достижения были достигнуты ценой больших потерь, степень которых мы только сейчас начинаем осознавать и оценивать. Отчасти целью моих сравнений между первобытным и цивилизованным состоянием человека является показ баланса этих потерь и приобретений.

Первобытный человек главным образом пользовался своими инстинктами, в отличие от его «рационализированных» современных потомков, научившихся себя «контролировать». В процессе цивилизации мы всё более отделяли наше сознание от глубинных инстинктивных слоев психического и в конечном счете от соматической основы психических явлений. К счастью, мы не утратили эти основные инстинктивные слои; они остались частью бессознательного, хотя и могут выражать себя лишь в форме образов сна. Эти инстинктивные явления — их, между прочим, не всегда можно признать за таковые, поскольку они носят символический характер, — играют жизненно важную роль в том, что я назвал компенсаторной функцией снов.

Для сохранения постоянства разума и, если угодно, физиологического здоровья, бессознательное и сознание должны быть связаны самым тесным образом, двигаться параллельными путями. Если же они расщеплены или «диссоциированы», наступает психологическая нестабильность. В этом отношении символы сна — важные посланники от инстинктивной к рациональной составляющей человеческого разума, и их интерпретация обогащает нищету сознания, так как она учит его снова понимать забытый язык инстинктов.

Конечно, люди склонны сомневаться в подобной функции снов, поскольку символы зачастую проходят незамеченными или непонятыми. В обычной жизни толкование снов рассматривается как ненужное занятие. Это можно проиллюстрировать

моими исследованиями первобытного племени в Восточной Африке. К моему удивлению, в результате терпеливых, настойчивых бесед с представителями этого племени я убедился, что они так же, как и все, видят сны, однако они убеждены, их сны никакого смысла не имеют. «Сны обычного человека ничего не значат», — говорили они. Они считали, что только сны вождей и знахарей могут что-то означать; от этих людей зависит благосостояние племени, соответственно, и их сны получали определенный статус. Правда, и здесь возникла трудность — вождь и знахарь заявили, что в настоящее время у них осмысленных снов нет. Момент утраты они относили ко времени, когда англичане пришли в их страну. Теперь миссию «великих снов» взял на себя окружной комиссар, английский чиновник, ведающий их делами, — его «сны и направляют» поведение племени.

Когда туземцы признали, что видят сны, но считают их ничего не значащими, они походили на современных людей, которые убеждены, что сон — полная глупость, поскольку они в нем ничего не поняли. Но даже цивилизованный человек в состоянии заметить, что сон (даже который он может забыть) способен изменить его поведение в лучшую или худшую сторону. Сон в таком случае оказывается «воспринятым», но лишь на подсознательном уровне. Обычно так и происходит. Только в очень редких случаях, когда сон особенно впечатляющ или повторяется с определенной регулярностью, большинство считает его разгадку необходимой.

Здесь следует сделать предупреждение относительно невежественного или некомпетентного анализа снов. Существуют люди, чье психическое состояние настолько нестабильно, что расшифровка их снов может оказаться крайне рискованной; в таких случаях слишком одностороннее сознание отрезано от соответствующего иррационального или «безумного» бессознательного, и их не должно сводить вместе без соответствующей подготовки.

В более широком смысле было бы большой глупостью допустить, что в мире наличествует готовый систематический

толкователь снов, при покупке которого можно объяснить значение любого сновидения. Ни один символ сна не может быть рассмотрен отдельно от человека, этот сон видевшего. Каждый человек настолько отличается в выборе путей, которыми его бессознательное дополняет или компенсирует сознание, что совершенно невозможно быть уверенным, что сны и их символика могут быть хоть как-то классифицированы.

Правда, есть сны и отдельные символы (я бы предпочел назвать их «мотивами»), достаточно типичные и часто встречающиеся. Среди таких мотивов наиболее часты падения, полет, преследование хищными зверями или врагами, появление в публичных местах в голом или полуголом виде или в нелепой одежде, состояние спешки или потерянности в неорганизованной толпе, сражение в безоружном состоянии или с негодным оружием, изматывающее убегание в никуда. Типичным инфантильным мотивом является сон с вырастанием до неопределенно больших размеров, или уменьшением до неопределенно малых, или переходом одного в другое — что мы встречаем, к примеру, у Льюиса Кэрролла в «Алисе в Стране чудес». Но следует подчеркнуть, что эти мотивы необходимо рассматривать в контексте всего сна, а не в качестве самообъясняющих шифров.

Повторяющийся сон — явление особое. Есть случаи, когда люди видят один и тот же сон с раннего детства до глубокой старости. Сон такого рода является попыткой компенсировать какой-либо отдельный дефект в отношении сновидца к жизни, или же он может возникнуть как результат некой травмы, душевной или физической. Иногда такой сон может предупреждать о каком-то важном событии в будущем.

Несколько лет подряд я сам видел один и тот же сон, в нем я «открывал» в своем доме жилые пространства, о существовании которых и не подозревал. Иногда это были комнаты, в которых жили мои давно умершие родители, отец, к моему удивлению, оборудовал здесь лабораторию и изучал сравнительную анатомию рыб, а мать держала отель для посетителей-призраков. Как правило, это неведомое мне доселе и, однако, унаследованное

мною гостевое крыло представляло древнюю историческую постройку. Внутри находилась интересная антикварная мебель, и ближе к концу этой серии снов я находил старую библиотеку с неизвестными книгами. В конце концов, в последнем сне, я раскрыл одну из книг и обнаружил там изобилие прекрасно выполненных символических рисунков. Я проснулся с бьющимся от возбуждения сердцем.

Несколько раньше, до того как я увидел этот заключительный сон из серии, я заказал букинисту одну из классических компиляций средневековых алхимиков. Просматривая литературу, я обнаружил цитату, имевшую, как я думал, связь с ранней византийской алхимией, и пожелал проверить ее. Спустя несколько недель после того, как я увидел во сне неизвестную книгу, пришел пакет от книготорговца. В нем находился пергаментный том, датированный XVI веком. Он был иллюстрирован очаровательными символическими рисунками, которые сразу же напомнили мне рисунки из сна. Таким образом, в моем сне довольно легко прочитывается мотив переоткрытия принципов алхимии, являющихся важной частью моей работы в области психологии. Сам дом являл символ моей личности и область ее сознательных интересов, а неизвестная пристройка представляла собой предвосхищение новой области интересов и поисков, о которых сознание в тот момент ничего не ведало. Больше этого сна — а прошло свыше тридцати лет — я никогда не видел.

Анализ снов

Я начал эту работу с определения разницы между знаком и символом. Знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл. Символы к тому же имеют естественное и спонтанное происхождение. Ни один гений не садился за перо или кисть, приговаривая: «Вот сейчас я изобрету символ». Ни один человек не может взять более или менее рациональную мысль, к которой он пришел путем логических умозаключений, и придать ей «символическую» форму. Неважно, какую фантастическую оснастку можно нацепить на идею, она все равно остается знаком, связанным с сознательной мыслью, стоящей за ним, но не символом, намекающим на нечто еще неизвестное.

Во снах символы возникают спонтанно, поскольку сны случаются, а не изобретаются; следовательно, они являются главным источником нашего знания о символизме.

Однако следует отметить, что символы встречаются не только во снах, но и в самых разнообразных психических проявлениях. Существуют символические мысли и чувства, символические поступки и ситуации. Порой кажется, что даже неодушевленные предметы сотрудничают с бессознательным по части образования символических образов. Таковы многочисленные случаи, достоверность которых не вызывает сомнения, остановки часов в момент смерти их владельца. В качестве примера можно привести маятниковые часы Фридриха Великого в Сан-Суси, они остановились, когда император умер. Другие распространенные случаи — зеркала, дающие трещину, картины, падающие в момент смерти, или незначительные, но необъяснимые поломки в доме, в котором кто-то из обитателей пережи-

вает эмоциональный кризис. Даже если скептики отказываются верить таким сообщениям, истории подобного рода все равно возникают и множатся, и уже одно это должно послужить доказательством их психологической значимости.

Существуют символы, являющиеся по своей природе и происхождению не индивидуальными, а коллективными. Главным образом это религиозные образы. Верующий человек полагает, что эти образы имеют божественное происхождение, что они ниспосланы через откровения. Скептик заявляет, что они попросту придуманы. Не прав ни тот, ни другой. Скептик верно замечает, что религиозные символы и понятия в течение многих веков подвергались самому тщательному и вполне осознанному усовершенствованию. Равно справедливо утверждение верующего о том, что происхождение этих символов столь глубоко погребено в тайнах прошлого, что кажется очевидным их нечеловеческое происхождение. На самом же деле они суть «коллективные представления», берущие свое начало в первобытных снах и творческих фантазиях. Как таковые, эти образы представляют собой спонтанные проявления, а не преднамеренные изобретения.

В дальнейшем я постараюсь показать, что это обстоятельство имеет прямое и важное отношение к толкованию сновидений. Если вы считаете сон символическим, то, очевидно, будете интерпретировать его иначе, чем человек, верящий, что энергия мысли или эмоции известна заранее и лишь «переодета» сном. В таком случае толкование сна почти не имеет смысла, поскольку вы обнаруживаете лишь то, что было известно заранее.

Вот почему я всегда повторял ученикам: «Узнайте всё, что можно, о символизме, но забудьте всё, что вам известно, когда интерпретируете сон». Этот совет важен практически, и я взял за правило напоминать себе, что я никогда не смогу понять чей-либо сон настолько хорошо, чтобы истолковать его правильно. Я делаю это, чтобы проверить поток своих собственных ассоциаций и реакций, которые могут начать преобладать над неясной смутой и колебаниями пациента. Поскольку аналитику

наиболее важно воспринять как можно более точно специфический смысл (т. е. вклад, который бессознательное приносит в сознание), ему необходимо исследовать сон весьма тщательно.

Когда я работал с Фрейдом, мне приснился сон, который может это проиллюстрировать. Снилось мне, что я дома, на втором этаже, в уютной гостиной, меблированной в стиле XVIII века. Я удивлен, потому что раньше никогда этой комнаты не видел, и мне интересно, на что похож первый этаж. Я спускаюсь вниз и обнаруживаю, что там довольно-таки темно, а само помещение украшено стенными панелями и мебелью XVI века, а возможно, и более старой. Мои удивление и любопытство нарастают. Я хочу увидеть, как устроен весь дом. Спускаюсь в подвал, нахожу дверь, за ней каменную лестницу, ведущую в большую подвальную комнату. Пол выстлан большими каменными плитами, стены выглядят совсем древними. Я исследую известковый раствор и нахожу, что он смешан с битым кирпичом. Очевидно, стены относятся к эпохе Римской империи. Мое возбуждение нарастает. В углу в каменной плите я вижу железное кольцо. Вытягиваю плиту вверх — передо мной еще один узкий марш лестницы, ведущей вниз, в какую-то пещеру, кажущуюся доисторической могилой. На дне ее лежат два черепа, несколько костей и немного битой керамики. Тут я просыпаюсь.

Если бы Фрейд при анализе этого сна следовал моему методу изучения специфических ассоциаций и контекста сна, то услышал бы очень длинную историю. Но боюсь, он отверг бы ее как попытку уйти от проблемы, которая в действительности была его собственной. Фактически сон представлял историю моей жизни, а точнее — моего ума. Я вырос в доме, возраст которого составлял двести лет, мебель была трехсотлетней давности, и к тому моменту моим важным духовным достижением было изучение философии Канта и Шопенгауэра. Величайшей новостью являлись труды Чарльза Дарвина. Незадолго до этого я все еще жил со средневековыми представлениями моих родителей, у которых мир и люди управлялись божественным всемогуществом и провидением.

Теперь же этот взгляд ушел в прошлое. Мое христианство сделалось весьма относительным после встречи с восточными религиями и греческой философией. По этой причине на первом этаже все выглядело таким темным, тихим и ненаселенным.

Тогдашние мои исторические интересы развились на основе первоначальных занятий сравнительной анатомией и палеонтологией во время работы ассистентом в Анатомическом институте. Меня увлекли находки ископаемых людей, в частности много обсуждавшегося неандертальца, а также весьма сомнительного черепа питекантропа Дюбуа[2]. Фактически это и были мои реальные ассоциации во сне, но я не осмелился упомянуть о черепах, скелетах и костях Фрейду, потому что знал, эту тему лучше не затрагивать. Фрейда не покидала мысль, будто я предчувствую его раннюю смерть. Он сделал этот вывод из того, что я выказал явный интерес к мумифицированным трупам, обнаруженным в так называемом местечке Блейкеллер, в Бремене, который мы вместе посетили в 1909 году[3], по пути на корабль, отправлявшийся в Америку.

Поэтому я и не захотел делиться с ним своими соображениями, особенно после столь поразившего меня случая, обнаружившего почти непреодолимую пропасть между нашими взглядами. Я не хотел терять его расположение и дружбу, раскрывая свой внутренний мир, который, как я полагал, показался бы ему довольно странным. Чувствуя себя весьма неуверенно, я почти автоматически солгал ему насчет «свободных ассоциаций»,

---

[2] Питекантроп Дюбуа (от греч. Pithekos — обезъяна и anthro-pos — человек) — представитель группы древнейших людей-ар-хантропов, костные останки которого найдены на острове Ява. Впервые скелетные останки питекантропа были открыты в 1890— 1892 годах голландским ученым Эженом Дюбуа.

3 В начале XX века в ряде районов Северной Германии, в частности в местечке Блейкеллер, были обнаружены так называемые болотные трупы. Это были останки доисторических людей, либо утонувших в тамошних болотах, либо похороненных там. Местная болотная вода содержит гуминовую кислоту, растворившую кости и одновременно задубившую кожу, в результате чего кожа, а также волосы прекрасно сохранились. Произошел процесс естественной мумификации. Об этих находках и упоминает Юнг.

дабы избежать трудностей при растолковывании моего очень личного и столь ни на что не похожего внутреннего устройства.

Следует извиниться за этот довольно длинный рассказ о щекотливом положении, в которое я попал, рассказав Фрейду свой сон. Но это хороший пример тех трудностей, с которыми сталкивается всякий, кто занимается реальным анализом снов. Многое зависит от разницы в типе личности аналитика и анализируемого.

Вскоре я понял, что Фрейд ищет в моем сне какое-нибудь недопустимое желание. Тогда, чтобы убедиться в собственной правоте, я предположил, что черепа, которые я видел, могли относиться к некоторым членам моей семьи, чьей смерти по каким-либо причинам я мог желать. Идея была встречена с одобрением, но я не удовлетворился этим, по сути, ложным ходом.

Пока я попытался найти подходящие ответы на вопросы Фрейда, меня вдруг осенила мысль о роли субъективного фактора в психологическом процессе понимания. Мое прозрение было столь ошеломляющим, что я решил поскорее закончить со всей этой путаницей и не придумал ничего лучшего, как попросту солгать. Моральные соображения уступили перед угрозой крупной ссоры с Фрейдом, чего я совершенно не желал по множеству причин.

Суть прозрения же состояла в понимании, что мой сон вносит смысл в меня самого, в мою жизнь и в мой мир, вопреки теоретическим построениям иного, внешнего разума, сконструированного согласно собственным целям и задачам. Это был мой сон, а не сон Фрейда, и внезапно я вдруг постиг его значение.

Приведенный пример иллюстрирует главное в анализе снов. Сам анализ не столько техника, которую можно выучить, а затем применять согласно правилам, сколько диалектический многосоставной обмен между двумя личностями. Если его проводить механически, то индивидуальная психическая личность теряется и терапевтическая проблема сводится к простому вопросу: чья воля будет доминировать — пациента или аналитика? По этой же причине я прекратил практику гипноза, поскольку

не желал навязывать свою волю другим. Мне хотелось, чтобы исцеление исходило из личности самого пациента, а не путем моих внушений, которые могли иметь лишь преходящее значение. Я стремился защитить и сохранить достоинство и свободу своих пациентов, так чтобы они могли жить в соответствии с собственными желаниями. В эпизоде с Фрейдом мне впервые стало ясно, что, прежде чем строить общие теории о Человеке и его душе, мы должны больше узнать о реальном человеке, с которым в настоящий момент имеем дело.

Индивид — это единственная реальность. Чем дальше мы уходим от него к абстрактным идеям относительно хомо сапиенса, тем чаще допускаем ошибки. В наше время социальных переворотов и быстрых общественных изменений об отдельном человеке необходимо знать много больше, чем знаем мы, так как очень многое зависит от его умственных и моральных качеств. Но если мы хотим видеть явления в правильной перспективе, нам необходимо понять прошлое человека так же, как и его настоящее. По этой причине понимание мифов и символов имеет существенное значение.

Проблема типов

Во всех областях науки нормальным явлением считается проверка любых гипотез на безличных объектах. В психологии, однако, мы неизбежно сталкиваемся с отношениями между индивидами, ни один из которых не может быть лишен своего личностного начала или как угодно деперсонализирован. Аналитик и пациент могут договориться обсуждать избранную проблему в безличной и объективной манере; но стоит им включиться в дело, их личности тотчас же выходят на сцену. И дальнейший прогресс здесь возможен лишь в том случае, если взаимное согласие достижимо.

Каким же образом мы можем прийти к некоему объективному суждению о конечном результате? Только если сумеем сравнить наши выводы со стандартами, принятыми в социальной среде, к которой принадлежат индивиды. Но даже и тогда мы должны были бы принимать во внимание психическую уравновешенность (или здоровье) этих индивидов. Ведь результат не может быть полностью коллективным, поскольку для этого нужно было бы нивелировать личность индивида, подогнать ее под «нормы» общества. А это почти невероятно. Здоровое и нормальное общество таково, что в нем люди очень редко соглашаются друг с другом, — общее согласие вообще довольно редкое явление за пределами инстинктивных человеческих качеств.

Несогласованность функций служит двигателем общественной жизни, но не это ее цель, — согласие в равной степени важно. Поскольку психология в основном зависит от баланса оппозиций, то никакое суждение не может быть сочтено окончательным, пока не принята во внимание его обратимость. Причина этого кроется в следующем: ни в рамках самой психологии, ни

за ее пределами не существует точки отсчета для суждения о том, что такое психика.

Несмотря на то что сны требуют индивидуального подхода, некоторые обобщения необходимы, чтобы помочь разъяснить и классифицировать материал, который собирается психологом при изучении многих индивидов. Очевидно, невозможно сформулировать какую-либо психологическую теорию или обучить ей, описывая большое количество отдельных случаев без какой-либо попытки увидеть, что они имеют между собой общего и в чем различны. В основу могут быть положены любые общие характеристики. Можно, например, довольно просто различать экстравертов и интровертов.

Это всего лишь одно из многих обобщений, но уже оно позволяет воочию увидеть трудности, которые возникают, если аналитик и пациент принадлежат к разным психологичесим типам.

Так как любой достаточно глубокий анализ снов ведет к конфронтации двух индивидов, то очевидно, что большое значение будет иметь принадлежность индивидов к определенному типу установки. Принадлежа к одному типу, они достаточно долго и счастливо могут «плыть» вместе. Но если один из них экстраверт, а другой — интроверт, их различные и противоречивые точки зрения могут столкнуться в любой момент, в особенности, если они пребывают в неведении относительно своего типа личности или убеждены, что их тип самый правильный (или единственно правильный). Экстраверт, например, будет выбирать точку зрения большинства, интроверт отвергнет ее, сочтя данью моде. Такое взаимонепонимание возникает весьма легко, поскольку ценности одного не являются таковыми для другого. Фрейд, например, рассматривал интровертность как болезненную обращенность индивида на себя. Но самонаблюдение и самопознание могут в равной степени быть ценнейшими и важными качествами личности.

Жизненно необходимо при истолковании сновидений принимать во внимание подобную разницу в типах личности. Не следует полагать, что аналитик — некий сверхчеловек, облада-

ющий истиной вне этих различий лишь потому, что он доктор, постигший психологическую науку и соответствующую технику исцеления. Он может воображать себя высшим существом лишь в той степени, в какой полагает абсолютно истинными свою науку и технику. Поскольку подобное более чем сомнительно, то никакой стопроцентной уверенности у него быть не может. Соответственно, аналитика всегда будут одолевать тайные сомнения, имеет ли он дело с человеческой целостностью пациента, открытой им при помощи заученных теорий и методик (которые, в сущности, являются не чем иным, как гипотезой или попыткой ее создать), или же со своей собственной целостностью.

Целостная личность аналитика — единственный адекватный эквивалент личности его пациента. Психологический опыт и знание дают аналитику небольшое преимущество, но они не спасут его от сражения, в котором он будет испытан так же, как и его пациент. Окажутся ли их личности конфликтными, гармоничными или взаимодополняющими, — вот что существенно в данном случае.

Экстраверсия и интроверсия — всего лишь две из многих особенностей человеческого поведения. Но именно они довольно часто узнаваемы и очевидны. Изучая индивидов-экстравертов, например, довольно скоро можно обнаружить, что они во многих отношениях отличаются друг от друга, и экстравертность оказывается слишком поверхностной и общей характеристикой. Вот почему уже давно я пытаюсь найти другие характеристики, которые могли бы служить целям упорядочения явно безграничных колебаний человеческой индивидуальности.

Меня всегда впечатлял тот факт, что существует удивительное число людей, которые никогда не включают свой мозг, если этого можно избежать, и одинаковое с ними количество людей, которые непременно воспользуются его помощью, но поразительно глупым образом. Столь же удивительным для меня было обнаружить достаточно много образованных и широко мыслящих людей, которые жили, словно не умея пользоваться своими

органами чувств (насколько это можно заметить). Они не замечали вещей перед своими глазами, не слышали слов, звучавших у них в ушах, не замечали предметов, которые трогали или пробовали на вкус. Иные жили, не осознавая собственного тела.

Были и другие, те, что пребывали в странном состоянии ума: мир для них словно застыл, словно его «сегодня» являлось окончательным, постоянным и не предполагало никаких перемен. Казалось, они были вовсе лишены воображения и всецело зависели от непосредственного восприятия. В их мире отсутствовала вера в случай или допущение каких-либо возможностей, в их «сегодня» не было ни атома «завтра». Будущее для них представляло собой простое повторение прошлого.

Я пытаюсь дать здесь эскиз первых впечатлений, когда я начал изучать тех людей, которых встречал. Очень скоро мне стало ясно, что те, кто пользовался разумом, были теми, кто думал, т. е. применял свои интеллектуальные способности, пытаясь адаптировать себя к людям и обстоятельствам. Но равно интеллигентными оказались и те люди, которые не думали, а отыскивали и находили свой путь с помощью чувств.

«Чувство» — это слово, которое нуждается в некотором пояснении. К примеру, кто-то говорит о чувстве, имея в виду «переживание» (соответствует французскому «sentiment»). Но его также можно использовать и для выражения мнения; к примеру, сообщение из Белого Дома может начинаться: «Президент чувствует...» Это слово может использоваться и для выражения интуиции: «У меня такое чувство, что...»

Когда я пользуюсь словом «чувство» в противовес слову «мысль», то имею в виду суждение о ценности, например: приятно или неприятно, хорошо или плохо и т. д. Чувство, согласно этому определению, не является эмоцией (последнее (emotion), следуя этимологии, значит «движение, непроизвольно»). Чувство, как я это понимаю (подобно мышлению), рациональная (т. е. управляющая) функция, в то время как интуиция есть иррациональная (т. е. воспринимающая) функция. В той степени, в какой интуиция есть «предчувствие», она не является результа-

том намеренного действия, это скорее непроизвольное событие, зависящее от различных внутренних и внешних обстоятельств, но не акт суждения. Интуиция более схожа с ощущением, являющимся также иррациональным событием постольку, поскольку оно существенно зависит от объективного стимула, который обязан своим существованием физическим, а не умственным причинам.

Эти четыре функциональных типа соответствуют очевидным средствам, благодаря которым сознание получает свою ориентацию в опыте. Ощущение (т. е. восприятие органами чувств) говорит нам, что нечто существует; мышление говорит, что это такое; чувство отвечает, благоприятно это или нет, а интуиция оповещает нас, откуда это возникло и куда уйдет.

Читатель должен понять, что эти четыре типа человеческого поведения — просто четыре точки отсчета среди многих других, таких как воля, темперамент, воображение, память и т. д. В отношении названных нет ничего догматического, раз и навсегда усвоенного, они рекомендуются лишь в качестве возможных критериев для классификации. Я считаю их особенно полезными, когда пытаюсь объяснить детям их родителей, женам — их мужей и наоборот. Они также полезны для понимания наших собственных предрассудков.

Так что, если вы хотите понять сон другого человека, вы должны пожертвовать своими пристрастиями и подавить свои предрассудки. Это не так легко или удобно, поскольку требует морального усилия, которое не каждому по вкусу. Но если аналитик не сделает определенного усилия и не подвергнет критике свою точку отсчета, признавая ее относительность, он никогда не соберет верной информации и не углубится достаточно полно в сознание пациента. Аналитик ожидает, по крайней мере, от пациента некоторого желания выслушать его мнение и принять его всерьез, но и пациенту должно быть гарантировано такое же право. Хотя подобные отношения обязательны для любого понимания и, следовательно, самоочевидны, приходится напоминать об этом всякий раз, — в терапии понимание пациента

важнее теоретических ожиданий аналитика. Сопротивление пациента толкованию аналитика не обязательно ощибочно по сути своей, скорее это верный признак того, что что-то не «стыкуется». Либо пациент еще не достиг точки понимания, либо не подходят интерпретации.

При расшифровке символов сна другого человека нам довольно часто мешает наша привычка заполнять неизбежные пробелы в понимании проекциями собственных мыслей и чувств, как будто то, что ощущает и думает аналитик, соответствует мыслям и чувствам пациента. Дабы преодолеть этот источник ошибок, я всегда настаивал на важности строгого ограничения контекстом самого сна и на исключении всех теоретических предположений относительно снов вообще, за исключением гипотезы, что сны содержат некий смысл.

Из всего того, что я сказал, должно быть ясно, что не существует общих правил для толкования сновидений. Когда ранее я предположил, что всеобщая функция снов заключается в компенсации недостатков и искажении сознания, то подразумевал при этом многообещающий подход к природе отдельных сновидений, открывающийся при подобного рода предположении. В некоторых случаях эта функция проявляется довольно отчетливо.

Один из моих пациентов был весьма высокого мнения о себе, не догадываясь при этом, что почти каждый, кто его знал, раздражался этим видом его морального превосходства. Он пришел ко мне со сновидением, в котором ему представлялся пьяный бродяга, валявшийся в канаве, — зрелище, побудившее его лишний раз произнести снисходительное замечание: «Грустно видеть, как низко может пасть человек». Очевидно, неприятный сон по крайней мере отчасти являлся попыткой компенсировать его преувеличенное мнение о своих собственных способностях. Но было в этом сне и нечто большее. Оказалось, что у пациента был брат, опустившийся алкоголик. Сон обнаружил, что завышенная самооценка компенсировала наличие такого брата, как реально существующего, так и внутреннего образа.

В другом случае я вспоминаю женщину, гордившуюся своим знанием психологии, которой периодически снилась другая женщина. Когда она встретила ее наяву в повседневной жизни, то та ей не понравилась, показалась суетной и нечестной интриганкой. Тем не менее в снах она являлась дружелюбной и милой, почти как сестра. Моя пациентка не могла понять, почему во сне человека, которого в жизни явно не любит, она видит в таком благоприятном виде. Эти сны были способом донести до нее мысль о том, что ей самой присущи некоторые «теневые», бессознательные черты, схожие с женщиной из сна. Пациентке было трудно признать это, поскольку у нее имелись весьма четкие представления о своей личности, а здесь требовалось осознать, что сон рассказывает о ее собственном комплексе власти и скрытых мотивах — бессознательных влечениях, не раз приводивших ее к неприятным ссорам с друзьями. Ссорам, в которых она всегда винила других, а не себя.

Но не только «теневую» сторону нашей личности мы не замечаем, игнорируем и подавляем. Мы проделываем то же самое и с нашими положительными качествами. В качестве примера вспоминается один весьма скромный, легко смущающийся молодой человек с приятными манерами. В обществе он всегда был на вторых ролях, но раз за разом настойчиво и деликатно добивался приглашения на вечер. Задав ему вопрос, в ответ вы услышали бы вполне компетентное суждение, впрочем, он никогда не навязывал своего мнения. Иногда он, правда, намекал, что тот или иной вопрос можно было бы рассматривать и на другом, более высоком уровне (хотя никогда не объяснял как).

В своих снах, однако, он постоянно сталкивался с великими историческими фигурами, такими как Наполеон или Александр Македонский. Эти сны явно компенсировали его комплекс неполноценности. Но они подразумевали и нечто другое. Кто же я таков, спрашивал сон, если у меня такие знаменитые гости? В этом смысле сон указывал на скрытую мегаломанию, компенсировавшую чувство неполноценности. Бессознательная идея величия изолировала его в реальности от окружающих людей

и позволяла пребывать вне обязательств, неукоснительных для других. Он не ощущал необходимости доказывать — самому себе или другим, — что его высокое суждение зиждется на высоком достоинстве.

Бессознательно он играл в нездоровую игру, о чем его пытались поставить в известность его же сны, причем весьма двусмысленным образом. Панибратское общение с Наполеоном и беседы с Александром Македонским как раз относятся к числу фантазий, развивающихся при комплексе неполноценности. Но вы спросите, почему же сон не сделал это прямым образом и не высказал открыто то, что следовало сказать, а прибег к двусмысленности?

Мне часто задавали этот вопрос, об этом же спрашивал себя и я сам. Порой я поражался, каким мучительным способом сны стремятся избежать определенной информации или опустить решающий момент. Фрейд предположил наличие специальной психической функции, которую назвал «цензором». Цензор, считал он, искажает образы сна, делает их неузнаваемыми или вводящими в заблуждение, с тем чтобы обмануть спящее сознание относительно действительного содержания сна. Скрывая неприятную мысль от спящего, «цензор» защищает его сон от шока нежелательных реминисценций. Но я отношусь к этой идее скептически, — сновидение вовсе не охраняет сон как процесс; сновидения равным образом могут нарушить сон.

Скорее дело в том, что приближение к сознанию оказывает «стирающее» воздействие на подпороговое содержание психики. Подпороговое состояние удерживает идеи и образы на более низком уровне напряжения, чем они имеют его в сознании. В подпороговом состоянии они теряют четкость определенности, отношения между ними становятся менее последовательными, более «неизъяснимыми». Во всех состояниях, близких ко сну, связанных с усталостью, болезнью или интоксикацией, можно увидеть то же самое. Но если происходит нечто, придающее этим образам большее напряжение, они по мере приближения к порогу сознания становятся более определенными.

Отсюда можно понять, почему сны зачастую выражают себя аналогиями, почему образы снов переходят один в другой и почему неприменимыми к ним становятся логика и временные масштабы повседневной жизни. Форма, которую принимают сны, естественна для бессознательного, потому что материал, из которого они сотканы, наличествует в подпороговом состоянии именно в таком виде. Сны не охраняют спящих от того, что Фрейд назвал «несовместимым желанием». То, что он считал «маскировкой», есть по существу форма, которую в бессознательном приобретают все импульсы. Поэтому сон не может продуцировать определенную мысль; если он начинает это делать, он перестает быть сном, поскольку при этом пересекается порог сознания. Вот почему сны упускают те самые моменты, которые наиболее важны для сознающего разума и скорее манифестируют «край сознания» аналогично слабому блеску звезд во время полного затмения солнца.

Мы должны понять, что символы сна являются по большей части проявлениями той сферы психического, которая находится вне контроля сознательного разума. Смысл и целенаправленность не есть прерогативы разума, они действуют во всяком живом организме. Нет принципиальной разницы между органическим и психическим развитием. Так же как растение приносит цветы, психическое рождает свои символы. Любой сон свидетельствует об этом.

Таким образом, с помощью снов (наряду с интуицией, импульсами и другими спонтанными событиями) инстинктивные силы влияют на активность сознания. Благостно или дурно это влияние, зависит от содержания бессознательного. Если оно содержит слишком много того, что в норме должно быть осознано, то бессознательное искажается, делается предвзятым, возникают мотивы, основанные не на инстинктах, но обязанные своим появлением и психологическим значением тому факту, что оказались в бессознательном в результате вытеснения или недосмотра. Они накладываются на нормальную бессознательную психику и искажают ее естественную тенденцию выражать

основные символы и мотивы. Поэтому для психоаналитика, интересующегося причинами душевного беспокойства, разумно начать с более или менее добровольной исповеди пациента, начать с осознания всего того, что пациент любит, а что — нет, чего он боится.

Эта процедура весьма схожа с церковной исповедью, во многих отношениях предвосхитившей современную психологическую технику. По крайней мере, ее общее правило. На практике, однако, порой приходится действовать и другим способом; непреодолимое чувство неполноценности или слабости могут сделать для пациента трудным и даже невозможным взглянуть в лицо новому свидетельству собственной неадекватности. Поэтому частенько я нахожу полезным начинать беседу с пациентом с ободряющих положительных интонаций, это помогает обрести чувство уверенности, когда он приближается к болезненным откровениям.

Возьмем в качестве примера сон с «личностной экзальтацией», в котором, скажем, некто пьет чай с английской королевой или оказывается в дружеских отношениях с Римским Папой. Если сновидец не шизофреник, практическое толкование символа во многом зависит от состояния его рассудка или положения эго. Если сновидец переоценивает свою значимость, то легко показать (из материала, произведенного ассоциацией идеи), насколько несоответственны и инфантильны намерения сновидца, а также в какой степени они исходят из детских желаний быть равным или превзойти своих родителей. Но в случае неполноценности, когда всепо-давляющее чувство собственной незначимости уже преодолело всякий положительный аспект личности сновидца, было бы совершенно неправильным подавлять его еще больше, показывая, насколько он инфантилен, смешон или даже извращен. Это безжалостно увеличит его неполноценность и окажется причиной недружелюбного и совершенно ненужного сопротивления при лечении.

Не существует терапевтической техники или теории для общего пользования, ибо каждый случай является уникальным и

совершенно специфическим. Я помню пациента, которого лечил свыше девяти лет. Год за годом я видел его лишь в течение нескольких недель, поскольку он жил за границей. С самого начала я знал его подлинную беду, но видел и то, что малейшая попытка приблизиться к проблеме встречала жесткое сопротивление, угрожавшее полному разрыву наших отношений. Хотел я того или нет, но я был вынужден идти на все издержки, чтобы поддерживать наши отношения и следовать линии поведения, которая диктовалась его снами и которая уводила наши обсуждения прочь от истоков его невроза. Мы отклонялись столь далеко, что я даже начинал винить себя в том, что ввожу его в заблуждение. И лишь то обстоятельство, что состояние его стало понемногу улучшаться, удержало меня от решительного шага по выяснению всей правды.

На десятом году, однако, сам пациент заявил, что он вылечился и освободился от всех своих симптомов. Я удивился, потому что теоретически он был неизлечим. Заметив мое удивление, он улыбнулся и сказал (буквально) следующее: «И прежде всего я хотел бы поблагодарить вас за неизменный такт и терпение, с которыми вы помогли мне обойти болезненную причину моего невроза. Теперь я готов рассказать вам все. Если бы я мог свободно говорить об этом тогда, то рассказал бы вам все на первой же консультации. Но это разрушило бы мой контакт с вами. И к чему бы это привело? Я бы обанкротился морально. В течение десяти лет я научился доверять вам, и поскольку мое доверие выросло, то и состояние улучшилось. Мне стало лучше, потому что этот медленный процесс восстановил веру в себя. Теперь я могу обсуждать проблему, которая так долго меня мучила».

Затем он с поразительной искренностью поведал о всех своих терзаниях, которые объяснили и причины такого специфического хода лечения. Первоначальный шок оказался настолько сильным, что в одиночку ему невозможно было с ним справиться. Он нуждался в помощи другого, и собственно терапевтическая задача заключалась в неторопливом утверждении доверия более, чем в демонстрации клинической теории. Благодаря подоб-

ным случаям я научился применять свои методы к конкретным пациентам, а не пускаться в общие теоретические рассуждения, которые могли оказаться неприложимыми в каждом конкретном случае. Знание человеческой природы, которое я накопил в течение шестидесяти лет практики, научило меня рассматривать каждый случай как совершенно новый, требующий прежде всего поиска индивидуального подхода. Иногда без колебаний я погружаюсь в тщательное изучение событий и фантазий детства; в других случаях начинаю с верхнего этажа, даже если это значило бы парение в отвлеченных метафизических рассуждениях. Все зависит от постижения индивидуального языка пациента в процессе следования наощупь за его бессознательным к свету. Одни случаи требуют одного пути, другие — иного.

Это в особенности верно, когда пытаешься интерпретировать символы. Два разных человека могут видеть почти одинаковый сон. (Это, как показывает клинический опыт, не такая уж необычная вещь, как принято думать). Однако, если один из сновидцев молод, а другой стар, проблемы, обеспокоившие их, соответственно, разные, и было бы нелепо толковать оба сна одним и тем же образом.

В голову приходит следующий пример сна: группа молодых людей скачет верхом по широкому полю. Спящий возглавляет движение и прыгает через канаву, наполненную водой, тем самым оправдывая свое назначение. Остальные же падают в канаву. Молодой человек, рассказавший мне этот сон, принадлежал к интроверт-ному, предусмотрительному типу людей. Весьма похожий сон позже я слышал также от пожилого человека отважного характера, ведшего активную предприимчивую жизнь. К моменту, когда он увидел этот сон, он был инвалидом, доставлявшим массу хлопот своему врачу и сестрам. Бедняга действительно вредил самому себе, не выполняя медицинские предписания.

Было ясно: сон рассказывал молодому человеку, что ему следует делать. Старику же он говорил, что в действительности он до сих пор делал. Сон ободрял колеблющегося молодого че-

ловека, старик же в таком ободрении вовсе не нуждался. Дух предприимчивости, который все еще мерцал в нем, фактически и был его главной бедой. Этот пример показывает, каким образом истолкование снов и символов во многом зависит от индивидуальных обстоятельств человека-сновидца и состояния его разума.

Архетип в символизме сна

Я уже предположил, что сны служат целям компенсации. Это означает, что сон — нормальное психическое явление, передающее бессознательные реакции или спонтанные импульсы сознанию. Многие сны могут быть истолкованы с помощью самого сновидца, поскольку он может дать ассоциации к образам сна и их контекст, с помощью которых можно обозреть все аспекты сновидения.

Этот метод пригоден во всех обыденных случаях, когда родственник, приятель или пациент рассказывают вам свой сон в ходе обычного разговора. Но когда дело касается навязчивого сновидения или снов с повышенной эмоциональной окраской, то личных ассоциаций обычно бывает недостаточно для удовлетворительного толкования. В таких случаях мы должны принять во внимание тот факт (впервые наблюдавшийся и прокомментированный Фрейдом), что зачастую наблюдаемые в снах элементы могут оказаться вовсе не индивидуальными и невыводимыми из личного опыта сновидца. Эти элементы, как я уже упоминал ранее, Фрейд называл «архаическими остатками» — ментальными формами, присутствие которых не объясняется собственной жизнью индивида, а следует из первобытных, врожденных и унаследованных источников человеческого разума.

Человеческое тело представляет собой целый музей органов, каждый из которых имеет «за плечами» длительную историю эволюции, — нечто подобное следует ожидать и от устроения разума. Он не может существовать без собственной истории, как и тело, в котором разум пребывает. Под «историей» я не разумею то, что разум создает себя путем сознательного обращения к прошлому посредством языковой и других культурных

традиций. Я имею в виду биологическое, доисторическое и бессознательное развитие разума архаического человека, психика которого была еще так близка к животной.

Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума точно так же, как строение нашего тела восходит к общей анатомической структуре млекопитающих. Опытный взгляд анатома или биолога обнаруживает много следов этой исходной структуры в наших телах. Искушенный исследователь разума может сходным образом увидеть аналогии между образами сна современного человека и продуктами примитивного сознания, его «коллективными образами» и мифологическими мотивами.

И так же как биолог нуждается в сравнительной анатомии, психолог не может обойтись без «сравнительной анатомии психического». На практике психолог должен иметь не только соответствующий опыт изучения снов и других продуктов активности бессознательного, но и быть знакомым с мифологией в самом широком смысле. Без этого знания практически невозможно уловить важные аналогии: к примеру, невозможно увидеть аналогию между случаем навязчивого невроза и классическим демоническим наваждением.

Мои взгляды на «архаические остатки», которые я назвал «архетипами», или «первобытными образами», постоянно критиковались людьми, не обладавшими достаточными знаниями в области психологии сновидений или мифологии. Термин «архетип» зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив. Но последние являются не более чем сомнительными репрезентациями; было бы абсурдным утверждать, что такие переменные образы могли бы унаследоваться.

Архетип же является тенденцией к образованию таких представлений мотива, — представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы. Существует, например, множество представлений о враждебном существе, но сам по себе мотив всегда остается неизмен-

ным. Мои критики неверно полагают, что я имею дело с «унаследованными представлениями», и на этом основании отвергают идею архетипа как простое суеверие. Они не принимают во внимание тот факт, что если бы архетипы были представлениями, имеющими свое происхождение в нашем сознании (или были бы приобретены сознанием), мы бы с уверенностью их воспринимали, а не поражались и не удивлялись бы их возникновению в сознании. В сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев строить муравейники.

Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами. То, что мы называем инстинктом, является физиологическим побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, — даже там, где прямая передача или «перекрестное оплодотворение» посредством миграции полностью исключены.

Я припоминаю много случаев с людьми, которые консультировались у меня, поскольку были озадачены снами своими собственными или своих детей. Они были совершенно не способны уловить язык этих снов. Сон содержал образы, не связанные ни с чем, что можно было бы вспомнить самим или связать с жизнью детей. И это при том, что некоторые из пациентов были высокообразованными людьми, другие — даже психиатрами.

Я живо вспоминаю случай с профессором, у которого случилось внезапное видение, и он подумал, что нездоров. Он явился ко мне в состоянии полной паники.

Мне пришлось взять с полки книгу четырехсотлетней давности и показать ему выгравированное изображение его видения. «Нет причин беспокоиться о своей нормальности, — сказал я ему. — Люди знали о вашем видении уже четыреста лет назад». Только после этого он, уже окончательно сбитый

с толку и обессиливший, но чувствуя явное облегчение, опустился в кресло.

Показательный случай произошел с человеком, который сам был психиатром. Однажды он принес мне рукописный буклет, который получил в качестве рождественского подарка от десятилетней дочери. Там была записана целая серия снов, которые у нее были в возрасте восьми лет... Они представляли самую причудливую серию снов, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, и я хорошо понимал, почему ее отец был ими озадачен. Хотя и детские, они представлялись жуткими и содержали образы, происхождение которых было совершенно непонятным для отца. Привожу основополагающие мотивы снов:

«Злое животное», змееподобное многорогое чудище, убивающее и пожирающее всех других животных. Но из четырех углов появляется Бог и в виде четырех отдельных богов воскрешает мертвых животных.

Вознесение на небо, где совершаются языческие пляски, и спуск в ад, где ангелы творят добрые дела.

Стадо маленьких животных пугает спящую. Животные увеличиваются до чудовищных размеров, и одно из них пожирает спящую маленькую девочку.

Маленькая мышь изъедена червями, пронизана змеями, рыбами и людьми. Затем мышь становится человеком. Это иллюстрирует четыре стадии происхождения человечества.

Видна капля воды, причем так, как она представлена в микроскопе. Девочка видит в капле множество древесных ветвей. Это изображение происхождения мира.

Плохой мальчик держит ком земли и кусочки его кидает в прохожих. От этого все прохожие становятся плохими.

Пьяная женщина падает в воду и появляется оттуда трезвой и свежей.

Действие происходит в Америке. Много людей катят муравьиную кучу, подвергаясь нападкам муравьев. Спящая в панике падает в воду.

Лунная пустыня. Спящая погружается глубоко в грунт и достигает ада.

В этом сне девочка видит светящийся шар. Она трогает его. Из него исходят пары. Приходит мужчина и убивает ее.

Девочке снится, что она опасно больна. Внезапно из ее кожи вылетают птицы и полностью покрывают ее тело.

Комариная туча закрывает солнце, луну и все звезды, кроме одной. Эта звезда падает на девочку.

В полном немецком оригинале каждый сон начинается словами старой сказки: «Однажды...» Этими словами маленькая девочка как бы поясняет, что каждый свой сон она воспринимает в виде сказки, которую хочет рассказать своему отцу в виде рождественского подарка. Отец пытался объяснить эти сны, исходя из позиции их семейного окружения (контекста). Но у него ничего не получилось, поскольку никаких личных индивидуальных ассоциаций не выявлялось.

Возможность того, что эти сны были сознательно придуманы, исключалась теми, кто достаточно хорошо знал девочку, — все были абсолютно уверены в ее искренности. (Но даже если бы они оказались просто фантазиями, то и это озадачивало бы). Отец также был убежден, что сны действительно имели место, да и у меня не было причин для сомнений. Я сам знал эту маленькую девочку, но до того, как она подарила свои сны отцу, так что у меня не было возможности самому порасспросить ее об этом. Она жила за границей и умерла в результате инфекционного заболевания спустя год после указанного Рождества.

Ее сны имели определенно специфический характер. Их главные мысли содержали отчетливо философский оттенок. Первый, например, говорил о злом чудовище, убивавшем других животных, но Господь воскрешал их всех посредством священного Апокатастасиса[4], или восстановления, возмещения. На За-

[4] Апокатастасис — всеобъемлющее просветление и возвращение к первозданному состоянию благости, окончательное восстановление всего и всех, несмотря на греховную природу происхождения и независимо от воли сотворенных существ.

паде эта идея известна в христианской традиции. Ее можно обнаружить в «Деяниях Апостолов» (3:21); «(Христос) Которого небо должно было принять до времени совершения[5] всего». Ранние греческие Отцы Церкви (например, Ориген[6]) особенно настаивали на мысли, что в конце всех времен все будет восстановлено Спасителем в первоначальном и совершенном состоянии. Но, согласно святому Матфею (17:11), еще в старой иудейской традиции утверждалось, что «Илия должен придти прежде и устроить все». Первое послание к Коринфянам (15:22) передает эту же идею в следующих словах: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

Конечно, можно предположить, что ребенок усвоил эту мысль в процессе своего религиозного воспитания. Но у нее был очень незначительный религиозный багаж. Ее родители формально значились протестантами, но фактически они знали Библию только на слух. И уж совершенно невероятно, что кто-то объяснил девочке малоизвестный образ Апокатастасиса. Скорее всего ее отец никогда и не слышал об этой мифической идее.

Девять из двенадцати снов несут в себе тему разрушения и восстановления. И ни один из них не содержит каких-либо следов специфически христианского воспитания или влияния. Напротив, они гораздо ближе к древним мифам. Эта связь подтверждается и другим мотивом — «космогоническим мифом» (сотворение мира и человека), который возникает в четвертом и пятом снах. Ту же связь можно найти в Первом послании к Коринфянам, цитату из которого я только что приводил. В этом отрывке Адам и Христос (смерть и воскресение) связаны вместе.

---

[5] В английском тексте Библии, на который ссылается Юнг, использовано слово restitution — «восстановление», «возмещение».

[6] Ориген (185—253) — античный философ и теолог, один из авторов учения об Апокатастасисе, окончательном «восстановле нии» всякого творения в первоначальной чистоте, то есть, выра жаясь церковным языком, его спасении.

Идея Христа-Спасителя звучит в широко распространенном дохристианском мифе о герое и спасителе-освободителе, который, несмотря на то что был сожран чудовищем, чудесным образом появляется вновь, побеждая это проглотившее его чудовище. Никто не знает, когда и где возник этот мотив. Мы не знаем даже, как начать исследовать эту проблему. Очевидно лишь то, что каждое поколение знает этот мотив как некую традицию, переданную от предшествовавших поколений и времен. Поэтому мы вполне можем предполагать, что он «происходит» со времен, когда человек еще не знал, что он имеет миф о герое, со времен, так сказать, когда он еще не осознавал того, что говорит. Фигура героя есть архетип, который существует с незапамятных времен.

Появление архетипов в детских снах весьма знаменательно, поскольку можно быть вполне уверенным, что ребенок не имеет прямого доступа к культурной традиции. В нашем случае семья девочки была весьма поверхностно знакома с христианской традицией. Христианская тема, конечно, может быть представлена в таких понятиях, как Бог, ангелы, небо, ад и зло. Но образы, представленные девочкой, никак не свидетельствуют об их христианском происхождении.

Возьмем, скажем, первый сон, в котором Бог, состоящий из четырех богов, появляется из «четырех углов». Углов чего? Во сне никакая комната не упомянута. Да и никакая комната не соответствовала бы всей картине, изображавшей с очевидностью космическое событие, в котором совершалось Универсальное бытие. Кватерность[7] сама по себе идея необычная, но играющая значительную роль во многих философиях и религиях. В христианской традиции она была вытеснена Троицей, понятием, известным и ребенку. Но кто нынче в обычной семье мог знать о божественной четверичности? Эта идея, хорошо известная изучающим средневековую герменевтическую философию,

[7] Кватерность, или Четверица, — образ четырехкратной симметричной структуры, обычно квадрат или круг; психологически этот образ указывает на идею целостности.

к началу XVIII века совершенно исчезла и по крайней мере уже двести лет как вышла из употребления. Так откуда же о ней могла узнать маленькая девочка? Из видений Иезекииля? Но христианского учения, которое идентифицировало бы серафима с Богом, не существует.

Тот же вопрос можно задать и о рогатой змее. Это правда, что в Библии встречается много рогатых животных, например в Откровении Иоанна Богослова. Но все они четвероногие, хотя их предводитель — дракон, значение которого в греческом языке подразумевает также и змею. Рогатый змей появляется в латинской алхимии в XVI веке как quadricornitus serpens (четверорогий змей), символ Меркурия, и враг христианской Троицы. Но это весьма слабый аргумент. Насколько мне известно, подобная ссылка есть только у одного автора, и ребенок знать этого не мог.

Во втором сне возникает совершенно нехристианский мотив, содержащий воспринятые ценности в перевернутом виде, — языческие танцы людей на небесах и добрые дела ангелов в аду. Эта символическая картина подразумевает относительность моральных ценностей. Где мог ребенок обрести столь революционное представление, равное гению Ницше?

Этот вопрос ведет нас к другому: каков, собственно, компенсаторный смысл этих снов, которым девочка придавала так много значения, что преподнесла их отцу в качестве рождественского подарка?

Если бы сновидец был первобытным знахарем, то можно было бы предположить, что его сны представляют вариации на философскую тему смерти, воскресения или замещения, происхождения мира, творения человека и относительности ценностей. Но бесполезно искать в них смысл, если пытаться толковать их на индивидуальном уровне. Сны, вне всякого сомнения, содержат «коллективные образы» и сходны с теориями, которым обучают молодых людей в первобытных племенах в период посвящения (инициации) в мужчины.

Это то самое время в их жизни, когда они узнают, что такое Бог или боги, или животные «основатели», как сотворены мир и человек, как произойдет наступление конца света, каков смысл смерти. Есть ли нечто подобное в нашей христианской цивилизации, существует ли передача сходных предписаний, учений? Да, есть, да, существует: в ранней юности. Но многие люди начинают думать об этом вновь уже в старости, при приближении к смерти.

Так случилось, что маленькая девочка оказалась в обеих ситуациях сразу, одновременно. Она приближалась к зрелости и к концу жизни. Ничего или почти ничего не было в ее снах, что указывало бы на начало нормальной взрослой жизни, но было множество аллюзий, намеков на тему разрушения и восстановления. Когда я впервые прочел эти сны, у меня возникло жуткое предчувствие неминуемого несчастья. Оно было вызвано особой природой компенсации, которую я вычислил из символизма снов. Она была противоположной всему, что можно отыскать в сознании девочки этого возраста. Подобные сны открывают новый весьма устрашающий аспект жизни и смерти. Описанные образы можно предположить в снах стариков, оглядывающихся на прожитую жизнь, но никак не у ребенка, устремленного вперед, в свое будущее. В атмосфере этих снов нет ничего от радости и изобилия весны-детства, скорее жизнь в них подобна, по римскому выражению, «скоротечному сну». Жизнь девочки похожа на ver sacrum vovendum (обет жертвы весенней), как сказал известный поэт Древнего Рима. Практика показывает, что невидимо приближающаяся смерть отбрасывает adumbratio (тень предваряющую) на жизнь и сны жертвы. Даже алтарь в христианских церквах представляет, с одной стороны, гробницу, а с другой — место воскресения, трансформации в вечную жизнь.

Таковы были идеи, которые принесли ребенку сны. Это был словно краткий курс, готовивший девочку к смерти и состоявший из коротких историй, наподобие сказок, рассказываемых юношам во время первобытных инициаций, или дзэн-буддист-

ских коанов[8]. Сообщение об этом было выражено не в терминах ортодоксальной христианской доктрины, а больше напоминало древнюю примитивную мысль. Казалось, оно возникло не из внешней исторической традиции, а из давно позабытых психологических источников, которые с доисторических времен питали религиозные и философские размышления о жизни и смерти.

Словно будущие события отбрасывали свою тень назад, порождая у ребенка обычно не дающие о себе знать мыслеформы, которые описывают или сопровождают приближение фатального исхода. И хотя специфическая форма, в которой эти события себя выражают, носит более или менее личностный характер, их общая форма коллективна. Коллективные образы обнаруживаются повсюду и во все времена точно так же, как животные инстинкты сильно колеблются у разных биологических видов, однако служат одной и той же общей цели. Мы далеки от мысли, что каждое новорожденное животное обзаводится своими, отличными от других, инстинктами как личным приобретением, и не следует также полагать, что и каждый человек при рождении творит свой специфический человеческий путь. Так же как и инстинкты, паттерны[9] коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными. При необходимости они начинают действовать во всех нас более или менее одинаковым образом. Эмоциональные проявления, к которым принадлежат эти мысленные клише, узнаваемы во всем мире. Мы обнаруживаем их даже у животных, и сами животные понимают друг друга в этом отношении, даже если

[8] Коан — понятие из дзен-буддистской практики, означает краткий текст, содержащий неразрешимую проблему, который ис пользуется в беседе Мастера с Учеником в форме быстрых вопро сов и ответов. Пример такого текста-коана. Мастер спрашивает Ученика: «Если хлопнуть двумя руками, возникает звук. Каким будет звук, если хлопнуть одной рукой?» Требуется быстрый от вет Ученика.

[9] Паттерн — набор стереотипических поведенческих реакций или последовательностей действий; объединение сенсорных сти мулов как принадлежащих одному классу объектов.

они принадлежат к разным видам. А как насчет насекомых с их сложными симбиотическими функциями? Большинство из них не знает своих собственных родителей, и их некому учить. Стоит ли тогда считать, что человек является единственным существом, лишенным специфических инстинктов, или что его психическое избавлено от всех следов его эволюции?

Естественно, если отождествлять психику с сознанием, то легко можно впасть в ложную идею о том, что человек приходит в этот мир с пустой психикой, а в последующие годы психическое не содержит ничего, кроме того, что получено в индивидуальном опыте. Но собственно психическое представляет собой нечто большее, чем сознание. Животные обладают меньшим сознанием, но существует множество импульсов и реакций, указывающих на существование психического, и первобытные люди делают массу вещей, смысл которых им неизвестен.

Можно долго и тщетно выспрашивать цивилизованного человека о действительном смысле рождественской елки или пасхального яйца. Факт остается фактом — люди делают что-то, совершенно не зная зачем. Я придерживаюсь того мнения, что испокон веков люди что-то делали, чем-то занимались, и лишь спустя долгое время кто-то задавался вопросом: зачем все это делается? Врач-психолог постоянно сталкивается с весьма интеллигентными людьми, которые ведут себя несколько странным и непредсказуемым образом, и при этом не имеют ни малейшего понятия о том, что они говорят или делают. Их внезапно охватывают беспричинные настроения, в которых они не отдают себе отчета. Внешне такие импульсы и реакции кажутся сугубо личными по природе, и поэтому мы относим их к индивидуальным особенностям. Фактически же они основываются на ранее сформированной и уже готовой инстинктивной системе, характеризующей человека. Мыслеформы, универсально понимаемые жесты и многочисленные установки следуют образцам, сформировавшимся задолго до того, как человек обрел рефлективное мышление.

Можно даже считать, что довольно раннее возникновение человеческой способности к рефлексии явилось из болезненных последствий жестоких эмоциональных потрясений. В качестве иллюстрации позвольте привести пример дикаря, который в момент гнева и разочарования от неудачной рыбной ловли душит своего единственного любимого сына, а затем, охваченный безумным сожалением, сжимает в руках маленькое мертвое тело. Такой человек может запомнить свое переживание навсегда.

Мы не знаем, действительно ли подобные переживания являются исходной причиной развития человеческого сознания. Но нет сомнения в том, что шок сходного эмоционального опыта часто необходим, чтобы заставить людей проснуться и обратить внимание на то, что они делают. Существует известная история об испанском идальго XIII века Раймунде Луллие[10], который после долгих странствий добился тайной встречи с обожаемой им дамой. Она молча расстегнула одежду и показала ему свою грудь, пораженную раковой болезнью. Шок изменил жизнь Луллия, в конце концов он стал выдающимся теологом и одним из величайших миссионеров Церкви. В случае такой внезапной перемены можно доказать, что архетип долгое время действовал бессознательно, искусно выстраивая обстоятельства, которые привели к кризису.

Такие переживания, по всей видимости, показывают, что архетипические формы отнюдь не являются статическими паттернами, застывшими структурами. Они есть динамические факторы, проявляющиеся в импульсах так же спонтанно, как и инстинкты. Определенные сны, видения или мысли могут возникать внезапно, и как внимательно их ни изучай, невозможно обнаружить, что послужило их причиной. Это не значит, что они беспричинны, причина определенно есть. Но она столь отдаленна или затемнена, что ее трудно увидеть. В таком случае

[10] Луллий Раймунд — поэт, философ и миссионер, один из оригинальнейших представителей средневекового миросозерцания.

нужно ждать до тех пор, пока сам сон или его смысл не будут достаточно понятны, или пока непоявится какое-нибудь внешнее обстоятельство, которое поможет объяснить сон.

В момент сна само это обстоятельство может еще пребывать в будущем. Но так же, как наши сознательные мысли зачастую заняты будущим и его возможностями, равным образом действует бессознательное со своими снами. Долгое время существовала общая вера в то, что главная функция сна заключается в прогнозировании будущего. В античности, как и в позднем средневековье, сны участвовали в медицинских прогнозах. Я могу подтвердить примером современного сна элемент прогноза (или предузнавания), схожий с тем, что приводит Артемидор из Лальди во II веке до н. э. Человеку снилось, как он видел своего отца, умирающего в пламени горящего дома. Вскорости он сам умер от флегмоны (огонь, сильная горячка), что, я полагаю, было пневмонией.

Так случилось, что один из моих коллег однажды подхватил смертельное воспаление, фактически флегмону. Его бывший пациент, понятия не имевший о характере болезни своего доктора, увидел сон, в котором тот умер в сильном огне. В это время сам доктор лег на обследование, болезнь только начиналась. Сновидец не знал ничего, кроме того факта, что доктор болен и находится в госпитале. Спустя три недели доктор умер.

Как показывает этот пример, сны содержат предсказательный, или прогностический, компонент, и всякий, кто пытается их толковать, должен принять это во внимание, особенно в тех случаях, когда весьма значительный сон не обеспечен соответствующим контекстом для своего объяснения. Такой сон часто приходит прямо с небес и остается лишь удивляться, что побудило его быть таким. Конечно, знать бы цель послания, а уж причина уяснилась бы. Но это только наше сознание не знает, бессознательное же осведомлено, сделало выводы, каковые и выразило во сне. Фактически бессознательное способно исследовать ситуации и делать свои выводы ничем не хуже, чем сознание. Оно даже может использовать определенные факты

и предсказать по ним возможные последствия именно потому, что мы их не осознаем.

Но насколько можно судить из снов, бессознательное совершает свои обдумывания инстинктивно. Разница очень важная. Логический анализ является прерогативой сознания, здесь участвуют разум и знание. Бессознательное, однако, управляется главным образом инстинктивными тенденциями, склонностями, выраженными в соответствующих мыслеформах, т. е. архетипах. Врач, которого попросят описать течение болезни, воспользуется такими рациональными понятиями, как «заражение» или «лихорадка». Сон более поэтичен. Он представляет больное тело в виде земного человеческого дома, а лихорадку — как огонь пожирающий его.

Как показывает вышеупомянутый сон, архетипичес-кий разум управляет ситуацией тем же самым путем, что и во времена Артемидора. Что-то более или менее неведомое интуитивно схвачено бессознательным и подвергнуто архетипической обработке. Это предполагает, что вместо процесса мышления, которым пользуется сознательная мысль, архетипический разум входит в работу и выполняет прогностическую задачу. Архетипы, таким образом, имеют собственную побудительную специфическую энергию. Это дает им возможность как производить осмысляющую интерпретацию (в собственном символическом ключе), так и вмешиваться в данную ситуацию со своими собственными импульсами и «мыслительными» образованиями. В этом отношении они действуют как комплексы, — они приходят и ведут себя как им заблагорассудится, и часто затрудняют или изменяют наши сознательные намерения самым неподходящим образом.

Специфическую энергию архетипов можно почувствовать по особому очарованию, сопровождающему их появление. Они как будто завораживают. Это свойство присуще и личностным комплексам; и подобно личностным комплексам, имеющим свою индивидуальную историю, общественные комплексы имеют историю архе-типического характера. Но в то время как

личностные комплексы порождают определенные склонности в душе одного конкретного человека, архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействие на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их. Мы рассматриваем личностные комплексы как компенсации за односторонние или дефектные установки сознания; сходным образом мифы религиозного происхождения можно интерпретировать как вид ментальной терапии для обеспокоенного и страдающего человечества в целом, страдающего от голода, войны, болезней, старости, смерти.

Например, универсальный миф о герое всегда относится к человеку-богатырю или богочеловеку, который побеждает зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и так далее и который освобождает свой народ от смерти и разрушения. Повествование или ритуальное повторение священных текстов и церемоний и почитание этого образа с помощью танцев, музыки, гимнов, молитв и жертвоприношения возбуждают и охватывают аудиторию возвышенными эмоциями (словно магическими чарами), позволяющими индивиду идентифицировать себя с героем.

Если мы попытаемся взглянуть на эту проблему глазами верующего, то, вероятно, сможем понять, насколько обычный человек может быть освобожден от своей собственной недостаточности и нищеты и наделен (по крайней мере временно) почти сверхчеловеческими качествами. Очень часто такое убеждение поддерживает его в течение долгого времени и придает определенный смысл его жизни. Оно может задавать тон даже целому обществу. Замечательный пример этого показывают Элевсинские мистерии[11], которые были окончательно запрещены в начале VII века нашей эры. Они выражали наряду с дельфийскими оракулами сущность и дух Древней Греции. В значительно большем масштабе сама христианская эра обязана своим именем и

[11] Элевсинские мистерии — религиозные празднества в Аттике (Древняя Греция) в честь богини Деметры и ее дочери Персефоны (Коры), культ которых относится к числу древнейших аграрных культов.

значением античной тайне богочеловека, происхождение которого уходит своими корнями в древнеегипетский архетипи-ческий миф Осириса-Гора[12].

Обычно предполагают, что по какому-то случаю в доисторические времена главные мифологические идеи были «изобретены», «придуманы» умным старым философом или пророком и в дальнейшем в них «поверили» доверчивые, некритически настроенные люди. Говорят, что истории, рассказываемые жаждущими власти священнослужителями, не правдивы, а попросту выдают желаемое за действительное. Само слово «изобретать» (англ. — invent) происходит от латинского invenire, означающего «находить», но «найти» что-нибудь можно лишь «ища». В последнем случае само слово намекает на некоторое предзнание того, что ищется.

Позвольте теперь снова вернуться к странным снам маленькой девочки. Кажется невероятным, что она могла сама их «искать», ибо была удивлена, обнаружив их. Образы снов явились ей как нежданные и необычные истории, настолько неординарные, что она решила подарить их своему отцу на Рождество. Тем самым она возвысила их до сферы нашей все еще живой христианской мистерии — рождения нашего Господа вместе с тайной вечнозеленого дерева, которую несет новорожденный Свет (ссылаюсь на пятый сон).

Хотя существуют многочисленные исторические свидетельства символической связи Христа с символом дерева, родители маленькой девочки были бы серьезно озадачены, если бы их попросили объяснить поточнее, что они имеют в виду, украшая дерево горящими свечами на празднике рождения Христа. «О, это просто рождественский обычай!» — сказали бы они. Сколько-нибудь серьезный ответ потребовал бы глубокого исследования об античном символизме умирающего бога и его связи

[12] Осирис-Гор — бог возрождения и производительных сил природы, царь загробного мира. Гор в древнегреческой мифологии — божество, воплощенное в соколе; сын Изиды и Осириса. Иногда Осирис изображался с головою быка.

с культом Великой Матери[13] и его символом — деревом, — если упоминать лишь один аспект этой сложной проблемы.

Чем дальше мы пробираемся к истокам «коллективного образа» (или, выражаясь на церковном языке, догмы), тем более мы раскрываем кажущуюся бесконечной паутину архетипических паттернов, которые до нынешнего времени никогда не были предметом сознательного рассмотрения. Так что хотя это и парадоксально, но мы знаем о мифологическом символизме больше, чем любое предшествующее поколение. И лишь потому, что в прежние времена люди не задумывались над символами, они попросту жили ими и бессознательно воодушевлялись их смыслом.

Я проиллюстрирую это на примере дикарей с горы Элгон в Африке. Каждое утро на рассвете они выходят из своих хижин и дышат или плюют себе в ладони рук, которые затем простирают навстречу первым лучам солнца, словно предлагают свое дыхание или слюну предстающему Богу — мунгу. (Это слово из языка суахили, которое они используют при объяснении ритуального акта, происходит от полинезийского корня, эквивалентного «мана»[14] или «мулунгу». Эти и сходные с ними термины обозначают «силу» необычайной распространенности и действенности, которую можно назвать божественной. Таким образом, слово «мунгу» является местным эквивалентом Бога или Аллаха.) Когда я спросил элгонийцев, что означает их действо и зачем они его совершают, они были совершенно озадачены. Единственное, что они могли ответить: «Мы всегда это делаем. Это всегда делалось при восходе солнца». Они рассмеялись, когда последовал естественный вывод о том, что солнце — это мунгу. На самом же деле солнце вовсе не мунгу, когда оно «висит» над горизонтом; мунгу — это момент восхода.

[13] Великая Мать — общее название архетипического образа, взятого из коллективного культурного опыта.

[14] Мана — персонифицированный архетипический образ сверхъестественной силы.

Их действия были ясны мне, но не им самим. Они попросту делали это, не вникая в суть собственных действий. Поэтому и не могли объяснить их. Я пришел к выводу, что они предлагали свои души мунгу, поскольку дыхание (жизни) и собственно слюна означают «духовное вещество». Дышать или плевать на что-нибудь — эти действия всегда считались магическими. Так Христос пользовался слюной для лечения слепого, а сын пытается вобрать в легкие последнее дыхание отца, чтобы душа умирающего вселилась в него. Едва ли эти африканцы когда-либо в прошлом лучше понимали смысл этой церемонии. Скорее всего их предки знали еще меньше, поскольку были еще более бессознательны в отношении своих побуждений и действий.

Гетевский Фауст весьма верно заявил: «В начале было Дело». «Дела» никогда не изобретались, их совершали; с другой стороны, мысли — относительно недавнее открытие человека. Изначально побуждением к поступкам служили для него бессознательные факторы, лишь очень длительное время спустя он начал осмысливать причины, двигавшие им; потребовалось еще много времени для возникновения абсурдной идеи, что человек движим сам собой, — его разум был не в силах обнаружить мотивирующие силы, кроме своей собственной.

Нас, должно быть, рассмешила бы мысль о том, что растение или животное изобрело само себя, однако существует много людей, верящих, что психика или разум возникли сами собой и таким образом оказались своим собственным создателем. Фактически же разум вырос до своего теперешнего состояния сознания так же, как желудь вырастает в дуб, а ящеры развились в млекопитающих. И так же долго, как прежде развивалось то и другое, сознание развивается и сейчас; нами движут силы не только те, которые находятся внутри нас, но и те, которые в виде стимулов действуют извне.

Внутренние мотивы возникают из глубокого источника, не порожденного сознанием и не находящегося под его контролем. В мифологии более ранних времен эти «силы» называли мана, или духами, или демонами, или богами. И сегодня они так же

активны, как и прежде. Если они соответствуют нашим желаниям, мы, радуясь, говорим о счастливом предзнаменовании или предчувствии; если же они направлены против нас, мы твердим о неудачах или о том, что какие-то люди настроены против нас или что причиной наших несчастий является хроническое невезение. Единственная вещь, которую мы отказываемся признать, это то, что мы зависим от «сил», не подвластных нам.

Верно и то, что в последнее время цивилизованный человек обрел известное количество воли, свободной энергии, которую он может использовать там, где пожелает. Он научился достаточно эффективно выполнять свою работу, не обращаясь за помощью к пению или барабанному бою. Он может даже обойтись без ежедневной молитвы о ниспослании божественной помощи. Он может выполнить то, что предполагает сделать, и беспрепятственно воплотить свои мысли в поступки, в то время как первобытного дикаря на каждом шагу подстерегают страхи, суеверия и другие невидимые препятствия. Девиз: «Где есть воля, там есть и путь» — суеверие современного человека.

Но для того чтобы поддержать свою веру, современный человек расплачивается удивительным отсутствием самонаблюдения. Он слеп к тому, что, несмотря на свою рациональность и эффективность, он одержим «силами», находящимися вне его контроля. Его демоны и боги вовсе не исчезли, они всего лишь обрели новые имена. Беспокойство, смутные предчувствия, трудности психологического характера, пристрастие к лекарствам, алкоголю, табаку, пище, и прежде всего огромное количество неврозов — все эти демоны не дают нам ни роздыху, ни сна.

Душа человека

То, что мы называем цивилизованным сознанием, прочно отделило себя от основополагающих инстинктов. Но эти инстинкты не исчезли. Они лишь потеряли контакт с сознанием, посему принуждены утверждать себя косвенным образом — посредством физических симптомов в случае неврозов или путем разного рода инцидентов, как то: безотчетного настроения, внезапной забывчивости или речевых ошибок.

Человеку нравится верить в то, что он хозяин своей души. Но до тех пор, пока он не способен контролировать свои настроения и эмоции или осознавать мириады скрытых путей, по которым бессознательные факторы вкрадываются в его поступки и решения, человек хозяином самого себя не будет. Эти бессознательные факторы обязаны своим существованием автономии архетипов. Современный человек защищает себя от сознания собственной расщепленности системой разделенных отсеков. Определенные области внешней жизни и поведения сохраняются, так сказать, в разных отсеках и никогда не сталкиваются друг с другом.

В качестве примера такой психологии отсеков я вспоминаю случай одного алкоголика, который попал под влияние религиозной общины и, захваченный ее энтузиазмом, совершенно забыл о выпивке. По всей вероятности, он был чудесно исцелен Иисусом Христом и играл роль свидетеля как божественной милости, так и эффективности в деятельности этой религиозной организации. Но спустя несколько недель после публичной исповеди ажиотаж начал стихать, да и алкогольная пауза давала о себе знать, и тогда он запил снова. Общинные благодетели пришли к выводу, что случай оказался «патологическим» и, по всей видимости, не пригодным для вмешательства Иисуса, по-

этому они поместили беднягу в клинику — божественный Целитель уступил свое место докторам. Это один из аспектов современного «культурного» сознания, в который стоит заглянуть поглубже. Он указывает на тревожащий уровень диссоциации и психологической неразберихи.

Если на миг мы представим человечество как единого индивида, то увидим, что оно напоминает личность, увлеченную бессознательными силами и предпочитающую распихивать проблемы по разным отсекам. Вот почему нам следует попытаться понять, что же мы делаем, поскольку сейчас человечеству угрожают созданные им же смертельные опасности, выходящие изпод контроля.

Наш мир диссоциировался, разложился, как невротик, и железный занавес обозначает символическую линию этого разделения. Западный человек, осознав агрессивную волю у власти Востока, видит себя вынужденным принимать экстраординарные меры обороны, одновременно выдавая их с гордостью за собственную добродетель и благие намерения.

Он не способен понять, что речь идет о его же собственных пороках, умело прикрытых тонкими дипломатическими приемами и ходами, пороках, в которых беззастенчиво обвиняет его коммунистический мир. То, что перенес Запад — незаметно и с легким чувством стыда (дипломатическая ложь, систематический обман, скрытые угрозы), — открыто и в полном объеме пришло с Востока и связало нас невротическими узлами. Это лицо его собственной злой тени, ухмыляющееся на западного человека с другой стороны железного занавеса.

Таково состояние дел, которое объясняет особенность чувства беспомощности столь многих людей в западных обществах. Они начинают осознавать, что трудности, с которыми мы сталкиваемся, являются, по сути, моральными проблемами и что попытка ответить на них политикой наращивания ядерного оружия или «экономическим соревнованием» достигает немногого, поскольку оба пути разрушительны. Многие из нас теперь понимают, что моральные и ментальные средства являются бо-

лее эффективными, так как они могут обеспечить нас психической защитой против всевозрастающей инфекции.

Уже давно доказано, что любые попытки убедить себя и мир в том, что только они (т. е. наши оппоненты) неправы, неэффективны. Было бы правильнее попытаться понять свою собственную тень и ее гнусные деяния. Если мы сможем увидеть темную сторону своей натуры, то сможем защититься от любой моральной и ментальной инфекции и любых измышлений противника. А как показывает практика, ныне мы открыты любой заразе, потому что фактически делаем то же самое, что и они. К тому же мы имеем и дополнительный недостаток, заключающийся в том, что мы либо не понимаем, либо не хотим понять, прикрываясь хорошими манерами, что творим.

Попутно замечу, что коммунистический мир имеет один великий миф (который мы называем иллюзией, в слабой надежде, что наше высокое суждение поможет ему развеяться). Это свято почитаемое архетипическое видение золотого века (или Рая), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человеческим детским садом правит великий справедливый и мудрый вождь.

Этот мощный архетип в инфантильном виде держит коммунистов в своих руках и вовсе не собирается исчезать от одного надменного взгляда с Запада. Мы даже поддерживаем его своей ребячливостью, поскольку наша западная цивилизация пребывает во власти той же самой мифологии. Бессознательно мы дорожим теми же самыми предрассудками, лелеем те же самые надежды и ожидания. Мы так же верим в благосостоятельное государство, во всеобщий мир, в равенство людей, в незыблемые человеческие права, в справедливость, в правду и (не произносите это слишком громко) в Царство Божье на земле.

Печальная истина заключается в том, что жизнь человека полна неумолимых противоположностей: дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. И мы даже не можем быть уверены в победе одного над другим, что добро победит зло, или радость — боль. Жизнь — это поле битвы. Так было и

будет всегда, в противном же случае жизнь уже подошла бы к концу.

Именно этот конфликт внутри человека и привел ранних христиан к их вере в скорый конец мира, а буддистов — к отречению от всех земных желаний и надежд. Подобные идеи можно было бы считать откровенно суицидальными, если бы они не были связаны с особенностью этических и моральных постулатов, составляющих основу обеих религий, что в некоторой степени смягчает их радикальное отрицание мира.

Я подчеркиваю это, потому что в наше время существуют миллионы людей, потерявших веру в любую религию. Эти люди больше не понимают своей религии. Пока жизнь течет гладко и без религии, потеря остается незамеченной. Но когда приходит страдание, все меняется. Люди начинают искать выход и рассуждать о смысле жизни и ее ужасном и мучительном опыте.

Интересно, что к психологам (по моему опыту) чаще всего обращаются евреи и протестанты и гораздо реже — католики. Полагаю, это объясняется тем, что Католическая Церковь до сих пор считает себя ответственной за cura animarum (заботу о душевном благополучии). Но и в наш научный век психиатру очень часто задают те вопросы, которые всегда относились к области теологии. Люди чувствуют, что возникает большая разница в зависимости от того, сохраняют ли они положительную веру в осмысленность жизненного пути, и только, или же они верят в Бога и в бессмертие. Призрак приближающейся смерти часто дает мощный толчок подобным мыслям. С незапамятных времен у людей существовали представления о Высшем Существе (одном или нескольких) и о загробном царстве. Но лишь сегодня они думают, что могут без этого обойтись.

Поскольку даже с помощью телескопа не увидеть Божественный престол на небе и не установить (наверняка) присутствие рядом возлюбленных отца и матери в более или менее телесном виде, то люди считают, что подобные идеи «далеки от истины». Я бы даже уточнил, что они недостаточно «истинны», так как относятся к представлениям, сопровождающим человеческую

жизнь с незапамятных времен и прорывающимся в сознание индивида при каждом удобном случае.

Современный человек может считать, что вправе обойтись и без них, подкрепляя свою убежденность отсутствием научных доказательств их истинности. Он даже может сожалеть об утрате этих представлений. Но поскольку мы имеем дело с невидимыми и неведомыми мирами (так как Бог находится за пределами человеческого понимания и нет способов доказательства бессмертия), то почему мы должны беспокоиться о доказательствах? Ведь если мы не знаем причин, по которым должны солить свою пищу, мы же не откажемся от соли. Можно, конечно, настаивать, что потребление соли всего лишь привычка или вкусовой предрассудок, но это не изменит ее значения для нашего хорошего самочувствия. Так почему же мы должны отказываться от воззрений, столь полезных в кризисных ситуациях, помогающих осмыслить наше существование?

Да и откуда нам знать, верны они или нет? Многие могли бы согласиться со мной, если бы я откровенно заявил, что подобные идеи иллюзорны. Впрочем, как отрицание, так и утверждение религиозной веры доказать невозможно. Мы полностью свободны в выборе точки зрения, и этот выбор диктуется обстоятельствами нашей жизни.

Есть, однако, веская эмпирическая причина, оправдывающая культивирование мыслей, которые никогда не могут быть доказанными. Причина заключается в полезности той или иной мысли. Человеку со всей определенностью необходимы общие убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать свое место во Вселенной. Человек способен преодолеть совершенно невозможные трудности, если убежден, что это имеет смысл. И он терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признать, что играет роль в «сказке, рассказанной идиотом».

Предназначение религиозных символов — придавать смысл человеческой жизни. Индейцы пуэбло верят, что они — дети Солнца-отца, и эта вера придает их жизни осмысленность (це-

ленаправленность), выходящую далеко за пределы их ограниченного существования. Это дает им достаточную возможность для раскрытия личности и позволяет индейцам жить полноценной жизнью. Их положение в мире куда более удовлетворительное, чем положение человека нашей собственной цивилизации, который знает, что он есть (и останется) не более чем жертва несправедливости, поскольку его существование лишено внутреннего смысла.

Ощущение осмысленности существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянным. Будь святой Павел убежден, что он всего лишь бродячий ковровый трюкач, то, разумеется, он не сделался бы тем, кем стал. Его подлинная заряженная смыслом жизнь протекала во внутренней уверенности, что он — Божий посланник. Можно, конечно, обвинить его в мегаломании, но насколько бледно подобное мнение перед свидетельством истории и суждением последующих поколений. Миф, овладевший им, сделал его, простого ремесленника, поистине великим.

Миф этот, однако, составляют символы, которые отнюдь не были придуманы. Они имели место в действительности. Не реально существовавший человек Иисус создал миф о богочеловеке. Миф существовал за много веков до его рождения. И им самим овладела эта символическая идея, которая, как повествует святой Марк, позволила ему вырваться из обыденной жизни назаретского плотника.

Своим происхождением мифы обязаны первобытному сказителю и его снам, а также людям, жизнь которых была подчинена их воображению и фантазиям. Эти люди мало чем отличаются от тех, кого последующие поколения называли поэтами и философами. Первобытные сказители мало заботились относительно источников собственных фантазий, лишь значительно позднее люди заинтересовались их происхождением. Однако много веков назад, в так называемую эпоху античности, человеческий разум был достаточно продвинут, чтобы высказать

догадку о том, что истории их богов не что иное, как архаичные и преувеличенные повествования о давно умерших царях и вождях. Уже в древности люди считали мифы слишком невероятными, чтобы они могли значить то, о чем говорят. Поэтому им и попытались придать приемлемую для всеобщего понимания форму.

В современности мы видим, что подобные вещи случаются с символизмом снов. В те годы, когда психология пребывала в детском возрасте, было известно, что сны важны. Но подобно тому, как греки убедили себя, что их мифы всего лишь разработки рациональной, или «нормальной», истории, так и некоторые пионеры психологии пришли к выводу, что сны не означают того, о чем повествуют. Образы или символы, представляемые снами, были отвергнуты по причине причудливости форм, в которых вытесненные содержания психического являлись сознательному разуму. Стало само собой разумеющимся, что сон означает нечто совсем иное, нежели его явное содержание.

Я уже высказал свое несогласие с этой идеей, несогласие, приведшее меня к изучению формы и содержания снов. Почему они должны значить что-то другое, отличное от их очевидного содержания? Есть ли в природе это что-то другое? Сон является нормальным и естественным явлением, и он не может означать то, чего нет. В Талмуде сказано, что сам сон и есть его собственное толкование. Замешательство возникает в связи с тем, что содержание сна символично и поэтому многозначно. Символы указывают и другие направления, чем те, которые мы привыкли постигать сознательным разумением; таким образом они связаны с тем, что либо не осознается, либо осознается не вполне.

В научном сознании такие явления, как символические идеи, ничего, кроме досады, не вызывают, поскольку их невозможно сформулировать так, чтобы удовлетворить требованиям интеллектуальной логики. Но в психологии это не единственный случай. Проблема начинается с явлений «аффекта» или эмоции, ускользающих от любых попыток психологов дать им оконча-

тельное определение. Во всех случаях причина одна и та же — вмешательство бессознательного.

Мне достаточно хорошо известна позиция науки, чтобы понять, насколько неприятно иметь дело с теми фактами, которые нельзя адекватно и полно усвоить. Трудность этих явлений заключается в том, что сами факты несомненны и неоспоримы и в то же время невыразимы в мыслимых терминах и понятиях. Для этого необходимо обладать возможностью понимать саму жизнь, так как именно сама жизнь составляет эмоции и символические идеи.

За академическим психологом остается право отбросить явление эмоции или понятие о бессознательном (или оба) из своего поля зрения. Но они остаются фактами, от которых не может отмахнуться практикующий врач-психолог, ибо и эмоциональные конфликты, и вмешательства бессознательного являются классическими составляющими предмета его внимания. Если он всецело занят больным, он так или иначе сталкивается с подобными иррациональностями как непреложными фактами, безотносительно его способности выразить их в рациональных понятиях. Поэтому совершенно естественно, что люди, не имеющие медико-психологичекого опыта, с трудом воспринимают переход психологии из спокойной научной разработки к активному участию в событиях реальной жизни. Практика стрельбы по мишеням сильно отличается от действий на поле боя, врач же имеет дело с жертвами реальных сражений. Он должен заниматься психическими реальностями, даже если и не может воплотить их в научные определения. Поэтому никакой учебник не сможет научить психологии, ее постигают лишь на реальном опыте.

Мы сможем это ясно понять, когда рассмотрим некоторые хорошо знакомые символы.

Крест в христианстве, к примеру, есть важный символ, выражающий множество разных аспектов, идей и эмоций; однако крест в списке людей, изображенный после фамилии человека, означает всего лишь то, что человек этот мертв. Символ фалло-

са играет всеобъемлющую роль в индуизме, но если его рисует уличный мальчишка на стене, то это отражает лишь его интерес к своему пенису. Поскольку детские и подростковые фантазии часто переходят и во взрослую жизнь, то во многих снах возникают безошибочные сексуальные намеки. Абсурдным было бы искать здесь еще какой-то смысл. Но когда каменщик говорит о «монахах» и «монахинях» по поводу черепичной кладки, а электрик — о разъемах типа «мама» и «папа», то смешно думать, что они погружены в подростковые фантазии. Они просто пользуются образным языком в назывании предметов своей работы. Когда образованный индуист рассказывает вам о лингаме (в индуистской мифологии — фаллос, представляющий бога Шиву), вы услышите о вещах, которые на Западе никогда не связывают с пенисом. Лингам ни в коем случае не является неприличным намеком, так же как и крест не просто знак смерти.

Многое зависит от зрелости сновидца, которому являются эти символы.

Толкование символов и снов требует вдумчивого подхода. Этот процесс не поддается механическому конспектированию, для него нужны «мозги с воображением». Он требует как растущего знания об индивидуальности сновидца, так и непрерывно пополняющегося самосознания со стороны толкователя. Ни один опытный специалист в этой области не будет отрицать, что существуют эмпирические правила, доказавшие свою полезность, но применение которых должно быть в высшей степени благоразумным и осторожным. Можно следовать всем необходимым правилам и все равно прийти к полной ерунде из-за того, что упущена показавшаяся малозначительной деталь. Но даже человек с высоким интеллектом при толковании сна может уйти далеко в сторону при отсутствии интуиции и вчувствования.

Когда мы пытаемся понять символы, то сталкиваемся не только с самим символом, но прежде всего перед нами возникает целостность индивида, воспроизводящего эти символы. А это предполагает изучение его культурного фона, в процессе

чего происходит заполнение многих пробелов в собственном образовании. Я положил себе за правило рассматривать каждый случай как совершенно новое дело, о котором мне ничего не известно. Рутинные ответы могут оказаться полезными и практичными, пока имеешь дело с поверхностным уровнем, но как только касаешься жизненно важных проблем, то тут уже сама жизнь берет верх и даже наиблестящие теоретические построения оказываются подчас пустыми словами.

Воображение и интуиция являются существенно важными в нашем понимании. И хотя существует расхожее мнение, что они нужны главным образом поэтам и художникам (что в «разумных» делах им лучше не доверять), фактически они в равной степени важны и в более высоких областях науки. Здесь они также играют важную роль, дополняя «рациональный» интеллект и его применение в частных проблемах. Даже физика, самая строгая из всех наук, в удивительной степени зависит от интуиции, работающей на путях бессознательного (хотя позднее можно продемонстрировать логические ходы, которые ведут туда же, куда и интуиция).

Интуиция — неоценимое качество в толковании символов, и зачастую можно быть уверенным, что они молниеносно понимаются спящим. Но хотя такое удачное предчувствие кажется субъективно убедительным, оно также может быть и опасным. Оно легко приводит к фальшивому чувству безопасности и может, например, склонить и сновидца, и толкователя к продолжению легких и уютных отношений, выливающихся в некий род взаимного сна. Здоровая основа действительно разумного знания и внутреннего понимания оказывается потерянной, если удовлетвориться пониманием «предчувствия». Объяснить сон и его символы можно, лишь сводя интуицию к точному знанию фактов и логических связей между ними.

Честный исследователь должен допустить, что он не всегда в состоянии это сделать, но эта мысль непременно должна жить в его голове. Ученый — тоже человек. Поэтому для него естественно не любить вещи, которые он объяснить не может.

Всеобщей иллюзией является вера в то, что наше сегодняшнее знание — это все, что мы можем знать вообще. Нет ничего более уязвимого, чем научная теория; последняя — всего лишь эфемерная попытка объяснить факты, а не вечную истину.

Роль символов

Когда психолог-медик обнаруживает интерес к символам, то, прежде всего, интересуется «естественными» символами в отличие от символов «культурных». Первые происходят из бессознательных содержаний психического и поэтому представляют громадное множество вариаций основных архетипических образов. Во многих случаях они могут быть прослежены до своих истоков, архаических корней — т. е. до идей и образов, которые мы встречаем в самых древних записях и у первобытных обществ. С другой стороны, культурные символы — это, в сущности, те, которыми пользовались для выражения «вечных истин» и которые во многих религиях используются до сих пор. Эти символы прошли через множество преобразований, через процесс более или менее сознательного развития и таким образом стали коллективными образами, принятыми цивилизованными обществами.

Тем не менее такие культурные символы сохраняют в себе еще много от своей первоначальной нуминознос-ти (сакральности, божественности) или «колдовского» начала. Известно, что они могут вызывать глубокий эмоциональный резонанс у некоторых людей, и такой психический заряд заставляет их действовать во многом тем же самым образом, как и в случае суеверий или предрассудков. Они относятся к тем же факторам, с которыми вынужден считаться психолог, и было бы глупо игнорировать их лишь потому, что в рациональных понятиях они выглядят абсурдными и несущественными. Культурные символы — важные составляющие нашего ментального устройства, и они же — жизненные силы в построении человеческого образа, а посему не могут быть устранены без значительных потерь. Там, где они подавляются либо игнорируются, их специфиче-

ская энергия исчезает в бессознательном с непредсказуемыми последствиями. Психическая энергия, кажущаяся утраченной, на самом деле служит оживлению и усилению всего, что лежит на верхнем уровне бессознательного, — тенденций, которые иначе не имели бы случая выразить себя или, по крайней мере, не имели бы возможности беспрепятственного существования в сознании.

Такие тенденции формируют постоянно присутствующую и потенциально разрушительную «тень» нашего сознательного разума. Даже те тенденции, которые в некоторых обстоятельствах способны к благотворному влиянию, при вытеснении превращаются в демонов. Вот почему многие добродетельные люди боятся бессознательного, а в связи с этим — и психологии. Наше время продемонстрировало, что означают открытые ворота преисподней. Произошли перевернувшие наш мир вверх тормашками события, нормальность которых не мог предположить никто в идиллической безвредности первого десятилетия XX века. С этого момента мир пребывает в состоянии шизофрении. Не только цивилизованная Германия извергла свою ужасающую примитивность, ею же управляется и Россия, огонь приближается и к Африке. Не удивительно, что западный мир чувствует себя неспокойно.

Современный человек не понимает, насколько его «рационализм» (расстроивший его способность отвечать божественным символам и идеям) отдал его на милость психической преисподней. Он освободил себя от суеверий (как он полагает), но при этом до опасной степени утратил свои духовные ценности. Его моральная и духовная традиция распалась, и теперь он расплачивается за это повсеместное распадение дезориентацией и разобщенностью.

Антропологи часто описывали, что происходит в первобытных обществах, когда их духовным ценностям наносит удар современная цивилизация. Люди теряют смысл жизни, их социальная организация распадается, а сами они морально разлагаются. Теперь мы сами находимся в подобном состоянии. Но

в действительности мы так и не поняли, что потеряли; к несчастью, наши духовные лидеры более заинтересованы в защите своих общественных институтов, чем в понимании той тайны, которую являют эти символы. По моему мнению, вера не исключает мысли (этого сильнейшего оружия человека), но, однако, многие верующие так боятся науки (и в связи с этим психологии), что поворачиваются слепыми глазами к божественным психическим силам, всегда контролировавшим человеческую судьбу. Мы лишили вещи тайны и божественности, нет более ничего святого.

В прежние века, когда инстинктивные понятия наполняли разум человека, его сознание, несомненно, могло объединить их в соответствующую психическую модель, образец. Но «цивилизованный» человек больше на это не способен. Его «развитое» сознание лишило себя тех средств, с помощью которых оно ассимилировало дополнительный вклад инстинктов и бессознательного. Этими органами ассимиляции и интеграции были божественные символы, свято сохраняемые общим согласием.

Сегодня, к примеру, мы говорим о материи, мы описываем ее физические свойства. Мы проводим лабораторные эксперименты, чтобы продемонстрировать некоторые из этих свойств. Но слово «материя» остается сухим, внече-ловеческим, чисто интеллектуальным понятием без какого-либо психического содержания. Насколько разительно отличается прежний образ материи — Великой Матери, — который мог вместить в себя и выразить глубокий эмоциональный смысл Матери-Земли! То же самое и с духом, который теперь отождествляется с интеллектом и перестает быть Отцом всего. Он генерировал до ограниченных эго-намерений человека, а колоссальная эмоциональная энергия, выраженная в образе «нашего Отца», ушла в песок интеллектуальной пустыни.

Оба архетипических принципа лежат в основе отличающихся друг от друга систем Востока и Запада. Массы и их лидеры не осознают, однако, что нет существенной разницы между именованием мира по мужскому принципу, принципу Отца (дух),

что делает Запад, и принципу женскому — Матери (материя), как это осуществляется в коммунистическом обществе. В сущности, мы мало знаем и о том, и о другом. В былые времена эти принципы почитались во всех ритуалах, демонстрировавших их психическую значимость для человека. Теперь же они стали просто-напросто абстрактными понятиями.

С ростом научного понимания наш мир все более де-гуманизируется. Человек чувствует себя изолированным в космосе, потому что теперь он отделен от природы, не включен в нее органически и утратил свою эмоциональную «бессознательную идентичность» с природными явлениями. Постепенно они теряют свою символическую причастность. Теперь уже гром — не голос рассерженного Бога, а молния — не его карающая стрела. В реке не живет дух, в дереве больше не пребывает жизненная основа человека, змея не воплощает мудрость, а горная пещера больше не жилище великого демона. Уже не различает человек голоса камней, растений, животных и не беседует с ними, веря, что они слышат. Его контакт с природой прервался, а с ним исчезла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь.

Эта колоссальная утрата компенсировалась символами человеческих снов. Они выносят на поверхность нашу исходную природу — инстинкты и специфические мысли. К несчастью, они выражают свое содержание на языке природы, на языке, который нам непонятен и странен. Поэтому перед нами встает задача перевода этого языка в рациональные слова и понятия современной речи, освободившей себя от примитивного бремени, в особенности от мистического участия в описываемых вещах. Теперь, когда мы говорим о духах и других сакральных образах, то больше не взываем к ним. Сила и слава ушли из некогда наполненных энергией слов. Мы перестали верить в магические формулы, почти не осталось табу и сходных с ними ограничений, наш мир кажется продезинфицированным от всех «суеверных» существ, скажем, таких как ведьмы, колдуны

и пугала, не говоря уже об оборотнях, вампирах, лесных духах и всех прочих таинственных обитателях первобытного леса.

Если говорить точнее, поверхность нашего мира словно очищена от всех суеверных и иррациональных элементов. Однако, очищен ли от всей этой нечисти наш внутренний мир (реальный, а не то, что мы выдаем за него) — вопрос другой. Разве не табу для многих число тринадцать? Разве мало еще людей, охваченных иррациональными предрассудками, проекциями, детскими иллюзиями? Реалистическая картина человеческого разума обнаруживает так много первобытных черт и пережитков, играющих заметную роль в жизни индивида, что кажется, за последние пятьсот лет мало что изменилось.

Важно дать оценку этому факту. Современный человек по сути являет любопытную смесь свойств, приобретенных за долгие годы своего умственного развития. Нам следует весьма тщательно исследовать плоды его разума, поскольку бок о бок со скептицизмом и научным убеждением продолжают существовать старомодные предрассудки, отжившие стереотипы мысли и чувства, упрямое недопонимание и слепое невежество.

Таково современное человеческое бытие, порождающее те символы, которые изучаются психологами. Для того чтобы объяснить эти символы и их смысл, очень важно определить, соотносится ли их появление с чисто личными переживаниями и опытом, или они для своих частных целей были извлечены сном из хранилища общечеловеческого знания.

Возьмем, например, сон, в котором встречается число тринадцать. Вопрос заключается в том, верит ли сам сновидец в несчастливое свойство этого числа, или же его сон намекает на людей, которые все еще разделяют эти суеверия? В ответе содержится важное указание для толкования. В первом случае следует считаться с тем фактом, что индивид находится под влиянием магии числа тринадцать и потому будет чувствовать себя неуютно, скажем, в тринадцатом номере гостиницы или сидя за столом в компании из тринадцати человек. Во втором случае тринадцать означает не более чем невежливое или обид-

ное замечание. «Суеверный» сновидец продолжает чувствовать магию числа, более «рациональный» уже лишил это число его эмоциональной составляющей.

Этот пример иллюстрирует тот путь, по которому архетипы вплывают в наш практический опыт, — они одновременно образы и эмоции. Об архетипе можно говорить только тогда, когда оба эти аспекта одномоментны. Если это просто образ, то перед нами будет лишь словесная картина с малым последствием. Но заряженный эмоцией образ приобретает сакральность (нуминоз-ность) или психическую энергию, он становится динамичным, вызывающим существенное последствие.

Я осознаю, что ухватить это понятие нелегко, поскольку я использую слова, дабы описать нечто, что своей природой не дает возможности точного определения. Но поскольку очень многие люди относятся к архетипам как к части механической системы, которую можно вызубрить, не вникая в смысл, то существенно важно настаивать на том, что это не просто имена и даже не философские понятия. Это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (или универсальную) интерпретацию любого архетипа. Его нужно объяснять способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида в целом.

Так, в случае ревностного христианина символ креста может быть истолкован только в христианском контексте — если, конечно, сон не дает оснований рассматривать его иначе. Но даже и тогда специфический христианский смысл нужно держать в уме. Никто не может утверждать, что в разные времена и в разных обстоятельствах символ креста имел одно и то же значение. Если бы это было так, то он лишился бы своей сакральности (нуминозности), утратил жизненность и стал бы обычным словом.

Те, кто не ощущал особого чувственного тона архетипа, в конце концов приходят к путанице мифологических понятий, порой связывая их вместе, с тем чтобы показать, что все что-то значит или не значит ничего. Мертвецы всего мира химически

идентичны, чего нельзя сказать о живых людях. Архетипы оживают лишь тогда, когда терпеливо пытаешься понять, как и почему несут они свой смысл всякому живущему человеку.

Пустое дело пользоваться словами, если не знаешь, что за ними стоит. Это, в частности, справедливо для психологии, когда мы говорим о таких архетипах, как Анима и Анимус, Мудрец, Великая Мать и т. д. Можно знать все о святых, мудрецах, пророках и других отмеченных Богом людях и о всех великих матерях мира, но если они всего лишь образы, чья божественность (нуминоз-ность) никогда вами не переживалась, то вы будете говорить о них как бы во сне, не зная того, о чем вы говорите. Слова будут пустыми и обесцененными. Они оживут и приобретут смысл лишь в том случае, если вы попытаетесь принять во внимание их нуминозность, т. е. их связь с живущими. Только тогда вы начнете понимать, что имена мало что значат, в то время как самым главным оказывается способ, которым они связаны с вами.

Символопродуцирующее значение наших снов является, таким образом, попыткой привести исходный разум человека в «продвинутое», или «дифференцированное», состояние, в котором он до этого не был, и, стало быть, никогда не подвергался критическому самоанализу. В те давно ушедшие века этот первоначальный разум начал терять контакт с первобытной психической энергией. И сознающий разум никогда не знал своего первоначального «предка», поскольку тот был отброшен в процессе эволюции самого дифференцированного сознания, которое одно только и могло бы его узнать.

Однако, похоже, то, что мы называем бессознательным, сохранило первобытные черты, свойственные первоначальному разуму. К этим чертам и адресуются символы снов, как будто бессознательное пытается возродить все то, от чего разум освобождался в процессе эволюции, — иллюзии, фантазии, архаические мыслеформы, основные инстинкты и т. д.

Именно это объясняет сопротивление, даже страх, который часто испытывают люди, соприкасаясь с бессознатель-

ными проявлениями в самих себе. Эти реликтовые содержания, оказывается, отнюдь не нейтральны или индифферентны. Напротив, они столь сильно выражены, что зачастую становятся совершенно неприемлемыми. Они могут вызвать настоящий страх. Чем сильнее они вытесняются, тем более сосредоточиваются в личностной сфере и всплывают в виде невроза.

Такой жизненной важностью их наделяет психическая энергия. Подобно человеку, который, прожив бессознательный период, вдруг осознал, что в его памяти образовался провал: произошли какие-то важные события, которых он не помнит. В той степени, в какой он предполагает, что психическое есть исключительно личное дело (что обычно и предполагается), человек пытается восстановить явно утраченные детские воспоминания. Но провалы в его детской памяти всего лишь симптомы более важной потери — утраты первобытной психики.

Подобно тому как человеческий эмбрион в своем развитии проходит через стадии, повторяющие эволюционный путь от низших форм жизни к человеку, так и человеческий разум в своем становлении проживает ряд этапов, соответствующих первобытному мышлению. Основная задача снов заключается в возвращении доисторического «воспоминания», как и мира детства, непосредственно до уровня самых примитивных инстинктов. Как уже давно заметил Фрейд, такие воспоминания могут иметь в некоторых случаях заметный лечебный эффект. Это наблюдение подтверждает ту точку зрения, что провалы в детской памяти (так называемая амнезия) представляют утрату, восполнение которой — положительный сдвиг в жизни и самочувствии.

Поскольку ребенок физически мал, а его сознательные мысли редки и просты, мы не представляем всех тех сложностей, с которым сталкивается детский разум в силу его близости «первоначальному разуму». Этот «первоначальный разум» присутствует у ребенка, подобно тому как эволюционные стадии человека присутствуют в теле его эмбриона. Если читатель вспомнит

то, что я рассказывал ранее об удивительных снах девочки, подарившей свои сны отцу, он поймет, что я имею в виду.

В детской амнезии можно отыскать странные мифологические фрагменты, также часто проявляющиеся в позднейших психозах. Образы подобного рода сакральны и потому достаточно важны. Если такие воспоминания возникают у взрослых, они могут не только вызывать глубокие психологические расстройства, но и наоборот — приносить чудесные исцеления или приводить к религиозным обращениям. Зачастую они возвращают часть жизни, долгое время утраченную, часть, приносящую цель и тем самым обогащающую человеческое бытие.

Возвращение детских воспоминаний и воссоздание архетипических путей психического поведения может расширить горизонт и увеличить уровень сознания при условии, что человек преуспеет в усвоении и интеграции сознательным разумом утраченных и вновь обретенных содержаний. Поскольку эти содержания не безразличны человеку, их усвоение преобразует личность, равно как и сами содержания подвергаются определенным изменениям. Важную практическую роль интеграция символов играет в процессе «индивидуации»[15].

Именно символы оказываются естественными попытками примирить и объединить внутрипсихические оппозиции.

Естественно, просто замеченные и затем отстраненные символы не могут иметь такого эффекта и будут лишь повторным установлением старого невротического состояния и разрушением попыток синтеза. Но, к несчастью, те редкие люди, которые не отрицают самого существования архетипов, почти неизменно относятся к ним лишь как к словам и забывают об их живой реальности. Когда таким образом устранена сакральность, начинается процесс неограниченных подмен, — человек легко скользит от архетипа к архетипу, в которых всё обозначает всё.

[15] Индивидуация (или восамление) — процесс психологической дифференциации, осуществляющий с этой целью развитие индивидуальной личности. Индивидуация ведет не к разъединению, а к более интенсивной и более общей коллективной связанности.

Действительно, в значительной степени архетипические формы взаимозаменяемы. Но их сак-ральность остается фактом и представляет ценность архетипического события.

Эту эмоциональную ценность необходимо постоянно иметь в виду в течение всего процесса толкования сна. Слишком легко потерять эту ценность. Поскольку мышление и чувство столь диаметрально противоположны, то мышление почти автоматически отбрасывает чувственные ценности и наоборот. Психология — единственная наука, которая принимает в расчет эмоциональный фактор, связующий нашу жизнь с происходящими в ней событиями. Вот почему психологию часто обвиняют в ненаучности. Критики не в состоянии понять всей научной и практической необходимости изучения эмоций.

Лечение расщепления

Наш интеллект создал новый мир, господствующий в природе, и населил его чудовищными машинами. Эти машины, без сомнения, оказались полезными, и настолько, что мы не видим возможности избавиться от них и своего раболепия перед ними. Человек вынужден следовать рискованным наущениям своего научного и изобретательского разума и восхищаться собой за свои великолепные достижения. В то же время его гений демонстрирует опасную тенденцию к изобретению вещей, которые становятся все более и более угрожающими, так как представляют все лучшие способы коллективного самоубийства.

Ввиду лавинообразного роста мирового населения человек уже начал искать пути и средства удержания грозящего людского наводнения. Но природа может предвосхитить все наши попытки, обратив против человека его же собственный созидательный разум. Водородная бомба, например, могла бы с успехом решить проблему перенаселения. Несмотря на наше горделивое превосходство над природой, мы все еще ее жертвы, ибо не научились контролировать свое собственное естество. Медленно, с завидным упорством мы накликаем на себя беду.

Богов, к которым мы могли бы обратиться за помощью, больше нет. Великие религии мира страдают от растущей анемии, потому что боги-покровители бежали из лесов, рек, гор, животных, а богочеловеки скрылись в глубинах бессознательного и там (как нам хочется думать) ведут бесславное существование среди пережитков прошлого. Нашей сегодняшней жизнью владеет богиня Разума, наша величайшая и самая трагическая иллюзия. Мы уверяем себя, что с помощью разума «завоевали природу».

Но это лишь лозунг, так называемое завоевание природы оборачивается проблемой перенаселения планеты, добавляя к нашим бедам хлопот в политическом плане, поскольку люди продолжают ссориться и сражаться за превосходство друг над другом. Так можно ли говорить, что мы «завоевали природу»?

Любое изменение должно где-то начинаться, и начинается оно с человека, способного пережить и претворить его в жизнь. Этим человеком может стать любой из нас. Нет смысла озираться в ожидании, что кто-то другой сделает за нас то, чего не хотим делать мы сами. Но поскольку, похоже, никто не знает, что делать, не стоит ли спросить себя: а не может ли нам помочь мое бессознательное? Ясно, что сознательный разум не способен сделать что-либо полезное в этом отношении. Сегодня человек с болью воспринимает тот факт, что ни его великие религии, ни многочисленные философии не дают ему того мощного воодушевляющего идеала, обеспечивающего безопасность, в которой он так нуждается перед лицом нынешнего состояния мира. Я знаю, буддисты скажут: «Все шло бы так, как надо, если бы люди следовали „благородному восьмеричному пути“ Дхармы и имели правильное понимание самости»[16]. Христианин изречет, что если бы люди верили в Бога, то обрели бы лучший мир. Рационалист будет утверждать, что все наши проблемы были бы разрешены, окажись люди более понимающими и разумными. Трудность заключается в том, что ни один из них сам эти проблемы решить не может.

Христиане часто спрашивают, почему Бог ничего не говорит им, как, согласно верованиям, делал это в прежние времена. Когда я слышу подобные вопросы, то всегда вспоминаю о раввине, которого спросили, как это может быть, что Бог часто являл себя людям в давние времена, а ныне никто его не видит.

[16] Самость — архетип целостности, выражение наиполнейшего человеческого потенциала и единства личности как целого. Регулирующий центр психического. Самость как объединяющий принцип в области человеческой психики занимает центральное место в управлении психической жизнью и поэтому является высшей властью в судьбе индивида.

Рабби ответил: «Сегодня больше не осталось никого, кто мог бы поклониться достаточно низко».

Этот ответ попадает в самую точку. Мы настолько захвачены своим субъективным сознанием, что забыли о стародавнем акте, о том, что Бог творит главным образом через сны и видения. Буддист отвергает мир бессознательных фантазий как бесполезную иллюзию. Христианин помещает Церковь и Библию между собой и своим бессознательным, а рациональный интеллектуал даже не знает, что его сознание — это еще не вся психика. Это невежество торжествует даже сегодня, несмотря на то что более семидесяти лет назад бессознательное уже было основным научным понятием, используемым в любом серьезном психологическом исследовании. Мы не можем больше позволять себе выступать в роли Всемогущего Бога, восседающих судей, рассуждающих о достоинствах и недостатках природных явлений. Мы уже не строим свою ботанику на старомодном разделении растений на полезные и вредные, а зоологию — по наивному делению животных на опасных и безвредных. Но мы по-прежнему самодовольно считаем, что сознание имеет смысл, а бессознательное — явная чепуха. В науке такое высокомерие вызвало бы смех в зале. Имеют или не имеют смысл, скажем, микробы?

Чем бы бессознательное ни было, оно является естественным природным явлением, воспроизводящим осмысленные символы. Нельзя ожидать, что тот, кто ни разу не заглянул в микроскоп, будет специалистом по микробам, так же и тот, кто всерьез не изучал натуральные символы, не может считаться компетентным судьей в этом деле. Однако общая недооценка человеческой души столь велика, что ни великие религии, ни философии, ни научный рационализм не изъявили желания взглянуть на нее дважды.

Несмотря на то что Католическая Церковь допускает появление снов, посланных Богом (somnia a Deo missa), большинство духовных деятелей не предпринимают серьезных попыток понять сны. Я сомневаюсь, что существуют какой-либо

протестантский трактат или доктрина, удостоившие своим вниманием вопрос о восприятии гласа Божьего (vox Dei) во сне. Но если теолог действительно верит в Бога, то какие основания у него считать, что Бог не способен говорить посредством сновидений?

Я более полувека изучал натуральную символику и пришел к выводу, что сновидения и их символы не являются бессмысленными и бестолковыми. Наоборот, сны дают наиболее интересную информацию как раз тем, кто затрудняется понять их символы. Результаты, конечно, имеют мало общего с такими делами, как купля-продажа. Но смысл жизни не определяется всецело лишь успехом в деловой сфере, так же как глубина желаний человеческого сердца не измеряется величиной счета в банке.

Сейчас в истории человечества наступил такой этап, когда все усилия направляются на изучение окружающего нас мира и очень мало внимания уделяется сущности человека, его психике, хотя проводится немало исследований, предметом которых выступают функции сознания. Самая же сложная и неведомая часть разума, производящая символы, до сих пор почти не исследована. Это может показаться почти невероятным, ведь мы получаем сигналы из бессознательного каждую ночь, но расшифровка этих посланий представляется слишком утомительным занятием почти для всех, исключая немногих людей, которых это беспокоит. Величайший инструмент человека — его психика — привлекает мало внимания, зачастую ей попросту не доверяют и презирают ее. Пренебрежительное «это всего лишь психология» часто означает «это ерунда, пустяки, ничего достойного внимания».

Откуда пошли эти повсеместные предрассудки? Очевидно, мы настолько были заняты тем, о чем думали, что совершенно забыли спросить, а что же о нас думает бессознательная часть психического. Идеи Зигмунда Фрейда подтвердили существование презрения к психическому у большинства людей. До него

бессознательным просто пренебрегали и не замечали его, теперь же оно стало свалкой всего морально отвергнутого.

Сегодняшняя точка зрения, конечно, односторонняя и несправедливая. Она не согласуется даже с известными фактами. Фактическое знание о бессознательном показывает, что это природное явление и — как сама Природа — оно, по крайней мере, нейтрально. Бессознательное содержит все аспекты человеческой природы — свет и тьму, красоту и безобразие, добро и зло, мудрость и глупость. Изучение индивидуального и коллективного символизма — задача огромная и до сих пор не решенная. Но начало уже положено. Первые результаты обнадеживают, поскольку они, вероятно, подсказывают ответы на многие не решенные до сих пор вопросы, волнующие человечество сегодня.

Часть 2

Джозеф Хендерсон

ДРЕВНИЕ МИФЫ И СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вечные символы

Древняя история человечества со всей своей многозначительной выразительностью переоткрывается сегодня в символических образах и мифах, переживших древнего человека. Чем глубже археологи «закапываются» в историю веков, тем понятнее, что большую ценность для нас представляют не исторические события как таковые, но изваяния, изображения, храмы и языки, рассказывающие о древних верованиях. Другие символы нам помогают обнаружить филологи и религиозные историки, которые способны перевести эти верования в умопостигаемые современные понятия. В свою очередь, последние оживают в трудах антропологов. Они могут показать, что одни и те же символические образцы и формы могут быть обнаружены в ритуалах и мифах малых клановых общин, существующих на задворках цивилизации, не меняясь столетиями.

Подобные исследования помогли изменить односторонность взглядов тех современных людей, которые полагают, что такие символы являются созданиями людей античности или «отсталых» современных племен и поэтому не имеют ничего общего со сложностями современной жизни. В Лондоне или в Нью-Йорке мы можем посчитать ритуалы плодородия человека неолита архаическим предрассудком. Если кто-нибудь заявит, что у него было видение или же что он слышал голоса, то к нему отнесутся вовсе не как к святому или оракулу. Скажут, что у него умственное расстройство. Мы читаем мифы древних греков или сказания американских индейцев, но нам и в голову не придет увидеть какую-либо связь между ними и нашим отношением к героям или драматическим событиям сегодняшнего дня.

Однако же, такие связи имеются. И те символы, которые их представляют, не утратили своего релевантного значения для человечества.

Один из главных вкладов нашего времени в понимание и переоценку таких вечных символов был сделан Школой аналитической психологии д-ра Юнга. Здесь смогли разрушить случайным образом установленное различие между первобытным человеком, для которого символы являются естественной частью повседневной жизни, и современным человеком, для которого символы, по всей видимости, вещи ничего не значащие и практического смысла не имеющие.

Как д-р Юнг ранее показал в этой книге, человеческий разум имеет свою собственную историю и психическое удерживает в своей памяти множество следов, оставленных предшествующими стадиями его развития. Кроме того, сами содержания бессознательного оказывают формообразующее влияние на психику. Сознательно мы можем их игнорировать, но бессознательно мы на них реагируем, реагируем и на те символические формы — включая сновидения, — в которых они себя выражают.

Индивид может чувствовать, что его сновидения спонтанны и бессвязны. Но через какой-то промежуток времени аналитик обнаруживает в них некую серию образов, несущих в себе значимый рисунок, образчик, паттерн; и усвоив это на сознательном уровне, его пациент в конце концов приобретает новое отношение к жизни. Некоторые из символов в таких сновидениях проистекают из того, что д-р Юнг назвал «коллективным бессознательным», а именно той частью психического, которая удерживает и передает общее психологическое наследие человечества. Эти символы оказываются настолько древними и незнакомыми современному человеку, что он не в силах понять или усвоить их.

Вот тут-то и может помочь аналитик. Пациенту необходимо освободиться от бремени или даже обузы символов, которые устарели, утратили свою свежесть и новизну и перестали соот-

ветствовать текущему моменту. Или же ему необходимо помочь раскрыть незыблемую ценность старого символа, который — еще столь далекий от какого-либо увядания — ищет возрождения в современной форме.

Но до того как аналитик сможет эффективно исследовать значения символов у пациента, он должен сам получить достаточно широкое знание об их происхождении и значении. Важно помнить, что сходство между древними мифами и историями, разворачивающимися в сновидениях современных пациентов, носит неслучайный и нетривиальный характер. Оно существует, потому что бессознательный разум современного человека сохраняет символопорождающую способность, которая однажды нашла свое выражение в верованиях и ритуалах первобытных людей. И эта способность по-прежнему играет роль чрезвычайной психической важности. В гораздо большей степени, чем мы можем себе это представить, мы зависим от тех сообщений, которые доставляются нам такими символами, под их глубоким воздействием находятся наши установки, отношения и наше поведение.

Например, во время войн у людей обнаруживается возрастающий интерес к произведениям Гомера, Шекспира или Толстого, и мы с новым пониманием прочитываем те фрагменты из их книг, которые показывают войну в ее «бессмертном», или архетипическом, смысле. Эти описания вызывают у нас ответную реакцию, которая оказывается гораздо более глубокой, чем она могла бы быть у кого-то, кто никогда не сталкивался с эмоциональным переживанием войны. Битвы на равнинах Трои совершенно не похожи на сражения Грюн-вальда или Бородино, однако великие мастера слова оказались способны выйти за границы времени и места действия и выразить саму тему, которая универсальна. Мы реагируем, потому что эта тема фундаментально символична.

Еще более поразительный пример известен каждому, кто вырос в христианском обществе. На Рождество мы выражаем свои чувства по поводу мифологического рождения полубо-

жественного дитяти, даже если не верим в непорочное зачатие Христа Девой Марией или же вовсе не являемся верующими. Бессознательно мы погружаемся в символизм возрождения. Это остаточный след неизмеримо более древнего праздника солнцестояния, служившего утверждению надежды, что блекнущий зимний пейзаж Северного полушария вновь возродится. При всей нашей умудренности мы получаем удовлетворение в этом символическом празднике, точно такое же, как от участия вместе с детьми в пасхальных торжествах, включающих ритуал окрашивания пасхальных яиц.

Но понимаем ли мы то, что делаем, понимаем ли мы связь между историей рождения, смерти и воскресения Христа и народным символизмом Пасхи? Как правило, мы даже не удосуживаемся взглянуть на эти вещи, подключив интеллект.

Однако они взаимодополняют друг друга. Распятие Христа на Страстную пятницу кажется, на первый взгляд, вписывающимся в ту же схему символики плодородия, которую мы находим в ритуалах, связанных с другими «спасителями», такими как Осирис, Таммуз, Орфей и Балдер. Все они были божественного или полубожественного происхождения, преуспевали в своем предназначении, были убиты, а затем возродились. Фактически они принадлежали циклическим религиям, в которых смерть и возрождение бога-короля были вечно повторяющимися мифами.

Однако с обрядовой точки зрения воскрешение Христа в Пасхальное воскресенье весьма проигрывает символике циклических религий. Христос вознесся и занял место по правую руку Бога Отца: его воскресение свершилось раз и навсегда.

Именно эта завершенность христианского понятия воскресения и является тем, что отличает христианство от других мифов бога-короля (христианская идея Страшного суда имеет сходный «закрытый» аспект). Все свершилось лишь однажды, и ритуал празднует уже свершенное. Но это ощущение завершенности является, возможно, одной из причин, почему ранние христиане, все еще пребывавшие под влиянием дохристианских традиций, почувствовали, насколько христианство необходи-

мо дополнить некоторыми элементами более древнего ритуала плодородия. Им требовалось периодически повторяющееся обещание возрождения, и это как раз то, что символизируют окрашенные пасхальные яйца.

Я привел два совершенно разных примера, чтобы показать, как современный человек продолжает реагировать на глубокие психические воздействия подобного рода, которые сознательно он относит к разряду россказней о всяких суевериях и небылицах необразованных людей. Но необходимо понимать, что такого подхода явно недостаточно. Чем внимательнее всматриваешься в историю символизма и в ту роль, которую символы сыграли в жизни самых разных культур, тем глубже понимаешь, что эти символы несут в себе рекреативное значение.

Некоторые символы связаны с детством и с переходом в юношество, другие — со зрелостью, а последующие — с опытом старости, когда человек готовится к своей неизбежной смерти. Д-р Юнг описал, как сны восьмилетней девочки содержали символы, которые в обычных условиях ассоциируются с пожилым возрастом. Ее сновидения представляли аспекты инициации в жизнь в той же самой архетипической форме, в какой осуществляется инициация в смерть. Поэтому подобная прогрессия символических идей может иметь место в сфере бессознательного разума современного человека, аналогично тому, что происходило в ритуалах древних общин.

Эта принципиальная решающая связь между архаическими или первобытными мифами и символами, продуцируемыми бессознательным, являет собой огромную практическую важность для аналитика. Она позволяет ему идентифицировать и интерпретировать эти символы в контексте, который задается как исторической перспективой, так и психологическим значением. Теперь мне хотелось бы на примере некоторых наиболее важных мифов античности показать, как и почему они перекликаются с тем символическим материалом, с которым мы сталкиваемся в своих сновидениях.

Герои и их создатели

Миф о герое является самым распространенным и наиболее известным во всем мире мифом. Его можно обнаружить в классической мифологии Греции и Рима, в Средние века, на Дальнем Востоке, среди современных первобытных племен. Появляется он также и в наших сновидениях. Миф о герое притягателен прежде всего своим драматизмом, к тому же он несет в себе, хотя и в менее очевидном виде, очень важный психологический аспект.

Мифы о героях невероятно разнообразны в деталях, но стоит более внимательно присмотреться к ним, как становится очевидным, что структурно они очень похожи. Они имеют, так сказать, универсальную схему даже в тех случаях, когда сюжетно они разрабатывались группами или отдельными авторами без всяких прямых культурных контактов друг с другом, например африканскими племенами, или североамериканскими индейцами, или греками, или инками Перу. Снова и снова можно услышать рассказ, описывающий чудесное, обычно в неизвестности, рождение героя, раннее свидетельство его сверхчеловеческой силы, быстрое восхождение к славе или могуществу, его победоносную битву с силами зла, впадение во грех гордыни, последующее низвержение в результате предательства или героическую жертву, ведущие его к гибели.

Позже я объясню более детально, почему я думаю, что эта схема имеет психологическое значение как для отдельного индивида, который старается обнаружить и утвердить свою личность, так и для всего общества, которое имеет ту же потребность в установлении своей коллективной идентичности. Но и другая важная характеристика мифа о герое дает ключ к разгадке. Во многих подобных историях первоначальная слабость ге-

роя уравновешена появлением сильных «покровителей» — опекунов, попечителей, — они дают герою возможность исполнить сверхчеловеческие задачи, которые он не смог бы завершить, не имея подобной помощи. Так, среди греческих героев у Тезея покровителем был морской бог Посейдон; у Персея — Афина; учителем Ахилла был мудрый кентавр Хирон.

Эти божественные существа фактически являются символическими представителями целостной психики, более глубокой и понимающей личности, снабжающей личностное эго той силой, которой ему недостает. Особая роль покровителей предполагает, что существенной функцией героического мифа является развитие эго-сознания индивида, осознание им своей собственной силы и слабости, причем таким способом, который вооружит его для осуществления трудных задач, с которыми герою предстоит столкнуться в жизни.

Как только индивид прошел инициирующее испытание и вступил в зрелую фазу жизни, миф о герое утрачивает для него свое значение. Символическая смерть героя становится, так сказать, победой зрелости.

До сих пор я ссылался на законченный миф о герое, в котором тщательно описан полный цикл от рождения до смерти. Однако весьма важно понимать, что каждой стадии в этом цикле соответствуют особые формы героических историй. Каждая из них повествует об определенном этапе, достигнутом индивидом в процессе развития его эго-сознания, а также о трудностях, с которыми сталкивается герой в тот или иной момент. Иными словами, эволюция образа героя отражает все стадии развития человеческой личности.

Эта идея может быть понята гораздо легче, если я представлю ее в схематической форме. Я возьму свой пример из мифологии малоизвестного североамериканского племени индейцев виннебаго, поскольку в их сказаниях достаточно ясно выделяются четыре стадии эволюции героя. В этих историях (которые д-р Пол Радин опубликовал в 1948 году под названием «Героические циклы виннебаго») можно увидеть переход от самого при-

митивного к наиболее глубокому представлению о герое. Это развитие — характерная черта и других героических циклов. И хотя символические фигуры, естественно, выступают в них под разными именами, их роли тем не менее весьма схожи, и лучше разобраться в сути вопроса нам поможет этот конкретный пример.

Д-р Радин отмечает четыре отдельных цикла в эволюции мифа о герое. Он назвал их цикл Плута, цикл Зайца, цикл Красного Рога и цикл Близнецов. Д-р Ра-дин точно почувствовал саму психологию этой эволюции, когда сказал: «В ней представлены наши попытки бороться с проблемой взросления, поддерживаемые иллюзией вечного вымысла».

Цикл Плута соответствует самому раннему и в наименьшей степени развитому периоду жизни. Плут — это фигура, чье поведение определяют его физические потребности, у него детский склад ума. Не имеющий иных желаний, кроме как удовлетворения своих первичных потребностей, Плут жесток, циничен и бесчувственен (современные истории о братце Кролике и братце Лисе сохраняют основные элементы мифа о Плуте). Этот персонаж, вначале принимающий форму животного, переходит от одной зловредной озорной проделки к другой. Со временем он меняется, и в конце своего жульнического пути начинает обретать внешнее сходство со взрослым человеком.

Следующий персонаж — Заяц. Он, как и Плут (чьи животные черты зачастую представлены у американских индейцев в образе койота), вначале появляется в виде животного. Он также не достиг еще зрелости, но тем не менее выступает как основатель человеческой культуры — в роли Преобразователя. Виннебаго верят, что, дав им знаменитый Медицинский ритуал поедания пейотля, он стал их спасителем, равно как и культурным героем. Этот миф был настолько мощным, рассказывает нам д-р Радин, что приверженцы этого ритуала не хотели уступать Зайца, когда в жизнь племени стало проникать христианство. Он слился с фигурой Христа, и некоторые из соплеменников доказывали, что Христос им не нужен, поскольку у них уже есть Заяц. Эта

архе-типическая фигура демонстрирует явное преимущество перед Плутом: Заяц воплощает социализированное бытие, корригируя инстинктивные и инфантильные побуждения, которые господствуют в цикле Плута.

Красный Рог, третий в этой героической серии персонаж, — личность весьма двусмысленная. О нем известно, что он самый младший из десяти братьев. Он соответствует требованиям архетипического героя: утверждает себя в сражениях и с успехом выдерживает такие испытания, как состязание в беге. Его сверхчеловеческая мощь проявляется в умении побеждать гигантов с помощью коварства (при игре в кости) или силы (в состязаниях по борьбе). Есть у него и могущественный спутник в образе гром-птицы по кличке Приносящая Бурю, сила которой компенсирует любую возможную слабость, выказываемую Красным Рогом. В случае с Красным Рогом мы достигаем мира человека, хотя и здесь, в этом архаичном мире, чтобы гарантировать человеческую победу над окружающими его силами зла, необходима помощь либо сверхчеловеческих сил, либо богов-«опеку-нов». В завершение этой истории божественный покровитель покидает Красного Рога и его сыновей, оставляя их на земле. Теперь уже от них самих исходят опасность и безопасность для человеческого счастья.

Эта основная тема — повторяющаяся и в последнем цикле, цикле Близнецов, — фактически поднимает главный жизненный вопрос: сколь долго человеческие существа могут действовать успешно без того, чтобы оказаться жертвами собственной гордости или — на мифологическом языке — ревности к богам?

Хотя о Близнецах и говорится, что они сыновья Солнца, по своей сути они люди; кроме того, они люди, которые в совокупности составляют одну личность. Изначально единые в материнской утробе, при рождении они были насильственно разъединены. Однако они продолжают принадлежать друг другу, и необходимо — хотя и чрезвычайно трудно — объединить их вновь. В этих двух существах мы видим две стороны человеческой природы. Одна из них — Плоть — податлива, мягка, кротка

и безынициативна; другая — Задира — подвижна и непокорна. В некоторых историях о героях-Близнецах их качества доведены до известного совершенства: одна фигура являет интроверта, главная сила которого зиждется в силе его ума и способности к рефлексии, а другая — экстраверта, человека действия, способного совершать великие дела.

Довольно долго оба героя оказываются непобедимыми: везде, где бы они ни появлялись как два отдельных человека или в образе «два-в-одном», они все сметали на своем пути. Однако, как и другие божественные воины в мифологии индейцев навахо, они в конце концов устали от собственной силы и могущества. Ни на небе, ни на земле не осталось больше ни одного чудища или монстра, которых Близнецам надо было бы одолеть, и тогда их дикое, ничем не оправданное поведение привело к заслуженному возмездию. Виннебаго повествуют, что не было больше места, которому не угрожала бы опасность их нападения, включая даже устои, на которых покоится земля. Когда Близнецы убили одного из четырех животных, поддерживавших землю, наступил момент положить конец их деяниям. И смерть была тем наказанием, которое они заслужили.

Таким образом, в циклах Красного Рога и Близнецов мы встречаем тему жертвы или смерти героя как необходимого средства для излечения от гордыни, превзошедшей самое себя. В первобытных обществах с уровнем культуры, соответствующим циклу Красного Рога, угрожающая миропорядку опасность могла быть предотвращена, благодаря принесению искупительного жертвоприношения, человеческого жертвоприношения, — тема, сохраняющая огромную символическую важность и постоянно повторяющаяся в человеческой истории. Винне-баго, как и ирокезы, и некоторые алгонкинские племена, вероятно, ели человеческое мясо в качестве элемента то-темического ритуала, который был нацелен на смирение их индивидуалистических и деструктивных импульсов.

В европейской мифологии на примерах предательства или поражения героя тема ритуальной жертвы рассматривается

более специфично, а именно как наказание за высокомерие. Но виннебаго, как и навахо, не идут столь далеко. Хотя Близнецы и нагрешили, за что получили наказание в виде смерти, они сами оказались настолько напуганными своим безответственным могуществом, что согласились жить в состоянии постоянного покоя: конфликтующие стороны человеческой природы вновь пришли к равновесию.

Я дал столь подробное описание четырех типов героя постольку, поскольку оно достаточно ясно демонстрирует паттерн (модель), возникающий как в исторических мифах, так и в героических сновидениях современного человека. В этом контексте рассмотрим сон пациента средних лет. На примере толкования данного сновидения становится понятно, как аналитический психолог может, исходя из знания мифологии, помочь своему пациенту найти ответ на вопрос, представляющий собой, казалось бы, неразрешимую загадку. Этому человеку приснилось, что он находился в театре в роли «важного зрителя, чье мнение было достаточно весомо». На сцене на пьедестале, окруженном людьми, сидела белая обезьяна.

«Мой гид объяснил мне происходящее. Это тяжелое испытание молодого матроса, стоящего на сильном ветру, его должны подвергнуть порке. Я стал возражать, что белая обезьяна вовсе никакой не матрос, но как раз в этот момент появился молодой человек в черном. Я подумал, что он-то и должен быть настоящим героем. Тут я увидел, как другой красивый молодой человек направляется к алтарю и распластывается на нем. Какие-то люди делают отметины на его обнаженной груди, подготавливая таким образом к принесению его в качестве человеческой жертвы.

Затем я обнаружил, что нахожусь на возвышении вместе с другими людьми. Мы можем спуститься по маленькой лестнице, но я колеблюсь поступить так, поскольку внизу стоят два юных хулигана и мне кажется, что они к нам пристанут. Но когда одна женщина из нашей группы воспользовалась лестницей и ее никто не тронул, я понял, что этот путь безопасен, и тогда все остальные последовали за женщиной».

Сон подобного рода невозможно истолковать быстро и просто. Необходимо распутывать его осторожно, чтобы показать не только его связь с жизнью сновидца, но и более широкое символическое значение. Пациент, увидевший этот сон, был в физическом смысле зрелым человеком. Он довольно успешно строил свою карьеру и явно преуспевал в качестве мужа и отца. Однако психологически он все еще оставался недостаточно зрелым, не завершив и юношескую стадию развития. В сновидении в представленных аспектах мифа о герое как раз и выразилась его психологическая незрелость. Сновид-ческие образы все еще оказывали свое действие. Они оставались привлекательными, воздействуя на его воображение, хотя весьма подыстощились в своих значениях, выражаясь языком реальной повседневной жизни.

Итак, в этом сне мы видим серию образов, представленных в театральной манере и воплощающих различные аспекты фигуры, которую сновидец наблюдает в предвкушении, что она окажется настоящим героем. Вначале это белая обезьяна, затем матрос, третьим появляется молодой человек в черном и, наконец, «красивый молодой человек». В первой половине представления, демонстрирующей тяжелое испытание матроса, сновидец видит только белую обезьяну. Внезапно появляется мужчина в черном и так же внезапно исчезает — это новый персонаж, противопоставленный белой обезьяне, на какой-то момент в спешке он и воспринимается как подлинный герой. Подобная неразбериха в сновидениях — вещь обычная. Здесь сновидец представлен достаточно ясными образами бессознательного, что, вообще-то говоря, случается далеко не всегда. Он должен разобраться в смысле и значении самой последовательности противопоставлений, контрастов и парадоксов.

Существенно и то, что все фигуры появляются в контексте театрального представления, и этот контекст, по всей видимости, прямо указывает сновидцу на его собственное лечение анализом. «Гид», предположительно, подразумевает психоаналитика. Однако сновидец не рассматривает себя как пациента,

проходящего лечение у доктора, но как «важного зрителя, с чьим мнением считаются». Такая позиция очень удобна, с нее сновидец видит определенные фигуры, которые ассоциирует с опытом роста. Белая обезьяна, например, напоминает ему игривое и отчасти необузданное поведение мальчиков в возрасте от семи до двенадцати лет. Матрос воплощает в себе риск и лихую смелость ранней юности вкупе с вытекающими отсюда последствиями: наказанием «поркой» за безответственные проделки. Сновидец не смог предложить ассоциаций к образу молодого человека в черном, но в «красивом молодом человеке», которого готовили для принесения в жертву, он увидел напоминание жертвенного идеализма поздней юности.

На этом этапе уже есть возможность собрать вместе исторический материал (или архетипические образы героя) и данные из личного опыта сновидца, с тем чтобы увидеть, насколько они подтверждают, противоречат или оценивают друг друга.

Первый вывод заключается в том, что белая обезьяна воплощает Плута — или, по крайней мере, те черты личности, которые виннебаго традиционно приписывают Плуту. Но для меня обезьяна символизирует также нечто, что сновидец не пережил для себя лично и адекватно, ведь он говорит, что в сновидении он зритель. Я выяснил, что в мальчишеский период сновидец был чрезвычайно привязан к своим родителям и обнаруживал склонность к самонаблюдению. В силу этих причин он никогда не проявлял в своем поведении неистовости, буйности, столь характерных для периода взросления, он не участвовал и в играх своих сверстников. Он не имел, как обычно выражаются, «склонности к обезьянничанью», или, иначе, не стремился к переживанию в себе обезьяннего гвалта. Подобное сравнение несет в себе и ключ к разгадке: обезьяна в сновидении является фактически символической формой фигуры Плута.

Но почему Плут должен был появиться в виде обезьяны? И почему она должна была быть белой? Как уже упоминалось, миф виннебаго говорит нам, что ближе к концу цикла Плут начинает приобретать физическое сходство с человеком. И в опи-

сываемом сновидении обезьяна настолько близка к человеческому облику, что выглядит забавной и смешной и совершенно безопасной карикатурой на человека. Сам сновидец не может предложить никакой личной ассоциации, способной хоть как-то прояснить, почему обезьяна оказалась белой. Но, основываясь на знании первобытного символизма, можно предположить, что белизна придает особое качество или свойство богоподобности этой во всех остальных отношениях банальной фигуре. (Альбиносы почитаются священными во многих первобытных общинах.) Это вполне совпадает с полусвященной или полумагической силой Плута.

Таким образом, получается, что белая обезьяна символизирует для сновидца положительное качество детской игривости, которую он в свое время недостаточно усвоил и пережил и которую теперь он призван превознести. В самом сне обезьяна помещена на возвышение, своего рода «пьедестал», на котором становится чем-то большим, нежели утраченным детским переживанием. Для взрослого человека это символ творческого экспериментирования.

Далее наступает замешательство по поводу обезьяны. Действительно ли это она является матросом, которого должны подвергнуть порке? Собственные ассоциации сновидца указывают на смысл подобного превращения. Но в любом случае следующая стадия в человеческом развитии есть та, в которой безответственность детства уступает периоду или этапу социализации, а это подразумевает и подчинение болезненной дисциплине. Можно было бы поэтому сказать, что матрос — это продвинутая или более развитая форма Плута, превратившегося в социально ответственную личность путем сурового инициирующего испытания. Опираясь на историю символизма, можно предположить, что ветер представляет естественные стихии в этом процессе, а порка являет собой порождение человеческой природы.

Уже здесь мы получаем ссылку-указание на процесс, который виннебаго описывают в цикле Зайца: культурный герой сража-

ется, хотя и слаб; он готов пожертвовать детством ради своего дальнейшего развития. На этой стадии сновидения пациент вынужден признать свою неудачу относительно полноты переживания одного из важных аспектов детства и ранней юности. Он упустил мир ощущений игривого ребенка, а позже — более изощренные проделки юного подростка, так что теперь он ищет какие-то способы, с помощью которых эти утраченные переживания и, соответственно, личностные качества могут быть реабилитированы.

В сновидении затем происходит любопытная перемена. Появляется молодой человек в черном, и в какой-то момент сновидец чувствует, что это и есть «настоящий герой». Собственно, это все, что мы знаем о мужчине в черном, однако мимолетное впечатление затрагивает достаточно важную тему, возникающую в сновидениях довольно часто.

Речь идет о понятии «тень», играющем в аналитической психологии жизненно важную роль. Д-р Юнг указывал, что тень, отбрасываемая сознательным разумом индивида, содержит спрятанные, подавленные и нелицеприятные аспекты личности. Но сама темнота — это не просто перевернутое сознательное эго. Точно так же, как эго содержит нелицеприятные и разрушительные установки, тень имеет положительные качества, нормальные влечения и творческие побуждения... Эго и тень фактически, хотя и порознь, сложным запутанным образом связаны друг с другом, — нечто подобное мы наблюдаем в связанности друг с другом мышления и чувства.

И тем не менее эго пребывает в конфликте с тенью, конфликте, который Юнг назвал однажды «битвой за освобождение». В борьбе первобытного человека за обретение сознания этот конфликт воплощен в состязании между архетипическим героем и космическими силами зла, персонифицированными в драконах и других чудовищах. В растущем сознании индивида фигура героя является символическим средством, с помощью которого проявляющееся эго преодолевает инерцию бессознательного разума и освобождает зрелого человека от подавляющего

стремления вернуться в блаженное состояние младенчества, в мир, управляемый его матерью.

Обычно мифологический герой выигрывает свое сражение против чудовища. (Позже мы разберем это подробнее.) Но существуют и другие мифы о герое, в которых последний уступает чудовищу. Известным примером этого является библейская история об Ионе и ките, в которой герой проглочен морским чудовищем, тащу-щим Иону в плавание по ночному морю с запада на восток. Последнее обстоятельство символизирует воображаемый переход солнца от заката до рассвета. Герой по-125

гружается во тьму, представляющую своего рода смерть. Мне пришлось столкнуться с этой темой в сновидениях на базе собственного клинического опыта.

Сражение между героем и драконом представляет более активную форму этого мифа, и оно более ясно показывает архетипическую тематику триумфа эго над регрессивными тенденциями. Для большинства людей темная, или негативная, сторона их личности остается бессознательной. Герой же, напротив, должен осознавать, что тень существует и что из нее можно извлечь силу. Он должен найти общий язык с разрушительными силами, если хочет стать достаточно сильным и внушающим страх, чтобы победить дракона. То есть эго может праздновать победу лишь после того, как оно овладеет и ассимилирует саму тень.

Отголоски данного разговора можно уловить в хорошо известном литературном героическом персонаже — Фаусте Гёте. Принимая пари Мефистофеля, Фауст передает себя во власть «теневой» фигуры, которую Гёте описывает как «часть той силы, что вечно ищет зла, и вечно совершает благо». Как и человек, сон которого обсуждался выше, Фауст потерпел неудачу, ему не удалось прожить со всей полнотой важную часть своего детства и юности. Поэтому его можно назвать оторванной от реальной жизни, незаконченной личностью, растерявшей себя в бесплодной погоне за метафизическими целями, которые так и не получилось материализовать. В результате он оказался не готов при-

нять вызов, брошенный ему жизнью, и соединить в себе доброе и злое начало.

Вероятно, «молодой человек в черном» во сне моего пациента как раз и олицетворяет эту теневую сторону бессознательного. Подобное напоминание о теневой стороне его личности, о ее мощном потенциале и роли в подготовке героя к жизненной борьбе является существенным переходом от первоначальных этапов сновидения к теме жертвенного героя — красивого молодого человека, который возлег на алтаре. Эта фигура воплощает в себе ту форму героизма, которая обычно ассоциируется с процессом построения эго в поздней юности. Человек выражает идеальные принципы своей жизни, ощущая при этом их силу, как в стремлении преобразовать самого себя, так и в возможности изменить свои отношения с другими людьми. Он находится в расцвете юности, привлекательный, полный энергии и идеалов. Но почему же тогда он с готовностью предлагает себя в качестве жертвы?

Предположительно, причина оказывается той же самой, что и в случае Близнецов из мифа виннебаго, уступивших свою власть и могущество в обмен на боль разрушения. Идеализм юности, столь сильно преследующий человека, граничит со сверхсамонадеянностью: человеческое эго может быть вознесено до переживаний богоподобных установок лишь за счет собственного самообмана или свалившегося на голову несчастья. (Именно здесь скрыт смысл истории об Икаре, юноше, вознесшемся к небесам на своих хрупких, сделанных человеческими руками крыльях. Икар слишком близко приблизился к солнцу, что и послужило причиной его роковой гибели.) Юное эго призвано вечно подвергаться риску, поскольку, если молодой человек не стремится к более высокой цели, чем та, которую он может легко и безопасно достичь, он не сумеет преодолеть рубеж между юностью и зрелостью.

До сих пор я говорил о тех выводах, которые мой пациент мог сделать, основываясь на личных ассоциациях в отношении собственного сна. Однако существует и архетипический уро-

вень сновидения — тайна предлагаемой человеческой жертвы. Не случайно — поскольку это тайна — она выражена в ритуальном действии, которое в своем символизме уводит нас далеко назад, в глубь человеческой истории. В человеке, распростертом на камне, мы видим связь с еще более древним обрядом, чем тот, что совершался на алтарном камне в Стоунхед-же. Там, как и во многих первобытных алтарях и кумирнях, проводили ритуал, посвященный ежегодному солнцестоянию, соединенный со смертью и воскресением мифологического героя.

Ритуал пронизан скорбью, но в то же время и радостью, идущей от внутреннего понимания того, что смерть ведет к новой жизни. Будь то прозаический эпос индейцев виннебаго, плач по Бальдеру в древнескандинавских сагах, стихи Уолта Уитмена, созданные по случаю похорон Авраама Линкольна, или же сновидческий ритуал, в котором человек возвращается к своим юношеским надеждам и страхам, — все это одна и та же тема: драма нового рождения через смерть.

Конец сна дает нам любопытный эпилог, теперь сновидец оказывается вовлеченным в само действие в сновидении. Он вместе с другими находится на пьедестале, с которого им нужно спуститься. Сновидец не доверяет лестнице из-за возможного вмешательства хулиганов, находящихся внизу, но женщина содействует его вере в то, что он может спуститься вполне безопасно (что в конце концов и происходит). Из его ассоциаций обнаружилось, что весь спектакль, который он наблюдал, являлся частью его анализа — процесса внутреннего изменения, переживаемого им самим. И в этом процессе он предположительно размышлял о трудности своего возвращения обратно к повседневной реальности. Его страх перед «хулиганами», как он их сам назвал, означал страх перед возможностью воплощения архетипа Плута в коллективной форме.

Спасающими элементами в сновидении являются лестница, сделанная человеческими руками и являющаяся здесь символом рационального разума, и присутствие женщины, которая вдохновляет и ободряет сновидца воспользоваться этой лестницей.

Появление женщины в финальной сцене сновидения указывает на психическую потребность включить женское начало как дополнение ко всей чрезмерно мужской деятельности.

Сказанное выше, а также тот факт, что для разъяснения конкретного сна я использовал миф виннебаго, вовсе не означает, что для истолкования сновидений необходимо обязательно найти исчерпывающие, но абсолютно не естественные параллели между их содержанием и сюжетами из истории мифологии. Каждый сон является событием сугубо индивидуальным, и точная форма, которую сон принимает для самого сновидца, определяется собственной ситуацией последнего. То, что хотел показать я, это манера или способ, в которой или в котором бессознательное извлекает сам архетипический материал и модифицирует свои паттерны в соответствии с потребностями сновидца. Так что в данном сновидении нет необходимости искать прямые намеки или ссылки на то, что описывают виннебаго в циклах Красного Рога или Близнецов; здесь мы, скорее, видим отсылку к самой сути этих тем — к жертвенному элементу в них.

В качестве общего правила можно сформулировать ту мысль, что потребность в символах героя возникает всякий раз тогда, когда эго нуждается в укреплении, в усилении своего статуса, — когда, так сказать, сознательный разум нуждается в помощи при решении какой-то задачи, не решаемой без помощи или без нахождения источников силы, которой располагает бессознательный разум. В обсуждаемом нами сновидении не было никаких намеков или ссылок на какой-либо из многих важных аспектов мифа о типичном герое, — например, его способности спасать или охранять красавицу от чудовищной опасности. (Девица в горюющем или тяжелом положении служила излюбленным мифом средневековой Европы.) Это один из путей, по которым миф или сновидения соотносятся с анимой — женским элементом мужской психики, которую Гёте назвал «Вечной женственностью».

Природа и функция этого женского элемента будут обсуждены ниже, в главе, написанной д-ром фон Франц. Но его связь

с фигурой героя может быть проиллюстрирована здесь сном, увиденным другим пациентом, мужчиной зрелых лет. Он начал свое описание сна так:

«Я возвратился из длительного странствия по Индии. Подготовиться к путешествию мне и моему другу помогала одна женщина. Возвратившись, я упрекнул ее за то, что она забыла снабдить нас черными дождевиками, и рассказал ей, как по причине подобного недосмотра мы вымокли под дождем до нитки».

Это вступление к сновидению, возникшему позднее, относится к тому периоду в юности этого человека, когда он предпринял «героическое» путешествие через опасную горную страну в компании с приятелем по колледжу. (Так как он никогда в Индии не был, на фоне его собственных ассоциаций с данным сновидением я пришел к выводу, что путешествие во сне означало исследование им новой области — не реального, так сказать, места, а области бессознательного.)

В своем сновидении пациент, по всей видимости, чувствует, что женщина — предположительно персонификация его анимы — неудачно подготовила его к такой экспедиции. Отсутствие необходимого дождевика ведет к тому, что он ощущает себя незащищенным в смысле состояния его разума, в котором он с неудобством для себя подвергается новым и не всегда приятным переживаниям. Он считает, что эта женщина должна была снабдить его дождевиком, точно так же, как в свое время, когда он был мальчиком, мать обеспечивала его одеждой. Данный эпизод есть реминисценция ранних приключенческих блужданий, когда сновидца поддерживало убеждение, что его мать (изначальный женский образ) сможет защитить его от всех внешних опасностей. По мере того как он становился старше, сновидец понимал, что это была детская иллюзия, и теперь он связывает свою неудачу не с образом матери, а с собственной анимой.

Далее пациент переходит к следующему эпизоду сна и говорит об участии в странствии с группой людей. Он почувствовал, что устал, и вернулся ко входу в ресторан, где обнаружил свой

плащ вместе с дождевиком, который забыл раньше. Тут он присаживается отдохнуть и, отдыхая, замечает афишу, объявляющую, что в пьесе о Персее участвует мальчик, ученик местной школы. Затем появляется и сам этот мальчик, — он оказывается вовсе не мальчиком, а рослым и сильным молодым человеком. На нем серая с черным шляпа, и он присаживается для разговора с другим молодым человеком, одетым в черный костюм. Сразу же после этой сцены сновидец ощущает новый прилив сил и бодрости и находит, что способен вновь присоединиться к своим попутчикам. Теперь уже они все карабкаются на следующий холм. С вершины он видит внизу цель их путешествия — это весьма живописный приморский городок с гаванью. Это открытие придает ему новые силы.

Здесь по контрасту с беспокойным, некомфортным и одиноким странствием первого эпизода сновидения сновидец находится с группой. Контраст высвечивает перемену от первоначального паттерна изоляции и юношеского вызова к социализирующему влиянию взаимоотношений с другими людьми. Это подразумевает не только новую способность к связи с другими, но также и то, что его анима должна теперь функционировать лучше.

Сновидец устал, и сцена у ресторана отражает его потребность взглянуть на свои прежние установки в новом свете, с надеждой обновить свои силы регрессией. Так и получается. Первое, что он видит, — это афиша, сообщающая, что роль Персея будет исполнять ученик из местной школы. Затем он видит и самого этого ученика, но уже не мальчиком, а молодым мужчиной; рядом с ним находится его приятель, внешне они резко контрастируют друг с другом. Первый одет в светлое, второй — в черное. Исходя из сказанного выше, в них можно узнать мифических Близнецов. Оба выступают как героические фигуры, отражающие противоположности эго и альтер-эго, но появляющиеся в данном случае в гармонической и единой связи.

Ассоциации пациента подтвердили это предположение: фигура в сером олицетворяла приспособленность к жизни в мир-

ском смысле, в то время как в фигуре в черном воплотилась духовная жизнь, очевидна ассоциация с черным одеянием священнослужителей. То, что на них были надеты шляпы (а теперь и сновидец нашел свою собственную), указывает на достижение относительной зрелости. Такой зрелости, которой сновидцу как личности недоставало в ранние юношеские годы, когда плутовство (от Плута) все еще цепко держало его в своих «объятиях», несмотря на весь идеалистический образ самого себя как искателя мудрости.

Его ассоциация с греческим героем Персеем была любопытна и оказалась чрезвычайно существенной, поскольку в ней обнаружилась грубая неточность. Сновидец думал, что Персей был тем героем, который убил Минотавра и с помощью клубка ниток, данного Ариадной выбрался из Критского лабиринта. Когда по моей просьбе он записывал его имя, то сам обнаружил свою ошибку — это был Тезей, а не Персей, — ошибка вдруг стала значимой, — подобное часто случается с явлениями такого рода, — поскольку обратила его внимание на сходство этих героев. Каждый из них должен был преодолеть свой страх перед бессознательными демоническими материнскими силами и каждый должен был освободить от этих сил одинокую юную женскую душу.

Персей должен был отрезать голову Медузы Горгоны, чей ужасающий вид и волосы-змеи превращали всех, кто посмел взглянуть на них, в камень. Затем он должен был победить дракона, сторожившего Андромеду. Тезей воплощал юный патриархальный дух Афин, который должен был смело противостоять ужасу Критского лабиринта с его чудовищным обитателем, Минотавром, в свою очередь символизировавшим упадок матриархального Крита. (Во всех культурах лабиринт сохраняет значение запутывания и приведения в беспорядок мира матриархального сознания; он может быть пройден только теми, кто готов к особому посвящению в таинственный мир коллективного бессознательного.) Преодолев эту опасность, Тезей спас Ариадну, девушку, оказавшуюся в беде. Это спасение символизиру-

ет освобождение анимы из пожирающего аспекта материнского образа. Пока этого не произошло, мужчина не может достичь своей первой способности оказываться в связи с женщиной.

Тот факт, что сновидец потерпел фиаско в деле правильного отделения анимы от матери, выявился в другом сне, в котором он столкнулся с драконом — символическим образом «пожирающего» аспекта его привязанности к своей матери. Дракон преследовал его, и поскольку у сновидца не было оружия, то он испытал все ужасы такой схватки.

Знаменательно, однако, что в этом сне появилась его жена, и ее появление сделало дракона в какой-то степени менее угрожающим. Эта перемена в сновидении показала, что в своем браке сновидец был запоздало охвачен привязанностью к своей матери. Другими словами, ему предстояло найти способ к освобождению психической энергии, завязанной на отношении мать—сын, с тем чтобы достичь более взрослого взаимоотношения с женщинами, а в более широком смысле — и со всем взрослым сообществом в целом. Битва герой—дракон является символическим выражением этого процесса роста.

Но в задачу героя включена цель, выходящая за рамки биологического и супружеского (семейного) приспособления. Она включает и освобождение анимы, внутреннего компонента психического, который необходим для любого подлинно творческого достижения. В данном случае необходимо угадать вероятность такого последствия или результата, поскольку в сновидении об индийском странствии об этом прямо ничего не говорится. Но я уверен, что мой пациент мог бы подтвердить высказанную мной гипотезу: его путешествие на холм и созерцание мирной гавани и приморского городка как заветной цели содержит в себе глубокое и богатое обещание, а именно, что он мог бы открыть свою подлинную анима-функцию. Он мог бы избавиться от своего раннего чувства негодования по поводу отсутствия защиты (дождевика) во время путешествия через Индию. (В сновидениях города часто могут оказываться символами анимы.)

Своим контактом с подлинным архетипом героя мужчина обеспечил себе безопасность и обрел новую кооперативную и связанную с группой установку. Естественно, что за этим последовало ощущение восстановления сил. Он вскрыл новый источник силы, каковым является архетип героя, прояснил и развил ту часть самого себя, которая символизировалась женщиной, и путем героического действия своего эго освободил себя от влияния матери.

Этот и многие другие примеры мифа о герое в современных сновидениях показывают, что эго в качестве героя по большей части выступает как носитель культуры, нежели в образе эгоцентрического эксгибициониста. Даже Плут, все время вводящий в заблуждение своими поступками, в представлении первобытных людей, оказывается напрямую связан с космосом. В мифологии навахо, Плут-койот бросил звезды в небо, совершив акт творения, изобрел необходимость случайной смерти, а в мифе о потопе помог людям перебраться сквозь тростниковые заросли и обрести спасение от угрозы наводнения на более высокой местности.

Здесь мы сталкиваемся с намеком на ту форму творческой эволюции, которая начинается с откровенно детского, досознательного, или животного уровня существования. Четкое и ясное восхождение эго к эффективному сознательному действию становится очевидным у «настоящего» культурного героя. Как и у всех прочих, детское или юношеское эго героя освобождается от давления родительских ожиданий и становится индивидуальным. Как часть подобного возрастания сознания, происходит длящаяся бесконечно долго битва героя и дракона, битва, которая возобновляется вновь и вновь, освобождая энергию для осуществления множества человеческих задач, образующих культурный паттерн из первичного хаоса.

Когда подобная деятельность протекает успешно, образ героя раскрывается во всей его полноте как проявление специфической силы эго (или племенной идентичности, если говорить о коллективных формах), не нуждающейся в дальнейших победах

над чудовищами и гигантами. Эта сила достигает того уровня, на котором ее глубинное начало может быть персонализировано. «Женская составляющая» больше не возникает в сновидениях в виде дракона, а выступает уже как женщина; аналогичным образом «теневая» сторона личности принимает менее угрожающую форму.

Вышесказанное можно продемонстрировать сновидением мужчины в возрасте около пятидесяти лет. Всю свою жизнь он страдал от периодических приступов беспокойства и тревоги, связанных с боязнью неудачи (изначально вызванной сомневающейся матерью). Однако его реальные достижения, как в профессии, так и в личных отношениях, выглядели весьма выше среднего. В сновидении появился его девятилетний сын в образе молодого человека в возрасте восемнадцати или девятнадцати лет, одетого в светящиеся доспехи средневекового рыцаря. Молодому человеку предстояло сразиться с полчищем людей в черных одеждах, что он сам вначале и собирался сделать. Но затем он внезапно снял свой шлем и улыбнулся предводителю угрожавшей ему несметной толпы; стало ясно, что в сражение они не ввяжутся, а станут друзьями.

Сын в сновидении — это собственное юношеское эго данного мужчины, постоянно ощущавшего угрозу, которая исходила от тени в форме сомнений по поводу самого себя. Он в некотором смысле всю свою зрелую жизнь вел успешную кампанию против этого противника. Теперь же, отчасти путем реальной поддержки в форме созерцания своего сына, растущего вне подобных сомнений, но, главным образом, формируя подходящий образ героя, наиболее близкого его собственному представлению (паттерну) о внешней среде, сновидец убеждается, что дальнейшей необходимости борьбы с тенью уже нет, он может ее принять. Это как раз то, что символизируется эпизодом улыбки и установления дружеских отношений. Сновидец больше не побуждаем к состязательной борьбе за индивидуальное превосходство, а призван культурной задачей к образованию демократического сообщества. Такой вывод, достигаемый в установлении полно-

ты жизни, выводит за пределы героической задачи и ведет, собственно, к зрелой установке.

Подобная перемена, однако, не происходит автоматически. Она требует определенной фазы перехода, выражаемой в разнообразных формах архетипа инициации (посвящения).

Архетип посвящения

В психологическом смысле образ героя не следует рассматривать как идентичный самому эго. Лучше всего его представить как символическое средство, с помощью которого эго отделяет себя от архетипов, внесенных родительскими образами из раннего детства. Д-р Юнг предположил, что любое человеческое существо изначально обладает чувством целостности, мощным и полным ощущением самости. И уже из самости — психической целостности — появляется индивидуализированное эго-сознание в форме подрастающего индивида.

В течение последних лет [конец 50-х годов. — В. З.] в работах ряда последователей Юнга началось документирование серий событий, с помощью которых на этапе перехода от младенчества к детству и далее к подростковому периоду возникает индивидуальное эго. Это возникновение никак не может всецело пройти без серьезного ущерба для изначального чувства целостности. И эго должно постоянно возвращаться к восстановлению своих отношений с самостью, с тем чтобы поддерживать состояние психического благополучия.

Мой собственный опыт показывает, что миф о герое — первая стадия в видоизменении психики. Я предположил, что он имеет четырехчастную структуру, и для достижения эго относительной независимости от первоначального состояния целостности, ему, по всей видимости, необходимо пройти все четыре стадии. Не достигнув определенной степени независимости, индивид не способен связать себя со своим взрослым окружением. Но сам по себе миф о герое еще не гарантирует этого освобождения, а только показывает, какие условия необходимы, чтобы освобождение состоялось, так как без этого эго не сможет осознать себя. Остается осмысленно поддерживать

и развивать свое сознание с тем, чтобы не бесцельно прожить жизнь и почувствовать, что выделяешься из массы.

Древняя история и ритуалы современных первобытных общин дают нам богатый материал о мифах и ритуалах инициации, в которых молодые юноши и девушки отлучаются от своих родителей и становятся членами своего клана или племени по принуждению. Но при подобном разрыве с миром детства наносится ущерб изначальному родительскому архетипу, и этот ущерб должен быть по возможности максимально смягчен или нейтрализован исцеляющим процессом ассимиляции в жизнь группы. (Тождество группы и индивида зачастую символизируется тотемным животным.) Таким образом, группа осуществляет требование ущемленного архетипа и становится своего рода вторым родителем, которому символически пожертвован молодой инициируемый, только-только вступающий в новую жизнь.

В этой «драматической церемонии, — по мнению д-ра Юнга, — очень похожей на жертвоприношение силам, которые могут забрать молодого человека к себе» мы видим, что силу изначального архетипа нельзя до конца преодолеть — как это было продемонстрировано на примере битвы героя с драконом, — не почувствовав ущербной отчужденности от плодотворных сил бессознательного. Мы видели в мифе о Близнецах, как их гордыня, выражающая чрезмерное отделение эго от самости, была скорректирована их страхом перед возможными последствиями, страхом, который отшвырнул их назад в гармоническое взаимоотношение эго—самость.

В племенных сообществах такой «церемонией» является ритуал инициации (посвящения), который наиболее эффективно разрешает проблему. Этот ритуал уводит новопосвящаемого к глубочайшим уровням первоначальной тождественности мать—ребенок или идентичности эго—самость, принуждая его, таким образом, пережить символическую смерть. Другими словами, его идентичность оказывается временно разорванной на части, расчлененной или растворенной в коллективном бессознательном. Из этого состояния он затем церемониально избав-

ляется ритуалом нового рождения. Это первый акт подлинной консолидации эго с большей группой, будь то тотем, клан или племя (или же соединение всех трех).

Ритуал, реализуемый в племенных группах или в более сложных общественных образованиях, неизменно содержит в себе обряд смерти и возрождения, обряд, обеспечивающий новопосвящаемому «прохождение» из одной стадии в другую: из раннего детства в юношество или же из ранней юности в позднюю и далее в зрелость.

Посвятительные (инициирующие) обряды не ограничиваются, конечно, психологией юности. Каждая новая фаза развития на протяжении всей жизни индивида сопровождается повторением первоначального конфликта между требованиями самости и претензиями эго. Фактически наиболее остро этот конфликт может возникать на этапе перехода от зрелости к среднему возрасту (между тридцатью пятью и сорока годами в обществах с западной культурой). Переход от среднего возраста к пожилому также вновь создает потребность в утверждении различия между эго и всеобщим психическим; герой получает свой последний призыв действовать в защиту эго-сознания против приближающегося распада жизни и смерти.

В эти критические периоды архетип посвящения очень сильно активизирован, он обеспечивает необходимый переход от этапа к этапу и предлагает нечто более духовно удовлетворяющее, чем юношеские обряды с их сильным привкусом мирского. Архетипические паттерны инициации, с древнейших времен известные как «мистерии», вплетены в текстуру всех церковных ритуалов, исполняемых при рождении, бракосочетании или смерти и отличающихся особым богослужением.

Как в нашем исследовании мифа о герое, так и в изучении посвящения соответствующие примеры следует искать в субъективных переживаниях современных людей и в особенности у тех, кто прошел через анализ. Неудивительно, что именно здесь, в бессознательном того или иного человека, ищущего помощи от доктора, который специализируется на психических рас-

стройствах, и должны появиться образы, повторяющие основные паттерны посвящения, какими мы их знаем из истории.

Возможно, наиболее общей из всех тем, обнаруженных у молодых людей, является трудное испытание или испытание их силы. Оно может оказаться идентичным отмеченным нами иллюстрациям мифа о герое в сновидениях нынешних людей, как, например, матросу, вынужденному подчиниться физическому наказанию и смириться с ненастной погодой, или мужчине без дождевика, ищущему доказательств своей пригодности, представленных в его странствии по Индии. Тема физического страдания, ведущего к своему логическому завершению, видна также и в первом рассмотренном нами сновидении, когда красивый молодой человек приносит себя в жертву на алтаре. Такая жертва очень напоминает приближение к инициации, хотя, собственно, факт ее реализации еще не совсем ясен. «Красивый молодой человек» предстал как завершение героического цикла, освобождающего путь к новому этапу.

Существует одно впечатляющее различие между мифом о герое и самим обрядом посвящения. Хрестоматийные героические фигуры истощают свои силы в достижении необходимой цели, и они добиваются успеха даже в том случае, если тотчас же будут наказаны или убиты за свое высокомерие. В противоположность этому ново-посвящаемый в процессе обряда инициации призывается оставить волевое устремление и всякое иное желание и полностью подчиниться неизбежности сурового испытания. Он должен быть добровольно готов пережить это испытание без всякой надежды на успех. Фактически он должен быть готов умереть; и хотя символически его суровое испытание может быть сравнительно легким (недлительное воздержание от пищи, выбивание зуба или нанесение татуировки) или мучительным (болезненность операции обрезания, нанесение насечек и разрезов на теле и другие увечья), сама цель всегда остается той же самой: создать символическое настроение смерти, из которого может возникнуть символическое настроение возрождения.

Молодому человеку двадцати пяти лет приснилось, что он взбирается на гору, на вершине которой устроено нечто вроде алтаря. Рядом с алтарем он видит саркофаг со статуей, изображающей его самого. Затем появляется священник в покрывале, который несет кусок материи с сияющим живым солнечным диском на ней. (Обсуждая позже этот сон, молодой человек сказал, что восхождение на гору напомнило ему то усилие, которое он делал в своем анализе, чтобы достичь самосовершенства.) К своему удивлению, он обнаружил себя мертвым и вместо чувства достигнутого результата или исполненности задачи почувствовал утрату и страх. Но затем появилось ощущение силы и омоложения, словно он искупался в теплых лучах этого солнечного диска.

Данный сон весьма кратко демонстрирует то различие, которое необходимо сделать между инициацией и мифом о герое. Само восхождение на гору предполагает, по всей видимости, испытание силы: собственно, это и есть желание достичь эго-сознания в героической фазе юношеского развития. Пациент, очевидно, думал, что его лечение сходно с другими испытаниями на мужественность, а к последним он относился состязательным образом, характерным в нашем обществе для людей молодых. Но сцена у алтаря исправила это ошибочное предположение, указав ему, что его задача — прежде всего подчиниться силе гораздо более могущественной, чем он сам. Он должен был в символической форме увидеть себя как бы мертвым и погребенным (саркофаг — по сути есть напоминание об архетипической матери как первоначальном вместилище всей жизни). Только таким актом подчинения он может пережить и возрождение. Укрепляющий силы ритуал приводит его снова к жизни в форме символического сына Солнца-Отца.

Здесь вновь могла бы возникнуть путаница с героическим циклом — с Близнецами, «детьми Солнца». Но в данном случае у нас нет указания на то, что инициирующая воля перехитрит самое себя. Вместо этого, переживая обряд смерти и возрожде-

ния, сновидец получил урок скромности и смирения, отметивший его переход от юности к зрелости.

Сообразно своему хронологическому возрасту он уже должен был совершить такой переход, но затянувшийся период задержки в развитии не позволял ему это сделать. Промедление довело его до невроза, из-за чего он был вынужден прибегнуть к лечению, и сновидение дало ему тот же самый мудрый совет: попасть в руки любого хорошего племенного лекаря, — он должен перестать взбираться на гору, дабы продемонстрировать свою силу, и подчиниться осмысленному ритуалу посвятительного изменения, который наполнил бы его новой моральной ответственностью зрелости.

Тема подчинения как существенной установки по отношению к продвижению к успешному ритуалу инициации ясно просматривается и в случае девочек или женщин. Обряд их перехода изначально подчеркивает органически присущую им пассивность, и это подкреплено и физиологическим ограничителем их автономии: менструальным циклом. Существует предположение, что менструальный цикл действительно может быть главной частью инициации, с точки зрения женщины, поскольку он имеет силу будить глубочайшее ощущение повиновения творческой жизненной силе, довлеющей над ней. Таким образом, женщина с готовностью отдается своей женской функции, подобно мужчине, который отдается приписанной ему роли в общественной жизни своей группы.

С другой стороны, женщина в не меньшей степени, нежели мужчина, проходит через инициирующее испытание силы, приводящее ее к окончательной жертве во имя переживания нового рождения. Эта жертва дает женщине возможность освободиться от запутанности личностных отношений и готовит ее к более сознательной роли в качестве индивида, обладающего своим собственным правом. Мужская же жертва заключается в добровольном отказе от своей священной независимости: он оказывается более сознательно связанным с женщиной.

Здесь мы приближаемся к аспекту инициации, который знакомит мужчину с женщиной, а женщину с мужчиной в том отношении, в котором возможна определенная коррекция исходной оппозиции мужское—женское. Мужское знание (Логос) встречается с женской привязанностью (Эрос), и их союз представлен в виде символического ритуала священного брака, составляющего основу инициации со времени ее зарождения в мистериальных культах древности. Но для современного человека понять и усвоить это чрезвычайно трудно, и порой требуется какой-то жизненный кризис, помогающий подобному осознанию.

Некоторые пациенты рассказывали мне сновидения, в которых мотив жертвы был объединен с мотивом священного брака. Один из снов мне поведал молодой человек, влюбившийся, но не готовый жениться из-за страха, что брак может стать своего рода тюрьмой, властвовать в которой будет фигура матери. В детстве мать имела на него сильное влияние, аналогично вела себя и мать невесты по отношению к своей дочери. Отсюда напрашивался вывод: а не станет ли и его жена доминировать над ним, повторяя верховодство матерей над своими детьми?

В своем сне молодой человек был вовлечен в ритуальный танец с другим мужчиной и двумя женщинами, одна из которых была его невестой. Мужчина и женщина, муж и жена, выглядели старше и впечатлили сновидца, поскольку, несмотря на свою близость друг к другу, имели возможность для выражения своих индивидуальных различий и не проявляли собственнических наклонностей. В таком выражении оба они воплощали брачный союз, не понуждавший к неуместным ограничениям в развитии индивидуальности обоих партнеров. И если бы пациент имел возможность достичь такого состояния, то в этом случае женитьба стала бы для него приемлемой.

В ритуальном танце каждый мужчина смотрел в лицо женщине-партнеру, и все четверо находились по углам квадратной танцевальной площадки. По мере того как они танцевали, становилось очевидным, что все действие напоминает также и танец с мечом. Теперь уже в руке у каждого танцора был ма-

ленький меч, с которым тот или та совершали замысловатые арабески, двигая руками и ногами в череде движений, символизировавших попеременно импульсы агрессии и повиновения друг другу. В заключительной сцене танца все четыре танцора должны были вонзить мечи в свою грудь и умереть. И только сам сновидец в последний момент отказался совершить самоубийство и остался стоять один, когда все остальные упали. Он чувствовал глубокий стыд за свою трусливую неудачу: неспособность принести себя в жертву наряду с другими.

Этот сон привел моего пациента к размышлениям о готовности изменить свою установку в жизни. Он был эгоистичным человеком и искал иллюзорной безопасности и личной независимости, но внутренне оставался под влиянием страхов, вызванных детской подчиненностью своей матери. Требовался вызов его зрелости для прозрения того, что, пока он не пожертвует своим детским разумом, он будет оставаться «белой пристыженной вороной». Сновидение и его смысл, открывшийся позже, рассеяли все его сомнения. Он прошел через символический обряд, благодаря которому оставил свою исключительную автономию и принял совместную жизнь в кооперативной и отнюдь не героической форме. Молодой человек женился и обрел соответствующее осуществление своих желаний во взаимоотношениях с женой. Брак вовсе не повредил его результативности в обществе, напротив, весьма ей способствовал.

Отвлекаясь от возможного невротического страха, который невидимые отцы и матери оставляют незамеченным за брачной завесой, следует отметить, что даже вполне нормальный молодой человек имеет все основания чувствовать страх по отношению к брачному обряду. В сущности, это женский обряд инициации, и в нем мужчина может и вынужден ощущать все что угодно, кроме чувства героя-завоевателя, героя-победителя. Неудивительно, что в племенных сообществах мы встречаем такие обряды, предназначенные для преодоления этого страха, как похищение или насилование невесты. Подобные вещи позволяют мужчине оставаться верным остаткам своей героиче-

ской роли в тот самый момент, когда он вынужден подчиниться своей невесте и взять на себя ответственность за брак.

Но тема брака является образом столь универсальным, что здесь мы имеем дело с гораздо более глубоким смыслом. Брак — это приемлемое, даже необходимое символическое обнаружение женского компонента в собственной психике мужчины, равно как и приобретение реальной жены. Поэтому мужчина может столкнуться с этим архетипом в любом возрасте в виде реакции на соответствующий стимул.

Но не все женщины, однако, относятся с доверием к своему женскому положению. Женщина-пациент, не получившая удовлетворения в своей профессиональной карьере, которой она была вынуждена пожертвовать ради нелегкого и короткого брака, видела сон, где она стояла на коленях напротив мужчины, тоже стоявшего на коленях. Мужчина держал кольцо и собирался надеть его ей на палец, но она протянула безымянный палец правой руки (не левой, как положено у католиков) с большим напряжением — очевидно, сопротивляясь этому обряду брачного союза.

Нетрудно было указать ей на эту многозначительную погрешность. Вместо того чтобы протянуть безымянный палец левой руки, что указывало бы на принятие сбалансированного и естественного отношения с мужским началом, она предположила — неверно, — что должна целиком отдать свою сознательную самобытность и индивидуальность (то есть правую сторону) на службу мужчине. Фактически же замужество требовало от нее разделить с ним лишь подсознательное, естественную (то есть, левостороннюю) часть ее самой, в которой принцип союза имел бы символическое, а не буквальное или абсолютное значение. Ее страх был страхом женщины, боящейся потерять свою индивидуальность в сильном патриархальном браке, сопротивляться которому эта женщина имела все основания.

Тем не менее священный брак как архетипическая форма имеет особо важное значение для психологии женщин, поэтому они готовятся к нему во время своего девичества, переживая многие предшествующие события, носящие инициирующий характер.

Красавица и чудовище

В обществе европейского типа девочки разделяют интерес к мужским мифам о герое, потому что так же, как и мальчики, они должны развивать надежную и прочную эго-идентичность и приобретать знание. Но существует еще и более древний слой разумной жизни, который, по всей видимости, выходит на поверхность в их чувствах с целью обратить девочек в женщин, а не в копию мужчин. Когда такое древнее содержание психического начинает заявлять о своем появлении, современная молодая девушка или женщина может его подавить, поскольку оно угрожает отрезать ее от эмансипированной дружбы и возможности десексуализированного состязания с мужчинами, что стало возможным в нынешних условиях жизни.

Это подавление может протекать столь успешно, что какое-то время девушка способна поддерживать идентификацию с мужскими интеллектуальными целями, которые она усвоила в школе или колледже. Даже когда она выходит замуж, то сохраняет некоторую иллюзию свободы, несмотря на показной акт подчинения архетипу брака с его подразумеваемым предписанием стать матерью. И так уж получается, что сегодня мы достаточно часто наблюдаем, как этот конфликт заставляет молодую женщину в конце концов вновь обнаруживать свою похороненную женственность, но уже в болезненной форме.

Я наблюдал пример подобного рода у одной молодой замужней женщины, детей еще не имевшей, но которая намеревалась в дальнейшем родить одного или двух, поскольку от нее этого ожидали. В то же время ее сексуальное поведение было неудовлетворительным. Это огорчало и ее самое, и ее мужа, хотя никаких объяснений этому они предложить не могли. Она закончила женский колледж с отличием и наслаждалась жизнью в интел-

лектуальном общении со своим мужем и другими мужчинами. Довольно долгое время все шло хорошо, хотя порой она и испытывала приступы сильного гнева и вела беседы в агрессивной манере, что отталкивало мужчин, а ей самой доставляло невыносимое чувство неудовлетворенности.

В это время ей приснился сон, показавшийся женщине столь значительным, что для его истолкования она стала искать профессионального совета. Ей снилось, что она стояла в очереди из молодых женщин, таких же по возрасту, как и она. Когда же она заглянула вперед, туда, куда двигалась очередь, то увидела, что каждой, становившейся первой в очереди, отрубали голову на гильотине. Не испытывая страха, сновидица осталась в очереди, смиренно ожидая своей участи, когда подойдет ее черед.

Я объяснил ей значение сна: она была готова уступить привычке «жить своей головой» и была готова научиться давать свободу своему телу обнаруживать его естественную сексуальную реакцию, способствуя тем самым осуществлению его биологической роли в материнстве. Сон выразил это в необходимости осуществить решительную перемену в жизни — пожертвовать «мужской» героической ролью.

Как и следовало ожидать, эта образованная женщина без труда на интеллектуальном уровне восприняла такое истолкование; она стала пытаться изменить себя и стать более кроткой и смиренной. Эмоционально ее жизнь улучшилась, и впоследствии она стала матерью двух вполне нормальных детей. По мере того как она лучше узнавала себя, она стала понимать, что для мужчины (или женщины с мужским складом ума) жизнь представляется чем-то вроде крепости, которую необходимо взять приступом, реализовав свою героическую волю; но для женщины ощущение правоты в жизни наилучшим образом реализуется в процессе утраты иллюзий и чувственного пробуждения.

Универсальный миф, выражающий подобный вид пробуждения, содержится в сказке «Красавица и Чудовище»[17]. Наиболее

[17] Русский вариант — сказка «Аленький цветочек».

известная версия этой истории повествует о том, как Красавица, младшая из четырех дочерей, была любимицей у отца из-за своего бескорыстного нрава. Она просит у отца всего лишь белую розу, тогда как другие дочери требуют гораздо более дорогих подарков, и при этом осознает лишь внутреннюю искренность своего чувства. Она не подозревает, что подвергает жизнь отца опасности, а вместе с этим и свои идеальные с ним отношения. Отец похитил белую розу из роскошного сада, принадлежащего Чудовищу. Оно страшно разгневано и требует, чтобы отец в течение трех месяцев пришел с повинной для понесения наказания, скорей всего смерти.

(Позволив отцу вернуться домой и дав ему отсрочку наказания, Чудовище играет явно несвойственную ему роль — оно даже предлагает послать и сундук с золотом вслед за возвращающимся домой отцом. Чудовище выглядит одновременно жестоким и добрым, об этом говорит и сам отец.)

Красавица настоятельно просит понести наказание вместо отца и по истечении трех месяцев отправляется к Чудовищу в его роскошный замок. Там ей предоставлена роскошная комната, в которой она живет без всяких хлопот и страха, исключая случайные посещения ее Чудовищем, появляющимся с одной постоянной просьбой: однажды выйти за него замуж. Она всегда отказывает. Как-то раз, глядя в волшебное зеркало и увидев, что ее отец лежит больной, она просит Чудовище позволить ей отправиться в отчий дом ухаживать за отцом, обещая вернуться через неделю. Чудовище разрешает ей отлучиться на неделю, но говорит, что умрет, если она его бросит.

Дома ее лучезарное присутствие доставляет радость отцу, и завистливые сестры замышляют задержать Красавицу дольше оговоренного с Чудовищем срока. В какой-то момент Красавица видит сон, в котором Чудовище в отчаянии умирает. Она осознает, что опоздала к обещанному времени, и возвращается с желанием воскресить Чудовище к жизни.

Она встречает совершенно забытое умирающее безобразное Чудовище и начинает ухаживать за ним. Чудовище говорит, что

совершенно не может без нее жить, и теперь умирает счастливым, поскольку она вернулась. Красавица осознает, что тоже не может жить без Чудовища, поскольку влюбилась в него без памяти. Она говорит ему об этом и обещает стать его женой, если только Чудовище не умрет.

В этот момент замок наполняется сиянием света и звуками музыки, а Чудовище тотчас же исчезает. На его месте появляется прекрасный принц, который говорит Красавице, что он был заколдован ведьмой и превращен в Чудовище до той поры, пока не полюбит Чудовище за доброту его красивая девушка.

В этой истории, если раскрыть ее символизм, видно, что Красавицей может быть любая молодая девушка или женщина, обретшая тесную эмоциональную связь со своим отцом благодаря своей духовной природе. Ее доброта и великодушие символизируются просьбой о белой розе, но в сущности ее бессознательное намерение заключается в стремлении отдать себя и своего отца во власть принципа, выражающего не только великодушие и доброту, но жестокость и доброту вместе. Иначе говоря, это выглядит так, как если бы она стремилась спастись от любви, признающей только добродетель и потому нереальной.

Полюбив Чудовище, она начинает осознавать силу человеческой любви, скрытой за его звериным (и поэтому непривлекательным), и однако таким подлинно эротическим, обликом. Можно предположить, что таким образом в Красавице обозначено пробуждение истинной функции привязанности, позволяющей Красавице принять эротический компонент своего желания, подавляемого раньше из-за страха инцеста. Чтобы покинуть своего отца, она должна была, познав этот страх, укрываться от него в своих фантазиях до тех пор, пока не встретила человека-животного, в любви к которому проявилась ее женская сущность. Осознав таким образом, что к любви можно относиться с доверием, как к чувству, наилучшим образом сочетающему духовное и природное, она спасла себя и свое представление о мужском начале от сил подавления.

Сон одной эмансипированной женщины представляет ту же потребность устранения страха инцеста, вполне реального в мыслях моей пациентки из-за слишком глубокой привязанности к ней отца, ставшей результатом смерти его жены. Во сне ее преследовал разъяренный бык. Вначале она убегала, но затем поняла, что это бесполезно. Она упала на землю, и бык оказался над ней. Оставалась, как она знала, единственная надежда — спеть быку, и когда дрожащим голосом она начала свое пение, бык успокоился и стал лизать ее руку. Толкование сновидения показало, что теперь она, опираясь на свою осознанную индивидуальность, может научиться общаться с мужчинами более уверенно, — и не только в том, что касается секса, но и эротики в широком смысле.

Однако у пожилых женщин тема Чудовища может и не указывать на потребность решения проблем с фиксацией на своем отце, ослабление действия сексуального запрета или что-либо другое, что может увидеть в этом мифе психоаналитически мыслящий рационалист.

На самом деле эта тема является выражением определенного вида женской инициации, пройти через которую, например с началом менопаузы, оказывается не менее важной, чем на этапе ранней юности. Этот мотив может возникнуть в любом возрасте, когда нарушается союз духа и телесной природы.

Одна женщина в возрасте, обычном для возникновения менопауз, рассказала о следующем сне.

«Рядом со мной несколько незнакомых мне женщин. Мы спускаемся по лестнице в незнакомом, довольно странном доме и вдруг натыкаемся на каких-то злобных обезьяноподобных людей. Они одеты в шкуры с серыми и черными кольцами, хвостатые и вожделеющие — они ужасны. Мы оказываемся полностью в их власти, вдруг мне приходит в голову: единственное, что может нас спасти, — это не паниковать, не нужно бежать или бороться, нужно отнестись к этим существам по-человечески, попытаться помочь им осознать их наилучшую сторону. И как только один из этих „приматов-муж-чин“ подходит ко мне,

я приветствую его на манер танцевального партнера и начинаю с ним танцевать.

Затем меня наделяют сверхъестественной целительной силой, и тотчас же рядом оказывается какой-то мужчина, пребывающий на пороге смерти. У меня есть нечто вроде птичьего пера или птичьего клюва, через который я вдуваю воздух в его ноздри, и мужчина вновь начинает дышать».

На протяжении ряда лет своего замужества — появления и воспитания детей — эта женщина была вынуждена пренебрегать своим творческим даром писательницы, даром, который в свое время принес ей пусть небольшую, но подлинную известность. К моменту сна она попыталась заставить себя работать снова, одновременно безжалостно критикуя за собственную неспособность стать более хорошей матерью, женой, другом. Этот сон высветил ее проблему в контексте других женщин, которые могли бы осуществить сходный переход, погружение или спуск, что демонстрирует сон, на более низкие уровни «странного незнакомого дома» с более высокой сознательной сферы. Это, как можно догадаться, есть вход в какой-то значимый аспект коллективного бессознательного с его требованием принять мужской принцип в виде животного-мужчины; похожую героическую клоунообразную фигуру Плута мы встретили в начале первобытных героических циклов.

Для сновидицы установление отношений с «приматом-мужчиной» и гуманизация его путем извлечения всех его самых лучших качеств означает, что она должна прежде всего принять некий непредсказуемый элемент своего природного творческого духа. Овладев им, она смогла бы разорвать условные путы своей жизни и научиться писать в иной манере, более присущей ей во второй половине жизни.

То, что этот творческий дух связан с мужским началом, продемонстрировано во втором эпизоде сна, где сновидица приводит в чувство мужчину, вдувая ему в ноздри воздух с помощью какого-то приспособления наподобие птичьего клюва. Такая дыхательная процедура указывает в первую очередь на потреб-

ность в возрождении духа, нежели на принцип эротической теплоты. Этот символизм известен во всем мире: ритуальное действие приносит творческое дыхание любому новому достижению.

Сон другой женщины подчеркивает «природный» аспект Красавицы и Чудовища.

«Какое-то большое желто-черное насекомое с вертящимися винтообразными ногами залетает в комнату, или, возможно, его занесло внутрь ветром в открытое окно. Затем насекомое превращается в невероятное животное с полосатым желто-черным окрасом шкуры, напоминающим тигра, с лапами, похожими на медвежьи и в то же время почти человеческими, и с остроконечной, как у волка, мордой. Я знаю, что это существо может свободно бегать и вредить детям. Воскресный полдень, и я вижу маленькую девочку в белом платье, идущую по дороге в воскресную школу. Я должна вызвать полицию, чтобы ей помочь.

Но затем я вижу, как это существо сделалось отчасти женщиной, а отчасти осталось животным. Оно подлизывается ко мне, ищет ласки и любви. Я чувствую, что и сама ситуация в чем-то сказочная или это сон, но я знаю, что только доброта может изменить это существо. Я пытаюсь нежно обнять его, но не могу все это вынести, и отталкиваю существо прочь. Тем не менее у меня остается чувство, что мне следует держаться к нему поближе, попытаться привыкнуть и, может быть, однажды даже и поцеловать».

В данном сне в отличие от предыдущего мы имеем другую ситуацию. Эта женщина слишком сильно увлеклась мужской творческой функцией в ней самой, что сделалось для нее навязчивой умственной, то есть буквально «возникающей из воздуха», озабоченностью. Естественно, что это стало препятствовать исполнению ее супружеской функции. (В связи со сновидением она заявила: «Когда мой муж приходит домой, моя творческая ипостась уходит в подполье, и я становлюсь сверхорганизованной домашней хозяйкой».) Ее сновидение демонстрирует это неожиданное превращение, когда ее дух оказывается женщи-

ной, которую ей предстоит принять и культивировать в себе. На этом пути она может гармонизировать свои творческие интеллектуальные интересы с теми инстинктами и влечениями, которые позволяют ей поддерживать теплые отношения с другими людьми.

Такое решение подразумевает новое восприятие принципа двойственности природных сил — жестоких, но вместе с тем добрых, или, как можно сказать в ее случае, безрассудно смелых и одновременно смиренных и творчески домовитых. Указанные противоположности вряд ли можно примирить, исключая разве что высоко апробированный психологический уровень осознания, и, конечно, они оказались бы вредными для невинного ребенка, одетого для посещения воскресной школы.

Истолкование, уместное в случае этого женского сна, сводится, в краткой форме, к необходимости преодоления чрезвычайно наивного образа самой себя. Сновидица должна быть готова объединить всю полярность своих чувств — точно так же, как Красавица должна была лишиться своей наивной веры в отца, который не смог преподнести ей белоснежную розу своего чувства без того, чтобы не пробудить благую ярость Чудища.

Орфей и сын человека

«Красавица и Чудовище» — это сказка о свойствах дикого цветка, неожиданно возникающего перед нами и создающего в нас столь естественное ощущение чуда, что мы какое-то время не замечаем его принадлежность к определенному растительному классу, роду и виду. Само зримое переживание тайны этой растительной истории дает универсальную основу не только для мифа, но и для ритуалов, в которых этот миф выражен или из которых он и происходит.

Собственно, сама ритуальная форма и миф, выражающий данный психологический опыт, представлены в греко-римском культе Диониса и его преемнике — орфическом культе. Оба религиозных начала предусматривали весьма важные инициации, известные как «мистерии». Они-то и вывели на передний план символы, связанные с богочеловеком андрогинного типа, который, как предполагалось, обладал глубоким пониманием животного и растительного мира и был знатоком посвящения в их секреты.

Дионисийская религия несла в себе оргиастические обряды, включавшие потребность в посвящении животной природе, телесному естеству и переживанию полной оплодотворяющей силы Матери-Земли. Инициирующим средством этого обряда посвящения в дионисийском ритуале служило вино. Предполагалось обеспечивать символическое понижение сознания, необходимое для введения новообращаемого в строго охраняемые таинства природы, сущность которых выражалась символом эротического осуществления желаний: бог Дионис соединялся с Ариадной, своей супругой, в священной брачной церемонии.

Со временем ритуалы Диониса утратили свою эмотив-ную религиозную силу. Появилось близкое к восточному стремление

к освобождению от исключительной озабоченности через посредство природных символов жизни и любви. Дионисийство непрерывно сдвигалось от духовного к физическому и обратно, возможно оказываясь слишком сумасбродным и беспокойным для душ более аскетических. Эти последние предпочитали переживать свои религиозные чувства и экстатические состояния более скрытым образом, в форме поклонения Орфею.

Вероятно, Орфей был фигурой исторической: певцом, пророком и учителем, ставшим мучеником. Его надгробный камень сделался местом массового поклонения, всеобщей святыней. Неудивительно, что ранняя христианская церковь увидела в Орфее прототип Христа. Обе религии сулили позднему эллинистическому миру обещание будущей божественной жизни. Поскольку священнослужители были не только людьми, но и посредниками между божественным и человеческой массой тогдашней гибнущей в дни Римской империи греческой культуры, то они всячески поддерживали эту страстную надежду на спасение в будущей жизни.

Однако не следует забывать об одном важном отличии между орфической религией и религией Христа. Даже обращенные в мистическую форму, орфические мистерии сохраняли старую дионисийскую религию живой. От полубога, в котором сохранялось наиболее значимое свойство религии, укорененное в искусстве землепользования, возникал духовный толчок, энергетический стимул. Это качество вело свое начало от древней схемы, паттерна богов плодородия, приходивших только на сезон, — другими словами, от века сохранялся повторяющийся цикл рождения, роста, зрелости, обилия и разложения (гниения, смерти).

Христианство, с другой стороны, упразднило сами мистерии. Христос оказался продуктом и преобразователем патриархальной, кочевой, пастушеской религии, чьи пророки представляли своего Мессию как существо божественного происхождения. Сын Человеческий, хотя и рожденный земной Девой, вел свое начало от небес, поскольку появился в результате божествен-

ного акта вочеловечения. После своей смерти он вновь возвратился на небеса, — но вернулся править раз и навсегда одесную [18] от Господа вплоть до Второго пришествия, «когда мертвые восстанут». Конечно, аскетизм ранних христиан не сохранился. Память о циклических мистериях не оставляла последователей христианства, так что Церковь в конце концов была вынуждена ввести в свои ритуалы ряд практик из языческого прошлого. Наиболее значимые из них можно обнаружить в древних записях о совершавшемся в Святую субботу и Пасхальное воскресенье при праздновании воскресения Христа — обряде крещения, который средневековая Церковь превратила в пригодный и весьма впечатляющий ритуал посвящения. Но в Новое время этот ритуал едва не изжил себя, а в современном протестантизме и вовсе отсутствует.

Ритуал, значительно лучше сохранившийся и по-прежнему несущий в себе смысл основной тайны посвящения для благочестивого прихожанина, — это католическая практика вознесения чаши. Последняя была описана д-ром Юнгом в работе «Символизм преобразования в церковной службе». «Поднятие чаши в воздух при-уготавливает спиритуализацию... вина. Это подтверждается последующим обращением-призывом к Святому Духу... Обращение помогает соединению вина со Святым Духом, поскольку Святой Дух и есть Тот, кто порождает, осуществляет и преобразует... После поднятия в прежние времена чаша устанавливалась справа от Владыки, чтобы соответствовать крови, истекшей с правой стороны Христа»[19]. Ритуал причастия повсеместно сохраняется тем же самым, вне зависимости, выражен ли он выпиванием чаши Диониса или же пригублением святой христианской чаши; но уровень осознания, которым наделяется конкретный индивидуальный участник, разный. Адепт дионисийской церемонии оглядывается назад, в истоки,

[18] По правую руку.

[19] См. «Символизм превращения в мессе» в книге: Юнг К. Г. Ответ Иову. М: Канон. 1995. С. 235—348.

в порождение вещей и суть всего сущего: в «бурю-рождение» Бога, который буквально взрывной волной вырвался из сопротивляющегося лона Матери-Земли. На фресках Вилла де Мистерии в Помпеях совершаемый ритуал пробуждает бога в виде маски ужаса, изображенной на чаше Диониса, которую священнослужитель предлагает новопосвящаемому. Здесь же мы обнаруживаем корзину для фруктов с драгоценными плодами земли и фаллос — символы божественного проявления, размножения и роста.

В противоположность такому взгляду, обращенному назад, с основным фокусом на вечно повторяющийся цикл рождения и смерти в природе, христианская мистерия (тайна) устремлена вперед, к последней надежде новопо-священного на союз с трансцендентным Богом. Мать-Природа со всеми ее прекрасными сезонными переменами оставлена позади, а в качестве главной, духовно стабильной фигуры христианство предлагает Сына Бога на небесах.

Однако оба эти персонажа отчасти слиты воедино в фигуре Орфея, бога, напоминающего Диониса, но смотрящего вперед, в направлении Христа. Психологическое ощущение этой промежуточной фигуры было описано швейцарским автором Линдой Фирц-Давид в ее интерпретации орфического ритуала, изображенного на стенах Вилла де Мистерии.

«Орфей обучал, когда пел и играл на лире, и его пение воздействовало столь сильно, что овладевало всем человеком. Когда он играл на своей лире и пел, вокруг слетались птицы, а рыбы собирались в стаи вблизи и выпрыгивали из воды. Ветер и море успокаивались, а реки начинали течь вспять, направляясь к певцу. Не было ни снега, ни града. Деревья и даже камни сопровождали Орфея на его пути. Тигр и лев возлежали в соседстве с овцой, а волки — рядом с оленем и косулей. Но что же это значит? А то, что через божественное проникновение в смысл природных событий... природные явления становятся гармонично упорядоченными изнутри. Все делается светлым, и все существа умиротворены, когда посредник в акте поклонения представля-

ет свет природы. Орфей — воплощение набожности и благочестия; он символизирует религиозную установку, разрешающую все конфликты, вследствие чего душа наша открывается тому, что лежит по другую сторону всех конфликтов... И по мере того как он это осуществляет, он — истинный Орфей, то есть, добрый пастырь, пастух, его первобытное воплощение...»[20]

И в качестве доброго пастыря, и в виде посредника Орфей усиливает равновесие между дионисийством и христианством, поскольку и Дионис, и Христос оказываются в одинаковой роли, хотя, как я уже говорил, по-разному ориентированной во времени и пространстве: одна — циклическая религия подземного мира, а другая — небесная и эсхатологическая. Серии же инициирующих событий, извлеченные из контекста религиозной истории, повторяются бесконечно в сновидениях и фантазиях современных людей с постигаемой поправкой на индивидуальный смысл.

Находясь в состоянии тяжелой усталости и депрессии, одна женщина, проходившая анализ, поделилась свом видением.

«Я сижу за длинным узким столом в высокой сводчатой комнате без окон. Мое тело сгорблено и сморщено. На мне нет никакой одежды, кроме куска длинной белой полотняной ткани, ниспадающей с плеч до пола. Со мной произошло что-то значительное. Жизни во мне осталось немного. Перед моими глазами возникают красные кресты на золотых дисках. Я вспоминаю, что когда-то давно дала конкретное себе обещание, и теперь я должна ему следовать. Я сижу уже довольно долго.

Затем я медленно открываю глаза и вижу мужчину, сидящего рядом. Он должен меня вылечить. Мужчина выглядит очень добрым, он что-то говорит мне, хотя я его и не слышу. Кажется, он знает обо мне все. Я осознаю, что выгляжу очень безобразно, вокруг меня уже витает запах смерти. Я думаю, что это может

[20] Fierz-David L. Psychologische Betrachtungen zu der Freskenfolge der Villa dei Misteri in Pompeji. Zurich, 1957.

оттолкнуть его, и смотрю на него довольно долго. Но он не уходит. Я дышу легче.

Далее я чувствую прохладное дуновение ветра и прохладную воду, льющуюся на мое тело. Я плотнее заворачиваюсь в белую полотняную ткань, покрывающую мое тело и собираюсь заснуть. Исцеляющие руки мужчины касаются моих плеч. Смутно я припоминаю, что было время, когда на этих местах были раны, но прикосновение его рук, кажется, дает мне силу и исцеление».

Раньше эта женщина воспринимала свои сомнения по поводу ее изначальной религиозной принадлежности как угрожающие. Она воспитывалась как примерная католичка, но уже в девичестве стала отстаивать собственную свободу от формальных религиозных обязательств, которым неукоснительно следовала ее семья. Однако символические события церковного года и яркость ее представлений об их смысле остались в ней, несмотря на все перипетии психологических перемен; в ее анализе весьма полезным оказалось это работающее знание религиозного символизма.

Значимыми элементами, выделенными этой женщиной из своего сна, были белая ткань, которую она истолковывала как жертвенную одежду, сводчатая комната, рассматриваемая сновидицей в качестве гробницы, и личностное обязательство, ассоциируемое с переживанием подчиненности. Это обязательство, как она его называла, предполагало некий ритуал посвящения с рискованным спуском в склеп смерти, который символизировал тот путь, когда она оставила Церковь и семью, чтобы прийти к Богу своим собственным путем. Фактически она в символической форме повторила путь Христа и, как он, страдала от ран, полученных перед смертью.

Жертвенная одежда символизируется намотанной вокруг тела простыней или плащаницей, в которую был завернут распятый Христос, помещенный затем в гробницу. В завершение сна появляется фигура мужчины-целителя, легко ассоциируемая со мной, ее аналитиком, фигура, возникающая в своей естественной роли друга, полностью знающего о ее переживаниях.

Он разговаривает с ней теми словами, которые она не может даже и слышать, но его руки убеждают и приносят чувство исцеления. В этой фигуре можно почувствовать прикосновение и слово доброго пастыря, Орфея или Христа, как посредника, но, конечно, и как целителя. Он стоит на стороне жизни и должен убедить ее, что она может теперь вернуться из-под сводов смерти обратно в жизнь.

Можем ли мы назвать это возрождением или воскресением? Или и тем и другим? Существенная часть ритуала происходит в конце: прохладный ветер или вода, струящаяся по телу, являются изначальным актом очищения от смертного греха, сутью истинного крещения.

У этой же женщины был и другой сон, в котором она чувствовала, что ее день рождения пришелся на день воскресения Христова. (Это было даже более значимо для нее, чем воспоминание о собственной матери, которая никогда не подбадривала ее, укрепляя в ней уверенность в себе, в чем сновидица так нуждалась в детстве в дни своего рождения.) Но это не означало, что она отождествила себя с фигурой Христа. Чего-то ей недоставало, чтобы пережить чувство всей его мощи и славы; и по мере того как она стремилась дотянуться до него с помощью молитвы, Христос и его крест устремлялись в небеса, оказываясь вне ее досягаемости.

В этом втором сне она прибегла к помощи символа возрождения в виде восходящего солнца, и тут-то и начал прорисовываться новый женский символ. Прежде всего он возник как «зародыш в наполненном водой садке». Затем она перетащила восьмилетнего малыша через водную преграду, «пройдя опасное место». После чего появилось новое видение, в котором она уже не чувствовала больше ничего угрожающего или вызывающего страх смерти. Она находилась «в лесу у небольшого источника в виде водопада... повсюду рос зеленый виноград. В руках я держала каменный кувшин, наполненный водой из источника, в котором росли зеленый мох и душистые фиалки. Я стояла под водопадом, и вода лилась по моему телу. Струи воды золотились

и блестели шелковистыми нитями. Я чувствовала себя ребенком».

Ощущение переживания этих событий вполне понятно, хотя тут есть и опасность утраты некоторых внутренних значений в зашифрованном описании столь многих меняющихся образов. Кажется, что здесь мы столкнулись с процессом возрождения, благодаря которому к сновидице в образе ребенка вернулась окрещенная природой духовная самость. Между тем женщина сама спасла ребенка, который был, в некотором смысле, в возрасте наиболее драматического периода ее собственного детства. Она перетащила его через водную преграду, пройдя опасное место. Тем самым она обозначила свой страх парализующего ощущения вины в связи с тем, что должна отдалиться слишком далеко от общепринятой религии своей семьи. Но религиозный символизм знаменателен и тем, что его всегда недостает. Природа в этом смысле несравненно богаче; ясно, что скорее всего мы находимся в царстве пастыря Орфея, нежели вознесенного Христа.

За этим сном последовал еще один, который привел женщину к церкви, напоминавшей церковь в городке Асизи с фресками святого Франциска работы Джотто. Здесь она почувствовала себя как дома и лучше, чем в других церквах, возможно, потому, что святой Франциск, как и Орфей, был религиозным человеком по природе. Ее чувства по поводу перемены в религиозной принадлежности, оказавшейся для нее столь болезненной, оживились, но теперь она верила, что переживет это с радостью, вдохновленная светом природы.

Эта серия сновидений закончилась эпизодом, отдаленно напоминающим культ Диониса. (В каком-то смысле это было напоминание о том, что даже Орфей может иногда удаляться от плодотворной силы животного-бога в человеке.) Ей снилось, что ее ведет за руку ребенок с чудесными волосами. Счастливые, они участвуют в празднестве вместе с солнцем, лесом и всеми цветами вокруг. В руках у ребенка-девочки маленький белый цветок, который она кладет на голову черного быка. Бык тоже участвует

в празднестве, он убран праздничными украшениями. Такие детали сновидения напоминают древние ритуалы — празднества в честь Диониса, на которых бог изображался в образе быка.

Но сон на этом не кончился. Женщина добавила: «Несколько позже бык оказался проткнутым золотой стрелой». Здесь, помимо Диониса, возникает ассоциация с другим дохристианским ритуалом, в котором бык играет символическую роль. Персидский бог Солнца Митра приносит быка в жертву. Он, как и Орфей, символизирует стремление к духовной жизни, способной одержать верх над первобытными животными страстями человека и после церемонии посвящения принести ему (человеку) мир.

Эта серия образов подтверждает предположение, высказываемое по поводу многих фантазий или сновидений подобного рода: не существует окончательного мира, точки покоя нет. В своих религиозных поисках мужчины и женщины, в особенности те, кто живет в современных христианских обществах, до сих пор находятся во власти древних традиций веры, которые настаивают на своем превосходстве. Это и есть конфликт языческих и христианских верований, или, иначе говоря, конфликт возрождения и воскресения.

Непосредственный ключ к решению такой дилеммы можно обнаружить в первом сне женщины-пациентки, в любопытном символическом эпизоде, искомую деталь которого можно легко и не заметить. Женщина говорит, что в своей смертной гробнице она увидела перед своими глазами красные кресты на золотых дисках. Позже в ее анализе прояснилось, что она пережила глубокую психическую перемену и вышла из этой «смерти» к новой жизни. Нетрудно вообразить в связи с этим, что образ, пришедший к ней в глубины ее отчаяния, мог в каком-то смысле предвещать ее будущую религиозную установку. В дальнейшем она фактически доказала самой себе, что красные кресты воплощали ее преданность христианской установке, в то время как золотые диски указывали на ее близость к дохристианским мис-териальным религиям. Ее видение подсказало ей, что необ-

ходимо примирить эти христианские и языческие элементы в новой жизни, которая ей предстоит.

И еще одно, последнее, но важное наблюдение связано с древними ритуалами в их отношении к христианству. Ритуал посвящения, составляющий часть Элев-синских мистерий (обряды поклонения богиням плодородия Деметре и Персефоне), считался подходящим не только для тех, кто искал богатой изобильной жизни; он использовался и для подготовки к смерти, в том смысле, что смерть также требует инициирующего ритуала для предстоящего перехода.

На погребальной урне, найденной в римской могиле неподалеку от колумбария на Эсквилинском холме, обнаружен четкий барельеф, изображающий сцены заключительной стадии посвящения, где новопосвящаемый допущен к присутствию и беседе с богинями. Остальная часть изображения посвящена двум подготовительным церемониям очищения: жертве «мистического поросенка» и таинственной сцене священного брака. Перечисленное относится к посвящению в смерть, но в форме, которой недостает завершающей части — оплакивания. Здесь очевиден намек на более поздние мистерии, особенно орфические, в которых смерть наделяли элементами бессмертия. Христианство пошло даже дальше. Оно посулило нечто большее, чем бессмертие (в древнем смысле циклических мистерий это могло означать простую реинкарнацию): оно предложило веру в вечную жизнь на небесах.

В современной жизни поэтому мы снова видим тенденцию повторять старые схемы и образцы. Те, кто должен учиться встрече со смертью, обязаны заново выучить старое послание, говорящее нам, что смерть — это тайна, к которой мы должны готовиться в духе того же самого подчинения, смирения и покорности. Этому мы уже однажды учились, когда готовились к жизни.

Символы перехода

Это символы, чье влияние по своему целеназначению может варьироваться очень широко. Некоторым людям требуется возбуждение и переживание своего посвящения в неистовстве «обряда грома». Другим необходимо быть подчиняемыми, и их призывают к покорности и смирению в упорядоченном устройстве храмовой территории или священной пещеры, которые невольно приходят на ум, когда думаешь об аполлоновской религии в поздней Греции. Полное посвящение включает оба аспекта, что нетрудно заметить, когда рассматриваешь либо сам материал, извлеченный из древних текстов, либо живых субъектов. Но совершенно очевидно, что основная цель посвящения лежит в укрощении или смирении изначальной Плутовской дикости подростковой природы. Посвящение поэтому имеет цивилизующую или одухотворяющую направленность, несмотря на насильственный характер самих ритуалов, необходимый, чтобы запустить процесс в действие.

Существует, однако, и другой вид символизма, принадлежащий наиболее ранним известным священным традициям, которые также связаны с периодами перехода в жизни человека. Но эти символы не ищут связи инициации с какой-либо религиозной доктриной или групповым секулярным сознанием. Напротив, они нацелены на потребность человека к освобождению от любого состояния бытия, которое слишком незрело, слишком неподвижно или тупиково. Другими словами, они имеют отношение к освобождению человека — или его переходу — от любого ограничивающего паттерна существования, по мере того как человек продвигается в направлении более высокой или более зрелой стадии в своем развитии.

Ребенок, как я уже сказал, обладает чувством полноты, целостности, но это сохраняется лишь до момента появления его эго-сознания. В случае же взрослого ощущение полноты достигается путем союза сознания с бессознательными содержаниями разума. Из такого союза возникает и то, что Юнг назвал «трансцендентной функцией психического», с помощью которой человек может достичь своей высшей цели — полной реализации потенциала своей индивидуальной самости.

Таким образом, называемые нами «символы перехода» есть такие символы, которые представляют стремление человека к достижению своей цели. Они обеспечивают индивида теми средствами, с помощью которых содержания его бессознательного могут проникать в сознание, но и сами по себе они также являются активными выразителями этих самых содержаний.

Символы перехода многообразны по форме. Сталкиваемся ли мы с ними в истории или же встречаем в сновидениях нынешних людей, оказывающихся в критической стадии своей жизни, мы видим их важность. На самом архаическом уровне такой символики вновь возникает тема Плута. Но теперь перед нами уже не тот необузданный сумасброд, строящий из себя героя, он стал шаманом — знахарем, — магическая практика и взлеты интуиции характеризуют его как первобытного мастера инициации (посвящения). Его сила кроется в предполагаемой способности покидать свое тело и летать по миру, словно птица.

В данном случае птица — наиболее подходящий символ перехода. Он воплощает специфическую природу интуиции, работающей через «медиума» (посредника), то есть индивида, способного получать знание об отдаленных событиях или фактах, о которых сознательно он ничего не знает и знать не может, входя в похожее на транс состояние.

Свидетельство присутствия таких сил можно обнаружить уже в доисторическом периоде, эпохе палеолита, на что указал видный американский исследователь Джозеф Кемпбелл в комментарии к рисункам в одной из известных пещер, обнаруженных не так давно во Франции. «В пещере Ласко, — пишет он,

— существует изображение шамана, лежащего в трансе, с надетой на лицо птичьей маской, рядом изображена фигура птицы, сидящей на ветке. Сибирские шаманы до сегодняшнего дня носят подобные птичьи костюмы, и многие верят, что были зачаты своими матерями от спустившейся на землю птицы... Шаман в таком случае является не просто носителем, но благословенным отпрыском тех сил, которые обычно остаются невидимыми для нашего бодрствующего сознания и которые являются всем нам лишь во снах, в то время как он, мастер, свободно странствует по их царству».

На самом высоком уровне данного типа деятельности, связанного с инициацией, далекого от всевозможных уловок торгашей, которыми магия и колдовство столь часто подменяют подлинное духовное прозрение, находятся индийские мастера йоги. Погружаясь в транс профессионалы этого уровня выходят далеко за пределы привычных мыслительных категорий.

Одним из самых распространенных символов сновидения, демонстрирующего освобождение человека с помощью перехода, является тема одинокого путешествия или странствия, в каком-то смысле оказывающегося странствием духовным; здесь новопосвящаемый знакомится с природой смерти. Но это не смерть как последний приговор или иное посвятительное испытание силы, — это путешествие освобождения, отречения и искупления (примирения), направляемое и взлелеянное духом сострадания. Этот дух чаще представлен «владычицей» или «возлюбленной», нежели «мастером» посвящения, верховной женской фигурой (анимой), такой как Кван Инь в китайском буддизме, Софией в христианско-гностическом учении или древнегреческой богиней мудрости Афиной Палладой.

Этот символизм представляет не только полет птиц или путешествие в пустынную местность, но и любое решительное перемещение служит примером освобождения. В первой половине жизни, когда человек еще привязан к родительской семье и первичной общественной группе, подобное может переживаться как посвящение, в котором следует учиться самому принимать

решающие шаги в жизни. Это и есть тот самый момент, описанный Томасом Элиотом в поэтическом сборнике «Бесплодная земля», когда человек лицом к лицу встречается «с погибельным бесстрашием мгновению поддаться, пусть впредь не искупить его благоразумья веком».

В более поздний период жизни человеку, возможно, и нет нужды порывать все связи с символами значимого содержания. Но тем не менее он может оказаться наполненным духом божественной неудовлетворенности, заставляющим всех свободных людей искать личной встречи с новыми открытиями или стремиться прожить свою жизнь как-то иначе. Такая перемена может стать особенно важной в период между серединой жизни и пожилым возрастом, представляющим тот жизненный момент, когда множество людей размышляют о том, что же им делать, выйдя в отставку или отправившись на пенсию, — работать дальше или погрузиться в отдых и развлечения, остаться на домашнем диване или начать путешествовать.

Если бы их жизнь была полна приключений, опасностей или постоянных перемен, то они жаждали бы спокойной оседлой жизни и упрочения своей религиозной устремленности. Но живи они, главным образом, в рамках жестких социальных схем и обычаев, в которых они родились и были воспитаны, то здесь, естественно, можно ожидать страстной потребности в освобождающих переменах. Отчасти это могло бы осуществиться путешествиями по свету или же переездом в маленький дачный домик. Но ни одно из перечисленных внешних изменений не сработает, ежели не произойдет определенной внутренней трансформации старых ценностей в творчески переработанный — а не механически изобретенный — новый рисунок жизни.

Как пример последнего, показателен случай с женщиной, жившей так, что и она, и ее семья, и друзья пребывали в непрерывном удовольствии от самой жизни, поскольку эта жизнь имела свои глубокие корни, культурную основу и была застрахована от всего преходящего. Женщина увидела следующий сон.

«Я нашла несколько странных кусков дерева естественной прекрасной формы. Кто-то заметил: „Их принес неандерталец". После чего я увидела в отдалении неандертальцев, выглядевших как темная людская масса, ни одного из них более или менее отчетливо мне разглядеть не удалось. Я подумала, что могла бы забрать отсюда с собой кусок такого дерева.

Затем нечто вроде моего путешествия продолжилось, и я заглянула вниз, в чудовищную пропасть наподобие кратера потухшего вулкана. Его дно отчасти было покрыто водой, и я надеялась увидеть там и других неандертальцев. Но вместо этого увидела черных водных свиней, которые вылезали из воды, взбегали и сбегали с черных вулканических скал».

По контрасту с семейными узами этой женщины и ее высокоорганизованному стилю жизни сон обратил ее взор к доисторическому периоду, столь отдаленному, что трудно и вообразить. Она не смогла обнаружить что-либо наподобие социальной группы среди этих древних людей, а видела их как воплощение самого бессознательного — коллективную «темную массу» в отдалении. Тем не менее они предстали живыми, и она могла взять с собой кусок дерева. Сон подчеркивает, что деревянные формы сделаны самой природой, а не вырезаны человеческой рукой; они отражают исконный, культурно необусловленный уровень бессознательного. Кусок дерева, отмеченный за свою «прекрасную форму» и почтенный возраст, связывает современный опыт женщины с далекими истоками человеческой жизни.

Из многих примеров мы знаем, что древнее дерево или растение символически представляет рост и развитие психической жизни (отличной от жизни инстинктивной, обычно символизируемой животными). Следовательно, в этом куске дерева женщина получила символ своей связи с самыми глубокими уровнями коллективного бессознательного.

Далее, она упоминает о своем одиноком путешествии. Эта тема, как я уже указывал, символизирует потребность в освобождении как инициирующем переживании. Так что здесь обнаруживается еще один символ перехода.

В очередном эпизоде сновидения женщина видит огромный кратер потухшего вулкана, бывший в свое время проходом для неистового и яростного извержения огня и пепла из глубочайших слоев земли. Можно предположить, что это имеет отношение к значащему следу памяти, ведущему назад к травматическому переживанию. Сновидица связала это с ранним личным опытом, когда почувствовала разрушительную, хотя и творческую силу своих страстей до такой степени, что боялась сойти с ума. В позднем девичестве она обнаружила совершенно неожиданную потребность разорвать слишком условные социальные рамки своей семьи. Такой разрыв произошел без какого-либо серьезного страдания или горя, а в дальнейшем она оказалась в состоянии вернуться обратно в семью, чтобы обрести мир и покой. Но оставалось глубокое желание сделать более значимой разницу между ней и ее семейным прошлым, равно как и обрести свободу от своего собственного паттерна существования.

Вышеприведенный сон вызывает к памяти и другой случай, историю молодого человека, имевшего совершенно иную проблему, но который — так, по крайней мере, казалось — нуждался в аналогичном способе внутреннего прозрения. У него тоже было сильное желание выделиться. Ему приснился вулкан, в кратере которого он увидел двух летящих в страхе птиц. Возникало ощущение, что вулкан вот-вот извергнется. Все происходило в незнакомом уединенном месте, между сновидцем и вулканом пролегало водное пространство. Здесь сон представлял индивидуальное инициирующее путешествие.

Все это очень напоминает описанные случаи, происходившие в племенах обычных собирателей пищи, которые представляют, по общему мнению, группы так называемого семейного или кланового сознания. В таких общинах новопосвящаемый должен совершить одинокое путешествие к священному месту (в индейских культурах северной части Тихого океана таким местом может служить озеро в кратере вулкана), где, пребывая в состоянии транса, он встречается со своим «духом-хранителем», представленным в виде животного, птицы или какого-ли-

бо иного природного объекта. Юноша отождествляет себя с «лесной душой» и становится мужчиной. Без подобного переживания или опыта он считается «обычным индейцем, никем» (определение одного целителя из племени акумаи).

Сон приснился молодому человеку в самом начале его самостоятельной жизни, он указывал на будущую независимость и на становление его в качестве мужчины. Описанная мной женщина по своему возрасту уже приближалась к концу жизни, но образ путешествия, переживавшийся ею, был тем же самым, — казалось, она нуждается в приобретении похожей независимости. Она могла прожить остаток своих дней в гармонии с незыблемым человеческим законом, по своей древности превосходящим известные символы культуры.

Но такая независимость не заканчивается состоянием йогоподобного разъединения, которое могло бы означать самоотречение от мира со всеми его несовершенствами и нечистотами. В мертвом и разрушенном ландшафте своего сновидения женщина смогла разглядеть признаки животной жизни. Это были «водные свиньи», совершенно неизвестные ей доселе в качестве вида. Поэтому они могли иметь значение особого типа животных, способных существовать в двух природных средах — в воде и на земле.

В этом заключается универсальное свойство животного как символа перехода. Существа, исходящие — в переносном смысле — из глубин древней Матери-Земли, являются символическими обитателями коллективного бессознательного. Они привносят в область сознания особое хтоническое послание, отчасти отличное от духовных устремлений, символизируемых птицами из сновидения молодого человека.

Другими трансцендентными символами являются грызуны, ящерицы, змеи и иногда рыбы. Они сочетают подводную деятельность и птичий полет с промежуточной наземной жизнью. В этом смысле дикая утка или лебедь также представляют собой подходящий пример. Возможно, самым распространенным символом перехода во снах является змея, она же символ рим-

ского бога-врачевателя Асклепия. В наше время змея фигурирует в качестве знака медицинской профессии. Изначально это была неядовитая древесная змея, свернувшаяся в некое подобие спирали вокруг жезла бога-целителя и призванная воплощать своего рода посредничество между землей и небом.

До сих пор весьма важным и широко распространенным символом хтонического перехода является мотив двух сплетенных змей. Это известные в Древней Индии змеи Нага, их также можно обнаружить в Греции в виде свившихся змей в основании герм, устанавливавшихся в честь Гермеса. Древнегреческие гермы представляли собой каменные колонны с бюстом бога на вершине. С одной их стороны изображались змеи, а с другой — фаллос в «рабочем» положении. Поскольку змеи демонстрируют сексуальное единение, да и фаллос несет в себе вполне очевидный сексуальный смысл, то можно сделать определенное заключение относительно функции герм как символа плодородия.

Но мы ошибемся, если решим, что они имели отношение лишь к плодородию биологическому. В другой своей роли Гермес является Плутом, а также посланцем, вестником, богом дорог и перекрестков и к тому же проводником душ в подземный мир и из подземного мира обратно. Фаллос его, тем самым, проходит из известного в неизвестный мир в поисках духовного извещения об освобождении и исцелении.

Изначально, в Египте, Гермес был известен как Тот, бог с головой ибиса, и воспринимался, соответственно, как транцендентный принцип в форме птицы. Уже в олимпийский период греческой мифологии Гермес вновь обрел атрибуты птичьей жизни вкупе со своей змеиной хтонической природой. Его жезл обрел крылья, поместившиеся поверх сплетенных змей, и стал кадукеем или крылатым жезлом Меркурия, а сам бог стал «летающим» со своими шляпой и сандалиями с крылышками. Отныне Гермес стал настоящим властелином трансцендентности: он может осуществить переход от низшей формы (подземное змеиное существование), минуя промежуточную форму (назем-

ная жизнь), к сверхчеловеческой или надличностной реальности (полет).

В других репрезентациях такой составной символ обнаружен в виде крылатой лошади (крылатого дракона) или других существ, в большом количестве населяющих художественный мир алхимии. Последний весьма полно проиллюстрирован в классической работе д-ра Юнга на эту тему. Имея дело с пациентами, нам пришлось столкнуться с бесчисленными превратностями жизни этих символов, что само по себе показывает, чего может достичь аналитическая терапия, когда она освобождает глубокие психические содержания, способные стать частью нашего сознательного инструментария для более эффективного понимания жизни.

Современному человеку нелегко усвоить значение символов, приходящее к нам из прошлого или возникающее в наших сновидениях. Так же нелегко понять, как древний конфликт между символами сдерживания и освобождения связан с нашими собственными затруднениями. Дело, однако, облегчается, когда мы осознаем, что изменились лишь специфические формы архаических схем и стереотипов, а не их психическое значение.

Мы говорили о диких птицах как символах освобождения. На сегодня столь же уместно было бы говорить о реактивных самолетах и космических ракетах в том смысле, что они являются физическим воплощением того же самого принципа перехода, освобождая нас — пусть и временно — от силы гравитации. Аналогичным образом однажды обеспечившие стабильность и защиту древние силы сдерживания в современности проявились в форме поиска человеком экономической безопасности и социального благополучия.

Конечно, каждый из нас осознает, что в нашей жизни постоянно существует конфликт между риском и дисциплиной, добродетелью и злом, свободой и безопасностью. Но это всего лишь слова, которыми мы пользуемся, описывая беспокоящую нас амбивалентность, суть которой мы, по всей видимости, никогда не сможем постичь.

Однако ответ имеется. Между сдерживанием и освобождением есть точка встречи, и находится она в ритуалах посвящения, которые я здесь обсуждал. С их помощью индивид или даже группа людей могут объединить в самих себе конфликтующие силы и достичь их внутреннего равновесия.

Но ритуалы не предоставляют такой благоприятной возможности автоматически. Они связаны с определенными этапами в жизни индивида или группы, и, если в них не разобраться и не изменить соответствующим образом свою жизнь, момент может быть упущен. Инициация, по сути, является процессом, начинающимся с обряда подчинения, за которым следует период сдерживания, и заканчивающимся обрядом освобождения. На этом пути каждый индивид может примирить конфликтующие элементы своей личности и обрести внутреннее равновесие, которое сделает его настоящим человеком, хозяином самого себя.

Часть 3

Мария-Луиза фон Франц

ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЦИИ

Общая схема психического роста

В начале этой книги д-р Юнг познакомил читателей с понятием бессознательного, его индивидуальными и коллективными структурами, символической формой выражения. Описав всю важность символов, созданных бессознательным, то есть их исцеляющее или разрушающее воздействие, д-р Юнг показал, как сложно их правильно истолковывать. Успех той или иной интерпретации зависит от того, находит ли она отклик у индивида (пациента или клиента) и несет ли для него смысловую нагрузку. Тем самым он указал на возможное значение и функции в символике сновидений.

Но вместе с развитием теории Юнга возник еще один вопрос: какова цель всей сновидческой жизни индивида? Какую роль играют сновидения не только в экономике психического бытия, но в человеческой жизни в целом?

В результате наблюдения Юнгом большого количества людей и изучения их сновидений (по подсчетам Юнга, получается, что он проанализировал по меньшей мере 80 000 снов) было установлено, что все сны не только соотносятся в той или иной степени с жизнью сновидца, но и что все они являются составными частями одной огромной сети психологических факторов. Было также обнаружено, что все сновидения, по-видимому, придерживаются определенного порядка или следуют общей схеме. Эту схему Юнг назвал «принципом индивидуа-ции». Поскольку сны еженощно являют самые различные сцены и образы, то, не будучи внимательным наблюдателем, трудно заметить в них какую-либо упорядоченность. Но если проследить свои собственные сны за несколько лет, изучая последовательно их содержание, то станет очевидно, что определенные образы всплывают, исчезают и повторяются вновь. Многим даже снятся по несколь-

ку раз одни и те же персонажи, виды или ситуации, и если отследить их на протяжении последовательного ряда сновидений, обнаружится, что они постепенно, но заметно изменяются. Эти перемены могут быть ускорены правильным толкованием снов и их символов, поскольку оно влияет на осознанное отношение сновидца к сновидениям.

Таким образом, жизнь наших сновидений создает замысловатый узор, в котором просматриваются то исчезающие, то появляющиеся индивидуальные черты или наклонности. Если в течение длительного времени наблюдать, как плетется этот витиеватый узор, то можно заметить, что это действо чем-то тайно направляется или регулируется, вызывая медленно и неуловимо идущий процесс духовного роста — процесс индивидуации.

Постепенно он приводит к появлению более разносторонней и зрелой личности, и затем, по мере усиления, его результаты даже становятся заметными для окружающих. Тот факт, что мы часто говорим о «задержках в развитии» кого-либо, показывает, что подобный процесс роста и становления считается возможным для каждого индивида. И поскольку духовный рост не может быть вызван сознательным волевым усилием, а возникает непроизвольно и естественно, в сновидениях его часто символизирует образ дерева, чей медленный, мощный и самопроизвольный рост вписывается в определенную схему.

Направляющий центр, из которого исходит упомянутое регулирующее воздействие, похоже, представляет собой своего рода «ключевой атом» в нашей психической системе, ее ядро. Можно также сказать, что этот центр изобретает, упорядочивает и генерирует образы сновидений. Юнг назвал этот центр самостью и охарактеризовал как охватывающий всю психику человека, в отличие от эго, представляющего лишь малую часть психики.

На протяжении веков люди интуитивно знали о существовании такого внутреннего центра. Греки называли его внутренним даймоном; в Египте он выражался в понятии Ба (душа), а римляне почитали его за «гения», присущего каждому человеку.

В первобытных общинах его часто считали духом-хранителем, воплощенным в животном или фетише.

Необычайно чистое, ничем не замутненное восприятие этого центра присуще индейцам племени наскапи, все еще обитающим в лесах полуострова Лабрадор. Эти люди промышляют охотой и живут настолько изолированными семейными группами и на таком большом расстоянии друг от друга, что они не смогли создать систему племенных обычаев или коллективные религиозные верования и церемонии. В этом пожизненном одиночестве охотник наскапи вынужден полагаться только на свой собственный внутренний голос или на откровения бессознательного. У него нет религиозных учителей или наставников, которые разъясняли бы ему, во что он должен верить, нет и ритуалов, празднеств или обычаев, которые могли бы ему помочь. В его миропонимании душа человека предстает просто внутренним «спутником», которого он зовет «мой друг» или mistapeo, что означает «Великий человек». Великий человек обитает в сердце и является бессмертным; в момент смерти или незадолго до нее он покидает человека, а позднее перевоплощается в другие существа.

Те индейцы племени наскапи, которые уделяют внимание своим снам, стараясь выяснить значение и проверить их достоверность, могут обрести более глубокую взаимосвязь с Великим человеком. Он благоволит к таким людям и чаще посылает им хорошие сны. Таким образом, главная обязанность каждого индейца наскапи заключается в том, чтобы следовать наставлениям, которые даются ему во сне, и затем запечатлевать их в искусстве. Ложь и бесчестие заставляют Великого человека покинуть внутреннее царство индивида, тогда как великодушие и любовь к животным и людям притягивают его, придавая ему сил. Сновидения дают индейцу возможность определить свой путь в жизни, причем не только во внутреннем мире, но и в окружающем мире природы. Они помогают ему предсказывать погоду, оказывают бесценную помощь в охоте, от которой зависит его жизнь. Я упоминаю это первобытное племя, потому что

его члены до сих пор еще не были загрязнены идеями нашей цивилизации и сохранили естественное понимание той сущности, которую Юнг называет самостью.

Самость можно определить как внутренний регулирующий центр, отличающийся от сознательной личности, который можно понять лишь путем изучения своих сновидений. Сны подсказывают нам, что самость является центром, постоянно направляющим развитие и созревание личности. Но это разностороннее и цельное состояние психики выглядит первоначально лишь как врожденная, но еще не проявившаяся возможность. На протяжении жизни человека она может проявиться лишь отчасти или развиться довольно полно. Степень развития зависит от желания или нежелания эго прислушаться к посланиям самости. Но, как заметили индейцы наскапи, тому, кто восприимчив к намекам Великого человека, снятся более полезные и совершенные сны. Можно добавить, что существующий в нас с момента рождения Великий человек более различим внутри восприимчивой личности, чем внутри того, кто пренебрегает им. Восприимчивая личность становится также более совершенной и цельной.

Может даже показаться, что эго было рождено природой не для того, чтобы до бесконечности следовать своим собственным непроизвольным импульсам, а для того, чтобы помочь психике обрести целостность. Именно эго проливает свет на действие всей системы, позволяя ей стать осознанной, а значит реализованной. Если, например, у меня есть художественный дар, не осознанный моим эго, с ним ничего не произойдет, как если бы его и не было. Он может реализоваться только в том случае, если будет замечен эго. Врожденная, но скрытая целостность психики не тождественна целостности, уже полностью осуществленной.

Это можно изобразить следующим образом. Семя горной сосны содержит всё будущее дерева в латентной, скрытой форме, но каждое зерно падает в определенное время на определенное место, отличающееся от других по таким специфическим

свойствам, как качество почвы, каменистость, наклон земли, ее открытость солнцу и ветру. Латентная целостность сосны в семени реагирует на все эти условия, избегая камней и притягиваясь к солнцу, в результате чего происходит рост дерева. Таким образом, отдельная сосна постепенно входит в мир, претворяя заложенную в ней целостность и являя ее на свет. Без живого дерева образ сосны — не более чем потенция или абстрактная идея. Аналогичным образом реализация в отдельном человеке его уникальности является целью процесса индивидуации.

Можно рассматривать этот процесс как возникающий у человека произвольно (как и у любого другого живого существа) в бессознательном, в результате чего высвобождаются врожденные качества характера. Но, строго говоря, процесс индивидуации возможен только в том случае, когда индивид знает о нем и сознательно принимает в нем участие. Нам не известно, есть ли у сосны представление о своем росте, может ли она наслаждаться или страдать от выпадающих на ее долю мытарств и приключений, но человек определенно способен сознательно участвовать в своем развитии. Он даже понимает, что, принимая время от времени свободные решения, может активно взаимодействовать со своей врожденной целостностью. Это взаимодействие относится к процессу индивидуации в узком смысле слова.

Человек, однако, испытывает и нечто такое, что не охватывается нашей метафорой о сосновом дереве. Процесс индивидуации шире, чем взаимосвязь между врожденным зародышем целостности и событиями, преподносимыми судьбой. Субъективное переживание этого процесса создает ощущение, что в созидание активно вмешивается какая-то надличностная сила. Иногда чувствуется, будто бессознательное определяет свой путь в соответствии с тайным замыслом. Создается впечатление, словно кто-то или что-то наблюдает за вами — нечто такое, чего мы не видим, хотя оно видит нас, — может быть, это Великий человек, таящийся в сердце, который высказывает свое мнение о нас через сновидения.

Но этот творчески активный элемент психического ядра может начать действовать только в том случае, когда эго избавится от всех намерений и желаний и попытается перейти на более глубокий, более фундаментальный уровень существования. Эго должно уметь внимательно прислушиваться к внутренней устремленности к росту и положиться на нее, не думая, что из этого выйдет. Многие философы-экзистенциалисты стремились описать это состояние, но им удавалось лишь разоблачить иллюзорность сознания. Они подходили прямо к двери, ведущей в бессознательное, и... не могли в нее войти.

В странах с более древней культурой, чем наша собственная, люди лучше понимают, что утилитарный подход к сознательному планированию своих поступков не годится для пути, ведущего к внутреннему развитию личности. Однажды я встретила пожилую даму, не многого достигшую в жизни в смысле материального благополучия. Но ей удалось создать хорошую семью с плохим мужем и сформироваться как зрелой личности. Когда она пожаловалась мне, что ничего не добилась в своей жизни, я рассказала ей одну притчу, изложенную китайским мудрецом Чжуан-Цзы. Женщина сразу же поняла ее смысл и почувствовала большое облегчение. Суть притчи такова:

«Однажды во время путешествия плотник по имени Кремень увидел огромный старый дуб, росший в поле рядом с жертвенником, на котором совершались обряды в честь местного божества. Он повернулся к восхитившемуся могучим деревом подмастерью и сказал:

— От него нет проку. Лодка, сделанная из него, потонет, гроб или саркофаг — быстро сгниют, посуда расколется. Сделаешь ворота или двери — из них будет сочиться сок, колонну — ее источат черви. Это дерево не строевое, оно ни на что не годится, оттого и живет долго.

Но в тот же вечер, когда плотник лег спать на постоялом дворе, старый дуб явился ему во сне и сказал:

— Почему ты сравниваешь меня с вашими садовыми деревьями — боярышником, яблоней, грушей, апельсиновым и про-

чими фруктовыми деревьями? Еще до того, как на этих деревьях созреют плоды, люди набрасываются на них и причиняют им вред, ломая сучья и ветки. Их собственные плоды причиняют им вред, и они не могут прожить отведенный им природой срок. Это происходит по-всюду, вот почему я долгое время старался стать совершенно бесполезным. Ты, жалкий смертный! Сам подумай, если бы я был полезным во всех отношениях, разве я достиг бы таких размеров? Более того, ты и я — создания Божьи, как же может одно создание превозносить себя настолько, чтобы осуждать другое? Ты, никому не нужный смертный, что ты знаешь о полезности деревьев?

Плотник проснулся и задумался над сном. Позже его ученик спросил, почему только одно это дерево служило для прикрытия жертвенника от ветра и солнца, на что он ответил:

— Замолчи! И ни слова больше об этом! Это дерево выросло здесь неспроста, в любом другом месте люди его бы не пощадили».

Плотник отчетливо понял свой сон. Ему стало ясно, что простое исполнение своего предназначения является величайшим достижением человека и что наши потребительские представления должны уступить дорогу требованиям бессознательной части нашего психического. В терминах психологии эта метафора звучала бы так: дерево символизирует процесс индивидуации, давая урок нашему близорукому эго. Под деревом, исполнившим свое предназначение, находился, как отмечается в притче Чжуан-Цзы, жертвенник. Это был грубый, необработанный камень, на котором люди приносили жертвоприношения местному божеству, «владевшему» этим участком земли. Символ жертвенника указывает на тот факт, что для осуществления процесса индивидуации человек должен осознанно подчиниться силе бессознательного, не размышляя о том, что следует и чего не следует делать, что правильно и что неправильно. Надо просто прислушаться к внутренней целостности — самости, чтобы понять, как поступить в каждом конкретном случае. Наше отношение к ней должно быть таким, как у горной сосны, о которой

шла речь выше. Она не раздражается, когда ее росту мешает камень, и не строит планов, как преодолеть это препятствие. Она просто стремится почувствовать, куда ей следует расти — левее или правее, вверх или вниз по склону. Подобно этому дереву, мы должны поддаться почти неразличимому, но заметно выделяющемуся из других импульсу, который возникает из стремления к неповторимости, к творческому самораскрытию. Это процесс, в котором мы непрерывно ищем и находим нечто пока никому не известное. Подсказки или направляющие стимулы исходят не от эго, а из целостной психики — самости. Более того, бесполезно подсматривать, как развивается кто-то другой, потому что у каждого из нас своя уникальная задача осуществления. Хотя многие стоящие перед людьми проблемы и похожи, но они никогда не идентичны. Так, все сосновые деревья очень сходны между собой (иначе мы не считали бы их соснами), однако ни одно не может в точности повторить другое. В силу этих факторов схожести и различия трудно обобщить бесчисленное множество вариаций процесса индивидуа-ции. В действительности каждый человек совершает в этом процессе что-то неповторимое, присущее только ему. Многие критиковали юнгианский подход из-за отсутствия в нем систематического изложения психологического материала. Но такие критики забывают, что сам этот материал представляет собой эмоционально заряженный живой опыт, по своей природе иррациональный и переменчивый. Поэтому систематизировать его можно лишь в самых общих чертах. Современная глубинная психология в своем развитии столкнулась с теми же трудностями, что и физика элементарных частиц. Другими словами, когда мы имеем дело со среднестатистическими величинами, то рациональное систематическое описание фактов возможно. Но, пытаясь описать отдельное психическое явление, мы не можем сделать больше, чем представить честную картину его с возможно большим числом различных ракурсов. Точно так же ученые должны признать, что не знают, что такое свет. Они могут утверждать лишь, что при одних условиях постановки эксперимента свет, очевидно,

состоит из частиц, тогда как при других — представляется, что он состоит из волн. Но неизвестно, чем же он является на самом деле. Психология бессознательного и любое описание процесса инди-видуации сталкиваются с аналогичными трудностями в своих определениях. Но я попытаюсь дать здесь краткое описание наиболее типичных черт этого процесса.

Первые проявления бессознательного

Для большинства людей годы молодости характеризуются состоянием постепенного пробуждения, в процессе которого индивид начинает понимать окружающий мир и самого себя. Детство является периодом огромного эмоционального напряжения, и первые сны ребенка часто выявляют в символической форме базовую структуру психики, показывая, как она позднее скажется на судьбе конкретной личности. В качестве примера Юнг однажды рассказал группе студентов о молодой женщине, которую постоянно преследовало чувство тревоги, дошедшее до такой степени, что она наложила на себя руки в двадцать шесть лет. Еще ребенком ей приснилось, что в спальню, где она лежала в кровати, вошел Джек Фрост[21] и ущипнул ее за живот. Она проснулась и обнаружила, что сама ущипнула себя. Но сон не испугал ее, она просто его запомнила. Тот факт, что она не реагировала эмоционально на странную встречу с демоном холода — демоном замороженной жизни, не предвещал ничего хорошего в будущем и сам по себе был ненормальным. Позднее она покончила с собой так же холодно и бесстрастно. Из этого единственного сна можно вывести трагическую судьбу сновидицы, предугаданную ее детской душой. Иногда будущее в символической форме предвещается не сном, а каким-то очень ярким и незабываемым реальным событием. Хорошо известно, что дети часто забывают события, кажущиеся важными для взрослых, но сохраняют отчетливые воспоминания о ка-

[21] Джек Фрост — фольклорный персонаж, который, как говорится в детских сказках, приносит зимние морозы и разрисовывает окна затейливыми узорами.

ком-нибудь никем больше не замеченном случае или истории. При внимательном изучении любого из таких детских воспоминаний мы обычно обнаруживаем, что оно олицетворяет (если рассматривать его как символ) основную проблему формирующейся детской психики. Когда ребенок достигает школьного возраста, у него начинает складываться эго, наступает период приспособления к внешнему миру. Этот этап обычно сопровождается рядом болезненных переживаний. В то же время некоторые дети начинают ощущать свое отличие от других людей. И это ощущение своей непохожести, неповторимости вызывает переживание грусти, частично объясняющее чувство одиночества у многих подростков. Несовершенство мира, его зло, с которыми подросток сталкивается как внутри самого себя, так и вовне, становятся осознанными; он вынужден стараться справиться с настоятельными, хотя еще и не очень понятными внутренними импульсами, а также с проблемами внешнего мира. Если что-то мешает нормальному развитию сознания, то подростки часто уходят от внешних или внутренних трудностей, замыкаясь в себе как в крепости, и, когда такое происходит, их сновидения и символические картины бессознательного самым ярким образом являют мотив круга, квадрата или «ядра», что мы рассмотрим подробнее ниже. Речь идет об уже упомянутом выше психическим ядре, жизненным центре личности, из которого начинается все структурное развитие сознания. Естественно, что образ такого центра будет проявляться особенно ярко в том случае, когда психическая жизнь индивида оказывается под угрозой. Из этого центра, или ядра, направляется (насколько нам известно) весь процесс формирования самосознания. При этом эго, судя по всему, выступает двойником или структурной парой первоначального центра.

На этом раннем этапе многие подростки серьезно пытаются найти в жизни какой-то смысл, чтобы справиться с хаосом, переполняющим их внутренний и внешний мир. Других влечет еще скрытый в бессознательном поток унаследованных и инстинктивных архе-типических образов. Таких подростков

не интересует глубинное значение жизни, потому что их опыт любви, общения с природой, спортивных игр и работы и так удовлетворяет их своим непосредственным значением. Они вовсе не обязательно более поверхностны в своем восприятии — обычно их несет по жизни с меньшими трениями и волнениями, чем более склонных к самоанализу сверстников. Аналогичным образом, если ехать на автомобиле или поезде, не выглядывая наружу, то только моменты трогания, торможения и внезапные повороты дают понять, что вы вообще двигаетесь.

Настоящий процесс индивидуации — осознанное взаимодействие со своим внутренним центром (психическим ядром), или самостью, — обычно начинается с ощущения душевной боли, сопровождаемой страданием. Такой начальный толчок подобен своего рода «призыву», хотя мы не часто понимаем это. Эго, напротив, воспринимает его как помеху своей воле или желанию, проецируя обычно источник помехи на какой-либо посторонний объект. Бог, материальные затруднения, начальник, супруг или что-то еще может оказаться для эго козлом отпущения. Или же внешне все выглядит благополучно, но в действительности человек изнывает от мертвенной скуки, опустошающей и лишающей смысла все вокруг.

Многие мифы и сказки символически описывают эту начальную стадию процесса индивидуации под видом заболевшего или начавшего стареть короля. Читателю знакомы и такие типичные сюжетные приемы, как описание бесплодной королевской четы; чудовища, похитившего всех женщин, детей, лошадей и сокровища королевства; или демона, преграждающего путь армии короля или его кораблю; или тьмы, холода и засухи (наводнения), напавших на страну. Другими словами, первая встреча с самостью выглядит подобно мрачной тени, нависшей над будущим. Словно «внутренний друг» пришел как охотник, чтобы заманить беспомощно борющееся эго в западню.

Из мифов видно, что волшебная вещь или талисман, которые могут избавить короля и его страну от несчастья, всегда представляют из себя что-то весьма необычное. В одной сказке,

чтобы вылечить короля, нужен «белый дрозд» или «рыба с золотым кольцом в желудке». В другой — король хочет заполучить «живую воду», или «три золотых волоса с головы черта», или «золотую косу царь-девицы» (а затем, естественно, и владелицу косы). Как бы то ни было, вещь, которая может изгнать злое начало, всегда уникальна, и найти ее непросто.

То же самое происходит и с человеком при первом в его жизни кризисе. Он ищет нечто, что невозможно найти или о чем ничего не известно. В такие моменты совершенно бесполезны все благие, разумные и чуткие советы, призывающие постараться быть ответственнее, взять отгул, не надрываться на работе (или работать усерднее), больше или меньше контактировать с людьми или придумать себе какое-нибудь хобби. Ни один из подобных советов не поможет или, в лучшем случае, поможет один из тысячи. Имеется, видимо, лишь один эффективный способ. Его суть в том, чтобы встретить приближающуюся темноту лицом к лицу, без предубеждения и совершенно искренне и постараться понять, в чем ее скрытая цель и что она хочет от нас.

Потайная цель надвигающейся темноты обычно настолько необычна, уникальна и неожиданна, что разгадать ее удается, как правило, лишь через сновидения или фантазии, рождаемые бессознательным. Если сосредоточить свое внимание на бессознательном, избегая скоропалительных суждений или неприятия, оно может выплеснуть в сознание поток символических образов и подсказок. Иногда же бессознательное сначала предстает в серии болезненных открытий, давая понять, что в установках нашего сознания и в нас самих что-то не так. А затем начинается процесс усвоения горьких истин.

Осознание тени

Независимо от того, в какой форме впервые проявится бессознательное — как проблеск узнавания нового или как горькое откровение, — через некоторое время обычно возникает необходимость скорректировать осознанное поведение в соответствии с полученной информацией, то есть принять «критику» бессознательного. Через сновидения человек знакомится с теми аспектами своей личности, на которые он предпочитал по различным причинам смотреть сквозь пальцы. Этот процесс Юнг назвал «осознанием тени» (он использовал слово «тень» для обозначения этой части бессознательного, потому что она довольно часто появляется в сновидениях в образе человека). Но тень представляет собой не все бессознательное целиком, а только неизвестные или мало известные свойства и качества эго — те его аспекты, которые большей частью принадлежат к личностной сфере и вполне могли бы быть осознанными. Отдельные качества, присущие тени, могут также складываться из коллективных влияний, проистекающих из источников, лежащих за пределами личной жизни индивида.

При попытке увидеть свою тень человек начинает замечать у себя (нередко, к своему стыду) те качества и импульсы, наличие которых он обычно отрицает, хотя и различает у других: эгоизм, леность ума и небрежность мысли, прожектерство, безответственность и трусость, чрезмерную страсть к деньгам и вещам — одним словом, все те грешки, о которых раньше он думал: «Ерунда, никто этого не заметит и, вообще, кто не без греха».

Если при попытке приятеля указать вам на допущенную ошибку вы чувствуете, что выходите из себя, будьте уверены, что это проявляется часть вашей тени, которую вы не осознаете.

Конечно, естественно испытывать раздражение, когда другие люди, которые ничуть не лучше вас, критикуют вас за ошибки вашей тени. Но что остается делать, когда вас упрекают ваши собственные сновидения — ваш внутренний судья? Вот тогда-то эго и оказывается в ловушке и ему остается только смущенно замолчать. Затем начинается болезненная и длительная работа по самовоспитанию, психологическую сложность которой можно сравнить с подвигами Геракла. Как мы помним, первой его задачей было очистить за день Авгиевы конюшни, в которых за многие десятилетия скопилось столько навоза от сотен голов скота, что обычный смертный впал бы в уныние от одной мысли об этом.

Тень проявляется не только в том, чего мы не делаем, но и в спонтанных, ненамеренных действиях. Не успеешь подумать, а колкость прозвучала, интрига готова, неправильное решение принято — и вот результаты, которых никто не хотел и не замышлял. Более того, тень в гораздо большей степени подвержена тлетворному коллективному влиянию, чем сознание ее владельца. Например, когда человек один, он чувствует себя в относительном порядке. Но как только кто-то вокруг на-185

чинает заниматься «темными» делами, его так и тянет к ним присоединиться из опасения, что в противном случае его примут за дурака. В итоге он дает волю влечениям вовсе ему не свойственным. Характерно, что при контактах с людьми одного пола на тень каждого из нас как бы накладываются тени окружающих, усиливая общие недостатки. А тень у лиц противоположного пола нас почти не раздражает, и мы легко прощаем им ее присутствие.

Вот почему в сновидениях тень появляется в образе лица, пол которого совпадает с полом сновидца. Примером может послужить следующий сон, приснившийся мужчине сорока восьми лет. Сновидец старался жить главным образом для себя и ни от кого не зависеть, усердно работал на службе, был дисциплинирован и требователен к себе, при этом подавлял в себе тягу

к удовольствиям и спонтанным поступкам в гораздо большей мере, чем подходило бы его истинной природе.

«У меня был очень большой дом в городе, но я хотя и жил в нем, еще не изучил его как следует. Поэтому я решил пройтись по дому и обнаружил несколько помещений, главным образом в подвале, о которых до этого ничего не знал. Там были двери, ведущие в другие подвалы и даже на подземные улицы. Я почувствовал беспокойство, обнаружив, что некоторые из них не закрыты, а на других не было и замков. Ведь кругом работали люди, которые могли проникнуть в дом. Поднявшись на первый этаж, я прошел на задний двор, где тоже обнаружил выходы на улицу или в другие дома. Только я начал осматриваться, как ко мне подошел громко смеющийся мужчина и заявил, что мы с ним старые школьные друзья. Я тоже его вспомнил, и, пока он рассказывал мне о своей жизни, мы направились к выходу, а затем пошли бродить по улицам.

Пока мы шли по огромной круговой улице, в воздухе как-то странно перемешивались свет и тень. Мы подошли к зеленому скверу, где неожиданно мимо нас проскакали галопом три лошади. Это были великолепные сильные животные, дикие, но в то же самое время ухоженные, всадников нигде видно не было. (Не убежали ли эти лошади от военных?)»

Лабиринт странных коридоров, залов и незапертых выходов в подвале воссоздает древнеегипетские представления о загробном мире и является хорошо известным символом, означающим бессознательное с его неизведанными возможностями. Он знаменует также «открытость» влиянию как бессознательной тени, так и сверхъестественных и чуждых человеку сил. Можно сказать, что подвал означает основу психики сновидца. На заднем дворе (символизирующем еще не раскрытый душевный потенциал психического) внезапно появляется старый школьный друг. Он явно олицетворяет другой аспект самого сновидца — бывший составной частью его жизни в детстве, но давно утраченный и забытый. Часто случается, что качества, присущие человеку в детские годы, например веселость, вспыль-

чивость или, может быть, доверчивость, внезапно исчезают, и непонятно, куда и каким образом они ушли. Именно такая утраченная часть характера сновидца теперь возвращается (с заднего двора) и вновь старается завязать дружбу. Этот образ является, вероятно, отражением утраченной способности сновидца наслаждаться жизнью, а также представляет его экстравертную теневую составляющую.

Но тут мы узнаём, что сновидец ощутил «беспокойство» как раз перед встречей с этим внешне безобидным старым другом. Когда они подходят к скверу, мимо них проносятся три лошади. Сновидец думает, что лошади, возможно, сбежали из воинской части (иначе говоря, сбежали от сознательной дисциплины, характеризовавшей до сих пор его жизнь). Тот факт, что лошади были без наездников, показывает, что инстинктивные влечения могут выйти из-под контроля сознания. В образах старого друга и лошадей вновь появляется та до сих пор отсутствовавшая позитивная сила, в которой так остро нуждался сновидец.

Эта проблема часто возникает, когда человек сталкивается с «другой стороной» самого себя. Тень обычно содержит ценности, в которых нуждается сознание, но форма, в которую они облечены, затрудняет их использование. Коридоры и большой дом в этом сне означают также, что сновидец еще не знает собственных духовных масштабов и не способен пока реализовать их. Тень в этом сновидении типична для личности интроверта (человека, стремящегося отойти как можно дальше от внешней жизни). У человека открытой натуры — экстраверта, более обращенного к внешним объектам и окружающей его жизни, тень будет выглядеть совершенно иначе.

Один молодой человек, весьма живой, темпераментный, неоднократно осуществлял успешные проекты в своем бизнесе, в то же время его сновидения постоянно указывали ему, чтобы он довел до конца начатый им личный творческий замысел. Приведем один из его снов.

«Человек лежит на кушетке, натянув одеяло и закрыв им свое лицо. Это — француз, отчаянная голова, он готов взяться за лю-

бое преступное дело. Меня ведет вниз по ступеням служащий, но я знаю, что против меня составлен заговор. Этот француз должен меня убить — как бы случайно (так это должно будет выглядеть со стороны). Когда мы подходим к выходу, он действительно подкрадывается ко мне сзади, но я начеку. Неожиданно к стене прислоняется высокий полный человек (видимо, богатый и влиятельный) — он плохо себя почувствовал. Я тут же пользуюсь возможностью и закалываю служащего, вонзив ему кинжал в сердце. Как комментарий откуда-то доносится: „Никто ничего не заметит, кроме того, что пролилось немного влаги“. Теперь я в безопасности, поскольку француз нападать не станет, когда убит тот, кто отдавал ему этот приказ. (Возможно, служащий и богатый полный человек являются одним и тем же лицом — одно как бы заменяет другое.)»

Этот бандит представляет другую — интровертную — сторону сновидца, которая достигла состояния полной нужды. Он лежит на кушетке (т. е. пассивен) и прикрывает лицо, поскольку хочет, чтобы его оставили в одиночестве. С другой стороны, служащий и зажиточный полный человек (на деле одно и то же лицо) персонифицируют внешние успехи и деятельную сторону сновидца. Неожиданное недомогание полного человека связано с тем, что сновидец действительно несколько раз заболевал, когда позволял своей подвижной энергичности насильственно прорываться во внешнюю жизнь. Но у этого преуспевающего господина нет крови — лишь немного влаги, — а это значит, что в амбициозной внешней деятельности сновидца не содержится подлинной жизни и страсти, но один лишь бескровный механизм. А потому нет большой потери от убийства полного человека. Под конец сновидения француз удовлетворен; он явно представляет позитивную теневую фигуру, которая стала негативной и опасной лишь потому, что с ней не согласна сознательная установка сновидца.

Это сновидение показывает нам, что тень может содержать в себе множество различных элементов, например бессознательное честолюбие (преуспевающий полный мужчина) и интро-

версию (француз). Ассоциативная связь с французом обусловлена еще и тем, что французы считаются мастерами решать свои любовные дела. Тем самым две теневые фигуры представляют два хорошо известных влечения: влечение к власти и половое влечение. Первое на какой-то момент раздваивается, предстает в облике и служащего, и преуспевающего человека. Служащий (или чиновник) олицетворяет коллективное приспособление, тогда как преуспевающий мужчина обозначает честолюбие. Во всяком случае, оба они представляют влечение к власти. Когда сновидцу удается остановить опасную внутреннюю силу, француз перестает быть опасным. Другими словами, не менее опасная сторона сексуального влечения также капитулирует.

Очевидно, что проблема тени играет огромную роль во всех политических конфликтах. Если бы человек, которому снился этот сон, не был чувствителен к проблемам своей тени, ему легко было бы идентифицировать отчаянного француза как воплощение «коммунистической опасности», а служащего вместе с преуспевающим господином отнести к «душителям-капиталистам». В таком случае он не заметил бы того, что война между началами происходит внутри него самого. Когда люди наблюдают собственные бессознательные тенденции у других, это называется «проекцией». Политическая агитация во всех странах столь же полна таких проекций, как и дворовые сплетни в малых группах или между индивидами. Всякого рода проекции затемняют видение окружающих, подрывают его объективность, а тем са-189
мым и любую возможность подлинно человеческих отношений.

Имеется еще одна отрицательная сторона проецирования вовне нашей тени. При отождествлении ее, например, с коммунистами или капиталистами часть нашей личности переходит туда, покидая нас. В результате мы будем постоянно (хотя и непроизвольно) действовать в ущерб себе, поддерживая другую сторону и тем самым неосознанно помогая врагу. И наоборот, если мы осознаем влияние тени и можем обсуждать с людьми, на которых это влияние проецируется, любые проблемы без

страха и враждебности, но с вниманием, тогда появится шанс взаимопонимания или, по крайней мере, примирения.

Станет ли тень нашим другом или врагом, зависит главным образом от нас самих. Как показывают оба выше рассмотренных сновидения, тень вовсе не обязательно находится в оппозиции. На деле она вполне аналогична любому человеку, ради сосуществования с которым приходится в чем-то уступить, в чем-то пойти наперекор, а то и полюбить что-то — в зависимости от ситуации. Тень становится враждебной, только когда ее игнорируют или недопонимают.

Порой индивид ощущает потребность проявить худшую сторону своего характера, подавляя лучшую. В таких случаях тень является в его снах в образе положительного героя. Но человеку, эмоции и чувства которого ближе к естеству, тень может явиться в образе холодного и неприятного интеллектуала, который в этом случае олицетворяет скрываемые колкости и неприятные мысли. Таким образом, функция тени (независимо от принимаемой формы) состоит в олицетворении противоположной стороны эго и тех качеств, которые больше всего не нравятся ее носителю в других людях.

Было бы слишком просто, если можно было бы сделать тень частью своей осознаваемой личности лишь через честность с самим собой и саморефлексию. К сожалению, такие попытки не всегда срабатывают. Внутри теневой части психики каждого из нас существуют такие страстные эмоции, с которыми доводы рассудка могут и не справиться. В этом плане приходящий извне горький опыт может иногда оказаться полезным. Условно говоря, чтобы остановить порывы и побуждения тени, надо, чтобы вам на голову упал кирпич. Иногда, чтобы обуздать их, требуется героическое сверхчеловеческое усилие, но такое возможно обычно лишь при поддержке со стороны Великого человека внутри нас (самости).

Тот факт, что тень содержит всеохватывающую силу непреодолимого влечения, не означает, однако, что ее во всех случаях следует героически подавлять. Иногда тень является сильной,

потому что побуждение самости действует в том же направлении. В этом случае трудно разобраться, что же стоит за внутренним давлением — самость или тень. В том, что касается бессознательного, человек, к сожалению, находится в такой же ситуации, как на местности, освещенной лунным светом: все предметы расплывчаты, сливаются друг с другом, и никогда не разберешь, что где находится или где начало, а где конец. (Это состояние известно под термином «загрязнение» содержимого бессознательного.)

Называя один из элементов бессознательного тенью, Юнг соотносил его с достаточно определенным фактором. Но случается и так, что все неизвестное для эго перемешивается с тенью, включая и в высшей степени ценные и значительные силы. Кто, например, мог бы поручиться, был ли француз-головорез из приведенного выше сна опустившимся бродягой или достойным уважения интровертом. Или несущиеся скакуны из другого сновидения: следовало ли позволять им бежать без узды. Если само сновидение не раскрывает ситуацию, решение должен принять тот, кому оно явилось.

Если теневая фигура содержит ценные жизненные силы, их нужно не подавлять, но вводить в актуальный опыт. Эго должно оставить гордыню и самодовольство, должно пережить нечто, кажущееся темным, но необязательно таковым являющееся. Это может потребовать жертвы — столь же героической, как победа над страстями, но в противоположном смысле.

Этические затруднения, возникающие при встрече с собственной тенью, хорошо описаны в восемнадцатой книге Корана. Здесь Моисей встречает в пустыне Кхидра («зеленого», или «первого ангела Бога»). Они странствуют вместе, и Кхидр выражает опасение, что Моисей не сумеет без негодования наблюдать за его деяниям. Если Моисей не сможет справиться со своим возмущением и довериться Кхидру, тот должен будет покинуть Моисея.

И вот Кхидр переворачивает лодку бедных рыбаков, затем, на глазах Моисея, убивает прекрасного юношу и, наконец, восста-

навливает стену города неверных. Моисей не может удержаться от негодования, и Кхидр должен его покинуть. Но перед уходом он объясняет причины своих действий. Переворачивая лодку, он на самом деле спасал ее для владельцев, поскольку пираты уже готовились ее украсть, а так рыбаки смогут ее вытащить из воды. Прекрасный юноша вот-вот должен был совершить преступление, и, убивая его, Кхидр спас благочестивых родителей юноши от бесчестья. Восстановив стену, он спас от разорения двух верных молодых людей, поскольку их сокровища были завалены ее обломками. Моисей, поддавшийся возмущению, теперь увидел (хоть и слишком поздно), что его суждения были поспешными. Деяния Кхидра казались целиком дурными, но на деле таковыми не были.

Наивный взгляд на эту историю может привести к такому ее толкованию: Кхидр — это не ведающая закона, капризная, злая тень благочестивого и законопослушного Моисея. Но это не так. Кхидр выступает скорее как олицетворение неких тайных творческих деяний Божества. (Сходное значение имеет знаменитый индийский рассказ «Царь и труп» в интерпретации Генри Циммера.) Я не случайно не привожу здесь сновидений для иллюстрации этой тонкой проблемы. Этот хорошо известный сюжет из Корана я выбрала, поскольку он подводит итог опыту целой жизни, а он очень редко столь ясно выражается одним сновидением.

Когда в наших сновидениях появляются темные личности, будто желающие чего-то от нас, мы не можем с уверенностью сказать, олицетворяют ли они лишь теневую сторону нас самих или нашу самость, или то и другое одновременно. Угадать наперед, символизирует ли отрицательный персонаж недостаток, который мы должны побороть, или же полную значения часть жизни, которую следует принять, — это одна из труднейших проблем на пути к индивидуации. Более того, образы, встречающиеся во сне, часто настолько хрупки и сложны, что нельзя быть уверенным в точности их истолкования. Тогда всё, что остается, — это смириться с дискомфортом этических сомне-

ний и продолжать смотреть сны, не принимая окончательных решений или обязательств. Это напоминает ситуацию, в которой оказалась Золушка, когда мачеха перемешала у нее на глазах горох и чечевицу, потребовав разделить их. И хотя дело казалось совершенно безнадежным, Золушка с усердием принялась за сортировку, — тут ей и пришли на помощь голуби (а в некоторых версиях — муравьи). Эти помощники символизируют таящиеся глубоко в бессознательном импульсы, ощутимые только в трудных ситуациях и подсказывающие выход из них.

Обычно где-то в самой глубине своего существа человек прекрасно понимает, куда он должен направиться и что сделать. Но иногда случается, что паяц, которого мы зовем «я», так сбивает нас с толку, что внутренний голос не может достучаться до сознания. Порой все попытки понять намеки бессознательного оканчиваются неудачей. И остается одно: набраться храбрости и поступить по наитию, будучи при этом готовым к смене курса, если вдруг бессознательное подскажет другой путь. Может статься (хотя это происходит нечасто), что человек скорее решится сопротивляться побуждению бессознательного, даже ценой страданий, предпочтя их знанию того, что он утрачивает человеческий облик. (Так происходит с теми, кому приходится изживать свои преступные наклонности, чтобы обрести самого себя.)

Сила и внутренняя ясность, необходимые для того, чтобы принять решение, тайно исходят от Великого человека, не желающего слишком раскрываться. Может быть, самость хочет, чтобы эго сделало самостоятельный выбор. А может, она нуждается в помощи сознания, чтобы проявить себя. Когда заходит речь о сложных этических проблемах, никому не дано разобраться в поступках других людей. Каждый сам должен изучить свои проблемы и попытаться определить, какое решение будет для него правильным. Как сказал один много переживший дзен-буддистский наставник, мы должны следовать примеру пастуха, «глядящего на свое стадо глазами кнута, с тем чтобы оно не забрело на чужой луг».

Эти новые открытия глубин психологии не могут не привести к некоторым изменениям в наших коллективных этических воззрениях, поскольку они побуждают нас судить о любых человеческих действиях более индивидуальным и утонченным образом. Открытие бессознательного является одним из самых далеко идущих открытий последнего времени. Но тот факт, что признание реальности бессознательного сопряжено с необходимостью честного изучения самого себя и переустройства своей жизни, побуждает многих вести себя так, словно ровным счетом ничего не случилось. Чтобы воспринимать бессознательное всерьез и биться над задачами, которые оно ставит, требуется немалое мужество. Большинство людей слишком ленивы, чтобы серьезно задуматься даже о моральных сторонах своего поведения, которые ими вполне осознаются, и тем более избегают рассмотрения того, как на них действует бессознательное.

Анима: женщина внутри

Сложные и тонкие этические проблемы не обязательно возникают вместе с появлением тени. Часто появляется другая «внутренняя фигура». Если сны видит мужчина, он обнаруживает женскую персонификацию своего бессознательного; в случае женщины это будет мужская фигура. Нередко вторая символическая фигура появляется вслед за тенью, принося тем самым новые и несколько иные проблемы. Юнг назвал эти мужскую и женскую формы, соответственно, «анимус» и «анима».

Анима — это олицетворение всех проявлений женственного в психике мужчины: таких как смутные чувства и настроения, пророческие озарения, восприимчивость к иррациональному, способность любить, тяга к природе и — последнее по порядку, но не по значению — способность контакта с бессознательным. Не случайно в древности для разгадывания воли богов и установления связи с ними использовались именно жрицы (подобно греческой Сивилле).

Особенно наглядный пример восприятия анимы как внутреннего персонажа мужской психики мы обнаруживаем у знахарей и прорицателей (шаманов) эскимосов и других северных народов. Некоторые из них даже носят женскую одежду либо изображают на своей одежде женские груди, чтобы показать женскую сторону своей природы, позволяющую связываться со «страной духов» (то есть с бессознательным).

В одном из дошедших до нас случаев молодой человек проходил обряд инициации под руководством старшего шамана и был закопан им в снежный сугроб. Юноша впал в состояние дремоты и полного опустошения. В этом состоянии, подобном коме, он внезапно увидел излучавшую свет женщину. Она научила его всему, что требовалось, и, став позднее его духом-хра-

нителем, помогала ему, связывая его с силами потустороннего мира. Здесь анима предстает как олицетворение мужского бессознательного.

Индивидуальные проявления мужской анимы складываются, как правило, под воздействием материнских черт. Если мать человека оказывает отрицательное влияние, то его анима чаще всего будет проявляться в раздраженных, подавленных настроениях, состоянии неуверенности, тревоги и повышенной возбудимости. (Однако преодоление подобных негативных воздействий лишь помогает упрочить мужественность.) В душе такого мужчины отрицательный образ матери — анима — бесконечно повторяет: «Я никчемен. Все бессмысленно. У других все иначе, чем у меня. Ничто меня не радует». Такие настроения вызывают хандру, страх заболеть, стать импотентом или жертвой несчастного случая. Вся жизнь видится тягостной и печальной. Это может даже довести человека до самоубийства; анима тогда становится демоном смерти. В такой роли она появляется в кинофильме Жана Кокто «Орфей».

Французы называют такую фигуру анимы femme fatale, роковой женщиной. (Более мягкая версия этой тем-195

ной анимы олицетворена в образе Царицы Ночи в опере Моцарта «Волшебная флейта».) Греческие сирены или немецкие лорелеи олицетворяют другой опасный аспект анимы — склонность предаваться разрушительным иллюзиям. Приводимая ниже сибирская сказка иллюстрирует поведение такой разрушительной анимы.

«Однажды одинокий охотник увидел прекрасную женщину, выступившую из темного леса по другую сторону реки. Она помахала ему рукой и запела:

Одинокий охотник в сумеречной тишине,
Приди ко мне! Мне тебя не хватает!
Я обниму тебя, теперь же обниму!
Приди, приди, мой очаг рядом.
Приди, одинокий охотник, сейчас, в сумеречной тишине.

Он сбросил с себя одежды и поплыл через реку, но неожиданно она обратилась совой и улетела, злобно над ним насмехаясь. Охотник попытался поплыть обратно к своей одежде, но утонул в холодной реке».

В этой сказке анима символизирует неосуществимую мечту о любви, счастье и материнском тепле («гнездышко») — мечту, уводящую далеко в сторону от реальности. Охотник тонет, потому что погнался за обольстительной, но не реализуемой фантазией. Кроме того, негативный образ анимы может проявиться у мужчин в форме острых, язвительных, оскорбительных реплик, обесценивающих всё и вся. Они всегда в чем-то упрощают истину, искажая ее до неузнаваемости, и потому несут разрушительный заряд. Во всем мире распространены сказания, в которых действует дева-отравительница. Это красавица, в одеждах которой обычно таится оружие или смертоносный яд. Ими она убивает своих любовников в первую же ночь. В этом обличье анима так же холодна и своенравна, как и некоторые необъяснимые аспекты самой природы. В Европе она и по сей день дает о себе знать в вере в ведьм. С другой стороны, когда восприятие матери у мужчины позитивно, это тоже может повлиять на аниму специфическим образом. Мужчина либо становится женоподобным, либо его начинают всячески превозносить женщины, что никак не способствует преодолению трудностей жизни. Такого рода анима может сделать мужчину излишне сентиментальным или обидчивым, словно старая дева, или чувствительным, как принцесса на горошине из известной сказки, чувствовавшая эту горошину под тридцатью перинами. Еще более тонкие проявления негативной анимы встречаются в некоторых сказках в виде принцессы, требующей от своих поклонников разгадать серию загадок или, например, суметь спрятаться у нее на глазах. Если они не дают ответа либо если она их обнаружит, то они должны умереть, причем она неизменно выигрывает. Анима в этом облике вовлекает мужчин в разрушительные интеллектуальные игры. Мы замечаем воздействие таких трюков анимы во всех тех невротических псевдо-интеллектуальных диалогах, которые

препятствуют прямому соприкосновению с жизнью и реальными делами. Мужчина так много рассуждает о жизни, что уже не способен ею жить, теряет свою спонтанность, само чувство жизни. Чаще всего ани-ма проявляется как эротическая фантазия. Обычно она возникает у мужчин после просмотра кинофильмов с эротическим содержанием, посещения стриптиз-шоу или разглядывания порнографических журналов. Это грубый, примитивный аспект анимы, который становится навязчивым, когда мужчине не хватает нормальных чувственных отношений, то есть когда его восприятие жизни остается инфантильным. Во всех этих проявлениях анима, так же как и тень, обладает свойством проекции, вызывающим у мужчин впечатление, будто речь идет о качествах какой-то определенной женщины. Именно присутствие анимы заставляет мужчину внезапно влюбиться, когда, впервые увидев женщину, он сразу понимает, что это — «она». Мужчина чувствует, будто давным-давно знает эту женщину, и влюбляется в нее так безнадежно, что для посторонних это выглядит полным сумасшествием. Женщины, обладающие «сказочным характером», особенно притягивают к себе такие проекции анимы, потому что мужчины могут приписать почти все что угодно созданию столь чарующе неопределенному, что любая фантазия покажется вполне уместной. Проецирование анимы в такой внезапной и бурной форме, как влюбленность, может нарушить семейную жизнь, породив так называемый «любовный треугольник» с его очевидными проблемами. Адекватное разрешение подобной ситуации можно найти, только распознав аниму как внутреннюю силу. Тайная цель бессознательного, создающего такие запутанные ситуации, заключается в том, чтобы подтолкнуть личность к развитию и большей зрелости на пути интеграции бессознательной части психического и трансформации ее в сферу сознания. Но я уже достаточно сказала о негативных аспектах анимы, следует сказать и о позитивных сторонах, которых ничуть не меньше. Например, благодаря аниме возможен верный выбор супруги. Не менее важной является и другая функция: когда логическое

мышление человека не способно различить скрытые в бессознательном факты, анима помогает раскрыть их. Еще серьезнее роль анимы в настраивании разума на одну волну с внутренними ценностями. Тем самым открывается путь к потайным глубинам души. Это выглядит, как будто на внутреннем «радиоприемнике» найдена та волна, что позволяет без помех слышать голос Великого человека. В установлении этой связи ани-ма берет на себя роль проводника или посредника по отношению к внутреннему миру самости. Именно эту роль она исполняет в приведенном выше примере шаманского ритуала посвящения, такова же роль Беатриче в «Божественной комедии» Данте, как и богини Изиды, являющейся во сне Апулею, знаменитому автору «Золотого осла», чтобы подготовить его к более духовной жизни.

Сновидение сорокапятилетнего психотерапевта поможет нам уяснить, каким образом анима может стать внутренним проводником. Когда этот человек ложился спать, то подумал, что в одиночку, без поддержки Церкви, трудно идти по жизни. Он почувствовал, что завидует людям, о которых по-матерински заботится какая-нибудь община. (Он родился в протестантской семье, но утратил религиозные убеждения.) И вот ему приснился сон.

«Я нахожусь в приделе старой церкви, заполненном людьми. Вместе с матерью и женой я сижу в конце придела, будто бы на приставной скамье. Я должен отслужить мессу в качестве священнослужителя, и в руках у меня большой требник, а может, молитвенник. Я очень волнуюсь. Эта книга незнакома мне, и я не могу найти нужный текст. Я волнуюсь, потому что мне скоро начинать, а тут еще мать с женой отвлекают болтовней о всяких пустяках. Органная музыка стихает, все уже ждут меня; я решительно встаю и прошу одну из монахинь, стоящих коленопреклоненно впереди, подать мне ее требник и указать в нем нужное место, что она послушно исполняет. В этот момент та же самая монахиня, подобно служке, ведет меня к алтарю, который находится где-то позади и левее меня. Такое впечатле-

ние, что мы приближаемся к нему из бокового нефа. Требник похож на лист с рисунками из твердой и толстой бумаги трех футов в длину и фут в ширину, на которой колонки текста чередуются со старинными рисунками. Прежде чем начну я, часть литургии должна прочесть монахиня, а я все еще не могу найти нужное место. Монахиня сказала мне, что это пятнадцатый абзац, но цифры нечетки, и я не могу найти его. Тем не менее я решительно поворачиваюсь к прихожанам и все-таки нахожу пятнадцатый абзац (предпоследний на листе), хотя не уверен, смогу ли разобрать слова. Но все равно хочу попытаться. Тут я просыпаюсь».

Этот сон означает символический ответ бессознательного на мысли, посетившие сновидца накануне вечером. Фактически сон говорит ему: «Ты можешь стать священником своей собственной внутренней церкви — церкви твоей души». Таким образом, сон показывает, что сновидец пользуется помощью и поддержкой церкви, но не внешней, а обитающей в его собственной душе. Находящиеся в церкви люди (то есть качества его психики) хотят, чтобы он действовал как священник и отслужил мессу. При этом не имеется в виду настоящая служба, так как фигурирующий во сне требник сильно отличается от настоящего. Создается впечатление, что идея мессы использована как символ, означающий акт жертвоприношения в присутствии Божества, с которым человек может войти в контакт. Такая трактовка этого символа, конечно, не является общеприменимой, а представляет лишь частный случай. Характерно, что эта трактовка встретилась во сне протестанта, потому что активно верующие католики обычно воспринимают аниму в образе самой церкви, священные символы которой для них — символы бессознательного. У нашего сновидца не было такой духовной практики, поэтому ему приходится идти собственным путем. А сон подсказывает ему, что надо делать. Подсказывает вот как: «Твоя привязанность к матери и открытость миру (представленная во сне супругой — экстравертом) отвлекают тебя и вселяют неуверенность, а бессмысленная

болтовня мешает тебе отслужить внутреннюю мессу. Но если ты последуешь за монахиней (интровертная анима), она поможет тебе и как слуга, и как священник. У нее необычный требник, состоящий из шестнадцати древних рисунков (четыре раза по четыре). Твоя месса заключается в созерцании этих шестнадцати психических образов, открываемых твоей религиозной анимой». Другими словами, если сновидец преодолеет внутреннюю неуверенность, вызванную материнским комплексом, он поймет, что призван служить Богу и что сосредоточенное обдумывание смысла символических образов его души приведет его к реализации этого призвания. В этом сновидении анима появляется, наконец, в своей истинной позитивной роли: в качестве посредника между эго и самостью. Расположение текста и картинок по четыре указывает на то, что служба этой внутренней мессы исполняется ради целостности.

Как показал Юнг, ядро психики (самость) обычно выражает себя в виде четырехуровневой структуры. Число «четыре» также связано с анимой, поскольку ее развитие проходит через четыре стадии. Первую стадию лучше всего символизирует образ Евы: инстинктивные и биологические связи. Вторую стадию — образ Елены в «Фаусте». Она олицетворяет романтический и эстетический уровень, которому еще присущи черты сексуальности. Третья стадия представлена Девой Марией — образом, поднимающим любовь (эрос) до вершин духовной преданности. Четвертую стадию символизирует Сапиенция — высшая мудрость, превосходящая и святость, и чистоту. Другим символом этого уровня является образ Суламифи в Песне Песней Соломона. (Пси-200

хическое развитие современного человека очень редко достигает данной стадии. Очень близка к такой премудрой аниме Мона Лиза.) На этом этапе мы ограничимся констатацией того, что концепция четверичности (или «кватерности») часто встречается в определенных типах символического материала. Далее мы вернемся к этому вопросу и рассмотрим его более обстоятельно.

Что же означает на практике роль анимы как проводника по внутреннему миру? Эта позитивная функция возникает, когда человек относится серьезно к сновидениям, настроениям, ожиданиям и фантазиям, посылаемым его анимой, и фиксирует их в той или иной форме, например в письменных произведениях, картинах, скульптурах, музыкальных композициях или танцах. Причем если он работает над этим терпеливо и не спеша, то из недр психики каждый раз появляются новые, более глубокие идеи и впечатления, развивающие и дополняющие предыдущий материал. После того как предмет фантазии был так или иначе зафиксирован, его надо подвергнуть проверке разумом и совестью. При этом важно рассматривать его как абсолютно реальную вещь: не должно быть никаких, даже смутных, сомнений в серьезности происходящего или подозрений, что это лишь плод вашего воображения. Если такой подход усердно практиковать в течение длительного времени, то процесс индивидуации постепенно станет единственной реальностью и сможет развиваться в его истинной форме. Во многих литературных произведениях анима изображается как проводник и посредник на пути к внутреннему миру: «Гипноэротомахия» Франческо Колонны, «Она» Райдера Хаггарда, или как «вечное женственное» в «Фаусте» Гёте. В одном средневековом мистическом тексте анима разъясняет свою сущность следующим образом: «Я полевой цветок и лилия равнин. Я мать совершенной любви и страха, знания и святой надежды... Я миротворец среди элементов, примиряю их друг с другом; теплое я превращаю в холодное, сухое — в мокрое и наоборот, а твердое размягчаю... Я — закон для священника, слово у пророка, совет у мудреца. Я убиваю и животворю, и никто не уйдет от меня».

В Средние века происходила ощутимая духовная дифференциация в религиозных, поэтических и прочих областях культуры; фантастический мир бессознательного получал все большее признание. В этот период рыцарский культ дамы означал попытку дифференциации женской стороны мужской натуры — от внешнего женского и в связи с внутренним миром. Дама,

служению которой посвящал себя рыцарь, ради которой он совершал свои героические деяния, конечно, была олицетворением анимы. Имя носительницы Грааля — в той версии легенды, которая принадлежит Вольфраму фон Эшенбаху — особенно характерно: Conduir-amour («Путеводительница в делах любви»). Она учит героя различать свои чувства, оттенки в поведении по отношению к женщинам. Однако впоследствии это индивидуальное и личностное усилие развития отношений с анимой было оставлено: ее возвышенная сторона слилась с фигурой Девы, сделавшейся объектом безграничного поклонения и восхваления. Когда анима, как Дева, стала всеблагой, то ее негативные аспекты нашли свое выражение в вере в ведьм. В Китае образом, аналогичным образу Марии, является богиня Гуань Инь. Более популярным воплощением ани-мы в Китае является «Дама Луны», наделяющая своих любимцев даром поэзии или музицирования, а иногда даже и бессмертием. Этот же самый архетип в Индии представлен богинями Шакти, Парвати, Рати и многими другими; у мусульман — это Фатима, дочь Магомета. Поклонение аниме как общепризнанному символу приносит серьезное неудобство, выражающееся в том, что она теряет свои индивидуальные черты. С другой стороны, если рассматривать ее как явление исключительно личностное, существует опасность, что, спроецировав ее во внешний мир, вы не сможете обнаружить ее у себя. В последнем случае человека может охватить невыносимая тревога и он станет жертвой своих эротических фантазий или полностью зависимым от какой-то конкретной женщины. На этой стадии только мучительное (хотя, в сущности, простое) решение серьезно отнестись к игре своего воображения и к своим чувствам может предотвратить полную остановку внутреннего процесса индивидуации, поскольку лишь таким путем можно понять, что же означает рассмотренный образ внутренней реальности. Таким образом, анима снова становится первоначальной «женщиной внутри», передающей жизненно важные послания самости.

Анимус: мужчина внутри

Олицетворение мужского начала в женском бессознательном — анимус — имеет, подобно аниме у мужчин, и позитивные, и негативные черты. Но анимус не так часто проявляется в форме эротических фантазий или настроений. Для него более характерна не явная, но непреклонная убежденность. Когда такая убежденность изливается трубным, настойчивым мужским голосом или навязывается окружающим посредством грубых скандальных сцен, то нетрудно распознать за этим женскую муже-подобность. Но даже у женщины с очень женственной внешностью анимус может представлять в не меньшей степени жесткую, неумолимую силу. Иногда в женщинах открывается нечто упрямое, холодное и совершенно недоступное. Одна из любимых тем, бесконечно муссируемых анимусом, звучит в размышлениях женщин примерно так: «Единственное, чего я хочу, это любви, а он не любит меня»; или: «В этой ситуации возможны два варианта, и оба одинаково никудышные» (анимус никогда не верит в исключения). Мало кто может что-то противопоставить мнению анимуса, потому что, в общем, оно обычно всегда верно, хотя и редко подходит к конкретной ситуации. Как правило, оно звучит убедительно, но не по существу.

Так же как характер мужской анимы формируется под влиянием матери, у женщин основное влияние на анимус оказывает отец. Отец наделяет анимус дочери особым колоритом, определяемым несколькими бесспорными, не требующими доказательств убеждениями, которые никогда не отражают индивидуальность самой женщины.

Вот почему анимус иногда, подобно аниме, воплощает демона смерти. В одной цыганской легенде, например, говорится об одинокой женщине, принимающей симпатичного незнакомца,

несмотря на приснившийся ранее сон, предупреждавший, что этот незнакомец — король смерти. Пробыв с ним вместе некоторое время, она просит его рассказать, кто он такой на самом деле. Сначала он отказывается раскрыться, заявив, что она умрет, если узнает. Цыганка, однако, настаивает. Внезапно незнакомец признается, что является самой смертью. Женщина моментально умирает от страха.

С мифологической точки зрения красивый незнакомец является, вероятно, языческим образом отца или образом Бога, выступающего здесь в роли короля мертвых (подобно похитившему Персефону Гадесу). Но с психологической точки зрения это одно из проявлений анимуса, которому свойственно изолировать женщин от контактов с людьми вообще и особенно от контактов с реальными мужчинами. При этом мечтания о будущем, где эмоции перемежаются трезвыми рассуждениями, образуют своего рода кокон, отделяющий женщину от реальной жизни.

Негативный анимус появляется не только в роли демона смерти. В мифах и сказках он выступает в роли грабителя и убийцы, как, например, Синяя Борода, убивающий всех своих жен в потайной комнате. В этом образе анимус воплощает все те полуосознанные, холодные и разрушительные мысли, которые приходят к женщинам по ночам, и особенно к тем из них, кому не удастся понять, что чувство предполагает некоторую ответственность, а не только удовольствие.

Именно в такие минуты накатывают размышления о судьбе наследства и других подобных вещах, разум опутывает паутина расчетливых и злых мыслей. В таком состоянии женщина готова пожелать смерти даже близким. («Когда один из нас умрет, я перееду в Ривьеру», — говорит жена мужу, увидев прекрасное Средиземноморское побережье, считая эту мысль относительно невинной из-за того, что она высказана вслух.)

Вынашивая тайные разрушительные замыслы, жена может довести своего мужа, а мать — своих детей, до болезни, несчастного случая или даже смерти. Бывает, что мать решает удержать детей от вступления в брак, но не осознает этого. Подоб-

ные злонамерения обычно глубоко скрыты в бессознательном. (Наивная пожилая женщина однажды сказала мне, показывая портрет сына, утонувшего, когда ему было двадцать семь лет: «Я предпочитаю такой исход, чем отдать его другой женщине».)

Иногда в результате воздействия анимуса на бессознательное возникают странная пассивность и паралич всех чувств или глубокая неуверенность в себе, доходящая порой до ощущения полной никчемности. Глубоко внутри анимус нашептывает: «Ты безнадежна. Что толку пытаться? Нет никакого смысла что-либо делать. Жизнь никогда не переменится к лучшему».

К сожалению, когда одно из таких состояний бессознательного завладевает нашим разумом, нам кажется, будто это наши собственные мысли и ощущения. Эго отождествляется с ними до такой степени, что не может отдельно воспринимать их, а значит, и распознать, что они представляют из себя на самом деле. Это настоящая «одержимость» явившимся из бессознательного явлением. И только после того, как одержимость исчезает, человек с ужасом осознает, что говорил и действовал в диаметрально противоположной своим истинным мыслям и чувствам манере, то есть был жертвой чужеродного психического фактора.

Подобно аниме, анимус включает не только негативные качества: жестокость, безрассудство, болтливость и негласные, но стойкие злобные идеи. Анимус имеет также и весьма ценные качества, его творческий потенциал может проложить путь к самости. Нижеследующий сон сорокапятилетней женщины хорошо это иллюстрирует.

«Две закутанные фигуры взбираются через балкон в дом. Они укрыты черными плащами с капюшонами, кажется, они пришли пытать меня и мою сестру. Сестра прячется под кровать, но они вытаскивают ее и начинают мучить. Затем приходит мой черед. Главный из них толкает меня к стене, производя магические жесты перед моим лицом. В это время его помощник что-то рисует на стене, и когда я вижу, что нарисовано, то произношу (для виду дружески): „Но это же прекрасно нари-

совано“. Неожиданно мой мучитель предстает с великолепной головой благородного художника, который с гордостью произносит: „Да, конечно“ — и начинает протирать свои очки».

Страх перед садистскими намерениями этих двух персонажей хорошо знаком сновидице, часто испытывавшей в своей дневной жизни сильнейшие приступы тревоги, во время которых ее преследовала мучительная мысль, что люди, которых она любила, в большой опасности или даже мертвы. Но тот факт, что образ анимуса в сновидении раздвоен, предполагает, что грабители олицетворяют двойственный по своему воздействию психический фактор, который может и не совпадать с этими невыносимыми мыслями. Сестра сновидицы, убегающая от мужчин, схвачена и подвергается пыткам. В действительности же сестра ее умерла совсем молодой. У нее было художественное дарование, но она очень мало использовала свой талант. Затем из сновидения вытекает, что грабители в масках на самом деле — переодетые художники и что, если сновидица признает их дарование (то есть свое собственное), они оставят свои дурные намерения.

В чем же заключается глубинный смысл этого сновидения? Он в том, что регулярно повторяющиеся приступы тревоги скрывают под собой реальную смертельную опасность, но вместе с тем и творческую возможность. Как и у сестры, у женщины имеется определенный художественный дар, но она не уверена, сможет ли живопись стать делом ее жизни. Сон честно предупреждает, что она должна реализовать свое дарование. Если она последует этому совету, то разрушительная и мучительная энергия анимуса преобразуется в осмысленную творческую деятельность.

Как и в только что описанном сновидении, анимус часто является в виде группы мужчин. Так бессознательное иллюстрирует тот факт, что анимус скорее коллективный, нежели индивидуальный образ. Из-за этого женщины тяготеют к мышлению категориями группы, особенно часто употребляя слова: «мы»,

«они» или «все», а также «всегда», «следует», «должны» (особенно когда через них говорит анимус).

Во многих мифах и сказках говорится о принце, превращенном колдуньей в животное или чудовище и вновь обращенного в человека любовью, что символизирует процесс, в котором анимус становится осознанным явлением (см. комментарии д-ра Хендерсона о значении мотива «Красавица и Чудовище» в предыдущей главе). Очень часто героине не позволяют задавать вопросы о ее таинственном и остающемся неизвестным возлюбленном и муже; или же она встречает любимого только в темноте и никак не может разглядеть его. Скрытый смысл этого заключается в том, что только нерассуждающая вера и любовь способны помочь героине вернуть жениха. Но обещание соблюдать запреты всегда нарушается, и только ценой долгих и трудных поисков и глубоких страданий Красавице удается найти возлюбленного.

Это иносказание отражает тот факт реальной жизни, что осознанное внимание, которое женщина вынуждена уделять проблеме своего анимуса, отнимает много времени и приносит ей много переживаний. Но если она поймет, что такое ее анимус и что он делает для нее, а главное, убедится в его реальности и не позволит ему захватить свой разум, то анимус может превратиться в бесценного внутреннего соратника, который наделит ее истинно мужскими качествами — инициативой, храбростью, объективностью и духовной мудростью.

В точности как анима, анимус проходит через четыре стадии развития. На первой он знаменует простую физическую силу, например как чемпион по легкой атлетике или мужчина с горой мышц. На следующей стадии он олицетворяет инициативу и способность планировать свои действия. На третьей — анимус представляет «слово», зачастую реализуясь в качестве профессора или религиозного деятеля. Наконец, в четвертой — анимус становится воплощением смысла. На этом высшем уровне он опосредует, подобно аниме, религиозный опыт, через который жизнь приобретает новый смысл. Он придает женщине духов-

ную твердость, невидимую внутреннюю поддержку, что компенсирует ее внешнюю мягкость. Анимус в его наиболее развитой форме способен устранить разъединенность разума женщины и ее духовности, приходящую с возрастом, что усиливает ее восприимчивость к новым творческим идеям в противовес мужчинам. Именно по этой причине женщины в древние времена становились у многих народов гадалками и прорицательницами. Творческая смелость их позитивного анимуса иногда рождает мысли и идеи, вдохновляющие человечество устремляться к новым свершениям.

«Внутренний мужчина» в психике женщины может спровоцировать супружеские неприятности, аналогичные описанным в разделе об аниме. Ситуация особенно усложняется, когда одержимость одного партнера анимусом (или анимой) автоматически передается другому, то есть оказывает на него такое раздражающее воздействие, что он (или она) также делается одержимым. Анимус и анима всегда стремятся обеднить тематику и лексику разговора для создания атмосферы несогласия, раздраженности и неприятных эмоций.

Как я уже отмечала выше, анимус как позитивное начало может олицетворять предпринимательский дух, смелость, правдивость и в своих высших проявлениях — духовную мудрость. Через него женщина может объективно воспринимать процесс развития своей личности, обретая собственный путь духовного развития. Это, естественно, предполагает, что ее анимус перестает позволять себе безапелляционные высказывания. Женщина должна быть достаточно смелой и умственно раскрепощенной, чтобы усомниться в истинности собственных убеждений. Только тогда она будет способна воспринять рекомендации бессознательного, особенно если они противоречат мнению анимуса. Только тогда проявления самости придут к ней и она сможет осознать их смысл.

Самость: символы целостности

Если индивид достаточно серьезно и долго боролся с проблемой анимы (или анимуса) и добился прекращения отождествления с ними части своей личности, бессознательное вновь изменяет характер своего влияния и выступает в новой символической форме, представляющей самость — глубочайшее ядро психического. В сновидениях женщин этот центр обычно олицетворяется верховным женским образом — священнослужи-тельницей, волшебницей, Матерью-землей или богиней природы и любви. У мужчин он проявляется как человек, посвящающий в тайные образы, или их хранитель (индийский гуру), мудрый старец, дух природы и т. д. Приведем два народных сказания, иллюстрирующих роль, в которой может выступать подобный персонаж. Первое из них — австрийская легенда:

«Король приказал ночью стоять на часах у тела черной принцессы, которая была заколдована. Каждую ночь она поднимается и убивает часового. Наконец один из солдат, чья очередь пришла стоять на страже, в отчаянии бежит в лес. Там он встречает „старика с гитарой, который и есть Господь". Старый музыкант говорит ему, чтоб он спрятался в церкви, и учит его, как ему избежать черной принцессы. С этой божественной помощью солдату удается расколдовать принцессу, а потом он на ней женится».

Ясно, что «старик-бард, а на самом деле — Господь Бог» представляет собой, выражаясь психологическими терминами, символическое олицетворение самости. С его помощью эго избегает уничтожения и становится способно преодолеть очень опасный аспект анимы и даже добиться его полного перерождения. Как отмечалось выше, в женской психике самость воплощается в женских образах. Это иллюстрирует следующая притча эскимосского происхождения:

«Несчастливая в любви одинокая девушка встречается с волшебником, странствующим в медной лодке. Это Дух Луны, вручивший всех животных людям и приносящий последним удачу на охоте. Он переносит девушку в небесное царство. Однажды, когда Дух Луны оставляет ее одну, она посещает домик рядом с поместьем лунного духа. Здесь она находит крошечную женщину, одетую в платье из „кишки бородатого тюленя". Она предостерегает героиню, говоря, что Дух Луны намерен убить ее. (Он является чем-то вроде женоубийцы — Синей Бороды.) Маленькая женщина сплетает длинную веревку, с помощью которой девушка может спуститься на Землю в новолуние, т. е. как раз в тот момент, когда маленькая женщина разбудит Духа Луны. Девушка спускается вниз, но она не открыла глаза так быстро, как ей говорила маленькая женщина. Поэтому она обратилась в паука и уже никогда не станет человеком».

Как уже отмечалось выше, бог-музыкант из первой истории представляет «мудрого старца» — типичное олицетворение самости. Этот образ напоминает легендарного волшебника Мерлина или древнегреческого бога Гермеса. Маленькая женщина в своем странном пленочном одеянии является прообразом самости в женской психике. Старый музыкант спасает героя от разрушительной анимы, а женщина защищает девушку от эскимосского Синей Бороды (фактически это ее анимус в роли Духа Луны). Последний случай, однако, плохо заканчивается, но к этому я вернусь позже.

Самость не всегда выступает в облике старца-мудреца или старухи-вещуньи. Эти парадоксальные образы представляют собой нечто универсальное как для молодости, так и для старости. В другом сновидении самость является мужчине средних лет в облике молодого человека:

«С улицы в наш сад въехал юный всадник. (Сад не был огорожен кустами или забором, как обычно, и проникнуть туда мог любой.) Я понятия не имел, прибыл ли он с какой-то целью или его привела сюда лошадь. Я стоял на дорожке, идущей в мастерскую, и наблюдал за ним с большим удовольствием. Вид юноши

на прекрасном скакуне произвел на меня сильное впечатление. Лошадь была небольшой, дикой, сильной и очень подвижной. Она напоминала кабана из-за покрывающей ее толстой серой шерсти, отливающей серебром. Юноша проехал мимо меня, между мастерской и домом. Спрыгнув с лошади, он осторожно отвел ее в сторону, чтобы не затоптать цветочную клумбу с дивными багряными и алыми тюльпанами. Клумбу переделала и посадила на ней цветы моя жена».

Юноша здесь символизирует самость, а также обновление жизни, созидательную жизненную силу и новую духовную ориентацию, благодаря которой все оживает и активизируется. Если человек будет следовать указаниям своего бессознательного, оно наделит его таким даром, и жизнь, бывшая серой и скучной, внезапно превратится в восхитительное и не прекращающееся приключение, полное творческих возможностей.

В женской психике такое же юное воплощение самости может принять облик сверхъестественно одаренной девушки. Об этом дает представление следующий сон одной пятидесятилетней женщины:

«Я мыла тротуар перед церковью. Затем, как раз в тот момент, когда учеников школы отпустили домой, я побежала вниз по улице и подошла к зацветшей реке, через которую была положена доска или ствол дерева. Но когда я попыталась перейти реку, один озорной школьник прыгнул на доску так, что она треснула, и я чуть не упала в воду. „Идиот!“ — закричала я. На другом берегу реки играли три маленькие девочки. Одна из них протянула мне руку, чтобы помочь. Я подумала, что ее маленькая ручка недостаточно сильна, но, когда я ухватилась за нее, девочка без малейшего усилия вытащила меня на берег».

Сновидица — верующая (протестантка), но, как показывает ее сон, она не может больше оставаться таковой. Похоже, что она утратила возможность вернуться в церковь, хотя и пытается поддерживать, по мере возможности, чистоту у входа. Сон показывает, что она должна пересечь реку со стоячей водой. Это

означает, что ход жизни замедлился из-за нерешенной религиозной проблемы. (Переправа через реку — это часто встречающийся символ коренных перемен в поведении.) Приснившийся школьник был истолкован самой сновидицей как олицетворение ранее вынашиваемой мысли о том, что она могла бы удовлетворить свои духовные потребности, посещая колледж. Ясно, что сновидение не очень-то воплощает это намерение. Когда она отваживается пересечь реку в одиночку, олицетворение самости — маленькая, но сверхъестественно сильная девочка — помогает ей.

Однако человеческое обличье, будь то молодой или пожилой человек, является далеко не единственным, в котором может появиться самость в снах или видениях. Различные возрасты, в которых она является, указывают не только на то, что самость пребывает с нами на протяжении всей жизни, но и на то, что она существует за пределами осознаваемого потока жизни, в котором мы воспринимаем течение времени.

Самость не только не умещается в рамки осознаваемого нами потока времени (то есть в наше пространственно-временное измерение), но является вездесущей. Более того, она часто принимает облик, указывающий на вездесущность особого рода, а именно облик исполинского человека, охватывающего и содержащего в себе весь космос. Когда такой образ появляется в сновидении индивида, можно надеяться, что его проблемы будут творчески разрешены, ибо активизировался жизненно важный психический центр (то есть вся личность собралась в единое целое для преодоления возникших трудностей).

Неудивительно, что этот образ Космического человека появляется во многих мифах и религиозных учениях. Обычно он описывается как несущий помощь и добро. Он появляется в образе Адама, персидского Гайомарта или в образе индийского Пуруши. Иногда его даже описывают как первооснову мира. Древние китайцы, например, думали, что все сущее началось с гигантского богочеловека Пань-гу, сотворившего небо и землю.

Его слезы образовали Желтую реку[22] и реку Янцзы, его дыхание стало ветром, его голос — громом, его взгляд метал молнии. Хорошее настроение Пань-гу вызывало прекрасную погоду, печальное — пасмурную. После смерти из его рухнувшего тела образовались пять священных гор Китая. Его голова стала горой Тайшань на востоке, туловище — горой Суншань в центре Китая, правая рука — горой Хэншань на севере, а левая — горой Хэншань на юге, ноги — горой Хуашань на западе. Глаза же превратились в солнце и луну.

Мы уже видели, что символические структуры, имеющие отношение к процессу индивидуации, тяготеют к числу «четыре» — как четыре функции сознания или четыре стадии развития анимы или анимуса. Четверка вновь возникает здесь в космическом образе Пань-гу. Другие же сочетания чисел появляются в психическом материале только в особых случаях. Естественные, беспрепятственные проявления психического центра характеризуются четы-рехуровневостью, то есть наличием четырех измерений или другой структуры, исходящей из числового ряда: 4, 8, 16 и т. д. Число «шестнадцать» играет особо важную роль, поскольку состоит из четырех четверок.

В нашей западной цивилизации аналогичные идеи космического человека увязывались с образом Адама — родоначальника человечества. Существует раввинское предание о том, что, создавая Адама, Бог использовал красную, черную, белую и желтую пыль со всех уголков мира. Таким образом тело Адама «простиралось от одного конца света до другого». Когда он наклонялся вниз, его голова была на востоке, а ноги на западе. Согласно другой иудейской традиции, в Адаме с самого начала заключалось все человечество, то есть души всех, кому суждено когда-либо появиться на свет. Следовательно, душа Адама была «подобна фитилю лампы, состоящему из бесчисленных нитей». В этом символе отчетливо выражена идея всеохватывающего единства человечества и всех его отдельных частиц.

[22] Река Хуанхэ.

В Древней Персии первочеловек по имени Гайомарт изображался в виде огромной фигуры, излучающей сияние. Когда он умер, его тело превратилось в различные металлы, а душа — в золото. Его семя упало на землю, и из него появилась первая человеческая пара в виде двух кустов ревеня. Любопытно, что китайский Пань-гу также изображался весь в листьях, как растение. Может быть, это потому, что первого человека представляли как самобытную, живую частицу, существующую саму по себе и не имеющую каких-либо животных проявлений или силы воли. С другой стороны, до сих пор на берегах Тигра Адама почитают как скрытую «сверхдушу» или мистического «духа-хранителя» всей человеческой расы. Жители этого региона считают, что он произошел из ветви финиковой пальмы (очередное повторение растительного мотива).

На Востоке и в некоторых гностических кругах Запада люди быстро разобрались, что Космический человек был скорее внутренним психическим образом, нежели конкретной внешней реальностью. Согласно индийской традиции, например, он есть что-то, что живет внутри каждого индивида, являясь его единственной бессмертной частью. Этот внутренний Великий человек вознаграждает индивида, выводя его из мира со всеми страданиями, в который он попадает с рождения, обратно к первоначально вечному состоянию. Но он может сделать это только в том случае, если человек признает его и пробудится ото сна, дабы стать ведомым. В символических мифах Древней Индии этот образ известен под именем Пуруша, что означает просто «человек» или «личность». Пуруша живет в душе каждого индивида и в то же самое время заполняет собой весь космос. Согласно свидетельству многих мифов, Космический человек является не только началом, но и конечной целью всей жизни — всего мироздания. «Все злаки по сути — пшеница, все сокровища по сути — золото, все поколения — человек», — писал средневековый мудрец Мейс-тер Экхарт. С психологической точки зрения это действительно так. Вся внутренняя психическая реальность

каждого индивида в конечном счете ориентирована на этот архетипический символ самости.

На практике это означает, что существование человека невозможно объяснить, отталкиваясь исключительно от инстинктов или действий, продиктованных голодом, жаждой власти, сексом, стремлением выжить или продолжить род и т. д. То есть главная цель человека заключается не в том, чтобы есть, пить и т. д., а в том, чтобы быть человеком. Сверх и помимо этих влечений наша внутренняя психическая реальность служит для выражения живой тайны, которую можно передать только в символической форме. Для ее выражения бессознательное часто выбирает мощный образ Космического человека.

В нашей западной цивилизации Космический человек отождествлялся главным образом с Христом, а на Востоке — с Кришной или Буддой. В Ветхом Завете этот же образ предстает в качестве Сына Человеческого, а позднее, в еврейской каббале, он назван Адамом Кадмо-ном. Некоторые религиозные движения позднего античного периода называли его просто Антропосом (по-гречески — «человек»). Подобно всем символам, указывающим на нераскрытую тайну, этот указывает на не познаваемую до конца тайну — сокровенную тайну о смысле человеческого существования.

Как мы уже отметили, некоторые традиции утверждают, что Космический человек является целью мироздания, но достижение этой цели невозможно понять как внешнее событие. С точки зрения индусов, например, дело не в том, что внешний мир однажды растворится в первоначальном Великом человеке, а в том, что экстра-вертная ориентация эго на внешний мир исчезнет, уступив путь Космическому человеку. Это произойдет, когда эго сольется с самостью. Широкий поток проявлений эго (идущий от одной мысли к другой) и его желаний (которые бегут от одного объекта к другому) затихнет в момент, когда внутри будет обретен Великий человек. Действительно, мы никогда не должны забывать, что внешняя реальность для нас существует лишь до тех пор, пока мы ее сознательно воспринимаем, и

что мы не можем доказать ее существования «в себе и самой по себе».

Многие примеры из различных цивилизаций и различных эпох показывают универсальность символа Великого человека. Его образ присутствует в сознании человека как своего рода цель или выражение сокровенной тайны нашей жизни. Обозначая идеал цельности и завершенности, этот символ часто представляется как бисексуальное существо. В этой форме символ примиряет одну из самых важных пар психологических антиподов: мужское и женское начала. Этот союз также часто проявляется в сновидениях в виде божественной королевской или другой знатной четы. Приводимый ниже сон сорокасемилетнего мужчины являет этот аспект самости в драматической форме:

«Я нахожусь на смотровой площадке, внизу вижу большую черную красивую медведицу с жесткой, но лоснящейся шерстью. Она стоит на задних лапах на каменной плите и полирует плоский овальный черный камень, который становится блестящим. Неподалеку тем же занимаются львица и ее детеныш. Но камни, которые они полируют, больше по величине и более округлы. Через некоторое время медведица превращается в толстую обнаженную женщину с черными волосами и темными сверкающими глазами. В ней просыпается вожделение, и внезапно она подходит ближе, желая схватить меня. Я пугаюсь и прячусь на лесах здания, где был раньше. Позднее я оказываюсь среди множества женщин, половина из которых дикарки с густыми черными волосами (словно они превратились в людей из животных), а другая половина — „наши“ женщины (той же национальности, что и сновидец. — М.-Л. фон Франц), блондинки и шатенки. Звонкие и переливчатые голоса дикарок выводят протяжный и печальный мотив. Затем на ландо подъезжает молодой человек, голову которого венчает золотая королевская корона, украшенная сверкающими рубинами. Все это выглядит очень красиво. Рядом с ним сидит молодая женщина-блондинка, вероятно его жена, но без короны. Кажется, будто львица и ее детеныш превратились в эту супружескую пару, возглавляю-

щую дикарское племя. Затем все женщины (и дикие, и цивилизованные) начинают вместе петь что-то торжественное, а королевский экипаж медленно катится к горизонту».

Здесь внутреннее ядро психики сновидца является на короткий срок в образе королевской четы, пришедшей из глубин животной части его натуры и первобытных слоев бессознательного. Медведица в начале сновидения представляет собой разновидность богини-матери. (Артемида, например, почиталась в Греции как медведица.) Темный овальный камень, который она шлифует, означает, судя во всему, сокровенную сущность личности сновидца. Шлифовка и полировка камней — это одно из древнейших занятий человека. В Европе неоднократно находили «святые камни», завернутые в кору и спрятанные в пещерах. — их, вероятно, хранили там люди каменного века в качестве вместилищ божественных сил. И по сей день некоторые австралийские аборигены верят, что их мертвые предки продолжают существовать в камнях как добрые духи и что, шлифуя эти камни, можно зарядить их силой, увеличив ее и у предков, и у потомков.

Мужчина, чье сновидение мы рассматриваем, в реальной жизни отказался от идеи вступить в брак. Боязнь связать себя брачными узами побудила его в сновидении убежать от медведицы на смотровую площадку, откуда он мог пассивно наблюдать за событиями, не участвуя в них. Через мотив шлифовки камня медведицей бессознательное стремится показать ему, что он должен войти в контакт с этой стороной жизни; именно через трения супружеской жизни может быть сформировано и отполировано его внутреннее бытие.

Когда камень отполирован до блеска, он превращается в зеркало и медведица может посмотреться в него. Это означает, что, только принимая земные проблемы и страдания, человеческая душа способна стать зеркалом, в котором божественные силы могут увидеть себя. Но сновидец убегает на возвышенное место, то есть погружается в отвлеченные мысли, с помощью которых может уклониться от поступков, диктуемых жизнью. Затем сон

внушает ему, что если все время уходить от жизни, то часть его души (анима) останется невостребованной. Это символизирует группа женщин — диких и цивилизованных.

Появляющиеся затем львица и львенок олицетворяют таинственное побуждение к индивидуации, что показывает их работа по шлифовке круглых камней. (Круглый камень — это символ самости.) Львы и королевская чета сами по себе являются символом целостности. В средневековой символике «философский камень» (выдающийся символ мужской цельности) изображался в виде двух львов или в виде оседлавших их мужчины и женщины. Этим передавалось, что побуждение к индивидуации проявляется зачастую в завуалированной форме, скрываясь за всепоглощающей страстью к другому человеку. (В действительности страсть, выходящая за рамки естественных потребностей любви, направлена в конечном счете на таинство соединения в одно целое. Вот почему страстно влюбленный чувствует, что слияние в единое целое с любимым человеком является единственной достойной целью человеческой жизни.) До тех пор пока идея всеобщности передавалась во сне образом львиной пары, она означала не более чем всеохватывающую страсть. Но когда лев и львица превратились в короля и королеву, побуждение к индивидуации достигло уровня осознавания и теперь может быть воспринято эго как реальная цель жизни. До превращения львов в людей пели только первобытные женщины, и пели очень печально. Другими словами, чувства сновидца оставались на примитивном уровне с преобладанием тоски. Но хвалебный гимн в честь очеловечившихся львов исполняют уже и дикие, и современные женщины. То, что они сообща высказывают свои чувства, показывает, что внутренний раскол анимы пройден и трансформировался в гармонию.

Другое воплощение самости явилось одной женщине в процессе активного воображения. (Активное воображение — это вид медитации с использованием игры воображения, с помощью которого можно преднамеренно войти в контакт с бессознательным и установить осознанную связь с психической сфе-

рой. Активное воображение является одним из наиболее важных открытий Юнга. В определенном смысле оно сопоставимо с восточными техниками медитации, такими как в дзен-буд-дизме или тантрической йоге, а также с такими западными техниками, как «Духовные упражнения» у иезуитов. Существенная особенность метода Юнга в том, что медитирующий не имеет какой-либо осознанной цели или программы. Тем самым медитация становится изолированным экспериментом свободного индивида, что является противоположностью целенаправленных усилий подчинить себе бессознательное. Но сейчас мы не будем детальнее останавливаться на активном воображении. Читатель может найти более подробное его описание в работе Юнга «Трансцендентная функция».)

В медитации упомянутым методом самость явилась женщине в образе оленя, который, обращаясь к ее эго, сказал: «Я твой ребенок и мать. Меня называют животным-медиумом, потому что я связываю людей, животных и даже камни один с другим, входя в них. Я твоя судьба или твое „объективное Я“. Когда я появляюсь, я освобождаю от бессмысленных опасностей жизни. Огонь, горящий внутри меня, горит и во всей Вселенной. Если человек теряет его, он становится эгоцентричным, одиноким, дезориентированным и слабым».

Самость часто принимает облик животных, представляя нашу инстинктивную природу и ее связь с окружением человека. (Вот почему в мифах и сказках так много животных — союзников человека.) Эта связь самости со всей окружающей природой и даже космосом, вероятно, проистекает из того факта, что у каждого человека его психическое ядро каким-то образом переплетается со всем миром, как внешним, так и внутренним. Все высшие проявления жизни тем или иным образом подстраиваются под окружающий пространственно-временной континуум. Любому животному, например, свойственно питаться особой пищей, использовать определенные материалы для строительства жилья, жить в среде, на которую в точности настроены его инстинктивные стереотипы. Временные ритмы также

играют свою роль. Достаточно вспомнить, что большинство травоядных животных рождает молодняк как раз в такое время года, когда трава наиболее сочна и обильна. Именно это имел в виду один известный зоолог, сказав, что внутренняя сущность каждого животного простирается далеко за пределы его тела в окружающий мир, «одухотворяя» время и пространство.

Каким-то абсолютно неизвестным для нас образом наше бессознательное также настроено на окружающую среду — на наш круг или общество в целом и, кроме того, на пространственно-временной континуум и всю природу. Вспомним о Великом человеке индейцев на-скапи: он не только помогает открыть и понять внутренний мир, но и подсказывает, где и когда охотиться. Из своих сновидений охотники наскапи выносят также слова и мелодии волшебных песен, которыми привлекают животных.

Но такая специфическая помощь со стороны бессознательного дана не только первобытному человеку. Юнг открыл, что сновидения могут помочь и современным людям обрести свой путь постижения внутренней и внешней жизни и преодоления преподносимых ими трудностей. Действительно, многие из наших сновидений касаются деталей нашей внешней жизни и окружения. Объекты вроде дерева под окном, велосипеда или автомобиля, камня, найденного во время прогулки, могут подняться до уровня символа в той жизни, которую мы проживаем в сновидениях, и приобрести другое значение. Если уделять внимание снам, то помимо жизни в холодном обезличенном мире, произвольно управляемым провидением, перед нами может приподняться завеса, скрывающая наш собственный мир, наполненный важными и тайно упорядоченными событиями.

Наши сновидения, однако, уделяют обычно первоочередное внимание вовсе не адаптации к внешней жизни. В нашем цивилизованном мире они, как правило, стараются развить (посредством эго) должное отношение к самости, потому что современные образ мышления и манеры поведения значительно ослабляют связь с ней. Эта связь была хорошо развита у первобытных людей, полагавшихся главным образом на указания

своего внутреннего центра. А мы с нашим перевернутым сознанием настолько запутаны внешними, совершенно чуждыми делами, что посланиям самости очень трудно прорваться к нам. Наше рассудочное мышление так часто создает иллюзию четко очерченного «реального» внешнего мира, что во многом блокирует способность к восприятию бессознательных образов. Однако через нашу подсознательную природу мы необъяснимым образом улавливаем то, что окружает нас в психическом и физическом мире.

Я уже упоминала, что самость особенно часто является в виде камня, драгоценного или обычного. Вспомним про камень, который полировали медведица и львы. Во многих сновидениях ядро психики, самость, также предстает в образе кристалла. Математически точная структура кристалла вызывает у нас интуитивное понимание того, что даже в так называемой «мертвой» материи действует как бы духовно упорядочивающий принцип. Таким образом, кристалл зачастую символизирует единство противоположностей — материи и духа.

Вероятно, кристаллы и камни являются особенно подходящими для обозначения самости ввиду естественности их природы. Многие люди не могут удержаться от собирания и хранения камешков необычного цвета или формы, не зная, зачем они это делают. Будто в камнях скрыта какая-то живая тайна, очаровывающая людей. Люди с незапамятных времен собирали камни и, вероятно, почитали некоторые из них обителью жизненной силы, окруженной загадочностью. Древние германцы, например, верили, что души умерших продолжают жить в их надгробиях. Не исключено, что обычай класть камни на могилы отчасти исходит из символической идеи о том, что от умершего должно остаться нечто вечное, для чего более всего подходит именно камень. Дело в том, что, хотя человек не имеет ничего общего с камнем, глубочайший центр человеческой психики странным и особым образом похож на него (вероятно, потому, что камень символизирует просто существование в максимальном удалении от эмоций, чувств, фантазий и неугомонного

в своих поисках самосознания). В этом смысле камень передает, возможно, простейшее и одновременно глубочайшее ощущение — ощущение вечности, возникающее в моменты, когда человек чувствует себя бессмертным и неизменным.

Обнаруживаемое практически у всех цивилизаций стремление воздвигать памятники из камня знаменитым людям или по случаю важных событий обусловлено, вероятно, этим его символическим значением. Камень, который Иаков положил на место, где увидел свой знаменитый сон, или особые камни, оставленные людьми на могилах местных святых или героев, раскрывают природу человеческого стремления выразить ощущение, не передаваемое иначе, чем посредством каменного символа. Неудивительно, что многие религиозные культы используют камень для обозначения божества или места поклонения ему. Наиболее почитаемая святыня исламского мира Кааба — это черный камень в Мекке, к которому стремятся совершить паломничество все набожные мусульмане.

В христианской духовной символике Христос обозначается «камнем, который отвергли строители» и который стал «главою угла» (Лук. 20:17). В другом контексте он назван «духовным камнем, из которого проистекает духовное питие» (Кор. 10:4). Средневековые алхимики, которые исследовали околонаучными путями тайну материи, надеясь обнаружить в ней Бога или, по меньшей мере, его печать, верили, что секрет спрятан в знаменитом «философском камне». Однако некоторые из них смутно понимали, что предмет их исканий лишь символ чего-то, что может быть найдено только в душе человека. Древнеарабский алхимик Мориенус говорил: «Эта вещь (философский камень) извлекается из нас: мы — минерал, в котором он вырастает, внутри нас его можно найти; или, яснее говоря, они (алхимики) берут его у нас. Если ты это узнаешь, любовь и одобрение камня произрастут в тебе. Знай, что это истинно и не подлежит сомнению».

Камень алхимиков (ляпис) символизирует нечто не исчезающее и не изменяющееся, нечто вечное. Некоторые алхимики

сравнивали это с мистическим ощущением присутствия Бога в собственной душе. Обычно требуется длительное страдание, чтобы избавиться от поверхностных психических наслоений, скрывающих символический камень. Но в той или иной форме у большинства людей случается глубокое переживание самости — по крайней мере раз в жизни. С психологической точки зрения подлинно религиозное мировоззрение заключается в стремлении обнаружить это уникальное ощущение и постепенно настроиться на него (уместно отметить, что камень сам по себе является чем-то вечным) таким образом, чтобы внимание было постоянно направлено на диалог с самостью.

Тот факт, что этот высочайший и наиболее часто встречающийся символ самости является неорганическим объектом, указывает на еще одну область поиска и раздумий, а именно на все еще неизведанную взаимосвязь между тем, что мы называем бессознательной психикой, и тем, что мы называем «материей», — это тайна, которую стремится разгадать психосоматическая медицина.

Изучая эту еще не определенную и не объясненную связь (может статься, что «дух» и «материя» на самом деле — одно и то же явление, только одно наблюдаемое «изнутри», а другое — «снаружи»), д-р Юнг ввел в оборот новое понятие, названное им «синхронией». Этот термин означает «смысловое совпадение» внешних и внутренних событий, которые сами по себе причинно не связаны. Акцент в этом понятии делается на слове «смысловое». Если, когда вы сморкаетесь, на ваших глазах разбивается самолет, это просто совпадение двух событий, не имеющее смысла. Такие случайные совпадения происходят постоянно. Но если вы купили синий костюм, а магазин доставил по ошибке черный, причем в тот день, когда умер один из ваших ближайших родственников, это будет смысловым совпадением. Эти два события причинно не связаны, но они связаны тем символическим значением, которое придается у нас черному цвету.

Каждый раз, когда Юнг замечал такие смысловые совпадения в жизни пациента, создавалось впечатление (и сны пациента это

подтверждали), что в его бессознательном заработал соответствующий архетип. Проиллюстрируем это на примере с черным костюмом. Человек, получивший черный костюм, также мог видеть сон о смерти. Тогда соответствующий архетип проявился бы одновременно во внутреннем и внешнем событиях, несущих одно и то же символическое послание — в данном случае послание о смерти. Коль скоро мы заметим, что определенным типам событий «нравится» соединяться вместе в определенное время, мы начнем понимать позицию китайцев, чьи теории медицины, философии и даже строительства основаны на «науке» смысловых совпадений. Классический китайский текст исходит не из причин и следствий, а скорее из «притяжения» одних событий к другим. Та же самая тема проходит красной нитью в астрологии, причем в значении, близком у многих народов к предзнаменованиям и консультациям с оракулами. Всё это попытки объяснить совпадения иначе, чем прямолинейным причинно-следственным путем.

Создавая концепцию синхронности, д-р Юнг наметил путь, следуя которым мы сможем глубже постичь взаимосвязь духа и материи. Как раз на эту связь, по всей видимости, указывает символическое значение камня. Но это еще совершенно открытая и недостаточно исследованная проблема, с которой придется иметь дело будущим поколениям психологов и психиатров.

Может показаться, что мои рассуждения о синхронности увели нас от основной темы, но я думаю, что, по меньшей мере, краткое вводное описание этого понятия необходимо, поскольку не исключено, что эту юнгиан-скую гипотезу ждут в будущем широкие возможности в плане исследования и практического применения. Более того, синхронные события почти неизменно сопровождают критические фазы процесса индивидуации. Но очень часто они проходят незамеченными, потому что мы не научились следить за такими совпадениями и распознавать их смысловую связь с образами наших снов.

Отношение к самости

Сегодня все большее число людей, прежде всего жителей больших городов, страдают от страшной пустоты и скуки существования, словно они ожидают чего-то, что не достижимо в принципе. Кино, телевидение, стадион и политика могут ненадолго развлечь их, но затем они вновь и вновь возвращаются, изможенные и разочарованные, в пустыню собственной жизни.

Единственно стоящие современного человека ощущения находятся во внутреннем царстве его психики. Смутно догадываясь об этом, многие сейчас обращаются к йоге и другим восточным практикам. Но все это не дает истинно новых переживаний, поскольку человек черпает в них лишь давно известные индусам или китайцам ощущения, не вступая в непосредственный контакт со своим внутренним жизненным центром. И хотя верно, что восточные методы помогают сконцентрировать мышление и направить его внутрь себя (что в определенном смысле сходно с интроверсией аналитической процедуры), но имеется и существенное различие. Юнг разработал метод самостоятельного проникновения к внутреннему центру человека и установления контакта с живой тайной бессознательного без помощи извне. А это коренным образом отличается от движения по хорошо проторенной дороге.

Стремление ежедневно уделять внимание живой реальности самости подобно старанию одновременно жить на двух уровнях или в двух различных мирах. При этом человек, как и раньше, отдает должное внешним обязанностям, но в то же время хранит чуткость к намекам и знакам, подаваемым сновидениями и внешними событиями, которыми обычно пользуется самость для символического обозначения своих намерений, — то есть к направлению, в котором идет жизненный поток.

В старинных китайских текстах, касающихся такого рода опыта, часто используется сравнение с кошкой, наблюдающей за мышиной норой. В одном из них говорится, что человек не должен допускать никаких посторонних мыслей и вместе с тем его внимание не должно быть ни слишком острым, ни слишком притупившимся. Существует вполне определенный требуемый уровень восприятия. «Если тренироваться таким образом... со временем будет получен результат. Когда же необходимая готовность созреет, как спелый плод, падающий на землю, и этой внутренней готовности коснется что-либо, она внезапно вызовет высшее пробуждение индивида. В этот момент практикующий подобен человеку, испившему воды и узнавшему, холодна она или тепла. Он освобождается от всех сомнений относительно себя и переживает величайшее счастье, сравнимое с тем, что испытываешь, встретив своего отца на перекрестке дорог».

Так в потоке обыденной внешней жизни человек неожиданно попадает в захватывающее внутреннее приключение; поскольку оно уникально для каждого индивида, его невозможно скопировать или украсть.

Существуют две причины, почему человек теряет контакт с регулирующим центром своей души. Одна из них заключается в том, что какой-то один инстинктивный порыв или эмоциональный образ может вывести из равновесия и привести к однобокости восприятия окружающего. Это случается и с животными. Например, сексуально возбужденный олень-самец может совершенно забыть о голоде и опасности. Такой однонаправленности и связанной с ней утраты равновесия очень боялись первобытные люди, считая это «потерей души». Другая угроза внутреннему равновесию возникает из-за чрезмерной мечтательности, которая обычно вращается тайком вокруг определенных комплексов. В действительности мечтания возникают только потому, что они соединяют человека с его комплексами; в то же время они угрожают концентрации и непрерывности его сознания.

Второе препятствие полярно противоположно первому, и его причиной является чрезмерная концентрация самосознания. Хотя дисциплина сознания необходима для осуществления цивилизованной деятельности (известно, что может случиться, если замечтается стрелочник), она имеет серьезный недостаток, заключающийся в ее склонности блокировать восприятие импульсов и посланий, идущих из жизненного центра. Вот почему так много снов современных людей касаются восстановления восприимчивости к ним путем корректировки отношения сознания к подсознательному центру, или самости.

Во многих мифологических изображениях самости обозначаются стороны света. Видимо, поэтому Великий человек часто помещается в центре круга, разделенного на четыре части. Юнг использовал индийское слово «мандала» (магический круг) для обозначения структуры, отражающей ядро человеческой души, сущность которой нам неизвестна. В этой связи интересно отметить, что индейский охотник наскапи рисовал Великого человека не в образе человеческого существа, а в виде мандалы.

Индейцы племени наскапи воспринимают внутренний центр непосредственно и наивно, без помощи религиозных обрядов или учений, тогда как в других племенах рисуют магический круг, дабы восстановить утерянное внутреннее равновесие. Например, индейцы навахо используют рисунки на песке, имеющие форму мандалы, чтобы вернуть больного к состоянию гармонии с собой и с космосом и тем самым поправить его здоровье.

В восточных цивилизациях подобные рисунки используются для обретения внутренней целостности или для погружения в состояние глубокой медитации. Считается, что созерцание мандалы приносит внутреннее умиротворение, ощущение осмысленности и упорядоченности жизни. Это же чувство вызывает спонтанное появление мандалы в сновидениях современных людей, вовсе не приверженных подобным религиозным традициям и не имеющих о них представления. Может быть, в таких случаях положительный эффект даже сильнее, потому что зна-

ния и традиции иногда смазывают или даже блокируют спонтанный опыт.

Пример спонтанно возникшей мандалы присутствует в нижеследующем сновидении шестидесятидвухлетней женщины. Оно явилось ей как прелюдия к новой, весьма активной в творческом отношении фазе жизни.

«Я вижу сумеречный пейзаж. На заднем плане тянется ввысь, а затем выравнивается гребень холма. Вдоль отрога движется четырехугольный диск, сверкающий, словно он золотой. На переднем плане темная земля, на которой только появились первые ростки. Внезапно передо мной появляется круглый стол, его верхняя часть — это серая каменная плита, в тот же момент квадратный диск внезапно оказывается на столе. Он покинул холм — неизвестно, как и почему».

Пейзажи в сновидениях (так же как и в произведениях искусства) часто символизируют непередаваемое настроение. В данном сновидении сумеречный свет пейзажа показывает, что ясность дневного сознания померкла. «Внутренняя природа» может теперь стать видимой — и действительно, на горизонте появляется квадратный диск. До сих пор символ самости, диск, главным образом был интуитивной идеей на духовном горизонте сновидицы, но теперь в этом сне он меняет свое положение и становится центром пейзажа ее души. Давно посеянное зерно начинает прорастать: в течение длительного времени сновидица уделяла большое внимание своим снам, и сейчас эта работа начала приносить плоды. (Вспомним о связи символа Великого человека с миром растений, о чем упоминалось выше.) Затем золотой диск движется вправо — туда, где вещи становятся осознанными. В психологической терминологии слово «правый» часто обозначает сферу сознания, адаптации, состояния «правоты», тогда как слово «левый» — сферу неадаптированных подсознательных реакций, иногда даже что-то «зловещее». Наконец, золотой диск прекращает движение и обретает покой на круглом — внимание! — каменном столе. Он нашел постоянную опору.

Как отмечает ниже в этой книге Аниэла Яффе, круг (мотив мандалы) обычно символизирует природную цельность, тогда как четырехугольные формы представляют ее понимание сознанием. В рассматриваемом сновидении встречаются квадратный диск и круглый стол — в результате мы имеем осознанное восприятие жизненного центра. Круглый стол, кстати, хорошо известен как символ цельности, что нашло определенное отражение в мифологии. Так, круглый стол короля Артура — это образ, заимствованный из символики Тайной вечери.

Действительно, если человек искренне поворачивается к своему внутреннему миру и стремится познать себя не путем рассуждений о своих субъективных мыслях и чувствах, а следуя таким проявлениям собственной объективной природы, как сновидения и реальные фантазии, то рано или поздно ему явится самость. Тогда эго найдет внутреннюю силу для обновления.

Но существует серьезная трудность, которой я вскользь уже касалась. Дело в том, что каждое из олицетворений бессознательного — тень, анима, анимус и самость — имеет как светлую, так и темную стороны. Мы уже видели, что тень может быть низменной или подлой, представлять инстинктивное влечение, которое следует преодолеть. Но она может представлять и стремление к росту, которое надо всячески поддерживать в себе. Таким же образом анима и анимус содержат разные заряды: они могут дать личности стимул жизнеутверждающего и творческого роста или же вызвать застой и физическую смерть. И даже самость — всеобъемлющий символ бессознательного — может оказать двоякое влияние. Например, в эскимосском сказании, когда маленькая женщина предложила спасти героиню от Духа Луны, но фактически превратила ее в паука.

Темная сторона самости наиболее опасна именно потому, что самость — величайшая сила психики. Она может побудить людей «накручивать» мысли о собственном величии или другие иллюзорные фантазии, которые могут захватить выдумщика и «вселиться» в него. Человек в таком состоянии думает с растущим восхищением, что он выявил и решил величайшие загадки

Вселенной, и в результате теряет ощущение реальности. Наглядным симптомом такого состояния является потеря чувства юмора и контактов с окружающими. Таким образом, появление самости может принести большую опасность для человеческого эго. Двойственный ее характер прекрасно иллюстрируется древней иранской сказкой о «Секрете Батх Бадгерд».

«Великий и благородный принц Хатим ибн Тай получил приказ от своего короля изучить загадочную летающую баню (замок небытия). Обнаружив замок после многих опасных приключений, принц узнает, что никто из приходивших сюда еще не возвращался назад, но решает все равно войти. В круглом здании его принимает цирюльник с зеркалом и ведет в купальню. Но как только принц входит в воду, звучит раскат грома, становится совершенно темно, и парикмахер исчезает, а вода начинает подниматься.

Хатим отчаянно плывет по кругу, вода уже почти достигает куполообразной крыши. Ужас смерти охватывает его, он произносит молитву и хватается за центральный камень купола. Снова раздается раскат грома, все изменяется, и Хатим оказывается один в пустыне.

После долгих и мучительных блужданий он выходит к прекрасному строению, в середине которого стоят по кругу каменные статуи. В центре он видит попугая в клетке, и голос свыше говорит: „О герой, тебе, наверное, не уйти живым из этой купальни. Когда-то Гайомарт (первочеловек) нашел огромный алмаз, который сиял ярче, чем солнце и луна. Он решил спрятать его в таком месте, где никто бы не нашел его. Поэтому он построил эту волшебную купальню, чтобы сохранить алмаз. Попугай, которого ты видишь, — заколдован. У его ног лежит золотой лук и стрела на золотой цепи. Ты можешь трижды попытаться попасть в попугая из лука. Если убьешь его, заклятие будет снято, а если нет, ты, как и все, кто приходил сюда до тебя, превратишься в ка-мень“. Хатим делает первую попытку, но промахивается. Его ноги становятся каменными. Он промахивается еще раз — и окаменевает по грудь. В третий раз, закрыв

глаза, он произносит: „Аллах велик“ — и стреляет не глядя. На этот раз он попадает в попугая. Звучит раскат грома, вздымаются тучи пыли. Когда все стихает, на месте попугая оказывается огромный прекрасный алмаз. Статуи оживают, и люди благодарят Хатима за спасение».

Читателю наверняка бросились в глаза символы самости, встречающиеся в этом рассказе: первочеловек Гайомарт, круглое здание в форме мандалы, краеугольный камень и алмаз. Но этот алмаз окружен опасностью. Демонический попугай олицетворяет злой дух подражания, заставляющий промахиваться и цепенеть («превращаться в камень») психологически.

Как я уже отмечала, процесс индивидуации исключает попугаеподобное подражание другим. Снова и снова люди во всех странах пытались отразить в своем «внешнем» или ритуальном поведении первоначальный религиозный опыт своих величайших религиозных учителей — Христа, Будды и других наставников — и в результате «превращали в камень» свои души. Следовать по стопам великого духовного вождя не означает копировать или переживать ту же схему процесса индиви-дуации, что сложилась в его жизни. Просто мы должны стараться прожить наши собственные жизни с такой же искренностью и верой, как и он.

Исчезнувший парикмахер с зеркалом символизирует дар отражения, утерянный Хатимом, когда он нуждался в нем более всего. Поднимающаяся вода указывает на опасность утонуть в бессознательном и потеряться в собственных эмоциях. Чтобы понять символические значения бессознательного, человек должен проявлять осторожность, дабы не оказаться во вне или позади себя, а всегда оставаться эмоционально внутри себя. Жизненно важно, чтобы эго продолжало функционировать нормально. Только оставаясь нормальным человеком, смело сознающим свое несовершенство, можно стать восприимчивым к значимому содержимому бессознательного и к процессам, протекающим в нем. Как может человек выдержать напряжение от поединка со всей Вселенной, если видит в себе ничтожного чер-

вя земного? Если презирать себя как статистическую никчемную единицу, жизнь теряет свой смысл. Но если чувствовать себя частью чего-то великого, как тогда удержаться в рамках реальности? Действительно, очень трудно совместить в себе эти крайности, не вдаваясь слишком в ту или другую из них.

Социальный аспект самости

Огромный рост населения в наше время, особенно заметный в больших городах, неизбежно оказывает на нас подавляющее воздействие. Мы думаем: «Ну, хорошо. Я живу там-то и там-то, как тысячи других людей. Если несколько из них будут убиты, какая мне разница. Ведь в любом случае людей слишком много». Когда мы читаем в газетах о бесчисленных смертях неизвестных нам людей, мы все больше понимаем, что наши жизни ничего не стоят. Именно в такой ситуации внимание к подсознанию приносит величайшую помощь, потому что сновидения показывают сновидцу взаимосвязь мельчайших деталей его жизни с важнейшими ее событиями.

Теоретически известная нам истина «все в наших руках» становится посредством сновидений ощутимым фактом, который каждый может испытать на себе. Порой вы можете почувствовать, что Великий человек чего-то желает от вас и ставит перед вами особенные задачи. Развитие подобного опыта может помочь обрести силу, чтобы плыть против течения коллективных суеверий, воспринимая всерьез свою душу.

Конечно, это не всегда приятная задача. Например, вы хотите совершить поездку с друзьями в следующее воскресенье. Но сновидение запрещает вам это и требует, чтобы вы вместо поездки занялись каким-либо творческим занятием. Если прислушиваться постоянно к подсознанию и повиноваться ему, оно может стать вечной помехой вашим планам. Ваша воля будет все время сталкиваться с ним, и если не подчиняться, то по крайней мере принимать его в расчет. Вот, отчасти, почему обязательства, взятые по отношению к процессу индивидуации, часто ощущаются скорее бременем, чем немедленным благом.

Святой Христофор, покровитель всех путешественников, является подходящим символом такого рода опыта. Согласно легенде, он возгордился своей невероятной физической силой и пожелал служить только сильнейшим. Сначала он служил королю. Но, поняв, что король боится дьявола, он оставил первого и стал слугой сатаны. Затем он обнаружил, что дьявол боится распятия, и поэтому решил служить Христу, если найдет его. Он последовал совету одного священника, предложившего ждать Христа у переправы. За годы, истекшие с тех пор, он переправил много людей через реку. Но однажды темной ветреной ночью его попросил переправить через реку маленький ребенок. С величайшей легкостью святой Христофор поднял ребенка на плечи, но с каждым шагом его ноша становилась все тяжелее и тяжелее. Когда он достиг середины реки, то почувствовал, «будто несет всю Вселенную». Тогда он понял, что несет Христа, и Христос отпустил ему грехи и даровал жизнь вечную.

Этот чудесный ребенок олицетворяет самость, буквально «подавляющую» обыкновенного человека, хотя это единственное, что может освободить его. Во многих произведениях искусства Христос-дитя изображен как сфера мира или со сферой мира, что ясно указывает на самость, потому что и ребенок, и сфера — это универсальные символы целостности.

Когда человек стремится послушаться бессознательного, зачастую, как мы видели, он не может поступить так, как ему хочется. Но точно так же он не всегда может делать то, что ожидают от него другие. Часто бывает необходимо отделиться от привычного окружения — семьи, любовника или близких друзей, чтобы обрести себя. Вот почему иногда говорят, что обращение к подсознанию приводит к антиобщественному поведению и эгоцентричности. В общем это не верно, потому что при этом не учитывается такой малоизвестный фактор, как коллективный (или, можно даже сказать, общественный) аспект самости.

На практике этот фактор проявляет себя в том, что индивид, который следит за своими сновидениями в течение значительного отрезка времени, вскоре обнаруживает, что они часто ка-

саются его отношений с другими людьми. Сон может остеречь от чрезмерного доверия к кому-то или подсказать, что встреча с тем, кого раньше не замечал, может оказаться полезной и приятной. Если в сновидении появляется в подобном смысле чей-то образ, то возможны две трактовки. Персонаж сновидения может быть проекцией, символизирующей один из аспектов личности самого сновидца. Например, человек видит во сне соседа нечестным, в действительности же этот образ воплощает лишь собственную нечестность сновидца. Стало быть, задача толкования сна для него заключается в том, чтобы выявить, в чем именно проявляется его собственный порок. (Это называется толкованием сна на субъективном уровне.)

Но иногда случается, что сновидения действительно говорят нам что-то о других. Роль бессознательного в этом процессе раскрыта далеко не полностью. Подобно всем высшим формам жизни, человек подстраивается под живых существ вокруг него. Он в значительной степени понимает их страдания и проблемы, их положительные и отрицательные качества, их ценности — и все это инстинктивно и совершенно независимо от своих осознанных оценок.

Наша жизнь в сновидениях позволяет нам заглянуть в эти бессознательные ощущения и обнаружить, что они оказывают на нас влияние. Увидев приятный сон о ком-либо, мы невольно смотрим на этого человека наяву с большим интересом, даже не задумываясь почему. Образ, пришедший во сне, может ввести и в заблуждение, если это проекция одной из склонностей сновидца, и дать объективную информацию. Выяснение того, что является правильным толкованием, требует честного и тщательного обдумывания. Однако, в конечном счете, — и так обстоит со всеми внутренними процессами, — именно самость упорядочивает и регулирует наши отношения с другими людьми, в то время как рассудочное эго отвечает за выявление вводящих в заблуждение проекций и разбирается с ними внутри себя, а не вовне. Именно так духовно ориентированные и наполненные люди находят друг друга, объединяясь в группы, для

которых не имеет значения общественная или профессиональная принадлежность. Такая группа не находится в конфликте с другими; она просто отличается и независима от них. Таким образом, сознательно осуществляемый процесс индивидуации изменяет личные отношения. Семейные узы или общность интересов заменяются другим типом единства — узами самости.

Любые действия и обязательства, которые связаны исключительно с внешним миром, наносят определенный ущерб потайным процессам в бессознательном. Именно бессознательная тяга сводит тех, кто подходит друг другу. Вот почему попытки оказать влияние на людей через рекламу и политическую пропаганду деструктивны, даже когда порождены идеалистическими мотивами.

Возникает важный вопрос, может ли бессознательная часть человеческой психики вообще подвергаться влиянию. Практический опыт и точные наблюдения доказывают, что человек не может влиять на собственные сновидения. Есть, правда, люди, утверждающие обратное. Однако при знакомстве с материалом их сновидений становится очевидным, что они поступают подобно хозяину своевольной собаки, когда тот приказывает ей сделать то, что она и так бы сделала, тем самым сохраняя иллюзию своего авторитета. Только длительный процесс толкования сновидений и сопоставления их посланий с личными поступками может постепенно преобразить бессознательное. В этом процессе могут измениться и сознательные привычки и взгляды.

Если человек, желающий оказать влияние на общественное мнение, злоупотребляет с этой целью символами, они могут произвести впечатление на массы, если это истинные символы, однако невозможно знать наперед, будет или нет бессознательное масс эмоционально захвачено. В таком случае поведение бессознательного совершенно иррационально. Ни один продюсер, например, не может сказать заранее, станет ли песня хитом, даже если она навевает популярные образы и мелодии. Никакие преднамеренные попытки оказать влияние на бессознательное пока не принесли существенных результатов. Похоже, что кол-

лективное бессознательное сохраняет свою автономность в той же мере, что и индивидуальное.

Иногда, чтобы выразить свою цель, бессознательное может использовать мотив из нашего внешнего мира, создавая, таким образом, впечатление, что оно подверглось его влиянию. Например, мне неоднократно встречались сновидения современных людей, в которых говорится о Берлине. В их снах Берлин выступает в качестве символа психически слабой точки — опасного места, и в силу этого располагает самость к появлению. Это место является точкой, где сновидца раздирают конфликты и где он мог бы, следовательно, объединить внутренние противоположности. Я также столкнулась с необычно большим числом упоминаний в сновидениях кинофильма «Хиросима, любовь моя». В большинстве этих снов ожидалось, что либо герои непременно соединятся со своими возлюбленными (что символизирует союз внутренних противоположностей), либо произойдет атомный взрыв (символ полной диссоциации, эквивалент безумия).

Иногда, в случаях особенно навязчивого воздействия на аудиторию, манипуляторы общественным мнением могут добиться временного успеха. При этом подавляются подлинные подсознательные реакции. А как коллективное, так и индивидуальное подавление приводит к одному и тому же результату — неврастенической диссоциации и психическим расстройствам. Любые попытки подавить реакции бессознательного в конечном счете обречены на провал, поскольку в своей основе они противоречат природе инстинктов.

Исследования стадного поведения высших животных показывают, что малые группы примерно из пяти десятков особей являются оптимальными для жизни как отдельного животного, так и их группы. Человек, похоже, не является исключением в этом отношении. Его физическое, духовное, психическое здоровье и — чего не встретишь у зверей — культурная деятельность ярче расцветают в коллективе именно такой численности. В процессе индивидуации самость явно стремится к созданию таких

малых групп, образуя в то же время четко определенные эмоциональные связи между отдельными индивидами и ощущение общности с другими людьми. Только когда эти связи созданы самостью, можно быть уверенным, что зависть, ревность, конкуренция и все виды негативных проекций не разорвут такую группу. А это значит, что безоговорочное следование собственному процессу индивидуации вызывает также и оптимальную социальную адаптацию.

Конечно, неправильно думать, что в таком случае исчезнут столкновения мнений, конфликты обязательств или разногласия относительно «правильности» чего-либо: главное при их возникновении — воздерживаться от спонтанного реагирования и прислушиваться к внутреннему голосу, чтобы поступить так, как хочет самость. Фанатическая политическая деятельность (в отличие от выполнения необходимых обязанностей), судя по всему, мало совместима с индивидуацией.

Один мужчина, целиком посвятивший себя освобождению своей страны от иностранной оккупации, видел следующий сон:

«С группой моих друзей-патриотов я поднимаюсь по лестнице на чердак музея, где имеется черный зал, выглядящий как каюта корабля. Дама средних лет солидной наружности открывает дверь. Ее имя N. и она дочь N. (N. был знаменитым национальным героем страны сновидца, предпринявшим несколько столетий назад попытку ее освобождения. Его можно сравнить с Жанной д’Арк или Вильгельмом Теллем. В действительности N. не имел детей.) В зале мы увидели портреты двух дам-аристократок, одетых в красочные парчовые платья. Когда мисс N. начала рассказывать нам об этих картинах, они внезапно ожили. Сначала заморгали, задвигались глаза, затем показалось, что портреты дышат. Удивленные, мы направились в лекционный зал, где мисс N. обещала рассказать об этом явлении. Она объяснила, что это ее интуиция и чувство позволили портретам ожить. Но один из присутствующих возмутился и сказал, что мисс N. сошла с ума, а некоторые даже покинули лекционный зал».

Важной чертой этого сновидения является то, что фигура анимы — мисс N. — является лишь воплощением сна. Имя ее, однако, совпадает с именем знаменитого национального героя-освободителя. (Как если бы она была, например, Вильгельминой Телль — дочерью Вильгельма Телля.) Через подсказку, содержащуюся в ее имени, бессознательное указывает, что в наше время сновидцу не следует пытаться — как в далеком прошлом N. — освобождать свою страну, прибегая к внешнему воздействию. Сейчас, говорит сон, освобождение совершается анимой (душой сновидца) путем возрождения к жизни образов бессознательного.

Тот факт, что зал на чердаке музея выглядит отчасти как каюта корабля, окрашенная в черный цвет, имеет глубокий смысл. Черный цвет намекает на темноту, ночь, обращенность вовнутрь, и если зал — каюта, тогда и музей в каком-то смысле корабль. Это предполагает, что, когда материк коллективного сознания будет затоплен бессознательным и варварством, этот музей-корабль, наполненный живыми образами, может превратиться в спасительный ковчег, который доставит поднявшихся на его палубу на другой, духовный берег. Портреты, висящие в музее, являются мертвыми образами прошлого, и часто все образы бессознательного таковы для нас, пока мы не откроем, что они живы и значимы. Когда анима, в присущей ей роли духовного путеводителя, созерцает образы, вступая с ними в интуитивный и эмоциональный контакт, они оживают.

Возмущенные люди в сновидении представляют ту сторону личности сновидца, что находится под влиянием коллективных мнений и препятствует оживлению образов психики, не веря в них. Это сопротивление воздействию бессознательного можно сформулировать примерно так: «А что, если на нас начнут сбрасывать атомные бомбы? Никакое прозрение тогда не поможет!»

Эта сопротивляющаяся сторона личности не способна освободиться от стереотипов мышления и экстра-вертных рациональных предрассудков. Сновидение, однако, показывает, что в наше время подлинное освобождение может начаться лишь с

психологической трансформации. С какой целью освобождать страну, если при этом у вас нет осмысленной цели жизни — цели, ради которой стоит быть свободным? Если человек не видит смысла в своей жизни, то не имеет значения, ведет ли он пустую жизнь при коммунистическом или капиталистическом режиме. Свобода имеет смысл, только если можно использовать ее для создания чего-то значимого. Вот почему определить для себя смысл жизни первостепенно важно для личности. Отсюда следует, что индивидуация должна являться первоочередной задачей человека.

Попытки влиять на общественное мнение через газеты, радио, телевидение и рекламу строятся на двух факторах. С одной стороны, они опираются на механизмы отбора, выявляющие тенденции бытующих мнений или желаний, то есть коллективных настроений. С другой стороны, они отражают предрассудки, проекции и подсознательные комплексы (главным образом, комплекс силы) тех, кто манипулирует общественным мнением. Но статистика не может быть справедлива к индивиду. Если в груде камней средняя окружность одного из них составляет пять сантиметров, то реально совпадает с этой цифрой весьма малое их количество.

Очевидно, что второй фактор не может создать ничего позитивного. Посвятивший себя индивидуации обретает эффект позитивного воздействия на окружающих. Будто искра проскакивает от одного человека к другому. Обычно это случается непреднамеренно и зачастую происходит без слов. Именно на этот внутренний путь мисс N. стремилась направить сновидца.

Почти все религиозные системы мира содержат символы, олицетворяющие процесс индивидуации или, по меньшей мере, определенные его стадии. В христианских странах самость проецируется, как отмечалось выше, на второго Адама — Христа, на Востоке соответствующими фигурами являются Кришна и Будда. У подлинно верующих людей психорегуляция находится под воздействием религиозных символов, которые зачастую оказываются даже основой их сновидений. Например, когда покой-

ный Папа Пий XII провозгласил энциклику об Успении Марии, одной женщине-католичке приснилось, что она католическая священнослужительница. Похоже, что ее бессознательное развило известную догму следующим образом: «Если Мария сейчас почти богиня, она должна иметь священнослужительниц». Другая женщина-католичка, которой не нравились некоторые мелкие, внешние аспекты ее веры, увидела во сне, что церковь в ее родном городе снесена и перестроена. Но дарохранительницу с освященным ангелом и статую Девы Марии должны были перевезти из старой церкви в новую. Этот сон показал ей, что некоторые рукотворные символы ее веры нуждаются в обновлении, но основные символы — воплотившийся Бог и Богоматерь Дева Мария — переживут перемены.

Такие сновидения демонстрируют живой интерес, который проявляет бессознательное к осознанным религиозным представлениям индивида. Это ставит вопрос о том, возможно ли выявить общую закономерность в религиозных сновидениях современных людей. В проявлениях бессознательного, обнаруженных в современной христианской культуре — как протестантской, так и католической, — Юнг не раз замечал действие бессознательного стремления дополнить нашу трех-ипостасную формулу верховного Божества четвертым элементом, воплощающим, судя по всему, женское, темное и даже злое начало. В действительности этот четвертый элемент всегда присутствовал в сфере наших религиозных представлений, но был отделен от образа Бога, став его противоположностью в виде самой материи (или властелина материи — дьявола). Похоже, что в настоящее время бессознательное стремится объединить эти крайности, от разделения которых свет становится слишком ярким, а темнота слишком мрачной. Естественно, что центральный символ религии — образ верховного Божества — наиболее подвержен воздействию подсознательных стремлений к преобразованиям.

Один тибетский настоятель сказал Юнгу однажды, что наиболее впечатляющие мандалы в Тибете создавались воображением или направленной фантазией, когда психоло-

гическое равновесие медитирующей группы было нарушено или когда какая-то мысль не могла быть изображена по причине ее отсутствия в священной доктрине и, следовательно, ее надо было сначала найти. Эти соображения проясняют два основополагающих и в равной степени важных аспекта символизма мандалы. Мандала служит консервативной цели восстановления прежде существовавшего порядка. Но она также служит и созидательной цели придания выразительности и формы чему-то еще не существующему, чему-то новому и уникальному. Второй аспект является, быть может, еще более важным, чем первый, но не противоречит ему, потому что в большинстве случаев то, что восстанавливает старый порядок, одновременно содержит в себе и некоторые элементы нового. В новом же порядке прежняя структура поднимается на более высокий уровень. Процесс подобен восходящей спирали, которая растет вверх и одновременно снова и снова проходит ту же точку.

Вот картина, нарисованная одной простой женщиной, выросшей в протестантском окружении, на ней мандала изображена в форме спирали. Эта женщина получила во сне приказ нарисовать верховное Божество. Позднее (также во сне) она увидела его в книге, причем не полностью, а лишь развевающиеся складки его ризы, сочетание света и тени которых составляло захватывающее зрелище, особенно на фоне неподвижной спирали на темно-синем небе. Зачарованная ризой и спиралью, сновидица не рассмотрела другие фигуры на скалах. Проснувшись, она задумалась, чем являлись эти священные фигуры, и внезапно поняла, что это был сам Бог. Это вызвало у нее глубокое потрясение, продолжавшееся долгое время. Обычно Святой Дух изображается в христианском искусстве как огненное колесо или голубь, но в данном случае он явился в виде спирали. Это новая мысль, еще не попавшая в доктрину, но спонтанно возникшая в бессознательном. То, что Святой Дух является силой, формирующей и углубляющей наш религиозный опыт, —

это, конечно, не новая идея; новым является его символическое изображение в виде спирали.

По мотивам своего следующего сна эта женщина тоже нарисовала картину, на которой она и ее положительный анимус стоят, глядя на Иерусалим в тот момент, когда на город, затмевая его, опускается крыло сатаны. Сатанинское крыло сильно напомнило ей развевающуюся ризу Господа из первого сна. Но в первом случае действие происходило где-то наверху, на небесах и среди скал, через которые проходил страшный разлом. Развевающаяся риза представляет попытку достичь Христа, находящегося справа, что не вполне удается. На второй картине та же сцена подана снизу — с человеческого уровня. При взгляде сверху видно, что движется и расширяется часть Бога, над которой возвышается спираль как символ потенциального будущего развития. Но при взгляде с земли, с высоты человеческого роста, тот же самый предмет в воздухе оказывается темным, зловещим крылом дьявола.

В жизни сновидицы эти две картины стали реальностью (как именно, не представляет для нас интереса), но они, несомненно, содержат также значение, выходящее за рамки личного. Не исключено, что они предрекают погружение христианского мира в божественную темноту, содержащую, однако, возможность дальнейшего развития. Поскольку ось спирали движется не вверх, а на задний план картины, это развитие приведет не к большим духовным высотам и не вниз — к царству материи, а к другому измерению — возможно, к тому, что стоит за этими божественными персонажами. А это означает — к подсознанию.

Когда из бессознательного индивида появляются религиозные символы, несколько отличающиеся от известных, это часто вызывает опасение, что они могут негативно повлиять на официально признанные религиозные символы или даже привести к обмирщению некоторых из них. Эти опасения побуждают многих людей отвергать аналитическую психологию и бессознательное в целом.

Анализируя это неприятное с психологической точки зрения явление, необходимо отметить, что по отношению к религии людей можно разделить на три типа. К первому типу относятся те, кто еще искренне верит своим религиозным учениям, какими бы они ни были. Для таких людей религиозные символы и доктрины настолько «созвучны» с их глубоко личными чувствами, что серьезные сомнения не имеют шансов проникнуть в их сознание. Это бывает, когда сознательные убеждения и подсознательная их основа находятся в относительной гармонии. Люди этого типа могут позволить себе рассматривать новые психологические открытия и факты без предрассудков, не боясь утратить веру. Даже если в их сновидениях появятся некоторые относительно неортодоксальные детали, они могут быть интегрированы в их общее мировоззрение.

Второй тип состоит из людей, полностью утративших веру и заменивших ее абсолютно сознательными, рациональными представлениями. Для этих людей глубинная психология просто означает введение в только что открытые области психики. Поэтому они спокойно могут начать новое приключение и заняться исследованием своих сновидений для проверки их правдивости. Существует также третья группа людей, часть личности которых отказывается верить религиозным традициям, однако вера не покидает их полностью. Французский философ Вольтер — прекрасный тому пример. Он яростно нападал на Католическую Церковь (ecrasez l'infmme[23] — стандартное окончание писем Вольтера к энциклопедистам о религии и Церкви), рационально аргументируя каждый выпад, но на предсмертном одре, говорят, попросил соборования. Правда это или нет, но его разум был определенно разумом атеиста, тогда как его чувства и эмоции были, по всей видимости, ортодоксально католическими. Такие люди напоминают человека, зажатого дверью автобуса. Он не может ни войти, ни выйти. Вероятно, сновидения таких людей могли бы помочь им сделать выбор, но обычно

[23] «Раздавить гадину!» (фр.)

им бывает очень сложно повернуться лицом к подсознанию, потому что они и сами до конца не знают своих мыслей и желаний. Решение, принимать ли всерьез бессознательное, зависит, в конечном счете, от мужества и цельности конкретной личности.

Непростое положение людей, оказавшихся на ничейной полосе между двумя состояниями разума, вызвано отчасти тем фактом, что все официальные религиозные учения принадлежат в действительности коллективному сознанию (названному Фрейдом «супер-эго»), хотя когда-то давным-давно они возникли из бессознательного. Эту точку зрения оспаривают многие теологи и историки религии. Они предпочитают думать, что начало было положено неким «откровением». В течение многих лет я вела поиски свидетельств, которые бы подтвердили юнгианский подход к этой проблеме, но найти такие доказательства оказалось весьма нелегко, поскольку большинство ритуалов настолько стары, что проследить их истоки невозможно. Однако приводимый ниже пример дает, как мне представляется, очень важную подсказку.

Черный Лось, знахарь племени огалала сиу (умерший совсем недавно), описал в своей автобиографии, названной «Говорит Черный Лось», потрясающее видение, явившееся, когда ему было девять лет и он, серьезно заболев, находился в коматозном состоянии. Он увидел четыре табуна прекрасных лошадей, приближающихся с четырех сторон света, а затем, сидя на облаке, повстречался с шестью стариками, которые были духами предков этого племени, «дедами всего мира». Они вручили ему шесть символических предметов для лечения его народа и указали новый жизненный путь. С шестнадцати лет у него вдруг стал появляться животный страх перед каждой грозой — ему слышалось, что «обитатели грома» призывают «поспешить». Это напоминало ему громоподобный топот, раздававшийся при приближении лошадей во время детского видения. Один старый знахарь разъяснил ему, что его страх возникает потому, что он держит свое видение внутри себя, и посоветовал рассказать о нем соплеменникам. Черный Лось так и поступил, позднее он

вместе с племенем оформил это видение в ритуал, использовав для него настоящих лошадей. После исполнения действа не только сам Черный Лось, но и многие другие индейцы почувствовали значительное облегчение. Некоторые из них даже излечились от болезней. Черный Лось сказал: «После ритуального танца даже лошади кажутся здоровее и счастливее».

Этот ритуал исчез, поскольку племя вскоре было полностью уничтожено. Но в другом месте сохранился другой сходный ритуал. Несколько эскимосских племен, обитающих возле реки Колвилл на Аляске, объясняют происхождение их праздника орла следующим образом:

«Молодой охотник застрелил необыкновенного орла и был настолько поражен красотой мертвой птицы, что сделал из нее чучело и стал почитать его как фетиш, принося ему жертвоприношения. Однажды, когда охотник удалился во время охоты в глубь материка, рядом с ним вдруг появились два человека-птицы и, сказав, что они „посланцы“, повели его в страну орлов. Там он услышал глухой барабанный шум, и посланцы объяснили, что это бьется сердце матери погибшего орла. Затем перед охотником появилась женщина в черном. Она попросила организовать в его племени праздник орла в честь ее погибшего сына. Затем люди-орлы показали, как это сделать. После этого охотник внезапно оказался на том месте, где повстречал посланцев, в совершенно изможденном состоянии. Вернувшись домой, он научил соплеменников, как провести большой праздник орла, который с тех пор они устраивают регулярно, соблюдая обычай».

Из этих примеров видно, что ритуал или религиозный обычай может возникнуть непосредственно из бессознательного откровения, испытанного отдельным индивидом. Из этих индивидуальных начинаний в группах, объединенных общей культурой, развивается разнообразная религиозная деятельность, пронизывающая всю жизнь общества. На протяжении длительного процесса эволюции первоначальное переживание под воздействием слов и действий преобразуется, приукрашивается и приобретает все более и более отточенную форму. К сожалению, у

этого процесса кристаллизации есть серьезный недостаток. Все большее число людей не имеет личного опыта первоначального переживания, им остается лишь верить в рассказы о нем учителей и старших. Многие поэтому не представляют ощущений человека, пережившего подобный опыт. Религиозные традиции в их современном виде, сложившемся в результате многовековой шлифовки, часто отвергают дальнейшие творческие изменения, приносимые бессознательным. Теологи иногда даже защищают «истинные» религиозные символы и символические доктрины от вновь открываемых бессознательным религиозных впечатлений, отказывая психике в творческой функции. При этом забывается, что ценности, за которые они борются, обязаны своим возникновением той же самой функции. Без человеческой психики, воспринимающей божественные вдохновения и воспроизводящей их в словах или в формах искусства, ни один религиозный символ никогда не стал бы реальностью нашей жизни. (Вспомним хотя бы о пророках и евангелистах!)

Если же кто-нибудь возразит, что религиозная реальность существует сама по себе, независимо от нашей психики, я могу ответить такому человеку, лишь, в свою очередь, задав вопрос: «Кто говорит об этом, если не человеческая психика?» Что бы мы ни делали, нам никогда не избавиться от существования психики, потому что мы находимся внутри нее, и она является единственным средством, через которое мы можем воспринимать реальность.

Таким образом, недавнее открытие бессознательного навсегда рассеивает иллюзию, столь лелеемую некоторыми, будто человек может познать духовную реальность как таковую. В современной физике принцип «неопределенности» Гейзенберга развеял заблуждение о том, что мы можем постичь абсолютную физическую реальность. Открытие бессознательного, однако, компенсирует потерю любимых иллюзий, распахивая перед нами необъятное и неизведанное поле деятельности, предоставляющее возможность и для объективных научных исследований, и для индивидуальных этических дерзаний.

К сожалению, как я отмечала в самом начале, практически невозможно передать всю палитру переживаемых ощущений в этой новой сфере. Многое здесь уникально и лишь частично поддается выражению словами. Кроме того, теперь уже вполне очевидно, что один человек не в состоянии полностью понять другого и дать оптимальный для этого другого человека совет. Впрочем, это компенсируется функцией самости, тайно способствующей взаимному притяжению людей, внутренне близких друг другу.

Интеллектуальная болтовня сменяется, таким образом, исполненными смысла событиями, реально происходящими в нашей психике. Следовательно, серьезное вхождение в процесс индивидуации раскрытым выше способом означает для личности совершенно новое, отличное от прежнего, отношение к жизни. Для ученых это означает еще и новый научный подход к внешним фактам. Как это скажется на человеческих знаниях и на общественной жизни людей, невозможно предсказать. Но для меня кажется очевидным, что открытие д-ром Юнгом процесса индивидуации — это факт, с которым будущие поколения должны будут считаться, если захотят избежать застоя и деградации.

Часть 4

Аниэла Яффе

СИМВОЛИЗМ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Камень и животное как священные символы

История символизма показывает, что символическое значение может присутствовать в чем угодно и где угодно: в природных объектах (камнях, растениях, животных, людях, горах и долинах, в солнце и луне, в ветре, воде, огне) или в произведенных человеком вещах (домах, судах, автомобилях) и даже в абстрактных формах (числах, треугольнике, квадрате, круге). По существу, весь космос является потенциальным символом.

Человек предрасположен к созданию символов, поэтому он бессознательно преобразует в них объекты и формы окружающего мира, тем самым наделяя его психологической значимостью, и использует символы в религии и в изобразительном искусстве. История религии и искусства, уходящая своими сплетенными друг с другом корнями в доисторические времена, — это хранилище наиболее важных символов наших предков. Даже в наше время, как свидетельствуют современные живопись и скульптура, взаимосвязь религии и искусства продолжает сохраняться.

Я намерена начать обсуждение темы «Символизм в изобразительном искусстве» с разбора нескольких из них, повсеместно представлявшихся человеку священными или таинственными. Затем в остальной части данной главы будет рассмотрен отдельный феномен, каковым является искусство XX века, которое само по себе является символом, выражающим психологическое состояние современного мира.

Для демонстрации природы и характера использования символизма в искусстве различных эпох я выбрала три повторяющихся образа: камня, животного и круга, чтобы на их примере

показать устойчивое психологическое значение символов, как в самых ранних проявлениях человеческого сознания, так и в самых изощренных формах современного искусства.

Мы знаем, что в древних, первобытных обществах даже необработанные камни имели глубоко символическое значение. Они часто считались местами обитания духов или богов и применялись в первобытных культурах в качестве надгробных памятников, межевых знаков, пограничных столбов или объектов религиозного поклонения. Такое использование камней позволяет рассматривать их как изначальную форму скульптуры, иначе говоря, как первую попытку придать камню большую выразительность, чем определенную ему волей случая или прихотью природы.

Ветхозаветный рассказ о сне Иакова представляет собой типичный пример того, как тысячелетия тому назад человек однажды почувствовал, что живое божество или божественный дух пребывает в камне, тем самым превращая его в символ: «Иаков же... пошел в Харран, И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце. И взял один из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте. И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему... Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные. И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: Вефиль [Дом Божий]» (Быт. 28:10—19).

Камень, служивший Иакову изголовьем, сделался для него составной частью откровения. Он явился посредником между ним и Богом.

Во многих первобытных каменных святилищах божество символизируется не отдельным камнем, а множеством необработанных камней, расставленных в определенном порядке (геометрически правильные ряды из камней в Карнаке, в Бретани и скопление камней, образующее круг в Стоунхедже). Композиции из грубых натуральных камней (каменные сады) также играют важную роль в культуре дзен-буддизма. В их расположении, однако, нет какой-либо геометричности, так что вся картина представляется совершенно случайной. Тем не менее подобная естественность является выражением самой утонченной одухотворенности.

С самых ранних времен, придавая камню узнаваемую форму, люди пытались выразить то, что считали душой или духом каменного образования. Во многих случаях эта форма своими особенностями более или менее точно повторяла человеческие черты: к таковым можно отнести древние менгиры с их грубыми человеческими очертаниями, гермы, возникшие из пограничных каменных столбов в Древней Греции, а также множество других каменных образований, так или иначе содержащих в себе человеческие черты. Подобное «очеловечивание» или придание камню сходства с живыми существами следует рассматривать как проекцию на него бессознательного психического содержания того или иного человека.

Тенденция первобытных творцов придавать камню лишь намек на человеческую фигуру, сохраняя большую часть его природной формы, имеет место и в современной скульптуре. Многие скульпторы заботятся о «самовыражении» выбранного ими камня и стремятся добиться такого результата, чтобы камень «заговорил», то есть чтобы его форма сама сделала это за себя. Таковы работы швейцарца Ханса Эшбахера, американца Джеймса Розати и выходца из Германии Макса Эрнста. В письме из Малоджи в 1935 году Эрнст писал: «Аль-берто [швейцарский художник Джакометти] и я прямо-таки заболели созданием скульптур. Работаем не покладая рук с гранитными валунами, большими и малыми, из морен ледника

Форно. Изумительно отполированные временем, морозом и погодой, эти валуны уже сами по себе фантастически прекрасны. Никакая человеческая рука не способна произвести такое. Почему бы нам не предоставить стихиям кропотливую подготовительную работу, а самим заняться процарапыванием на них рун нашей собственной тайны?»

Эрнст не объясняет, какую «тайну» он имеет в виду. Тем не менее чуть ниже в этой главе я попробую показать, что «тайны» современного художника не так уж и отличаются от тайн древних мастеров, тех, что были знакомы с «духом камня».

Подчеркивание присутствия этого «духа» во многих образцах скульптуры указывает на зыбкость — изменчивость и неопределимость — границы между религией и искусством. Зачастую даже невозможно отделить одно от другого. Точно такую же неопределенность можно обнаружить и в другом символическом мотиве — в животных символах, какими они предстают в древнейших наскальных изображениях.

Первые изображения животных восходят к ледниковому периоду (от 60 до 10 тысяч лет до н. э.). Их обнаружили на стенах пещер во Франции и Испании в конце прошлого столетия, но только в начале нынешнего столетия археологи и другие ученые смогли по достоинству оценить исключительную важность изображений и начать изучать их смысловую сторону. Эти исследования открыли бесконечно далекую доисторическую культуру, о существовании которой никто даже не догадывался. Кажется, что какая-то странная тайна и волшебство даже сегодня витают вокруг этих пещер, где есть наскальные надписи и рисунки. По словам немецкого историка-искусствоведа Герберта Кюна, жители районов Африки, Испании, Франции и Скандинавии, где были обнаружены подобные изображения, никогда не приближаются к пещерам. Их удерживает религиозный страх или боязнь духов, обитающих среди скал и рисунков. До сих пор кочевники в Северной Африке совершают свои вотивные (посвятительные) жертвоприношения, проходя перед древними наскальными изображениями. В XV веке Папа Каликстус II

запретил религиозные церемонии в «пещере с рисунками лошади». Неизвестно, какую из пещер он имел в виду, но это, несомненно, была одна из пещер ледникового периода, в которой имелись рисунки животных. Все это подтверждает, что пещеры и скалы с изображениями животных всегда инстинктивно воспринимались как места религиозного поклонения, каковыми они и были первоначально. Таким образом, дух — нумен — этих мест пережил века.

В ряде пещер современный посетитель должен пройти через множество низких, темных и сырых переходов, прежде чем достигнет точки, в которой ему внезапно откроются расписанные «залы». Такой трудный доступ, вероятно, выражает желание первобытных людей скрыть от чужих глаз то, что находилось и происходило в пещерах. Вид рисунков на стене, неожиданно открывающийся после трудного и устрашающего продвижения, производил, вероятно, ошеломляющее впечатление на первобытного человека.

Почти все известные наскальные рисунки эпохи палеолита изображают животных, движения и позы которых взяты с натуры и выполнены с большим художественным мастерством. Однако многие детали свидетельствуют, что рисунки предназначались для цели более важной, чем натуралистическое воспроизведение. Кюн пишет: «Странно, что многие из первобытных рисунков использовались в качестве мишеней. В пещере Монтеспан во Франции имеется вырезанное на камне изображение лошади, загоняемой в западню. Оно испещрено следами метательных снарядов. Большое глиняное изваяние медведя в той же самой пещере насчитывает на своей поверхности сорок две глубокие выбоины».

Эти картины напоминают охотничью магию, подобную той, что практикуется и поныне охотничьими племенами в Африке. Нарисованное животное выполняет роль «двойника». Символически убивая его, охотники пытаются предвосхитить и гарантировать удачу в реальной охоте. Этот вид симпатической магии исходит из реальности двойника, изображенного на кар-

тине: что происходит на картине, произойдет и в реальности. Психологическая подоплека такого подхода заключается в сопряжении живого существа с его изображением, которое рассматривается как душа этого существа. (В этом заключается одна из причин, почему большинство дикарей из первобытных племен, сохранившихся в наши дни, избегают фотографирования.)

Другие наскальные рисунки использовались, видимо, для магических обрядов, связанных с плодородием. На них животные изображаются в момент совокупления. Таков, например, рисунок самца и самки бизонов в пещере Тюк-Людубер во Франции. Таким образом, реалистическое изображение животных, обогащенное магическим обрядом, приобрело символическое значение, став символом жизненной силы животного.

Самыми интересными персонажами наскальной живописи являются изображения человеческих существ, нарядившихся зверьми, встречающиеся рядом с изображениями животных. В пещере Труа Фрер (Три брата) во Франции изображен завернувшийся в шкуру мужчина, который играет на примитивной флейте, словно стремясь заворожить зверей вокруг. В той же пещере имеется рисунок с изображением танцующего человеческого существа с рогами, лошадиной головой и медвежьими лапами. Эта фигура, возвышающаяся над скоплением зверей, без сомнения, представляет «повелителя зверей».

Обычаи и традиции некоторых африканских племен, не перешагнувших до сих пор первобытную стадию развития, могут пролить свет на значение этих таинственных и несомненно символических существ. В обрядах посвящения, тайных обществах и даже в монархических институтах этих народностей часто играют важную роль звери и лица, переодетые ими. Король и вождь также представляется животным — обычно львом или леопардом. Следы этого обычая до сих пор сохранились в титуле императора Эфиопии Хайле Селассие или в почетном титуле доктора Хастингса Банда («Лев Ньясаленда»).

Чем древнее изучаемое общество, чем примитивнее оно и ближе к природе, тем буквальнее следует воспринимать такие титулы. Вождь первобытного племени не только наряжается животным, когда во время обряда посвящения во взрослые переодевается в звериные шкуры, но он и является для соплеменников этим животным. Более того, он является для них духом животного, устрашающим демоном, совершающим ритуал обрезания. В такие моменты он воплощает или представляет предка племени и, следовательно, главное божество — тотемное животное этого племени. Таким образом, мы, очевидно, не совершим большой ошибки, если сочтем танцующего зверя-человека, изображенного в пещере Труа Фрер, вождем, который нарядился животным-демоном.

С течением времени полное переодевание было заменено использованием масок животных и демонов. Первобытные люди вкладывали все свое художественное мастерство в изготовление таких масок, и многие из них до сих пор остаются непревзойденными по своей выразительности. Они часто являются объектами такого же почитания, как сам бог или демон. Маски животных являются важной составной частью фольклора многих современных стран, например Швейцарии и Японии. Величественная экспрессия масок — важнейший атрибут популярных по сей день в Японии постановок древней драмы Но. Символическая функция маски та же, что у первоначального одевания животным. Индивидуальные человеческие черты ряженого скрыты, но вместо них носитель звериного наряда обретает достоинство и красоту (как, впрочем, и устрашающее выражение) животного-демона. В психологических терминах можно сказать, что маска преобразует ее носителя в архетипический образ.

Исполнение танца, первоначально лишь завершающее перевоплощение в животное соответствующими движениями и жестами, по всей видимости, лишь дополняло обряды посвящения и другие ритуалы. Танец, можно сказать, исполнялся демонами в честь демона. В мягкой глине пещеры Тюк-Людубер Герберт

Кюн обнаружил отпечатки ног вокруг изображений животных. Они свидетельствуют, что танцы были составной частью обрядов уже в ледниковый период. Кюн писал:

«Видны были только отпечатки пяток. Танцоры двигались, как бизоны. Они исполняли танец бизона, чтобы те размножались, чтобы их поголовье росло и чтобы множилась добыча охотников».

В первой части этой книги д-р Юнг отметил тесную связь, доходящую до отождествления, между туземцем и его тотемным животным (или «лесной душой»). Существуют специальные церемонии, инициирующие эту связь, например ритуалы посвящения для мальчиков. Мальчик вступает в обладание своей животной душой и одновременно приносит в жертву собственное животное бытие путем обрезания. Этот двойной процесс позволяет ему вступить в тотемный клан и одновременно в связь со своим тотемным животным. Так он становится мужчиной, а в более широком смысле — человеком вообще.

Жители восточного побережья Африки считают не-обрезанных мальчиков животными. Такие мальчики не обрели душу тотема, поскольку не принесли в жертву свое животное начало. Другими словами, так как ни человеческая, ни животная стороны души не определились у не прошедших обрезание мальчиков и не осознаны ими, считается, что у них доминирует животное начало.

Животная сторона обычно символизирует изначально инстинктивную природу мужчины. Даже цивилизованные люди должны понимать силу своих инстинктивных влечений и свою беспомощность перед эмоциями, автономно возникающими в подсознании. Это еще более верно для первобытных людей, чье сознание недостаточно развито и которые еще менее готовы противостоять эмоциональным порывам. В первой главе, там, где д-р Юнг разбирает, как у человека развивалась способность осмысления происходящего, был приведен пример африканца, впавшего в ярость и убившего своего любимого сынишку. Когда этот человек пришел в себя, он был преисполнен горя и угрызе-

ний совести за содеянное. В данном случае из бессознательного вырвался и проделал свою смертоносную работу негативный импульс, преодолевший волю сознания. Животное-демон — это крайне экспрессивный символ такого импульса. Четкость и конкретность символа дает человеку возможность относиться к нему как к представителю всепоглощающей силы в самом себе. Он боится ее и стремится умиротворить путем жертвоприношений и ритуалов.

Большое количество мифов связано с верховными животными, которых необходимо принести в жертву ради плодородия или даже ради сотворения мира. Например, при заклании быка персидским богом солнца Митрой из его крови возникает земля со всем ее изобилием и плодородием. В христианской легенде о святом Георгии, поражающем дракона, вновь проявляется первобытный ритуал жертвенного убийства.

В религиях и в религиозном искусстве практически всех континентов имеются случаи почитания богов в облике животных или наделения божеств атрибутами животных. Древние жители Вавилона перенесли своих богов на небеса в виде знаков Зодиака: овна, быка, краба, льва, скорпиона, рыб и т. д. Египтяне изображали богиню Хатор в образе женщины с коровьей головой, бога Амона — в образе мужчины с бараньей головой, а бога Тота — в образе человека с головой ибиса или в виде павиана. Ганеша — индийский бог удачи — имеет человеческое тело и голову слона, бог Вишну изображается в образе кабана, а бог Хануман — в образе обезьяны и т. д. (Индусы, кстати, не ставят на первое место человека в иерархии живых существ: слон и лев стоят в ней выше человека.)

Греческая мифология наполнена символикой, связанной с животным миром. Отец богов, Зевс, желая покорить сердце девы, обычно принимал обличье лебедя, быка или орла. В германской мифологии кот — священное животное богини Фрейи, тогда как кабан, ворон и лошадь являются представителями Вотана.

Образы животных играют удивительно большую роль даже в христианстве. Три евангелиста символизируются следующими животными: святой Лука — быком, святой Марк — львом и святой Иоанн — орлом, и лишь четвертый — святой Матфей — изображается в виде либо просто мужчины, либо ангела. Сам Христос символически предстает в образе агнца божьего или рыбы, а также в образе змеи, вознесенной на крест, льва и в редких случаях единорога. Животные атрибуты Христа показывают, что даже сыну Бога (высшая персонификация человека) животное начало необходимо не менее, чем духовное. Мы чувствуем, что дочеловеческое, как и сверхчеловеческое, должно относиться к божественному; взаимосвязь этих двух сфер прекрасно символизируется рождественским сюжетом о младенце Христе в яслях среди ягнят.

Широкое распространение образов животных в религии и искусстве всех времен не просто акцентирует важность этого вида символов — оно показывает, как важно для человека сделать инстинкты (составляющие психическое наполнение этой символики) составной частью своей жизни. Само по себе животное не является ни хорошим, ни плохим. Оно — часть природы и не может желать того, что ей не свойственно. Другими словами, оно повинуется своим инстинктам. Эти инстинкты часто кажутся нам загадочными, но у них имеется параллель в человеческой жизни: в основе человеческой натуры тоже лежит инстинкт.

Однако животное начало человека, обитающее в нем в качестве инстинктивной части психики, может стать опасным, будучи не понято и не включено в жизненный процесс. Человек — единственное существо, способное контролировать свои инстинкты посредством силы воли. Вместе с тем он способен также подавлять, искажать и ранить их. Но ведь любой зверь, говоря метафорически, более всего свиреп и опасен, когда ранен. Подавленные инстинкты могут подмять под себя человека и даже уничтожить его.

Известный всякому сон, когда кажется, будто вас преследует зверь, почти всегда указывает на оторванность инстинкта от сознания и на необходимость (или старание) ликвидировать этот разрыв, подключив инстинкты к общей работе. Чем опаснее поведение животного во сне, тем глубже в бессознательном сокрыта первобытно-инстинктивная часть души сновидца и тем насущнее ее осознание и включение в жизнь, дабы предвосхитить возможность совершения непоправимых ошибок.

Цивилизованному человеку угрожают подавленные и ущемленные инстинкты, первобытному же — бесконтрольные влечения. В обоих случаях подлинная природа «животного начала» искажается, и в обоих случаях необходимым условием целостной и полной жизни является приятие животной части души. Первобытный человек должен укротить в себе животное и превратить его в помощника, тогда как цивилизованный человек должен оздоровить в себе животное начало и подружиться с ним.

Другими авторами этой книги было рассмотрено значение символов камня и животных в сновидениях и мифах. Я же использовала их лишь в качестве общего примера возникновения в искусстве, особенно религиозном, неувядающих образов. Рассмотрим же аналогичным образом наиболее мощный и универсальный символ — круг.

Символ круга

Д-р М.-Л. фон Франц истолковала круг или сферу как символ самости. Самость выражает целостность психического во всех его проявлениях, включая взаимоотношения между человеком и всей природой. Где бы ни появился символ круга: в примитивном культе Солнца или в современной религии, в мифах или снах, в мандалах, нарисованных тибетскими монахами, в градостроительных планах городов или в сферических построениях древних астрономов, — он всегда указывает на единственный наиболее существенный аспект жизни — ее конечную целостность.

В одном индийском мифе о сотворении мира повествуется о том, что бог Брахма, стоя на огромном тыся-челепестковом лотосе, охватывал взглядом сразу четыре стороны света. Такой четырехсторонний обзор с круга лотоса был своего рода предварительной подготовкой, необходимым определением местоположения перед началом работы по сотворению мира.

Похожую историю рассказывают и о Будде. В момент его рождения с земли поднялся цветок лотоса, Будда встал на него, чтобы обозревать пространство в десяти направлениях (в данном случае лотос был вось-милепестковый; Будда смотрел также вверх и вниз, что и дало в сумме десять направлений). Это символическое описание одновременного всеохватывающего обзора было кратчайшим способом показать, что Будда с самого рождения был уникальной личностью, которой на роду было написано стать просветленной. На всей его личности и дальнейшей жизни лежит печать целостности.

В пространственной ориентации, осуществляемой Брахмой и Буддой, можно видеть символическое выражение потребности человека в психической ориентации. Четыре функции

сознания, описанные д-ром Юнгом — мышление, ощущение, чувство и интуиция, — дают человеку возможность воспринимать жизненные впечатления, поступающие как извне, так и изнутри. Именно с помощью этих функций он обретает и накапливает свой опыт. Благодаря этим функциям он способен реагировать. Наблюдение Брахмы за Вселенной в четырех направлениях символизирует необходимость для человека интеграции этих четырех функций. (В искусстве круг часто бывает восьмидольным. Это отражает такое взаимное наложение четырех функций сознания, при котором появляются еще четыре промежуточные функции, например мышление, окрашенное чувством или интуицией, или чувство, переходящее в ощущение, и т. д.)

В изобразительном искусстве Индии и Дальнего Востока четырех- или восьмидольный круг обычно лежит в основе религиозных образов, являющихся инструментами медитации. Это особенно характерно для тибетского ламаизма, где важную роль играют сложноузорчатые разукрашенные мандалы. Как правило, они представляют космос и его связь с божественными силами.

Однако большинство изображений для медитации на Востоке имеют чисто геометрическую структуру, которую называют «янтра». Помимо круга, самый распространенный мотив янтры — это два пересекающихся треугольника, из которых один расположен вершиной вверх, а другой вершиной вниз. Традиционно эта форма символизирует союз Шивы и Шакти — мужского и женского божеств, часто встречающихся также и в бесчисленных скульптурных изображениях. В терминах психологической символики она выражает слияние противоположностей — личного, конечного мира эго с безличным и вневременным миром не-эго. В конечном счете этот союз является целью всех религий, фактически это слияние души с богом. Два взаимопересека-ющихся треугольника несут символическую нагрузку, сходную со значением более распространенной манда-лы в форме круга. Они представляют целостность психиче-

ского, или самость, для которой сознание и бессознательное являются равно значимыми составными частями.

Как в треугольных янтрах, так и в скульптурных изображениях брачного союза Шивы и Шакти подчеркивается напряжение, существующее между двумя противоположностями. Вот почему для них зачастую характерен ярко выраженный эротический и эмоциональный заряд, динамичность которого олицетворяет процесс создания или сотворения целостности. Тогда как четырех- или восьмидольный круг символизирует уже существующую целостность как реальность.

Абстрактный круг фигурирует также и в живописи дзен-буддизма. Характеризуя картину «Круг» знаменитого дзен-буддистского проповедника Сангаи, другой учитель дзен писал: «В традиции дзен круг означает просветление. Он символизирует человеческое совершенство».

Абстрактные мандалы были характерны также и для христианского искусства Европы. Это замечательно подтверждают окна-розетки кафедральных соборов, олицетворяющие человеческую самость, перенесенную на космический план. (Космическая мандала в образе сияющей белой розы явилась в видении Данте.) Можно рассматривать как мандалу нимбы Христа и христианских святых на иконах. Во многих случаях нимб Христа разделен на четыре части, что напоминает о его страданиях как Сына Человеческого и смерти на кресте, и одновременно символизирует исключительную завершенность его личности. На стенах древнеримских церквей иногда можно встретить абстрактные круглые фигуры. Возможно, их происхождение относится к языческим временам.

В не христианском искусстве такие круги называют «солнечными колесами». Они встречаются в наскальных изображениях эпохи неолита, то есть еще до изобретения колеса. Как отмечал Юнг, термин «солнечное колесо» отражает только внешний аспект изображения. Важнее, однако, было восприятие человеком каменного века архетипического внутреннего образа, который он отображал в своих рисунках с той же до-

бросовестностью, что и образы буйволов, газелей или диких лошадей.

В христианском искусстве также можно обнаружить немало изображений мандалы. Например, довольно редкое изображение Девы Марии в центре круглого дерева, символизирующего неопалимую купину. Наиболее распространенными мандалами в христианском искусстве являются те, где Христос изображен в окружении четырех евангелистов. Их прототипов мы обнаруживаем в древнеегипетских изображениях бога Гора и его четырех сыновей.

В архитектуре мандала также выполняет важную функцию, но ее часто не замечают. Она входит в план как мирских, так и культовых сооружений почти во всех цивилизациях. Она применялась в древнегреческом, средневековом и даже в современном городском планировании. Классический пример этого мы находим в записях Плутарха об основании Рима.

Согласно Плутарху, Ромул послал за строителями из Этрурии. Они ознакомили его со священными канонами и писаными правилами, лежавшими в основе всех церемоний, которые необходимо было соблюдать при строительстве так же, как и при исполнении мистерий. В первый день они вырыли круглую яму в том месте, где в настоящее время стоит Комитиум, или здание Народного собрания; в эту яму они бросили символические жертвоприношения из земных плодов. Затем каждый из присутствующих кинул туда щепотку земли из тех мест, где родился. Яму назвали «мундус» (что означает также «космос»). Вокруг ямы Ромул с помощью плуга, в который запрягли быка и корову, пропахал по окружности границу города. В тех местах, где планировались ворота, плуг поднимали и переносили его над землей.

Город, основанный во время этой торжественной церемонии, имел форму круга. Однако древнее и известное описание Рима гласит, что он был «квадратным» городом — urbs quadrata. Согласно одной теории, пытающейся снять противоречие, значение слова «quadrata» следует понимать как «состоящий из

четырех частей», имея в виду, что круглый город был разделен на четыре части двумя главными уличными артериями, проходящими с севера на юг и с запада на восток, точка пересечения которых совпадала с описанным Плутархом «мундусом».

Согласно другой версии, это противоречие следует понимать символически, а именно как наглядное изображение математически неразрешимой задачи квадратуры круга, которой много занимались греки и которая сыграла в последующем значительную роль в алхимии. Довольно странно, что перед описанием церемонии очерчивания Ромулом круга при основании города Плутарх также называет Рим «Roma quadrata» — «квадратным городом». Для него Рим был одновременно и кругом, и квадратом.

В каждой из версий фигурирует истинная мандала, и это увязывается с утверждением Плутарха о том, что церемония закладки города сравнивалась этрусками с исполнением мистерий, то есть воспринималась как священный ритуал. Она имела более глубокий смысл, чем простое следование внешней форме. Благодаря планировке, в основе которой лежит мандала, город с его жителями возносится выше чисто мирской сферы. Это еще более подчеркивается тем фактом, что у города есть центр — мундус, связывающий город с «другим миром» — обителью духов предков. (Мундус был накрыт большим камнем, называвшимся «камень души». В определенные дни камень отодвигали, и тогда, гласит предание, души мертвых поднимались из ямы.)

Ряд средневековых городов Европы, а точнее их центральная часть, были спланированы на основе ман-далы и по возможности окружались круглой стеной. Рим, например, разделялся на кварталы двумя главными уличными магистралями, выходившими к четырем воротам. В месте пересечения этих улиц стоял храм или кафедральный собор. План средневекового города с его кварталами вдохновлялся образом Небесного Иерусалима (из Апокалипсиса). Его ландшафтная планировка была квадратной, а стены оснащались воротами — по три с каждой стороны. Однако в Иерусалиме не было храма в центре, поскольку в этом

священном городе Бог присутствовал повсюду. (Планировка города в форме мандалы до сих пор не вышла из моды, о чем свидетельствует планировка столицы США Вашингтона.)

На какой бы культурной основе — классической или первобытной — ни появлялась мандала в общем плане устройства городов, обращение к ней при их закладке никогда не диктовалось соображениями эстетики или экономичности. Речь шла о преображении города в упорядоченный космос, священное место, связанное своим центром с потусторонним миром. Подобное преображение соответствовало жизненным ощущениям и потребностям верующего человека того времени.

Любое священное или мирское здание, имеющее в плане мандалу, является проекцией архетипического образа человеческого бессознательного на внешний мир. Город, крепость и храм стали символами психической целостности и тем самым оказывают определенное воздействие на человека, пришедшего туда или проживающего там. (Вряд ли есть необходимость подчеркивать, что даже в архитектуре проецирование духовного содержания было чисто бессознательным процессом. «Такие вещи нельзя придумать, — писал д-р Юнг, — они вырастают вновь из забытых глубин, как результат ярчайшего озарения сознания и благороднейшего предчувствия духа, уникальным сплавом нынешнего сознания и многовекового опыта человечества».)

Центральный символ христианского искусства — не мандала, а крест или распятие. Вплоть до эпохи Каролингов обычной формой креста был равносторонний, или греческий, крест, что косвенно намекало на мандалу. Но с течением времени центр креста перемещался вверх, пока крест не обрел привычную для наших дней латинскую форму — со стойкой и поперечиной. Это изменение важно потому, что оно соответствует внутреннему развитию христианства вплоть до расцвета Средневековья. Попросту говоря, оно символизировало тенденцию удаления средоточия человека и его веры от земной сферы и «вознесения» их в духовную сферу. Эта тенденция происходит из стремления реализовать слова Христа: «Царство Мое не от мира сего». Таким

образом, земная жизнь, мир и тело человека были силами, которые необходимо было преодолеть. Тем самым надежды средневекового человека обращались к потустороннему миру, потому что обещанное праведникам свершение всех желаний виделось только в раю.

Это стремление достигло апогея в Средние века и особенно в мистицизме того времени. Надежды на лучшую загробную жизнь находили отражение не только в смещении центра креста. Они проявлялись также в увеличении высоты готических соборов, которые, казалось, стремились бросить вызов закону тяготения. Их крестообразная планировка содержала в основе удлиненный латинский крест, тогда как баптистерии с купелью в центре имели совершенно мандалообразный план.

С наступлением Возрождения в человеческом мировоззрении стали происходить революционные изменения. Движение «вверх» (достигшее апогея в позднем Средневековье) пошло в обратном направлении: человек повернулся к земле. Он вновь открыл красоты природы и тела, совершил кругосветное путешествие и доказал, что земной шар имеет сферическую форму. Законы механики и логики стали основами науки. Мир религиозных чувств, иррационального и мистического, игравший такую важную роль в эпоху Средневековья, все больше и больше отходил на второй план в свете внушительных успехов чисто логического мышления.

Аналогичным образом и искусство стало более реалистичным и чувственным. Оно отошло от исключительно религиозной тематики, обязательной для Средних веков, и сделало объектом своего внимания весь видимый мир. Искусство преисполнилось многообразием земли, ее великолепием и ужасом, и стало тем, чем раньше было готическое искусство, — подлинным символом духа своего времени. Следовательно, вряд ли можно считать случайной и перемену, происшедшую в церковном строительстве. Контрастом взмывающим ввысь готическим соборам стали строения сферического типа. Круг заменил собой латинский крест. Однако перемена формы, что немало-

важно для истории символов, была вызвана эстетическими, а не религиозными причинами. Именно это является единственно возможным объяснением того факта, что центр таких сферических храмов (самое святое место в церкви) обычно пуст, а алтарь находится в нише стены вдали от центра храма. По этой причине их план нельзя признать соответствующим совершенной мандале. Важным исключением является собор Святого Петра в Риме, построенный по проектам Браманте и Микеланджело, алтарь которого расположен в центре. Правда, здесь возникает соблазн приписать это исключение гениальности архитекторов, ибо гений всегда и принадлежит своей эпохе, и превосходит ее.

Несмотря на значительные перемены, принесенные Ренессансом в искусство, философию и науку, центральный символ христианства остался неизменным. Христос по-прежнему, как и в наши дни, изображался на латинском кресте. Это означало, что средоточие религиозного человека осталось зафиксированным на более высоком, более духовном плане, чем у земного человека, вернувшегося к природе. Таким образом, возник разрыв между традиционной христианской духовностью человека и его рациональным или интеллектуальным мышлением. С того времени эти две стороны современного человека так и не соединились. На протяжении столетий это разделение, несмотря на все большее проникновение в законы природы, постепенно расширялось и до сих пор раскалывает психику христиан Запада.

Конечно, приведенный здесь краткий исторический обзор слишком многое упрощает. Более того, он не касается тайных религиозных движений вне христианства, принимавших во внимание в своих верованиях то, что обычно игнорировалось большинством христиан, а именно, проблему зла, хтонического (или земного) духа. Такие движения всегда были в меньшинстве и редко оказывали сколько-нибудь заметное влияние на общие процессы. Для христианской духовности они являлись своего рода аккомпанементом в контрапункте, что и определяло их значение.

Наряду со многими сектами и движениями, возникшими примерно в 1000 году нашей эры, важную роль в истории христианства сыграли исследователи-алхимики. Они превозносили тайны материи и ставили их в один ряд с тайнами «неземного» духа христианства. Целью их поисков была целостность человека, охватывающая дух и тело, и они изобрели тысячи имен и символов для нее. Одним из важнейших был символ «квадратуры круга», который является не чем иным, как самой настоящей мандалой.

Алхимики не только описывали результаты своих исследований, но и создали множество картин, представляющих их сны и видения, — символические изображения, которые настолько же сложны, насколько и загадочны. Их вдохновляли темные стороны природы — зло, сны, духи земли. По форме их сочинения и картины выглядели загадочными и нереальными — подобно снам. Великий фламандский художник XV столетия Иероним Босх — наиболее яркий представитель такого рода изобразительного (имагинативного) искусства.

Наряду с ними художники Ренессанса, работая в более традиционной манере, так сказать, при свете дня, создавали замечательнейшие произведения чувственного плана. Их очарование землей и природой было настолько глубоко, что оно практически предопределило развитие изобразительного искусства на следующие пять столетий. Последними великими представителями сенсорного искусства, искусства преходящего момента, наполненного светом и воздушностью, были импрессионисты XIX века.

Здесь следует отличать две совершенно различные формы художественного творчества. Предпринималось много попыток охарактеризовать их. Недавно Герберт Кюн, чьи работы о наскальных рисунках я уже упоминала, попробовал определить то, что он называет «имагинативным» и «сенсорным» стилями в живописи. Сенсорный стиль обычно непосредственно воспроизводит природу или избранный объект. Тогда как има-гинативный стиль представляет фантазию или впечатление ху-

дожника в нереалистической, сходной со сном, а иногда даже абстрактной манере. Определения Кюна настолько просты, что я с удовольствием пользуюсь здесь ими.

Корнями имагинативное искусство уходит в глубины веков. В Средиземноморском бассейне его расцвет относится к третьему тысячелетию до нашей эры. И только недавно удалось наконец понять, что эти древние памятники искусства не свидетельствуют о некомпетентности или невежестве, а выражают вполне определенные религиозные и духовные чувства их создателей. Сегодня это особенно притягательно, поскольку за последние полвека искусство еще раз прошло через период, который вполне можно описать с помощью термина «имагинативный».

В наше время геометрический (или абстрактный) символ круга вновь стал играть в живописи важную роль. Но за некоторыми исключениями его традиционная форма претерпела существенную метаморфозу, соответствующую экзистенциальной дилемме, перед которой оказался современный человек. Круг не является больше единственной значимой фигурой, охватывающей мир и доминирующей в картине. Иногда художник лишал его доминирующего положения, заменяя произвольно скомпонованной группой из нескольких кругов. Иногда же круг изображается асимметричным по форме.

Пример асимметрии круга можно видеть в известных солнечных дисках французского художника Робера Делоне. А на одной из картин современного английского художника Кэри Ричардса, находящейся сейчас в коллекции д-ра Юнга, изображен совершенно асимметричный круг, причем далеко слева от него виден значительно меньший пустой круг.

На полотне французского художника Анри Матисса «Натюрморт с вазой настурций» в центре изображена зеленая сфера на изгибающемся черном луче, который как будто вбирает в себя многочисленные круги листьев настурции. Сфера перекрывает собой прямоугольную фигуру, верхний левый угол которой свернут. Художественное совершенство этой картины заставляет забыть, что в прошлой манере живописи эти две геометри-

ческие фигуры (круг и квадрат) обычно объединялись художником и тогда выражали собой целую гамму мыслей и чувств. Если же не забывать об этом или задуматься о значении именно такого изображения, то возможны самые разные варианты толкования. Круг и квадрат, испокон веков представлявшие единое целое, на этой картине разъединены. Тем не менее оба они находятся там и касаются друг друга.

На картине русского художника Василия Кандинского изображена группа разбросанных цветных мячей и кругов, которые напоминают плывущие мыльные пузыри. Они также тонко соотнесены с фоном — большим прямоугольником с двумя маленькими, почти квадратными прямоугольниками, содержащимися в нем. На другой его картине «Несколько кругов» изображена темная туча (а может быть, падающая птица?), которая также несет разбросанную группу ярких шаров или кругов.

Круги часто появляются в неожиданных сочетаниях на таинственных композициях английского художника Пола Нэша. В первозданной уединенности пейзажа, изображенного на картине «Происшествие в дюнах», на правом переднем плане лежит мяч. Хотя это явно теннисный мяч, рисунок на его поверхности образует китайский символ вечности Тай Чи. Таким образом уединенность оборачивается новой стороной. Нечто подобное происходит в картине Нэша «Пейзаж из сна». Исчезая из виду, шары раскатываются во все стороны и сливаются с далью в бесконечно широком и словно в зеркале отражающемся пространстве с огромным солнцем, встающим над горизонтом. Другой шар лежит на переднем плане перед грубым квадратным зеркалом.

На своем рисунке «Границы понимания» швейцарский художник Пауль Клее помещает простое изображение сферы или круга сверху сложной структуры из лестниц и линий. Д-р Юнг отмечал, что истинный символ появляется лишь тогда, когда надо выразить нечто, не охватываемое мыслью, а лишь предугадываемое или ощущаемое. Это и показывает простая фигура, изображенная Клее.

Важно подчеркнуть, что квадрат, группа прямоугольников и квадратов или прямоугольников и ромбов встречаются в современной живописи так же часто, как и круг. Мастером гармонических, поистине музыкальных композиций с квадратами является голландский художник Пит Мондриан. Как правило, во всех его картинах нет настоящего центра, но они образуют строго упорядоченное единство, следуя почти аскетической манере. Еще более распространенными являются картины других художников с изображением неправильных четырехэле-ментных композиций или многочисленных прямоугольников, скомбинированных в более или менее увязанные группы.

Круг — это символ психического (даже Платон описывает психическое как сферу). Квадрат и нередко прямоугольник являются символами земной материи, тела и реальности. В большинстве произведений современного искусства связь между этими двумя изначальными формами или вообще отсутствует, или слаба и случайна. Их разделение — это еще одно из символических свидетельств психического состояния человека XX века, душа которого утратила корни и ей все больше угрожает опасность диссоциации, распада. Даже современная международная ситуация (как отмечал д-р Юнг в своей главе) демонстрирует очевидность раскола: Запад и Восток разделены железным занавесом.

Вместе с тем нельзя не задуматься, почему в живописи так часто появляются квадрат и круг. Похоже, что существует неизменная психическая потребность довести до сознания людей фундаментальные ценности жизни, которые они символизируют. Более того, даже на некоторых современных абстрактных картинах (обычно представляющих цветовую структуру или что-то вроде «первичной материи») стали изредка попадаться эти фигуры — будто зародыши нового. Символ круга не раз играл любопытную роль в самых разнообразных явлениях современной жизни и порой продолжает ее играть. В последние годы Второй мировой войны возникли слухи о якобы виденных круглых летающих телах, названных «летающими тарелками»,

или НЛО (неопознанные летающие объекты). Юнг охарактеризовал НЛО как проекцию неких содержаний психического (а именно целостности), которые во все времена символизировались кругом. Другими словами, слухи о подобных видениях, как и содержание многих снов современных людей, являются не чем иным, как попыткой коллективного бессознательного преодолеть в наш апокалипсический век тотальную расщепленность с помощью символа круга.

Современная живопись как символ

Понятия «современное искусство» и «современная живопись» употребляются в данной главе в их общеупотребительном смысле. Предметом моего анализа, говоря языком Кюна, будет современная имагинативная живопись. Картины такого рода могут быть абстрактными (или, скорее, не фигуративными), хотя последнее вовсе и не обязательно. В контексте интересующей меня проблемы я не буду проводить различий между такими разнородными течениями, как фовизм, кубизм, экспрессионизм, футуризм, супрематизм, конструктивизм, орфизм и т. д. Лишь в исключительных случаях оговаривается принадлежность художника к тому или иному направлению в живописи.

Меня не интересует и эстетическая дифференциация современных произведений искусства, а еще менее — их художественная оценка. Современная имагинативная живопись рассматривается здесь просто как явление нашего времени. Такой подход представляется единственным, при котором можно ставить вопрос о ее символическом содержании. Размер данной главы позволяет лишь упомянуть отдельных художников, отобрав более или менее произвольно только некоторые из их работ. Таким образом, современная живопись будет рассмотрена на примере небольшого числа ее представителей.

Исходной позицией для меня является тот психологический факт, что художник во все времена был орудием и выразителем духа своего времени. Его творчество лишь отчасти можно понять с точки зрения личной психологии. Сознательно или неосознанно художник придает форму основным ценностям своего времени, которые, в свою очередь, формируют и его самого.

Сами художники часто признают взаимосвязь между собственным творчеством и исторической эпохой. Так, француз-

ский критик и художник Жан Базен писал в «Заметках о современной живописи»: «Никто не рисует так, как ему заблагорассудится. Художник может лишь стремиться в меру своих сил к тому, чтобы его живопись смогла передать дух его времени». Немецкий художник Франц Марк, погибший на фронте в Первую мировую войну, говорил: «Великие художники не стремятся искать образы своих произведений в туманной дали веков, но извлекают самые мощные созвучия, на которые они способны, в подлинно глубочайшем источнике — средоточии духа своего времени». Еще в 1911 году Кандинский писал в знаменитом очерке «О духовном в искусстве»: «Каждой эпохе дается только ей присущая мера творческой свободы, и даже самые высокие гении не могут перепрыгнуть границы этой свободы».

На протяжении последних пятидесяти лет кто только не ломал копья вокруг темы «современного искусства», и накал этих споров до сих пор нисколько не уменьшился. Страстные возгласы «за» и «против» звучат с прежней силой, и все же неоднократные предсказания его краха так и не сбылись. Торжество новой манеры выражения достигло невообразимых масштабов. Если что ей и угрожает, так это возможность соскальзывания в маньеризм и погоню за модой. (В Советском Союзе, где абстрактное искусство не одобрялось и создавалось тайком, та же беда грозит официальному искусству.)

В Европе, во всяком случае, общественность до сих пор одержима этой дискуссией, острота которой свидетельствует о том, что эмоции берут верх над разумом в обоих лагерях спорящих. Даже те, кто настроен к современному искусству враждебно, не могут избежать влияния отвергаемых ими произведений. Такие произведения вызывают у них раздражение или неприязнь, но, как показывает острота подобных чувств, они задевают за живое. Как правило, негативное очарование не менее сильно, чем положительное. Поток посетителей выставок современного искусства, где бы и когда бы они ни проводились, свидетельствует о чем-то большем, чем любопытство. Любопытство удовлетворяется быстро, а о степени признания со стороны общества

можно судить и по тем фантастическим ценам, которые платят сегодня за произведения современного искусства.

Очарование и восхищение возникают тогда, когда затрагивается бессознательное. Эффект, вызываемый произведениями современного искусства, невозможно полностью объяснить, исходя только из видимой формы. Для глаза, натренированного на классическом (или «сенсорном») изобразительном искусстве, они предстают и новыми, и чуждыми. Ничто в работах нефигуративного искусства не напоминает зрителю о его собственном мире — ни одного объекта в его собственном повседневном окружении, ни одного человеческого существа или животного, которые изображались бы в привычной для него манере. В космосе, созданном таким художником, нет ни желанного приветствия, ни внятной глазу гармонии. И тем не менее в нем, бесспорно, ощущается какая-то связь с человеческим миром. Она даже может быть более прочной, чем в произведениях изобразительного искусства, традиционным путем взывающих к чувствам и сопереживанию.

Цель современного художника заключается в том, чтобы выразить свое внутреннее видение человека и духовной основы жизни и мира. Современное произведение искусства покинуло не только область конкретного, натурального, чувственного мира, но и сферу индивидуального, личностного. Оно стало в значительной степени отражением коллективного и, следовательно, даже в произведениях, имеющих форму изобразительного иероглифа, сенсорной идеограммы, затрагивает не только избранных, но и самый широкий круг людей. Индивидуальными остаются лишь манера изображения, стиль и качество произведений современного искусства. Зачастую неискушенному зрителю бывает трудно распознать, естественны ли намерения художника и его экспрессивность, или они представляют собой подражание кому-то и продиктованы только расчетом на создание внешнего эффекта. Во многих случаях такой зритель должен привыкнуть к новым видам контуров и тонов или даже предварительно изучить их — как изучают иностранный язык, прежде чем он сможет по достоинству оценить их экспрессивность и качество.

Пионеры современного искусства, очевидно, понимали, насколько много вопросов к ним должно быть у публики. Никогда еще художники не печатали так много манифестов и деклараций, как в XX столетии. При этом они стремились объяснить и оправдать свою деятельность не столько для окружающих, сколько для самих себя. Большей частью эти манифесты являются художественными символами веры — поэтической, часто путаной и противоречивой попыткой придать ясность своим своеобразным творениям.

Разумеется, решающее значение — и так обстояло дело всегда — имеет впечатление от непосредственного контакта с произведением искусства. Но для психолога, которого интересует символическое содержание современного искусства, изучение подобных манифестов является особенно полезным. Поэтому далее по возможности будут приводиться наиболее красноречивые высказывания самих художников.

Начало современного искусства приходится на первое десятилетие XX века. Одной из наиболее внушительных личностей этого периода был Кандинский, влияние которого до сих пор четко прослеживается в живописи второй половины нынешнего столетия. Многие из его идей оказались пророческими. В эссе «Относительно формы» он писал: «Искусство сегодняшнего дня воплощает в себе духовность, ставшую откровением. Формы этого воплощения варьируются между двумя полюсами: 1) полная абстракция, 2) полный реализм. Эти две крайности открывают два пути, ведущие к одной и той же цели в конце. Эти два элемента всегда присутствовали в искусстве — первый выражался во втором. Похоже, что сегодня они существуют раздельно. Искусство, видно, положило конец приятному дополнению абстрактного конкретным и наоборот».

Для иллюстрации точки зрения Кандинского о размежевании абстрактного и конкретного элементов искусства приведем следующие факты. В 1913 году русский художник Казимир Малевич написал картину, состоявшую только из черного квадрата на белом фоне. Возможно, это была первая чисто абстрактная

картина. Он объяснял ее так: «В моей отчаянной борьбе за освобождение искусства от балласта предметного мира я нашел убежище в форме квадрата».

Годом позже французский художник Марсель Дю-шам установил произвольно выбранный объект (сушилку для бутылок) на пьедестал и экспонировал его на выставке. Жан Базен писал об этом: «Эта сушилка для бутылок, вырванная из своего утилитарного контекста и выброшенная волнами на берег, исполнилась одинокого достоинства брошенного командой корабля. Непригодная для использования, готовая на что угодно, эта никчемная вещь жива. Она живет на обочине бытия своей собственной, беспокойной и абсурдной жизнью. Рождающий беспокойство предмет — вот первый шаг к искусству». В своем таинственном достоинстве и отчужденности объект был непомерно превознесен и удостоен значения, которое можно назвать магическим. Отсюда его «беспокойная и абсурдная жизнь». Он стал идолом и одновременно объектом насмешек. Его подлинная реальность была уничтожена. Как квадрат Малевича, так и сушилка для бутылок Дюшама были символическими жестами, не имеющими, строго говоря, ничего общего с искусством. Вместе с тем они отражают две крайности («полная абстракция» и «полный реализм»), между которыми можно разместить и понять имагинативное искусство последующих десятилетий.

С психологической точки зрения оба эти жеста, указующие на голую вещь (материю) и на голую абстракцию (дух), свидетельствуют о коллективном психическом надломе, нашедшем в них свое символическое отображение в годы, предшествовавшие катастрофе Первой мировой войны. Впервые этот надлом проявился в эпоху Ренессанса как конфликт знания и веры. Между тем цивилизация все более и более отдаляла человека от инстинктивной основы его существования, и в результате между природой и разумом, между бессознательным и сознанием разверзлась пропасть. Напряжение этих противоположностей характерно для того психического состояния, которое стремится выразить себя в современном искусстве.

Скрытая душа вещей

Как мы уже видели, исходной точкой конкретного в искусстве была знаменитая и скандально известная сушилка для бутылок Дюшама. Сушилка для бутылок сама по себе не предназначена быть произведением искусства. Хотя Дюшам и называл себя «антихудожником», его акция вызвала к жизни элемент, который в последующем приобрел огромное значение для художников и получил название object trouve или ready-made, то есть, буквально, «готовое изделие». Например, испанский художник Хуан Миро каждый день на заре ходил на морской берег «собирать предметы, выброшенные приливом. Валяясь на берегу, предметы ждали кого-нибудь, кто открыл бы их индивидуальность». Он складывал свои находки в мастерской, затем всячески комбинировал их друг с другом и в результате получал удивительнейшие композиции: «Художник часто и сам удивлялся формам собственного творчества».

Еще в 1912 году испанский художник Пабло Пикассо и французский художник Жорж Брак делали из кусков разного хлама то, что они называли «коллажами». Макс Эрнст делал вырезки из иллюстрированных газет (эпоха так называемого «большого бизнеса»), компоновал их, подчиняясь прихоти своей фантазии, и таким образом превращал удушливую солидность, чопорное величие буржуазного века в демонический, призрачный фантом. Немецкий художник Курт Швиттерс работал с содержимым своей мусорной корзины. Он использовал гвозди, оберточную бумагу, истрепанные обрывки газет, железнодорожные билеты и остатки одежды. Он так серьезно и неожиданно компоновал этот хлам, что добивался потрясающего эффекта необычной красоты. Однако одержимость Швиттерса вещами временами доводила его композиции до полного абсурда. Он соорудил кон-

струкцию из всевозможного хлама, которую назвал «собором, построенным для вещей». Швиттерс работал над своим творением десять лет. При этом ему пришлось снести три этажа собственного дома, чтобы обеспечить выраставшую конструкцию необходимым пространством.

Работы Швиттерса и магическую экзальтацию объекта вообще можно рассматривать как первую подсказку о месте современного искусства в истории человеческого разума и о его символическом значении. Они отражают бессознательно продолженную традицию — традицию герметических христианских братств Средневековья, а также алхимиков, наделявших даже материю, земное вещество, величием и достоинством своего религиозного созерцания.

Возвышение Швиттерсом грубого материала до уровня искусства, «собора» (в котором мусор не оставляет места для человека) в точности соответствовало старому принципу алхимиков, согласно которому искомый драгоценный объект следует искать в грязи. Те же самые идеи выразил Кандинский, написав: «Все, что мертво, вибрирует и содрогается. Не только поэзия, звезды, луна, деревья, цветы, но и белая пуговица от брюк, поблескивающая в уличной луже... Все имеет тайную душу, которая чаще молчит, чем говорит».

Художники, как и алхимики, видимо, не понимали того психологического феномена, что, проецируя часть своей психики на материю или на неодушевленные объекты, они сами и наделяли их таинственной душой и преувеличенной ценностью, придаваемой даже хламу. Они проецировали свой собственный мрак, собственную земную тень — то психическое содержание, которое они в свое время утратили и от которого отказались.

Однако в отличие от алхимиков люди, подобные Швиттерсу, не соответствовали христианскому укладу жизни и не охранялись им. В определенном смысле произведения Швиттерса противоположны такому укладу. Своего рода мономания привязывает его к материи, тогда как христианство стремится ее превзойти. И все же, как это ни парадоксально, именно монома-

ния отчуждает у объектов его произведений присущее им значение конкретной реальности. В его картинах материя преобразована в абстрактные композиции. Следовательно, она начинает высвобождаться и отторгаться от своей вещественности. Именно в этом процессе картины становятся символическим выражением нашего времени, ставшего свидетелем подрыва концепции абсолютной конкретности материи достижениями современной ядерной физики.

Художники стали размышлять о «магическом» объекте и «тайной душе» вещей. Итальянский художник Карло Карра писал: «Именно обычные вещи являют ту форму простоты, через которую мы можем понять то более высокое, более значительное состояние бытия, в котором обитает все великолепие искусства». Пауль Клее отмечал: «Объект выходит за границы своего внешнего облика благодаря нашему знанию о том, что он представляет из себя нечто большее, чем мы полагаем, глядя на него». А Жан Базен считал, что «предмет пробуждает нашу любовь именно потому, что, похоже, является носителем больших, чем он сам, сил».

Такого рода высказывания напоминают древнее понятие алхимиков о «духе в материи», согласно которому считалось, что любая неодушевленная субстанция вроде металла или камня имеет своего духа. С психологической точки зрения такой дух не что иное, как бессознательное. Последнее проявляет себя всегда, когда сознательное или рациональное знание достигают своих пределов и сталкиваются с неведомым, поскольку человек стремится заполнить необъяснимое и таинственное содержаниями своего бессознательного. Он проецирует это содержимое как бы в темный пустой сосуд.

Ощущение того, что рисуемый объект представляет нечто «большее, чем видится», упоминавшееся многими художниками, нашло наиболее заметное выражение в творчестве итальянского художника Джорджио де Ки-рико. По своему темпераменту он был мистиком и трагическим искателем, никогда не обретающим того, что ищется. На своем автопортрете 1908 года

он написал: «Et quid amabo nisi quod aenigma est» («Разве то, что я люблю, не загадка?»).

Кирико был основателем так называемой «метафизической живописи» (pittura metafisica). «У каждого предмета, — писал он, — есть две стороны: обычная, видимая всем и каждому, и призрачная, метафизическая, доступная лишь немногим в моменты ясновидения и метафизической медитации. Произведение искусства должно повествовать о чем-то таком, что не проявляется в видимой всем форме».

Произведения Кирико раскрывают эту призрачную сторону вещей. Вещи выступают словно увиденные во сне образы реальной действительности, которые возникают из бессознательного подобно видениям. Его метафизические абстракции выписаны в манере, пронизанной паникой оцепенелости, что создает в картинах атмосферу кошмара и бездонной меланхолии. Площади итальянских городов, башни и другие объекты размещены в чрезмерно резкой перспективе, будто они находятся в вакууме и освещены безжалостно холодным светом из невидимого источника. Древние головы и статуи богов вызывают в памяти образы античного прошлого.

В одной из своих самых пугающих картин он поместил рядом с мраморной головой богини пару красных резиновых перчаток — «магический предмет» в современном смысле. Зеленый шар на полу играет роль символа, объединяющего диаметральные противоположности. Если бы не он, картина явно говорила бы о духовном распаде. Скорее всего, эта картина не была результатом тщательного обдумывания. Ее следует воспринимать как картину-сновидение.

Глубокое влияние на Кирико оказали философские учения Ницше и Шопенгауэра. Он писал: «Шопенгауэр и Ницше были первыми, кто разъяснил глубокое значение бессмысленности жизни и показал, как эта бессмысленность может быть преображена в искусство... Страшная пустота, которая им открылась, и есть бездушная и ничем невозмутимая красота материи». Можно сомневаться, что Кирико удалось переместить «страш-

ную пустоту» в «невозмутимую красоту». Некоторые из его картин чрезвычайно тревожны, другие кошмарно страшны. Но в попытках найти художественный образ пустоты он проник в самую суть экзистенциальной дилеммы современного человека.

Ницше, много значивший для Кирико, дал название этой «страшной пустоте», сказав: «Бог умер». О том же, но без ссылки на Ницше писал Кандинский в работе «О духовном в искусстве»: «Небеса опустели. Бог умер». Такая фраза, возможно, звучит отвратительно.

Но она не нова. Идея смерти Бога и непосредственно из нее вытекающая идея «метафизической пустоты» беспокоила умы поэтов XIX века, особенно во Франции и Германии. Но лишь в XX веке она стала открыто обсуждаться и отразилась в изобразительном искусстве. Раскол между современным искусством и христианством окончательно завершился.

Анализируя этот странный и таинственный феномен, д-р Юнг пришел к выводу, что смерть Бога является психической реальностью нашего времени. В 1937 году он писал: «Я знаю, — и здесь я выражаю то, что знает бесчисленное множество других людей, — наше время является временем исчезновения и смерти Бога». В течение многих лет он наблюдал угасание христианского образа Бога в сновидениях своих пациентов, то есть в бессознательном современного человека. Утрата этого образа равносильна потере самого важного фактора, придающего жизни смысл.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что ни утверждение Ницше о смерти Бога, ни выдвинутая Кирико концепция метафизической пустоты, ни выводы Юнга из анализа сновидений не являются истиной в последней инстанции относительно реального существования Бога или трансцендентности бытия. Все это — человеческие утверждения. В каждом случае они основаны, как показал Юнг в работе «Психология и религия», на содержимом бессознательной части психики, ставшей осознанной через образы, сновидения, идеи или интуицию. Источник этих содержаний, равно как и причина трансформации (от живого к

мертвому Богу), продолжает оставаться неведомым, на границе тайного и явного.

Кирико так и не удалось решить проблему, поставленную перед ним бессознательным. Его неудача наиболее заметна в том, как он изображает фигуру человека. С учетом современной религиозной ситуации представляется, что человека следует вновь наделить достоинством и ответственностью, пусть и в обезличенной форме. (Юнг определил это как «ответственность перед сознанием».) Но на полотнах Кирико человек лишен души.

Он становится манекеном без лица (а значит, и без сознания).

В разных вариантах его работы «Великий метафизик» безликая фигура вознесена на трон или пьедестал из мусора. Эта фигура, осознанно или нет, изображает человека, стремящегося раскрыть «правду» о метафизике, одновременно олицетворяя бесконечное одиночество и бессмысленность. Быть может, образ манекена (встречающийся также и в творчестве других современных художников) — это предчувствие безликого «массового» человека?

Когда Кирико исполнилось сорок лет, он оставил свою «метафизическую живопись» и вернулся к традиционным формам, но его творчество утратило глубину. Это еще раз доказывает, что для творческого ума, бессознательное которого работало над фундаментальными вопросами бытия, «нет возврата туда, откуда он пришел».

Своеобразным двойником Кирико можно считать выходца из России художника Марка Шагала. В своем творчестве он также искал «поэзию тайны и одиночества» и «призрачную сторону вещей, видимую немногим». Но богатство символики Шагала коренится в набожности ближневосточного еврейского хасидизма и в органически присущем ему жизнелюбии. Перед ним не стояла ни проблема пустоты, ни проблема смерти Бога. Он писал: «Все изменчиво в нашем деморализованном мире, кроме сердца, человеческой любви и стремления познать божественное. Живопись, как и вся поэзия, является частью божественного, люди ощущают это сегодня с такой же силой, как и ранее».

Английский искусствовед сэр Герберт Рид однажды написал о Шагале, что тот никогда не переступил полностью порог бессознательного и «всегда стоял одной ногой на вскормившей его земле». Таким и должно быть «правильное» отношение к бессознательному. Еще более важно, что, по мнению Рида, Шагал остался одним из наиболее значительных художников нашего времени.

Из сравнения между Шагалом и Кирико возникает важный для понимания роли символов в современном искусстве вопрос: каким образом взаимосвязь между сознанием и бессознательным обретает форму в творчестве современных художников? Или, иначе, где находится человек?

Один из ответов дает нам движение так называемого сюрреализма, основателем которого считается французский поэт Андре Бретон. (Кирико также можно охарактеризовать как сюрреалиста.) Изучая в институте медицину, Бретон получил представление о творчестве Фрейда. Так тема сновидений заняла важное место в его мыслях. «Нельзя ли использовать сны для решения фундаментальных проблем жизни? — писал он. — Я считаю, что кажущийся антагонизм между сновидением и реальностью может быть разрешен в своего рода абсолютной реальности — сюрреальности».

Бретон великолепно ухватил самую суть дела. Целью его поиска было примирение противоположностей — сознания и бессознательного. Но путь, избранный им для достижения цели, не мог не увести его в сторону. Он начал экспериментировать с фрейдовским методом свободных ассоциаций, а также с автоматическим письмом, при котором слова и фразы, возникающие в подсознании, записываются без какого-либо сознательного контроля. Бретон назвал это «диктовкой мыслей, свободной от любых эстетических или этических волнений».

Однако подобное занятие означает всего лишь освобождение пути потоку бессознательных образов при одновременном игнорировании роли сознания, которая должна быть весомой или даже решающей. Как показал в своей главе д-р Юнг, именно

сознание располагает ключами к ценностям бессознательного и, следовательно, играет решающую роль. Лишь сознание способно определить смысл образов и распознать их значение для человека здесь и теперь, в конкретной реальности настоящего. Только взаимодействуя с сознанием, бессознательное может подтвердить свою ценность и даже указать путь к преодолению тоски пустоты. Если же предоставить бессознательному возможность самостоятельного действия, существует риск того, что его содержимое полностью захватит человека или проявит свою негативную, деструктивную сторону.

Если взглянуть на сюрреалистические картины (например, «Пылающие жирафы» Сальвадора Дали) с этой точки зрения, мы сможем ощутить богатство их фантазии и захватывающую силу их бессознательной образности, но вместе с тем мы поймем и тот ужас, которым веет от их символики, олицетворяющей конец всего сущего. Бессознательное — это чистая природа и, как и подобает природе, в изобилии приносит плоды. Но предоставленное само себе и не получающее отклика со стороны сознания, оно может разрушить (опять же подобно природе) свои собственные плоды и рано или поздно смести их в небытие.

Вопрос о роли сознания в современной живописи возникает также в связи с использованием случайности как средства композиции картин. В книге «За кулисами живописи» Макс Эрнст писал: «Соединение швейной машинки и зонтика на хирургическом столе [он цитирует поэта Лотреамона] — это известный и ставший уже классическим пример феномена, открытого сюрреалистами: соединение двух (или более) внешне чуждых элементов на плоскости, чуждой обоим, является одним из сильнейших средств, чтобы высечь искру поэзии».

Очевидно, для неискушенного человека это так же трудно представить, как и комментарий Бретона по тому же поводу: «Человек, который не может вообразить лошадь, галопирующую на помидоре, — просто идиот». (Здесь также можно вспомнить о «случайном» соединении мраморной головы и красных резиновых перчаток в картине Кирико.) Конечно, многие ком-

позиции этого типа создавались как шутка и нелепица. Но большинство художников было все-таки настроено вполне серьезно.

Случайность играет важную роль в творчестве французского скульптора Жана (или Ганса) Арпа. Вырезанные им по дереву листья и иные формы, наугад соединенные вместе, явились одним из результатом поиска, по его же собственным словам, «тайного изначального смысла, скрывающегося за миром внешних обличий». Он назвал эти композиции «Листья, размещенные по законам случайности» и «Квадраты, размещенные по законам случайности». В них глубина достигается случайным путем, отражающим действие неизвестного, но активного фактора, придающего вещам порядок и смысл и выступающего как «тайная душа» вещей.

Именно желание «превратить случайность в сущность» (по выражению Клее) лежит в основе усилий сюрреалистов брать за отправную точку своих «визионерских» произведений кусочек дерева, нагромождения облаков и тому подобное. Макс Эрнст, например, вернулся к опыту Леонардо да Винчи, написавшего целый очерк в связи с замечанием Боттичелли о том, что, бросив пропитанную краской губку в стену, можно увидеть в следах брызг какие-то лица, животных, пейзажи и множество других картин.

Эрнст описал, как в 1925 году его преследовало навязчивое видение, пришедшее, когда он смотрел на кафельный пол, испещренный тысячью царапин: «Чтобы подвести базу под мои занятия медитацией и галлюцинацией, я сделал серию зарисовок кафельных плиток, накладывая на них наугад листы бумаги и заштриховывая их карандашом. Осмотрев результат, я был удивлен внезапно обострившимся ощущением, сходным с галлюцинацией, вызванным изменениями контрастно наложенных друг на друга рисунков. Я объединил первые „фроттажи“ — frottages, буквально, рисунки, полученные натиранием — в серию и назвал ее „Естественная История“».

Важно отметить, что на некоторых из этих рисунков Эрнст поместил сверху или на заднем плане кольцо или круг, что при-

дало им особую атмосферу и глубину. Психолог обнаружил бы в этом бессознательное стремление противопоставить естественному языку хаотического нагромождения образов символ достаточности и психического единства, восстановив, таким образом, равновесие. Кольцо и круг доминируют в картине. Психическая цельность руководит природой, будучи сама исполнена смысла и внося смысл.

В стремлении Макса Эрнста уловить скрытую суть вещей мы можем обнаружить сходство с романтиками XIX столетия. Они говорили о «почерке» природы, который различим повсюду — на крыльях, яичной скорлупе, в облаках, на снегу, во льду, кристаллах и других «странных соединениях случайностей», так же как и в снах и видениях. Все предметы рассматривались ими как слова-картинки «языка природы». Таким образом, когда Макс Эрнст назвал картины, полученные в результате своих экспериментов, «Естественной Историей», это было поистине романтическим жестом. И он был прав, потому что бессознательное (случайным образом соединившее картины) — это часть природы. Именно «Естественная История» Эрнста или случайные композиции Арпа заставили психологов задуматься о воздействии случайной аранжировки некоторых предметов, независимо от места и времени ее создания, на сталкивающегося с ней человека. При этом неизбежно затрагивается проблема соотношения сознательного и бессознательного в человеческой психике, влияющего на интерпретацию увиденного.

Случайно созданная картина может быть прекрасной или безобразной, гармоничной или хаотичной, богатой или бедной по содержанию, хорошо или плохо нарисованной. Эти факторы определяют ее художественную ценность, но они не могут удовлетворить психолога (к разочарованию художника и любого, кто находит высшее удовольствие в любовании формой). Психолог идет дальше, пытаясь понять «тайный код» случайного расположения — настолько, насколько его вообще возможно расшифровать. Количество и форма предметов, собранных Арпом вместе наугад, вызывают не меньше вопросов, чем любая

деталь фантастических «фроттажей» Эрнста. Для психолога они являются символами, а значит, их можно не только прочувствовать, но и до известной степени истолковать.

Кажущийся или реально свершившийся уход человека из многих произведений современного искусства, их слабая связь с действительностью и доминирование бессознательного над сознанием часто дают повод для нападок критиков, называющих такое искусство патологическим или сравнивающих его с картинами сумасшедших. В самом деле, одним из признаков психоза является затопление сознания и личностного эго потоками, поступающими из бессознательной сферы.

Правда, в наше время подобное сравнение выглядит не столь отталкивающе, как для предшествующего поколения. Когда д-р Юнг впервые указал на связь такого рода в своем эссе о Пикассо (1932), это вызвало бурю негодования. Сегодня в каталоге хорошо известной художественной галереи в Цюрихе говорится «о почти шизофреническом наваждении», охватившем одного известного художника, а немецкий писатель Рудольф Касснер, считая Георга Тракля одним из величайших немецких поэтов, заявляет: «В нем было что-то шизофреническое. Это чувствовалось в его творчестве, какой-то неуловимый привкус шизофрении. Да, Тракль — действительно великий поэт».

Теперь мы знаем, что шизофренические состояния и художественное видение имеют между собой много общего. Известные эксперименты с мескалином и другими аналогичными наркотиками, вызывающими сходное с шизофреническим состояние, способствовали, по моему мнению, изменению общественного видения проблемы. Этого типа наркотики вызывают состояние, сопровождающееся насыщенными по цвету и форме видениями, — состояние, в принципе, мало чем отличающееся от шизофрении. Многие из современных художников искали вдохновение, прибегая к подобным наркотическим средствам.

Уход от реальности

Франц Марк однажды сказал: «Грядущее искусство даст формальное выражение тому, в чем убеждена современная наука». Его слова воистину оказались пророческими. Мы проследили влияние на художников психоанализа Фрейда и открытия (точнее, повторного открытия) бессознательного в первые годы XX столетия.

Другой, не менее важный вопрос — действительно ли существует связь между современным искусством и результатами исследований в ядерной физике.

Говоря обычным, не научным языком, ядерная физика лишила элементарные частицы материи конкретности и превратила материю в таинственную субстанцию. Оказалось, что масса и энергия, волны и частицы являются — как это ни парадоксально — взаимозаменяемыми. Законы причинно-следственной связи оказались действенными только до определенной степени. И не так уже важно, что принципы относительности, непрерывности и прочие парадоксы имеют силу, применимы лишь для пограничных зон нашего мира — в сфере бесконечно малых величин (атом) и бесконечно больших (космос). Они произвели революционную перемену в представлении о реальной действительности, ибо на базе прежней реальности нашего «естественного» мира, управляемого законами классической физики, расцвела новая, абсолютно не похожая на старую, иррациональная реальность.

Во многом похожие «относительности» и парадоксы были обнаружены и в области психического. Здесь также возник другой мир — мир на краю сознания, управляемый новыми, до сих пор не известными законами, удивительно похожими на законы ядерной физики. Параллелизм, существующий между ядерной

физикой и психологией коллективного бессознательного, не раз оказывался предметом обсуждения между Юнгом и Вольфгангом Паули, лауреатом Нобелевской премии в области физики. Пространственно-временной континуум в физике и коллективное бессознательное можно рассматривать как внешний и внутренний аспекты одной и той же реальности, существующей во множественных формах. (Взаимосвязь между физикой и психологией будет рассмотрена д-ром М.-Л. фон Франц в заключительном очерке настоящей книги.)

Характерной чертой этого единого мира, стоящего как бы на заднем плане мира физики и психики, является то, что его законы, процессы и содержимое невообразимы. Это исключительно важно для понимания искусства нашего времени, поскольку его главным объектом в определенном смысле является невообразимое. Вот почему многое в современном искусстве сделалось «абстрактным». Великие художники XX века стремились сделать видимой «жизнь, таящуюся по ту сторону вещей», и поэтому их произведения представляют собой символическое отображение мира по ту сторону сознания (или по ту сторону сновидений, потому что сновидения достаточно редко бывают беспредметными). Таким образом, они указывают на ту «единую» реальность, «единую» жизнь, которая, судя по всему, лежит в основе физических и психических явлений.

Лишь немногие художники осознали связь между найденными ими творческими формами, с одной стороны, и физикой и психологией — с другой. Кандинский был одним из тех мастеров, кого глубоко взволновали первые открытия современной физики: «По моему мнению, расщепление атома стало крахом всего мира. Вмиг рухнули крепчайшие стены. Все сделалось шатким, непрочным и аморфным. Я бы не удивился, если бы камень расплавился или растаял на моих глазах. Казалось, что законы науки отменены». Следствием такого разочарования стал уход художников из «царства природы», с обжитой «авансцены вещного мира». «Я словно бы увидел, — добавляет Кандинский, — как искусство постепенно освобождается от природы».

Подобное отделение от мира вещей произошло приблизительно в то же самое время и у других художников. Франц Марк писал: «Разве мы не усвоили из тысячелетнего опыта, что вещи прекращают говорить, как только мы подносим к ним зеркало, отражающее их видимую внешность? Внешность всегда имеет плоский вид...» Для Марка цель искусства заключалась в «раскрытии неземной жизни, скрывающейся во всем, в разрушении зеркала жизни, чтобы можно было взглянуть в лицо бытию». Пауль Клее писал: «Такой художник, в отличие от критикующих его реалистов, не придает подобно им столь большого значения естественной видимости вещей. Он не ощущает себя глубоко привязанным к реальности, поскольку не видит ничего творческого в использовании форм, сотворенных природой. Он больше интересуется формообразующими силами, чем готовыми формами». Пит Мондриан обвинял кубизм в том, что тот не довел абстракцию до ее логического конца — «выражения чистой реальности». Это может быть достигнуто только путем «создания чистой формы», независимой от субъективных чувств и идей. «За изменяющимися естественными формами таится неизменная, чистая реальность», — писал он.

Многие художники стремились проникнуть за видимую оболочку вещей в «реальность» их подосновы, то есть вызвать «дух, скрытый в материи», путем преобразования вещей через фантазии, сюрреализм, изображения сновидений, использование случайности и т. д. Художники-абстракционисты, однако, игнорировали вещи. Их картины не содержали никаких опознаваемых конкретных предметов; они представляли, по словам Монд-риана, просто «чистую форму».

Однако следует иметь в виду, что этих художников интересовало нечто гораздо большее, чем проблема формы или различие между «конкретным» и «абстрактным», предметным и беспредметным. Их целью была суть жизни и вещей, их неизменная и внутренне непоколебимая основа. Искусство в их работах превратилось в мистику.

Дух, в тайну которого все глубже и глубже погружалось искусство, был земным духом, средневековые алхимики называли его Меркурием. Он символизирует то, чему эти художники поклонялись или что искали в природе и вещах, считая, что этот дух скрывается за «видимым естественным обликом». Их мистицизм был чужд христианству, ибо дух Меркурия чужд небесному началу. В действительности, в искусстве прокладывал себе дорогу сумеречный соперник христианства. И здесь мы начинаем понимать истинное историческое и символическое значение «современного искусства». Подобно герметическим движениям Средневековья, его следует понимать как мистику духа земли и, следовательно, как своего рода ответную реакцию нашего времени на христианство.

Ни один художник не почувствовал так ясно эту мистическую подоплеку искусства и так страстно не говорил о ней, как Кандинский. Значение мировых шедевров искусства, к какой бы эпохе они ни относились, определяется, по его мнению, «не в их внешней стороне, а в корне всех основ — в мистическом содержании искусства». Поэтому он говорит: «Глаза художника должны быть направлены к его внутренней жизни, и ухо его всегда должно быть обращено к зову внутренней необходимости... Таков единственный путь, приводящий к выражению мистически необходимого».

Кандинский называл свои картины духовным выражением космической жизни, музыкой сфер, гармонией цвета и форм. «Форма, даже совершенно абстрактная и геометрическая, имеет свое внутреннее звучание, она является духовным существом с качествами, которые идентичны с этой формой». «Воздействие острого угла треугольника на круг производит столь же потрясающий эффект, как и изображение перста Господня, дотрагивающегося до пальца Адама в произведении Ми-келанджело».

В 1914 году Франц Марк писал в книге «Афоризмы»: «Материя — это вещь, которую человек в лучшем случае может терпеть; признавать ее он отказывается. Созерцание мира сделалось проникновением в него. Ни один мистик, как бы высоко он

ни воспарял в своем озарении и как бы глубоко ни погружался в пучины своей души, так и не смог достичь совершенства абстракции современного мышления».

Пауль Клее, в известном смысле поэт среди современных художников, говорит: «Миссия художника заключается в возможно более глубоком проникновении к тем скрытым основам сущего, где действуют первичные законы роста. Какой художник не хотел бы погрузиться в созерцание главного органа, управляющего всем движением во времени и в пространстве (будь то мозг или сердце мироздания), в котором зарождаются все функции. В самое чрево природы, в первооснову мироздания, где хранятся невидимые ключи ко всем вещам?.. Наше бьющееся сердце движет нас вниз, все ниже и ниже к первоосновам». То, что встречается нам на этом пути, «следует воспринимать самым серьезным образом, если это адекватно передано соответствующими художественными средствами», потому что, добавляет Клее, это вопрос не просто воспроизведения увиденного: «художник делает видимым постигнутое тайно». Творчество Клее уходит своими корнями в эту первооснову вещей. «Моей рукой полностью управляют далекие сферы. Разум не участвует в моем творчестве, это что-то другое...» Дух природы и дух бессознательного выступают в нераздельном единстве в его работах. Их магический круг притянул к себе Клее, вовлекает и нас, его зрителей.

В творчестве Клее наиболее полно выражен — то с поэтической, то с демонической стороны — хтонический дух. Юмор и причудливые идеи позволяют художнику перебросить мост от сферы темного потустороннего мира к человеческому миру; связующим звеном между фантастическим и земным выступают законы природы и любовь ко всем существам. «Для художника, — как-то заметил Клее, — разговор с природой является непременным условием творчества».

Другое выражение скрытого духа бессознательного обнаруживается в творчестве одного из самых известных молодых художников-абстракционистов Джексона Поллока — американца,

погибшего в автомобильной катастрофе в возрасте сорока четырех лет. Его творчество оказало огромное влияние на молодых художников нашего времени. В очерке «Моя живопись» он признался, что рисовал в состоянии, подобном трансу: «Когда я рисую, я не сознаю, что делаю. И только после некоторого „привыкания“ я понимаю, что начал делать. Я не боюсь вносить изменения, разрушающие весь образ, потому что картина живет своей собственной жизнью. Я стараюсь дать ей возможность проявиться. Когда я теряю контакт с картиной, получается „мазня“. И наоборот, при сохранении контакта достигается полная гармония, и, глядишь, получается хорошая вещь».

Написанные практически бессознательно картины Поллока несут в себе огромный эмоциональный заряд.

Лишенные структурной упорядоченности, они почти хаотичны и выглядят как пылающий лавинный поток цвета, линий, плоскостей и точек. В них можно увидеть аналог тому, что алхимики называли бесформенной массой — massa confusa, первичной материей — prima materia — или хаосом. Все эти определения относятся к драгоценному исходному продукту алхимического процесса, к начальной точке поиска сущности бытия. Картины Поллока изображают ничто, содержащее всё, то есть само бессознательное. Кажется, что они относятся ко времени до появления сознания и человека или, наоборот, являются фантастическими пейзажами после исчезновения сознания и человека вообще.

В середине XX века чисто абстрактная картина без какого-либо порядка форм и цвета стала наиболее частой формой самовыражения в живописи. Чем сильнее растворение «реальности», чем дальше отход от нее, тем больше картина теряет свое символическое содержание. Причина этого лежит в природе символа и его функции. Символ — это объект известного мира, намекающий на что-то неизвестное; это известное, выражающее жизнь и смысл невыразимого. Но в чисто абстрактных картинах знакомый нам мир полностью исчезает. И, чтобы перекинуть мост к неизвестному, ничего не остается.

С другой стороны, у этой живописи открывается неожиданная подоснова, скрытый смысл. Часто такие работы оказываются более или менее точными образами самой природы, обнаруживая удивительное сходство с молекулярной структурой органических и неорганических элементов природы. Невероятно, но чистая абстракция стала изображением конкретного природного элемента. У Юнга мы можем найти ключ к пониманию этого факта. «Более глубокие слои психики, — писал он, — теряют индивидуальную неповторимость по мере того, как все дальше и дальше отступают во мрак. Опускаясь все ниже и приближаясь к уровню автономно функционирующих систем организма, они приобретают все более коллективный и универсальный характер, пока окончательно не угасают в материальности тела, то есть в химических субстанциях. Субстанция углерода — это просто углерод и только. Следовательно, „дно“ психического — это просто мир или вселенная».

Сравнение абстрактных картин и микрофотографий, полученных съемкой через микроскоп, показывает, что предельная абстракция имагинативного искусства стала загадочным и неожиданным образом «натуралистической», поскольку ее объектами являются частицы материи. «Великая абстракция» и «великий реализм», размежевавшиеся в начале XX века, вновь объединились. Мы помним слова Кандинского: «Полюсы открывают два пути, которые приведут к одной цели в конце». Эта «цель» — точка слияния — достигается в современной абстрактной живописи. Но достигается совершенно бессознательно. Намерения художников не играют никакой роли в этом процессе.

Здесь содержится самый важный вывод о современном искусстве: художник не настолько свободен в своем творчестве, как ему это кажется. Если его работа выполняется более или менее бессознательно, то она контролируется законами природы, которые, в свою очередь, на глубочайшем уровне соответствуют законам психического мира, и наоборот.

Великие зачинатели современного искусства совершенно ясно раскрыли его истинные цели и указали те глубины, из ко-

торых поднялся дух, оставивший на них свой отпечаток. Позднее не всем художникам удавалось постичь этот дух или проникнуть в те же глубины. Однако ни Кандинский, ни Клее, ни кто-либо другой из ранних мастеров современной живописи не догадывались о той серьезной психологической опасности, которой они подвергались в результате мистического погружения в хтонический дух, в первоосновы природы. Ясное же представление об этой опасности необходимо иметь.

В качестве отправной точки можно взять другой аспект абстрактного искусства. Немецкий писатель Вильгельм Воррингер интерпретировал абстрактное искусство как выражение метафизической тревоги и озабоченности, которые казались ему более присущими северным народам. Они страдают, как он объяснял, от реальности. «Северяне» не наделены естественностью южных народов и стремятся к сверхреальному и сверхчувственному миру, выражая его в имагинативном или абстрактном искусстве.

Но, как отмечал сэр Герберт Рид в «Краткой истории современного искусства», метафизическое беспокойство больше не является отличительной чертой только германцев или северных народов, оно присуще теперь всему современному миру. Рид цитирует Клее, записавшего в своем дневнике в начале 1915 года: «Чем более ужасающим становится этот мир (чему мы сами свидетели), тем более абстрактным становится искусство; в мирное же время мир рождает реалистическое искусство». Для Франца Марка абстракция была убежищем от зла и безобразия, царящих в этом мире. «Очень рано в жизни я понял, — писал он, — что человек есть нечто безобразное. Животные казались мне более приятными и чистыми, но и в животном мире я обнаружил так много отталкивающего и уродливого, что моя живопись стала непроизвольно становиться все более схематичной и абстрактной».

В этом отношении многое можно почерпнуть из беседы, состоявшейся в 1958 году между итальянским скульптором Марино Марини и писателем Эдуардом Родити. Основной темой

работ Марини в течение многих лет была обнаженная фигура юноши на коне в самых различных вариантах. В ранних вариантах, представлявших символы надежды и благодарности (после окончания Второй мировой войны), всадник сидит на коне с распростертыми руками, его тело слегка отклонено назад. В последующие годы трактовка темы стала более «абстрактной». Более или менее «классическая» поза наездника постепенно улетучилась.

Говоря о чувстве, лежащем в основе этой перемены, Марини отмечал: «Если посмотреть на мои композиции последних двенадцати лет в хронологическом порядке, можно заметить, что тревога животного постепенно нарастает. Но проявляется это в том, что оно замирает от ужаса и стоит парализованное страхом, а не встает на дыбы или уносится прочь. Все это связано с моим глубоким убеждением, что мы приближаемся к концу света. В каждой фигуре я стремился выразить растущий страх и отчаяние. Таким образом, я пытаюсь символически выразить последнюю стадию умирающего мифа, мифа о героической личности победителя, о доблестном человеке, придуманном гуманистами».

В волшебных сказках и мифах «герой-победитель» является символом сознания. Его поражение, как говорит сам Марини, означает смерть индивида: феномен, который в социальном контексте выглядит как растворение личности в толпе, в массе, а в искусстве — в виде деградации человеческого начала.

Когда Родити спросил Марини, не подразумевает ли эволюция его стиля в сторону «абстракции» отказ от классического канона, Марини ответил: «Как только искусство сталкивается с необходимостью передать страх, так оно непроизвольно отступает от классического идеала». Сюжеты для своих работ он находил в телах, обнаруженных под пеплом в Помпее. Родити назвал искусство Марини «хиросимским стилем», потому что оно вызывает ассоциации с концом света, и Марини согласился с этим, сказав, что чувствует, «будто изгнан из земного рая». «Еще не так давно стремления скульпторов были направлены на создание чувственно осязаемых и мощных форм. Но в послед-

ние пятнадцать лет скульптура предпочитает формы, моделирующие состояние распада».

Разговор Марини и Родити показывает трансформацию «сенсорного» искусства в абстракцию, что должно быть понятно любому, кто хоть раз со вниманием и без предвзятости посетил любую выставку современного искусства. Как высоко ни оцениваешь формальные качества экспонатов такой выставки, невозможно не почувствовать страх, отчаяние, агрессивность и насмешку, исходящие как крик от многих произведений. «Метафизическая озабоченность», находящая выражение в ощущении несчастья, которым пронизаны эти картины и скульптуры, очевидно, возникла из отчаяния, из чувства обреченности мира так же, как это случилось у Марини.

В других случаях решающим может стать религиозный фактор, ощущение, что Бог умер.

Оба эти ощущения тесно связаны. В основе внутренней боли лежит поражение (или, скорее, отступление) сознания. В процессе роста мистического опыта было отброшено или уничтожено все, что когда-то привязывало человека к человеческому миру, земле, времени и пространству, материи и естественным условиям жизни. Но если бессознательное не уравновешивается опытом сознания, оно неизбежно будет проявлять свой враждебный или негативный аспект. Богатство созидательных мотивов, сотворивших гармонию сфер, восхитительные тайны первооснов, уступят место распаду и отчаянию. Существует много примеров того, как художники становились пассивной жертвой этого аспекта бессознательного.

В физике скрытый мир первооснов тоже обнаружил свою парадоксальную природу: законы первичных элементов природы, заново открытые наукой структуры и связи в ее базисной единице — атоме — стали ключом для создания невиданной разрушительной силы и открыли путь к уничтожению, сделали реальной угрозу прекращения жизни на земле. Последнее знание и разрушение мира — вот две стороны постижения первооснов природы.

Юнг, осознававший и опасность дуалистической природы бессознательного, и значение человеческого сознания, мог предложить человечеству только одно средство против катастрофы — призыв к развитию индивидуального сознания, который может показаться таким простым, но на самом деле весьма труден для исполнения. Сознание необходимо не только как противовес бессознательному. Оно не только способно придавать смысл существованию. У сознания имеется и в высшей степени практическая функция. С его помощью можно изменить свое отношение к миру и к другим людям, если рассматривать зло, обнаруженное вокруг, например в соседях или в окружающих, как недоброе содержимое нашей собственной психики.

Зависть, похоть, сладострастие, ложь и все прочие пороки есть нечто иное, как негативный, «темный» ас-297

пект бессознательного, который может проявлять себя двояко. В позитивном смысле он проявляется как «дух природы», творчески одушевляющий человека, вещи и весь мир. Это и есть «хтонический дух», что не раз отмечалось ранее в этой главе. В негативном смысле бессознательное (тот же самый дух) являет себя как дух зла, стремящийся к разрушению.

Как уже отмечалось, алхимики отождествляли этот дух с Меркурием, называя его, с полным на то основанием, Mercurius duplex (двуликий Меркурий), что на религиозном языке христианства означает «дьявол». Как бы неправдоподобно это ни звучало, но природа дьявола также двойственна. В положительном смысле он выступает в образе Люцифера (буквально — носителя света, или «светоносца»).

Рассматривая современное искусство (которое мы признали символическим отражением хтонического духа) в свете этих непривычных и парадоксальных идей, мы убеждаемся в двойственности его природы: в позитивном смысле оно является выражением глубоко скрытого природного мистицизма; в негативном смысле его можно интерпретировать лишь как выражение зла или деструктивного начала. Эти два аспекта образуют взаимодополняющую пару, ибо парадоксальность —

одно из важнейших качеств бессознательного и его содержаний.

Во избежание каких-либо недоразумений и недопонимания, хочу еще раз подчеркнуть, что приведенные выше соображения не имеют никакого отношения к художественным и эстетическим ценностям, а касаются лишь рассмотрения современного искусства в качестве символа нашего времени.

Объединение противоположностей

Выскажу еще одно соображение. Дух современной эпохи находится в постоянном движении. Он подобен незаметно текущей реке, но, учитывая стремительный темп жизни в наше время, даже десятилетие является долгим сроком.

Примерно в середине XX столетия в живописи, в рамках ее абстрактного направления, стали происходить перемены. Они не несли ничего революционного и были не сравнимы с изменениями, происшедшими в первом десятилетии века, которые перевернули искусство до самого основания. Просто отдельные группы художников сформулировали свои цели достаточно непривычным образом.

Одни встали на путь отображения конкретной реальности, продиктованный вечным стремлением остановить текущее мгновение: таковы работы Генри Картье-Брессона (Франция) и Вернера Бишофа (Швейцария), положившие начало новому по-настоящему чувственному искусству в фотографии. Другие художники продолжили поиски путей к глубинам своего «я» и воображения. При этом многие молодые живописцы попытались выйти за пределы абстракционизма, который после многолетней практики не сулил ничего захватывающего или загадочного. В поисках нового они обнаружили его совсем рядом: в уже утерянных природе и человеке. Главное для них не в том, чтобы воспроизвести природу на картинах, а в том, чтобы выразить свое настроение и ощущения от соприкосновения с природой.

Французский художник Альфред Манессье определил цели своего искусства следующим образом: «Мы должны отвоевать весомость и значение утраченной нами реальности. Нам необходимо сотворить новое сердце, новый дух, новую душу, чтобы измерить человека. Подлинная реальность художника — не в

абстракции, не в реализме, а в обретении своей человеческой значимости. Мне кажется, что в настоящее время именно предметное искусство дает художнику возможность приблизиться к своей внутренней реальности и осознать не только свою собственную сущность, но и суть своего бытия. Только вновь обретя свое мироощущение, художник сможет со временем постепенно повернуться к самому себе, вновь открыть свою весомость и значимость и так ее упрочить, что для него окажется возможным проявиться и во внешней реальности».

Приблизительно о том же размышляет и Жан Ба-зен: «Для современного художника велик соблазн изобразить чистый ритм настроения, сокровенное биение своего сердца, не наделяя их конкретной формой. Это, однако, ведет лишь к сухой математике или к разновидности абстрактного экспрессионизма, сводящегося к однообразию и оскудению форм... Между тем та форма, которая может примирить человека с его миром, есть „искусство общения“, благодаря которому человек в любой момент способен распознать свое собственное выражение и облик, являемые миру».

Что в действительности волнует сегодня художников — это сознательное воссоединение их собственной духовной реальности с реальностью мира и природы; или, в крайнем случае, новые союз тела и души, материи и духа. В этом их путь «к обретению своей человеческой значимости». Только сейчас осознается и преодолевается огромный разрыв, образовавшийся в современном искусстве (между «великой абстракцией» и «великим реализмом»).

Для постороннего наблюдателя это в первую очередь проявляется в изменившейся атмосфере современной живописи. Картины Альфреда Манессье и родившегося в Бельгии художника Густава Сингье, несмотря на их абстрактную манеру, излучают веру в мир, и их эмоциональная насыщенность, несмотря на всю напряженность, не мешает гармонии форм и цвета, часто доходящей до спокойной умиротворенности. На знаменитых гобеленах французского художника Жана Лурката, созданных

в 1950-х годах, пышность природы затмевает все остальное. Его искусство можно считать как чувственным, так и имагинативным.

Спокойная гармония форм и цвета обнаруживается также в творчестве Пауля Клее. Именно к ней он всю жизнь стремился. Он понял необходимость непротивления злу: «Зло не должно быть торжествующим или униженным врагом, но, прежде всего, сотрудничающей силой». Однако начинал Клее не с этого. Он жил вблизи «мертвых и нерожденных», почти на космическом расстоянии от мира сего, тогда как молодое поколение ху-300

дожников, можно сказать, было более тесно привязано к земному началу.

Следует отметить один важный момент — это то, что, продвинувшись до различения единства противоположностей, современная живопись заинтересовалась религиозной тематикой. «Метафизическая пустота», похоже, была преодолена, и случилось невероятное: церковь сделалась покровителем современного искусства. Достаточно упомянуть здесь такие примеры, как храм Всех Святых в Гасле, с витражами, расписанными Альфредом Манессье; церковь в Асси, в оформлении которой принимали участие многие современные художники; часовню Матисса в Вэнсе и церковь в Адинкуре, украшенную работами Жана Базена и французского художника Фернана Леже.

То, что врата Церкви открылись для современного искусства, означает не просто широту взглядов и проявление терпимости церковных управителей. Это символизирует и изменение в отношении современного искусства к христианству. Такое сотрудничество оказалось возможным благодаря компенсаторной роли древних герметических движений, подготовивших необходимую почву для подобного взаимодействия. Выше отмечалось, что при обсуждении животных, символизирующих Христа, свет и хтонические духи взаимно дополняют друг друга, образуя единое целое. Кажется, сегодня настало время, когда можно выйти на качественно новый уровень решения этой тысячелетней проблемы.

Мы не можем предугадать, что сулит нам будущее: даст ли смыкание противоположностей позитивные результаты, или этот путь приблизит к невообразимым еще катастрофам. В мире слишком много тревог и страхов, и они до сих пор являются доминирующими факторами в искусстве и в обществе. А главное, у человека все еще слишком мало желания применить к себе и своей жизни выводы, которые можно извлечь из искусства, хотя он, может быть, и готов принять их в искусстве. Художник часто бессознательно выражает, не вызывая враждебного к себе отношения, много такого, что, будучи высказано пациенту психологом, неизбежно дало бы негативную реакцию. Этот факт может быть продемонстрирован даже более наглядно в литературе, чем в изобразительном искусстве. Слушая рассуждения психотерапевта, человек чувствует личный вызов; то же, что хочет сказать художник, как правило, особенно в наше время, остается безличным и ни к кому не относится.

И все же представляется необходимым и важным, чтобы уже в наше время какие-то признаки более целостной, более человечной формы самовыражения стали ощутимы. Мне видится проблеск надежды на это (я пишу настоящую главу в 1961 году) в ряде полотен французского художника Пьера Сулажа. Из-за нагромождения огромных черных балок или стропил мерцают золотисто-голубые лучи. Свет пробивается сквозь тьму.

Часть 5

Иоланда Якоби

СИМВОЛЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ

Начало анализа

Широко распространено мнение о том, что методы юнгианской психологии применимы лишь к людям, достигшим среднего возраста. Действительно, многие мужчины и женщины проживают половину своей жизни, так и не став психологически зрелыми, поэтому им и необходимо помочь наверстать упущенное в их развитии. Они не завершили первую часть процесса индиви-дуации, описанного д-ром М.-Л. фон Франц. Но также правда и то, что молодой человек может столкнуться с серьезными проблемами в процессе своего личностного становления. Если этот молодой человек боится жизни и находит, что приспособиться к реальности — дело трудное, то он может предпочесть обосноваться в своих фантазиях или остаться ребенком. Порой в бессознательном у такого человека (в особенности если он интроверт) можно обнаружить неожиданные сокровища и, сделав их достоянием сознания, усилить его эго и дать ему психическую энергию, необходимую для становления зрелой личности. В этом и есть назначение яркой символичности наших сновидений.

Соавторы данной книги попытались объяснить природу этих символов и той роли, которую они играют в человеческой психике. Я же на примере молодого инженера, двадцати лет от роду, которого буду называть здесь Генри, хочу показать, насколько анализ может помочь процессу индивидуации.

Генри приехал из сельской местности в Восточной Швейцарии. Его отец — протестант, выходец из крестьян, был врачом общей практики. Генри описывал его как человека высоких моральных принципов, но довольно замкнутого, с трудом устанавливавшего контакты с другими людьми. Он был больше отцом для своих пациентов, чем для собственных детей. Дома же главенствующей фигурой являлась мать Генри. «Мы воспи-

тывались под сильной рукой нашей матери», — сказал он как-то однажды. Она вышла из академической семьи с сильными артистическими пристрастиями. Сама она, несмотря на свою жесткость и строгость, обладала широким духовным кругозором; была импульсивной и романтичной по природе (страстно любила Италию). Будучи католичкой, в воспитании детей она тем не менее следовала протестантскому духу, уступая своему мужу, отцу Генри. У Генри была старшая сестра, с ней он поддерживал хорошие отношения.

Генри был застенчивым интровертом, очень высоким, довольно привлекательным: со светлыми волосами, высоким бледным лбом и голубыми грустными глазами. Он считал, что ко мне его привел не невроз (наиболее частая причина), а скорее внутренняя потребность в работе над собственной психикой. Однако за этой потребностью скрывались сильная привязанность к матери и страх брать на себя жизненные обязательства; но таковые обнаружились лишь в ходе последовавшей аналитической работы со мной. Он только что завершил свое обучение, занял пост на большой фабрике и, естественно, столкнулся с множеством проблем, которые поджидают молодого человека при вступлении его во взрослую жизнь. «Мне кажется, — писал он в письме, в котором просил о консультации, — что этот период в моей жизни особенно важен и значим. Я должен решить, остаться ли мне в относительно благополучном и безопасном неведении или же отважиться ступить на рискованный и неизвестный путь, сулящий, впрочем, большие надежды». Выбор, таким образом, провоцировал его и ставил перед мучительной дилеммой: пребывать ли ему и впредь в одинокой нерешительности юноши, далекого от реальности, или же попытаться стать самодостаточным и ответственным взрослым.

Генри рассказал мне, что предпочитает книги человеческому общению; среди людей он чувствует себя подавленным и весьма часто терзается муками сомнений и самокритики. Для своего возраста он был хорошо начитан и имел склонность к эстетическому интеллектуализму. Пройдя стадию раннего атеизма, он сделался ревностным протестантом, но в последующем его

религиозная установка приобрела вполне нейтральную окраску. Генри выбрал техническое образование, поскольку чувствовал, что его способности лежат в области математики и геометрии. Он обладал логическим мышлением, натренированным в естественных науках, но также сохранял интерес ко всякого рода иррациональностям и мистической стороне жизни, которые он, впрочем, совершенно не признавал в отношении самого себя.

Двумя годами ранее начала нашего анализа Генри оказался помолвлен с девушкой-католичкой из французской части Швейцарии. Он описывал ее как очаровательную, деловую и весьма инициативную. И тем не менее он не был уверен, следует ли ему взять на себя ответственность за узы брачного обязательства. Поскольку у него не было достаточного опыта в общении с юными особами, он подумал, что, может быть, лучше подождать или даже вовсе остаться холостяком, посвятив себя ученой карьере. Его сомнения были весьма сильными, чтобы не давать ему возможности принять окончательное решение; требовался дальнейший шаг в направлении к зрелости, чтобы он смог почувствовать в себе уверенность.

Хотя в нем объединились качества обоих родителей, связь с матерью проступала более отчетливо. В своем сознании Генри отождествлялся с реальной (или «светлой») матерью, представлявшей высокие идеалы и интеллектуальные амбиции. Но в бессознательном он пребывал глубоко во власти темных аспектов состояний, обусловленных материнским началом. Это бессознательное все еще удерживало мертвой хваткой его эго. Любые проявления ясного мышления и усилия обрести твердую позицию в области рационального оставались не более чем интеллектуальным упражнением.

Потребность вырваться из «материнской тюрьмы» находила свое выражение во враждебных реакциях в отношении реальной матери и в неприятии «внутренней матери» как символа женской стороны бессознательного. Но внутренняя энергия стремилась удержать его в состоянии детства, сопротивляясь всему тому, что притягивало его во внешнем мире. Даже при-

влекательности и обаяния его невесты оказалось недостаточно, чтобы высвободить его из материнских уз и тем самым помочь ему обрести самого себя. Он не осознавал, что его внутренняя потребность в развитии (которую он остро ощущал) включала необходимость отделения от матери.

Аналитическая работа с Генри длилась в течение девяти месяцев. В общей сложности было проведено тридцать пять сеансов, на которых он представил пятьдесят снов. Столь короткий анализ — явление редкое. Он возможен лишь тогда, когда заряженные энергией сновидения, подобные тем, что видел Генри, ускоряют процесс развития. Конечно, с юнгианской точки зрения не существует правил, определяющих продолжительность времени, необходимого для успешного анализа. Все зависит от готовности личности осознавать явления внутренней жизни и от самого материала, поставляемого бессознательным.

Как и у большинства интровертов, повседневная жизнь Генри была достаточно однообразной. В течение дня он полностью погружался в свою работу. Вечерами он иногда встречался со своей невестой или с друзьями, с которыми ему нравилось вести литературные дискуссии. Довольно часто он сидел в своем жилище, погруженный в книгу или в собственные размышления. Мы регулярно обсуждали события его повседневной жизни, равно как и его детство и юность, но довольно быстро переходили к толкованию его снов и исследованию обнаружившихся проблем внутренней жизни. Удивительно было видеть, с какой интенсивностью сновидения демонстрировали его «тягу» к духовному развитию.

Здесь следует пояснить, что не все, описываемое на этих страницах, сообщалось Генри. При анализе всегда необходимо помнить, насколько взрывоопасными могут оказаться символы для самого сновидца. Аналитик же вряд ли сможет всегда оставаться достаточно чутким и сдержанным. Если бросить слишком яркий свет на язык символов сновидения, то сновидцем может овладеть беспокойство, а это повлечет за собой рационализацию в качестве защитного механизма. Или же сновидец

не сможет далее ассимилировать эти символы и погрузится в острейший психический кризис. Отметим также, что те сны, которые описаны и прокомментированы здесь, ни в коем случае не составляют всей суммы сновидений, которые были у Генри за все время анализа. Я привожу лишь часть наиболее важных снов, которые повлияли на его развитие.

В самом начале нашей работы у Генри всплывали детские воспоминания, содержавшие в себе важные символические значения. Самые ранние относились к его четвертому году жизни. Он сказал: «Однажды утром мне разрешили отправиться вместе с матерью в булочную, и там я получил рогалик, имевший форму полукруга, из рук жены булочника. Я не стал его есть, а гордо нес в руке. Помню, что там присутствовали только мать и жена булочника, так что я был единственным мужчиной». Такие рогалики в обиходе называют «зубами месяца», и это символическая аллюзия на серповидную луну-полумесяц, подчеркивающая доминирующую женскую энергию — некую силу, проявление которой мог чувствовать маленький мальчик и которой он, как «единственный мужчина», мог с гордостью противостоять.

Другое детское воспоминание относится к пятому году жизни. Оно связано с сестрой Генри, которая вернулась домой после своих экзаменов в школе и застала его за строительством игрушечного сарая. Сарай был сооружен из поленьев, сложенных в форме квадрата и обнесенных оградой, напоминавшей зубчатые стены замка. Генри был доволен своей постройкой и, поддразнивая сестру, сообщил ей: «Ты только начала учиться, а уже на каникулах». Сестра ответила, что у него вообще сплошные каникулы круглый год, чем сильно его расстроила. Генри почувствовал себя уязвленным, его «строительство» не было воспринято всерьез.

Даже много лет спустя Генри не забыл горечь обиды и несправедливость по поводу неприятия его постройки. Его проблемы более позднего возраста, касающиеся утверждения мужественности и конфликта между реальными и надуманными ценностями, уже прослеживались в его ранних переживаниях. И они также просматриваются в образах его первого сновидения.

Первое сновидение

На следующий день после визита ко мне Генри увидел сон.

«Я был на экскурсии с группой незнакомых мне людей. Мы собирались в Зинальротхорн. Наш маршрут начался в Самадене. Мы двигались что-то около часа, потом разбили лагерь и устроили театральное представление. Я не принимал в нем участия. Но очень хорошо мне запомнилась одна исполнительница — молодая женщина, весьма патетически игравшая свою роль и одетая в длинное платье.

Был полдень, и я захотел перейти через перевал. Поскольку остальные предпочли задержаться в лагере, я пошел один, оставив свое снаряжение. Однако я обнаружил, что снова нахожусь в долине и совершенно потерял ориентацию. Мне захотелось вернуться обратно к своей компании, но я не знал, по какому склону нужно подниматься. Я колебался, не спросить ли мне у кого-нибудь дорогу. В конце концов, какая-то старуха указала мне путь.

Затем я стал подниматься, но совершенно в другом месте, а не в том, откуда отправилась наша группа утром. Чтобы вернуться к ней, мне нужно было повернуть вправо и затем идти вдоль горного склона. Я двигался вдоль зубчатой железной дороги, располагавшейся по правую руку от меня. Слева вниз непрерывно проносились маленькие вагончики, в каждом из которых скрывался маленький обрюзгший человек в синем костюме. Какой-то голос сказал, что все они мертвы. Я боялся вагонов, надвигавшихся на меня сзади, и постоянно оборачивался в тревоге, что они наедут на меня. Впрочем, беспокойство было явно излишним.

В том месте, где я должен был повернуть направо, находились люди, поджидавшие меня. Они повели меня в гостиницу.

Начался ливень. Я сожалел, что при мне не было моего снаряжения — рюкзака и мопеда. Но мне сказали, чтобы я не забирал их до следующего утра. Я согласился с этим советом».

Доктор Юнг считал, что первый сон в анализе играет огромную роль, так как, по его мнению, этот сон обладает предвосхищающей ценностью. Решение начать анализ обычно сопровождается сильным эмоциональным сдвигом, который выводит из равновесия глубокие психические уровни, из которых возникают архетипические символы. Первые сны поэтому часто представляют «коллективные образы», задающие направление для анализа в целом и помогающие врачу проникнуть в область психических конфликтов сновидца.

Что же вышеупомянутый сон говорит нам о будущем развитии Генри? Прежде всего мы должны проанализировать некоторые из ассоциаций, возникшие у самого Генри. Деревня Самаден была родиной швейцарца Йорга Йенатша, знаменитого борца за свободу, жившего в XVII веке. «Представление» вызвало мысль о книге Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера», которую Генри очень любил. В женщине он увидел сходство с живописной фигурой с картины «Остров мертвых» швейцарского художника XIX века Арнольда Бёклина. «Мудрая старуха», как он ее назвал, ассоциировалась, с одной стороны, с аналитиком, а с другой — с домработницей из пьесы Джона Пристли «Они подошли к городу». Зубчатый рельс напомнил ту ограду сарая (с укреплениями), который он строил, будучи ребенком.

Сон описывает «экскурсию» (вид «пешего путешествия»), которая выступает в качестве четкой параллели с решением Генри предпринять анализ. Процесс ин-дивидуации зачастую символизируется путешествием, связанным с открытием неведомых земель. Такое путешествие имеет место у Джона Буньяна в его «Странствии пилигрима» или в «Божественной комедии» Данте. «Путник» в поэме Данте в поисках своего пути приходит к горе, на которую решает взобраться. Но из-за трех странных животных (мотив, который также возникает в одном из более поздних снов Генри) он вынужден спуститься в долину, а затем

и в ад. (Позже он поднимается вновь в чистилище[24] и в конце концов достигает рая.)

Из этой параллели можно сделать вывод, что для Генри тут вырисовывается сходный период дезориентации и одинокого поиска самого себя. Первая часть этого жизненного путешествия, представленная восхождением на гору, являет собой подъем из бессознательного к более высокой точке обзора, принадлежащей эго, то есть к растущему сознанию.

Самаден упомянут как место, где началась экскурсия. Здесь Йенатш (которого мы можем принять как воплощение смысла «поиска свободы» в пределах бессознательного Генри) начал свою кампанию за освобождение Вельтлинского округа (кантона) Швейцарии от французов. Йенатш имел много общего с Генри. Он был протестантом, влюбившимся в девушку-католичку, и, подобно Генри, который с помощью психоанализа стремился освободиться от материнских уз и страха перед жизнью, Йенатш также боролся за освобождение. Это можно было бы истолковать как удачное предзнаменование успеха в борьбе Генри за свою свободу. Цель экскурсии — Зинальротхорн, гора в Западной Швейцарии, с которой он не знаком. Слово rot («красный»), являющееся частью названия ЗинальРОТхорн, затрагивает эмоциональную проблему Генри. Красное обычно символизирует любовь или страсть; в нашем случае оно указывает на ценность чувственности, которая у Генри была недостаточно развита. А слово horn («рог») напоминает один из рогаликов из детских воспоминаний Генри.

После короткого перехода последовал привал, и Генри мог вернуться в состояние пассивности, что также свойственно его натуре. Этот момент оттеняется «представлением». Посещение театра (который, по сути, является имитацией реальной жизни) есть распространенный способ уклониться от активной роли в жизненной драме. Зритель может отождествлять себя с

[24] Игра слов: в американском оригинале purgatory — «чистилище» — означает также «ущелье».

персонажами пьесы, продолжая таким образом потворствовать своим фантазиям. Подобный способ отождествления позволял грекам переживать катарсис; также и психодрама, разработанная американским психиатром Морено, в настоящее время используется в качестве психотерапевтического средства. Нечто подобное позволило и Генри пережить внутреннее развитие, когда его ассоциации всколыхнули воспоминания о Вильгельме Мейстере, гётевской истории о взрослении молодого человека.

В том, что Генри был впечатлен и взволнован появлением романтической женщины, также нет ничего удивительного. Эта фигура имеет сходство с его матерью, и в то же самое время персонифицирует его собственную бессознательную женскую сторону. Связь, которую Генри проводит между ней и «Островом мертвых» Бёклина, указывает на его депрессивное настроение, столь удачно переданное в самой картине, изображающей находящегося в лодке священнослужителя в белом одеянии. Он сопровождает гроб и плывет в направлении острова. Здесь мы обнаруживаем важный двойной парадокс: киль лодки представляется как бы движущимся обратным курсом, прочь от острова; а фигуру «священнослужителя» невозможно идентифицировать по половому признаку. У Генри эта фигура определенно ассоциируется с гермафродитом. Двойной парадокс совпадает с амбивалентностью самого Генри: противоположности в его душе все еще слишком неотдифференцированны, чтобы отчетливо выделиться.

После этого промежуточного эпизода в сновидении Генри вдруг осознал, что уже полдень, и он должен двигаться дальше. Поэтому он вновь начинает свой путь. Горный перевал — хорошо известный символ перехода, ведущего от прежней установки сознания к новой. Генри должен идти один; для его эго существенно выдержать испытание без чьей-либо помощи. Поэтому он и оставляет все свое снаряжение — действие, обозначающее, что его привычная установка сознания стала непосильной ношей или что ему следует изменить обычное для него отношение к жизни.

Но он не находит дороги. Он теряет ориентацию и оказывается снова в долине. Эта неудача показывает, что в то время, когда эго Генри решает действовать, другие составляющие его психики (представленные другими участниками группы) остаются в прежнем состоянии пассивности и отказываются сопровождать эго. (Когда сам сновидец появляется в сновидении, то обычно он олицетворяет только свое сознательное эго; другие фигуры обозначают его более или менее неизвестные, бессознательные качества.)

Генри пребывает в ситуации, в которой он беспомощен, однако стыдится это признать. В этот момент он встречает старуху, которая и указывает ему нужное направление. Ему ничего другого не остается, как принять ее совет. Приходящая на помощь старуха — широко известный в мифах и сказках символ мудрости вечной женской природы. Рационалист Генри еще колеблется принять ее помощь, поскольку такое принятие требует интеллектуальной жертвы — отказа от рационального способа мышления. (Это требование будет часто предъявляться Генри и в последующих сновидениях.) Такая жертва неизбежна; она имеет место в его аналитических взаимоотношениях, равно как и в повседневной жизни.

Он связывает фигуру старухи с домработницей из пьесы Пристли о новом городе-мечте (возможна аналогия с Новым Иерусалимом из Апокалипсиса), в который персонажи могут войти лишь после определенной инициации. Эта ассоциация, по всей видимости, показывает, что Генри интуитивно распознал такую конфронтацию как нечто для него решающее. Домработница в пьесе Пристли говорит, что в этом городе «они обещали мне собственную комнату». Там она станет независимой, полагающейся только на собственные силы; то же самое ищет и Генри.

Если такой рационально мыслящий молодой человек, как Генри, сознательно выбирает путь психического развития, то ему необходимо быть готовым к отказу от своих старых установок. Поэтому, следуя совету женщины, он должен начать взбираться на гору в другом месте. Только тогда для него станет воз-

можным судить, когда и где ему следует повернуть, чтобы соединиться с остальными членами группы — другими качествами его психики, — которых он оставил.

Он поднимается вверх и оказывается рядом с железной дорогой (мотив, возможно отражающий его техническое образование), какое-то время двигается вдоль ограды, находившейся справа от него, что означает сознательную сторону. (В истории символизма правая сторона обычно представляет область сознания, левая — бессознательного.) Слева проскакивают маленькие вагончики, в каждом скрывается маленький человек. Генри боится, что не замеченный им идущий вверх вагон может ударить его сзади. Такое беспокойство совершенно беспочвенно, но оно свидетельствует, что Генри боится того, что, так сказать, пребывает позади его эго.

Обрюзгшие мужчины в синих костюмах могут символизировать бесплодные интеллектуальные мысли, возникающие чисто машинально. Синее часто обозначает функцию мышления. Таким образом, эти мужчины могут символизировать идеи или установки, которые умерли на тех интеллектуальных высотах, где воздух достаточно разрежен. Но также они могут олицетворять и безжизненные внутренние части психики Генри.

По поводу этих мужчин из сна сновидец замечает: «Какой-то голос сказал, что все они мертвы». Но Генри один. Чьи же это слова? «Какой-то голос...» Когда этот некий голос слышен во сне, то это наиболее значимое происшествие. Д-р Юнг отождествляет появление голоса во сне с вмешательством самости. Оно обозначает знание, своими корнями уходящее в коллективные основы психического. То, что говорит этот голос, не может быть оспорено.

Знание, полученное Генри относительно «мертвых» формул, к которым он был столь привержен, характеризует поворотный пункт в сновидении. Наконец-то он достиг нужного места и теперь может выбрать правильное направление: направо (сознательное направление) — в сторону сознания и внешнего мира. Там он находит тех людей, которых оставил и которые его ждут.

Таким образом, теперь он способен осознать доселе неизвестные аспекты своей личности. Поскольку его эго в одиночку преодолело опасности, встретившиеся ему на пути (достижение, которое способно сделать его более зрелым и устойчивым), то он может вновь присоединиться к группе или «коллективному» и получить кров и пищу.

Затем начинается дождь, ливень, который снимает напряжение и делает почву более плодородной. В мифологии дождь часто рассматривался как «любовный союз» между небом и землей. В Элевсинских мистериях, например, после того как был совершен обряд очищения, в небеса возносился голос: «Пусть прольется дождь!», а к земле взывалось: «Будь плодородной!» И это воспринималось как священный брак богов. В нашем случае о дожде можно было сказать, что он представлял «решение» в буквальном смысле слова.

Спускаясь, Генри вновь натыкается на рюкзак и мопед, символизирующие коллективные ценности. Он прошел стадию, на которой ему удалось усилить свое эго-сознание, доказав, что он может сохранять свои позиции, и здесь у него появилась новая потребность в социальных связях. Однако он принимает совет своих друзей подождать до завтра и тогда зайти и забрать свои вещи. Таким образом, уже второй раз он принимает совет, исходящий откуда-то извне: первый раз он прислушался к совету старухи, воспринял голос субъективной силы, архетипической фигуры; второй раз согласился с коллективным мнением. Этот шаг стал очередной вехой на пути Генри к зрелости.

В предвкушении внутреннего развития, которого Генри надеялся достичь путем анализа, этот сон оказался чрезвычайно многообещающим. Сталкивающиеся в душе Генри противоположности, держащие его в напряжении, были впечатляюще символичными. С одной стороны, наличествовала сознательная потребность подняться, возвыситься, с другой — сохранялась тенденция к пассивному созерцанию. Также образ патетической молодой женщины в белом одеянии

(представляющей чувственное романтическое начало в Генри) контрастирует с обрюзгшими телами в синих костюмах (символизирующих его бесплодный интеллектуальный мир). Преодолеть эти препятствия и прийти к внутреннему равновесию оказалось для Генри возможным только после целого ряда суровых испытаний.

Страх бессознательного

Проблемы, с которыми мы столкнулись в первом сновидении Генри, повлекли за собой выявление множества других, таких как неустойчивость, шаткость отношений между мужской активностью и женской пассивностью, стремление спрятаться за интеллектуальным аскетизмом. Он боялся мира и одновременно нуждался в нем. Его тянуло к внешнему окружению, которое сохраняло свою привлекательность. В сущности, он боялся обязательств брака, которые требовали прежде всего ответственности во взаимоотношениях с женщиной. Подобная двойственность переживаний не есть что-то необычное для молодого человека, стоящего на пороге мужской зрелости. Хотя по своему биологическому возрасту Генри был уже не столь юн, его внутренняя незрелость не соответствовала этому возрасту. У интровертов, с их страхом реальности и внешней жизни, эта проблема встречается довольно часто.

Четвертый сон, подробно пересказанный Генри, дает поразительную иллюстрацию его психологического состояния.

«Мне кажется, что я видел этот сон бесконечное количество раз. Воинская служба, марш-бросок на длинную дистанцию. Я двигаюсь один. Видимо, я никогда не доберусь до своей цели. Буду ли я последним? Дистанция мне хорошо знакома. Все это я уже как будто видел, какое-то deja vu. Начало пути находится в небольшом леске, земля здесь покрыта сухими листьями. Местность идет под уклон к маленькому идиллическому ручейку, который словно приглашает задержаться у своих вод. Позже это уже пыльная проселочная дорога. Она ведет в направлении Хомбрехтикона, маленькой деревушки неподалеку от верхнего Цюрихского озера. У ручья растут ивы, похожие на ивы с картины Бёклина, где мечтательная женская фигура двигается вниз

по ручью. Наступает ночь. В деревне я спрашиваю, куда ведет эта дорога. Мне говорят, что идти нужно еще семь часов над ущельем. Я собираюсь с силами и продолжаю путь.

Как бы то ни было, я понимаю, что на этот раз конец сна отличается от предшествующих. После ручья с ивами я попадаю в лес. Там я натыкаюсь на олениху, которая убегает. Я очень горд тем, что обнаружил ее. Оле-ниха появилась слева, а теперь я поворачиваю направо. И тут я вижу три странных существа, представляющих собой помесь свиньи и собаки с лапами кенгуру. Морды у этих существ совершенно не поддаются описанию, замечаю только большие свисающие собачьи уши. Может быть, это люди в маскарадных костюмах? В бытность маленьким мальчиком я однажды участвовал в маскараде в цирке в костюме обезьяны».

Начало сновидения подозрительно напоминает первый сон Генри. Снова появляется призрачная женская фигура, и сцена сновидения ассоциируется с другой картиной Бёклина. Она называется «Осенние мысли», и сухие листья, упоминавшиеся ранее в сновидении, подчеркивают осеннее настроение. Этот сон также наполнен романтической атмосферой. По-видимому, этот внутренний ландшафт, отражающий меланхолию Генри, весьма ему знаком. Снова он в коллективе людей, но на этот раз с сослуживцами-военными перед длительным марш-броском.

Вся эта ситуация (включая и воинскую службу) может рассматриваться как пример образа жизни обычного мужчины. Сам Генри сказал: «Это символ жизни». Но сновидец не хочет приспосабливаться к такой судьбе. Он продолжает двигаться в одиночку — и это, вероятно, для Генри вечный вопрос, вечная тема. Именно поэтому у него складывается ощущение deja vu. Его мысль — «я никогда не достигну цели» — указывает на устойчивое чувство неполноценности и веру в то, что он не сможет преодолеть «длительный марш-бросок».

Его путь лежит в Хомбрехтикон, название, которое напоминает ему о тайных намерениях уйти из дома (Hom — «дом», brechen — «рвать, ломать»). Но поскольку ухода не получается,

он вновь, как и в первом сновидении, теряет ориентацию и вынужден спрашивать дорогу.

Сновидения более или менее явно компенсируют сознательную установку разума. Романтическая женская фигура, присутствующая в сознании Генри как идеал, уравновешивается появлением странных женоподобных животных. Инстинкты Генри символизируются чем-то женским. Лес является символом бессознательной области, темного места, в котором обитают животные. Вначале появляется олениха — символ застенчивости, неуловимости, невинной женственности, но лишь на краткий миг. Затем Генри видит трех заплутавших животных странного, отвратительного вида. Кажется, что они представляют собой недифференцированную инстинктивность — нечто вроде спутанной массы инстинктов, содержащих в себе сырье для последующей обработки. Самая яркая их черта то, что они безлики и, таким образом, не несут в себе ни малейшего намека на сознание.

В представлении многих людей образ свиньи тесно увязывается с грязной сексуальностью. (Цирцея — волшебница из гомеровской «Одиссеи», например, превращает возжелавших ее мужчин в свиней.) Собака может символизировать преданность, но одновременно и беспорядочность в сексуальных связях (промискуитет), поскольку проявляет явное безразличие в выборе партнеров. Кенгуру очень часто является символом материнства и всегдашней готовности к заботе.

Все эти животные представляют лишь элементарные черты, начисто лишенные какой-либо чувственности. В алхимии гибриды, наподобие таких чудовищных мифических созданий, часто репрезентируют «первичный материал». На языке психологии они, вероятно, символизируют исходное тотальное бессознательное, из которого может появиться индивидуальное эго, чтобы в последующем начать развиваться в направлении своей зрелости.

Страх Генри перед этими уродами становится очевидным по мере того, как он старается создать впечатление, что они без-

вредны, неопасны. Он хочет убедить себя, что они всего лишь переодетые люди, каким был сам в детстве на маскараде. Его беспокойство вполне естественно. Человек, обнаруживающий таких безобразных чудовищ в собственной самости в качестве символов определенных черт своего бессознательного, имеет все основания бояться.

Следующий сон также выявляет страх Генри перед глубинами бессознательного.

«Я — юнга на парусном судне. Парадоксально то, что паруса натянуты, хотя стоит полный штиль. Моя задача заключается в том, чтобы держать канат, служащий для крепления мачты. Очень странно, но перилами или поручнями является стена, верх которой сложен из каменных блоков. Вся эта конструкция располагается точно на границе между водой и самим парусником, который плывет в одиночестве. Я крепко держусь за канат (а не за мачту), и мне запрещено смотреть в воду».

В этом сне Генри психологически находится в пограничной ситуации. Перила представляют стену, которая защищает его, но в то же самое время мешает ему видеть. Ему запрещено смотреть в воду (где он мог бы обнаружить неведомые силы). Все эти образы раскрывают его сомнения и страх.

Человек, который боится связей со своими внутренними глубинами (как Генри), боится женского в себе, в такой же степени боится и реальной женщины. В какой-то момент он очаровывается ею, но тут же пытается ускользнуть; очарованный и испуганный, он спасается бегством, с тем чтобы не стать ее добычей. Он не осмеливается приблизиться к возлюбленной (и поэтому идеализированной) со своей животной сексуальностью.

Будучи крепко связанным материнскими узами, Генри испытывает затруднения в том, чтобы с одной и той же женщиной переживать чувственную и платоническую любовь. Снова и снова его сновидения свидетельствуют о его стремлении высвободиться из этой дилеммы. В одном сне он был «монахом с тайной миссией». В другом — его инстинкты искушали его посетить публичный дом.

«Обнаруживаю, что нахожусь в ожидании вместе с сослуживцем по воинской службе, у которого уже было множество эротических приключений, перед домом на темной улице в незнакомом городе. Вход разрешен только женщинам. Поэтому в прихожей мой друг надевает маленькую карнавальную маску, изображающую женское лицо, и поднимается по лестнице. Возможно, я сделал то же самое, что и он, но отчетливо этого не помню».

То, что предлагает этот сон, могло бы удовлетворить любопытство Генри, но только ценой обмана. Как мужчине ему недостает смелости войти в дом, который явно является публичным домом. Но если он откажется от своей мужественности, то сможет получить доступ в этот запрещенный мир, запрещенный его здравым рассудком. Сновидение, правда, не сообщает нам, решил ли он зайти. Генри еще не справился со своими запретами — отсюда понятна и неудача, если мы рассмотрим скрытый смысл посещения публичного дома.

Вышеприведенный сон, как мне кажется, обнаруживает у Генри гомоэротическое напряжение. Он старается почувствовать, что женская «маска» может сделать его привлекательным для мужчин. Эта гипотеза подтвердилась следующим сном.

«Я обнаруживаю себя в возрасте пяти или шести лет. Мой товарищ по играм тех дней рассказывает мне, что у него была непристойная связь с директором фабрики. Он положил свою правую руку на пенис этого мужчины, чтобы согреть его и одновременно согреть свою руку. Директор был близким другом моего отца, и я очень уважал его за широкие взгляды и разнообразные интересы, которые у него были. Но мы постоянно высмеивали его: он представлялся нам „вечным ребенком“».

Для детей этого возраста гомоэротическая игра не является чем-то необычным. То, что Генри возвращается к ней в своем сне, предполагает, что она сопровождалась чувством вины и сохранила эту нагрузку, поэтому и была подавлена в сознании. Эти чувства были связаны с его глубоким страхом длительной

связи с женщиной. Еще один сон и ассоциации в связи с ним иллюстрируют этот конфликт.

«Я принимаю участие в брачной церемонии незнакомой пары. В час ночи небольшая компания возвращается с празднества — новобрачная пара, шафер и подруга невесты. Они входят в большой внутренний дворик, где я их ожидаю. Кажется, что новобрачные, да и вторая пара, уже поссорились. В конце концов, они решают, что мужчины и женщины пойдут спать отдельно».

Генри объяснил: «Вы видите здесь войну полов так, как ее описал Жан Жироду»[25]. А затем добавил: «Дворец в Баварии, где я, помню, видел этот внутренний дворик из сна, до последних дней пребывал в безобразном состоянии по причине того, что там располагался приют для бедных. Когда я там гостил, то спрашивал себя, не предпочтительнее ли дополнить бедное существование жильцов руинами классической красоты, чем вести активную жизнь, окруженную безобразием огромного города? Я также спрашивал себя, когда был свидетелем на свадьбе одного товарища, как долго сможет продлиться этот брак, так как невеста произвела на меня неблагоприятное впечатление».

Стремление уйти в пассивность и интроверсию, страх неудачного брака, разделение полов в сновидении — все это безошибочные симптомы тайных сомнений, прячущихся в глубинах бессознательного Генри.

[25] Жироду, Жан (Giraudoux, Jean, 1882—1944) — французский драматург и романист, прославившийся своими остросатирическими фантазиями.

Святой и проститутка

Психическое состояние Генри наиболее ярко отразилось в следующем сне, который выявил его страх животной чувственности и желание укрыться в своеобразном аскетизме. В этом можно усмотреть то направление, которое приняло его развитие. По этой причине сам сон будет истолковываться более подробно.

«Я нахожусь на узкой горной дороге. Слева от меня глубокая пропасть, справа — скальная стена. Вдоль дороги располагается ряд пещер, укрытий, высеченных в скале для защиты от непогоды одиноких путников. В одной из этих пещер, незаметных для постороннего глаза, нашла себе прибежище проститутка. Странно, но я вижу ее со спины, со стороны скалы. У нее бесформенное, рыхлое тело. Я смотрю на нее с любопытством и дотрагиваюсь до ее ягодиц. Возможно, и это внезапно приходит мне в голову, она не женщина, а мужчина-проститутка.

То же самое существо выдвигается затем вперед уже в облике святого в коротком малиновом одеянии, наброшенном на его плечи. Он шагает по дороге и заходит в другую, гораздо большую пещеру, в которой стоят грубо сколоченные стулья и скамьи. Он окидывает всех присутствующих там, включая и меня, надменным взглядом. Затем, уже вместе со своими учениками, проходит внутрь, и все они усаживаются».

Личная ассоциация, которая возникла у Генри в связи с проституткой, была «Венера из Виллендорфа» — маленькая резная фигурка (эпохи палеолита) толстой женщины, возможно богини природы или плодородия.

Затем он добавил: «Впервые о том, что прикосновение к ягодицам входит в обряд плодородия, я услышал на экскурсии по Валлису (кантон во французской Швейцарии), где я посещал

древние кельтские могилы и раскопки. Там рассказывали, что некогда существовала покатая, гладкая и скользкая поверхность из плиток, смазанных какими-то особыми веществами. Бесплодные женщины должны были съезжать по ней вниз на голых ягодицах, с тем чтобы избавиться от бесплодия».

Что касается одеяния «святого», то Генри уточнил: «У моей невесты есть похожий жакет, только он белый. Накануне вечером мы были на танцах, и на ней был этот самый белый жакет. С нами пошла еще одна девушка, ее подруга. У нее жакет был малинового цвета, и он мне понравился больше».

Если сновидения не являются осуществлением желаний (как учил Фрейд), а скорей всего, что предполагал Юнг, оказываются «самовыражениями бессознательного», то мы должны допустить, что психическое состояние Генри едва ли могло быть представлено лучше, чем в описании, переданном в сновидении со «святым». Генри — «одинокий странник» на узкой дороге. Но (возможно благодаря анализу) он уже на своем пути прочь от негостеприимных высот. Слева, что олицетворяет бессознательную сторону, его путь ограничен ужасающей бездной. Справа, со стороны сознания, путь блокирован монолитной скалой его устоявшихся взглядов. Однако в пещерах (которые могли представлять, так сказать, бессознательные области в пространстве сознания Генри) существуют места, где можно укрыться от непогоды, — другими словами, когда внешнее напряжение становится слишком угрожающим.

Эти пещеры есть результат целенаправленной человеческой деятельности — прорубание скалы. В каком-то смысле они напоминают нам пробелы, возникающие в нашем сознании, когда способность концентрироваться достигла своих пределов и ослабла, так что игру воображения уже ничто не тормозит. В такие моменты может обнаружиться нечто неожиданное, что поможет глубже понять психическое человека — некий проблеск в бессознательной сфере, где фантазия не знает границ. Кроме того, скалистые пещеры могут символизировать лоно Матери-Земли, представляя собой таин-

ственные пустоты, в которых могут возникать преображение и перерождение.

Таким образом, сон демонстрирует уход Генри в себя, когда мир становится слишком тяжел для него; уход в «пещеру» своего сознания, где он может предаваться своим фантазиям. Такое истолкование способно также объяснить, почему он видит женскую фигуру, воплощающую присущие его психике черты женственности. Бесформенная, мягкотелая, наполовину скрытая от глаз, проститутка олицетворяет в его подсознании вытесненный образ женщины, к которой Генри никогда и не приблизился бы в реальной жизни. Она всегда будет для него жестким табу, несмотря на тот факт, что (как противоположность слишком благочестивой матери) проститутка воплощает в себе тайное очарование, — это характерно для сыновей с материнским комплексом.

Идея сведения взаимоотношений с женщиной до чисто животной чувственности, исключая все остальные аспекты, часто оказывается заманчивой для таких молодых людей. В подобном союзе он мог бы держать свое сердце свободным и в конечном итоге оставаться абсолютно «верным» своей матери. Таким образом, табу, установленное матерью против связи с любой женщиной, остается неколебимо действенным в психике такого сына.

Генри, который, по всей видимости, полностью замкнулся в глубинах своей придуманной пещеры, видит проститутку только «со спины». Он не осмеливается взглянуть ей в лицо. Но «со спины» означает также со стороны ягодиц (то есть той части ее тела, которая стимулирует чувственную активность мужчины-самца). Дотрагиваясь до ягодиц проститутки, Генри бессознательно выполняет обряд плодородия, сходный с теми, что практикуются во многих первобытных племенах. Накладывание рук применяется для исцеления; аналогичным образом прикосновение рукой может служить либо защитой, либо навлекать проклятие.

Затем у Генри возникает мысль, что эта фигура вовсе не женщина, а мужчина-проститутка. Образ, соответственно, приоб-

ретает черты гермафродита, подобно многим мифологическим образцам (подобно священнику из первого сна). Неуверенность в отношении собственного пола часто может наблюдаться в период полового созревания, и по этой причине гомосексуальность в юношеском возрасте не рассматривается как нечто необычное. Не является это исключением и для молодого человека с такой структурой психики, как у Генри; так или иначе это проявлялось в некоторых предыдущих его сновидениях.

Именно вытеснение (так же как и сексуальная неопределенность) могло стать причиной путаницы относительно пола проститутки. Женская фигура, которая одновременно привлекала и отталкивала сновидца, преобразилась сначала в мужчину, а уже потом — в святого. Вторая трансформация полностью лишает образ сексуальности и подразумевает, что единственная возможность избежать реальности пола лежит в принятии аскетической и праведной жизни, отвергающей плоть. Такие внезапные перемены для сновидений вещь обычная: нечто превращается в свою противоположность (проститутка — в святого), как будто демонстрируя этим, что даже крайние противоположности могут перевоплощаться друг в друга.

Генри замечает также, что одеяние и святого показалось ему значимым. Верхнее платье часто является символом некой защиты или маски (Юнг называл ее «персоной»), которую индивид представляет миру. Маска, или персона, имеет два назначения: первое — произвести определенное впечатление на других людей; второе — укрыть внутреннюю самость индивида от чужих назойливых взглядов.

Персона, которую во сне Генри воплощает святой, говорит нам нечто о его отношении к своей невесте и ее подруге. Одеяние святого имеет такой же цвет, что и жакет подруги, и Генри нравится этот цвет, а покрой напоминает жакет невесты. Это может подразумевать, что бессознательное Генри стремится придать черты святости обеим женщинам, с тем чтобы защититься от их женской привлекательности. К тому же говорится, что жакет красный, а это (как уже было отмечено выше) тра-

диционно символизирует чувства и страсть. Таким образом, фигуре святого придается оттенок эротизированной духовности — качество, которое часто обнаруживается у мужчин, подавляющих свою сексуальность и стремящихся полагаться единственно на свой «дух» или разум.

Такое бегство из мира плоти, однако, неестественно для молодого человека. В первой половине жизни мы учимся признавать и принимать свою сексуальность. Это существенно важно для сохранения и продолжения человеческого рода. По всей видимости, сновидение как раз и напоминает Генри об этом.

Далее, святой покидает пещеру, выходит на дорогу (спускаясь с горы в долину) и проникает в другую пещеру с грубо сколоченными скамьями и стульями, напоминающими одно из мест поклонения и убежища от преследования у ранних христиан. Эта пещера выглядит как исцеляющее святое место — место для медитаций и таинства преображения из земного в небесное, из телесного в духовное. Генри не разрешено сопровождать святого, он лишь поворачивается в сторону выхода вместе с остальными присутствующими в пещере (то есть с его бессознательными сущностями). По всей видимости, Генри и все остальные, не являющиеся учениками святого, были уведомлены, что они должны жить во внешнем мире среди других людей. Сон как будто говорит, что Генри должен вначале преуспеть во внешней жизни до того, как он окажется в состоянии погрузиться в религиозную или духовную сферы. Похоже, что образ святого символизирует еще и самость (в почти недифференцированном, зачаточном виде); но Генри еще недостаточно зрел, чтобы остаться в непосредственной близости к этой фигуре.

Как развивался анализ

Несмотря на первоначальный скептицизм и сопротивление, Генри начал проявлять живой интерес к внутренним процессам своей психики. Его явно впечатляли собственные сновидения, которые, казалось бы, компенсировали его сознательную жизнь, помогали понять его амбивалентность, нерешительность и стремление к пассивности.

Через некоторое время появились сновидения с более «положительным» содержанием, показывавшие, что Генри уже на верном пути. Через два месяца после начала анализа он рассказал следующий сон.

«В гавани небольшого поселка неподалеку от моего дома со дна озера вытаскивали на берег паровозы и грузовые вагоны, затонувшие во время последней войны. Сначала подняли большой цилиндр, по виду напоминавший паровозный котел. Затем последовал огромный ржавый грузовой вагон. В целом картина выглядела ужасной, однако зрелище было не лишено романтичности. Вытащенные части необходимо было переправить по рельсам с помощью троса соседней канатной дороги. Затем дно озера превратилось в зеленый луг».

Здесь мы видим у Генри заметное внутреннее продвижение. Паровозы (возможно, символизирующие энергию и динамизм) были «затоплены» — то есть вытеснены в бессознательное, — а теперь вытащены на дневной свет. Здесь же и грузовые вагоны, которые могут перевозить множество всякого ценного груза (психические качества). Теперь эти «объекты» стали вновь доступны сознанию Генри, и он способен начать ясно представлять себе, сколько активной энергии может быть в его распоряжении. Преображение темного озерного дна в луг подчеркивает его потенциал к положительному действию.

Иногда в «одиноком путешествии» Генри к зрелости он также получал помощь от своей женской стороны. В двадцать четвертом сне он встречает «девушку-горбунью».

«Я иду в школу вместе с незнакомой молодой девушкой, маленькой и изящной, но обезображенной горбом. Много других людей также заходят в здание школы. В то время как остальные расходятся по классам на уроки пения, девушка и я садимся за маленький квадратный столик. Она дает мне частный урок пения. Я чувствую порыв жалости к ней и целую ее в губы. При этом я сознаю, что, сделав это, я изменяю своей невесте, хотя мой поступок и можно оправдать».

Пение — это один из способов непосредственного выражения чувств. Но (как мы уже видели) Генри боится своих чувств; он знает их только в идеализированной юношеской форме. Тем не менее в этом сне он учится петь (выражение чувств) за квадратным столом. Стол с четырьмя равными сторонами является репрезентацией мотива «четверичности» (кватерности), как правило, символа целостности. Таким образом, связь между пением и квадратным столом указывает на то, что Генри, по-видимому, должен «осуществить» свою «чувственную» сторону, чтобы суметь достичь психической целостности. Фактически урок пения затрагивает его чувственную сторону, и он целует девушку в губы. Тем самым он в каком-то смысле «женится» на ней (иначе он не смог бы чувствовать «измену»); он научился устанавливать связь с «женщиной внутри себя».

Следующий сон демонстрирует ту роль, которую эта маленькая горбатая девушка должна была сыграть во внутреннем развитии Генри.

«Я в незнакомой школе для мальчиков. Во время уроков я незаметно пробрался в здание, сам не знаю с какой целью. Я прячусь в комнате за небольшим квадратным шкафом. Дверь в коридор полуоткрыта. Я боюсь быть обнаруженным. Мимо, не видя меня, проходит какой-то взрослый. Но тут появляется маленькая девушка-горбунья и тотчас же замечает меня. Она тянет меня наружу из моего укрытия».

Не только та же самая девушка появляется в обоих снах, но оба ее появления происходят в школе. В каждом случае Генри должен чему-то научиться, чтобы помочь своему развитию. По всей видимости, он хотел бы удовлетворить свое стремление к знаниям, оставаясь незамеченным и пассивным.

Образ уродливой девочки появляется во многих сказках. Обычно безобразный горб скрывает сказочную красоту, которая обнаруживается, когда прекрасный принц приходит освободить девушку от колдовских чар — часто с помощью поцелуя. Девушка в сновидении Генри может являться символом его души, которая тоже должна быть освобождена от «чар», сделавших ее безобразной.

Когда девушка-горбунья пытается пением пробудить чувства Генри или вытаскивает его из темного укрытия (заставляя его увидеть свет), она выступает в роли проводника. Генри может и должен в каком-то смысле принадлежать одновременно обеим: своей невесте и маленькой горбунье (первой, как представляющей реально существующую женщину, и второй, как воплощению внутренней психической анимы).

Пророческий сон

Люди, которые целиком полагаются на свое рациональное мышление и отвергают или подавляют любое проявление психической жизни, зачастую чрезвычайно подвержены суевериям. Они слушают оракулов и пророков и могут быть легко одурачены или оказаться под влиянием всяких колдунов и заклинателей. И поскольку сновидения компенсируют внешнюю жизнь человека, то особая нагрузка на интеллект у этих людей возмещается сновидениями, в которых они сталкиваются с иррациональным началом, не в силах его избегнуть.

В процессе анализа Генри пережил это явление весьма впечатляющим образом. Четыре удивительных сна, основанных на иррациональной тематике, стали решающими вехами на пути его духовного развития. Первый из них случился спустя десять недель после начала анализа. Генри передал его в следующем виде.

«Находясь один в увлекательном путешествии по Южной Америке, я чувствую наконец желание вернуться домой. В чужом городе, расположенном на горе, я пытаюсь добраться до железнодорожного вокзала, который — я чувствую это инстинктивно — должен находиться в центре города на самом высоком месте. Я боюсь, что могу опоздать.

Однако, к счастью, справа, прорывая ряд домов, образующих непроницаемую стену, проходит сводчатый коридор, выстроенный в средневековом стиле. За домами, по всей видимости, и находится вокзал. Вся сцена весьма живописна. Я вижу освещенные солнцем, покрашенные фасады домов, темный арочный проход, под мрачными сводами которого прямо на мостовой расположились четыре оборванца. Со вздохом облегчения я тороплюсь в сторону этого прохода, когда вдруг впереди меня

появляется незнакомец, с виду охотник, который явно тоже старается успеть на поезд.

При нашем приближении эти четыре оборванца, оказавшиеся китайцами, вскакивают, преграждая нам путь. Следует борьба, в которой мою левую ногу ранят длинные ногти левой ноги одного из китайцев. Теперь оракул должен решить, пропустить ли нас или же лишить жизни. Начать пришлось с меня. Пока мой компаньон, связанный, лежит в стороне, китаец совещается с оракулом, используя маленькие палочки из слоновой кости. Решение складывается не в мою пользу, но мне дается еще один шанс. Меня связывают и оттаскивают в сторону точно так же, как и моего случайного компаньона. Наступает его очередь. И вот оракул должен окончательно решить мою судьбу. На этот раз удача на моей стороне. Я спасен».

Бросаются в глаза оригинальность и исключительная значимость данного сна, богатство символов и их емкость. Однако мне показалось, что сознательный разум Генри хотел бы проигнорировать этот сон. Из-за его скептицизма в отношении продуктов своего бессознательного было важно не подвергать сон опасности рационализации, а дать ему возможность воздействовать на Генри без какого-либо вмешательства извне. Поэтому вначале я воздержалась от толкования сновидений. Вместо этого я кое-что предложила: я посоветовала ему прочитать, а затем спросить о своей судьбе (наподобие того, что делал китаец во сне) знаменитую китайскую книгу предсказаний «И цзин».

«И цзин», или «Книга перемен», — очень древняя книга мудрости, ее корни уходят в глубь мифических времен; в своей нынешней форме она дошла до нас из третьего тысячелетия до нашей эры. Согласно Рихарду Вильгельму, переведшему книгу на немецкий и снабдившему ее превосходным комментарием, две главные ветви китайской философии — даосизм и конфуцианство — имеют один первоисточник — «И цзин». Книга основана на представлении о единстве человека и окружающего космоса и на комплементарной парности противоположностей Инь и Ян (то есть женского и мужского начал). Она состоит из

шестидесяти четырех гексаграмм, каждая из которых представлена рисунком из шести линий. В гексаграммах содержатся все возможные комбинации Инь и Ян. Непрерывные линии рассматриваются как мужские, пунктирные — как женские.

Каждая гексаграмма описывает перемены в человеческой или космической ситуации и предписывает образным языком, что следует делать в каждом отдельном случае. Китайцы советуются с оракулом, определяя, какая из гексаграмм соответствует настоящему моменту. Для этого они берут пятьдесят маленьких палочек, в результате манипуляций с которыми получают нужное число. (Между прочим, Генри сказал, что он однажды читал, возможно в юнговском комментарии к «Тайне Золотого Цветка», о странной игре, которую применяют китайцы для предсказания будущего.)

В наши дни, чтобы получить совет «И цзин», используют три монеты. Каждый бросок трех монет дает одну линию: преимущественно выпали «орлы» — цельная, мужская линия, «решки» — прерывистая, женская линия. Монеты бросаются шесть раз, и полученные линии образуют гексаграммы. По рисунку определяется номер гексаграммы, которая и дает совет и соответствующее разъяснение.

Но какое значение может иметь такое «предсказание» для нашего времени? Даже те, кто принимает предположение, что «И цзин» есть хранилище мудрости, с трудом допустят или уверуют, что консультация у оракула (предсказателя) есть нечто большее, чем оккультный эксперимент. Действительно, трудно представить, что здесь присутствует нечто большее, поскольку обычный современный человек рассматривает все пророческие техники и приемы как архаическую чепуху. Однако это вовсе не чепуха. Как показал доктор Юнг, эти техники и приемы основаны на том, что он назвал «принципом синхронии» (или, более проще, значимого совпадения). Он описал эту новую, сложную для восприятия идею в своем эссе «Синхрония: акаузальный связующий принцип». Принцип синхронии основан на предположении о внутреннем бессознательном знании, связывающем

физическое событие с психическим состоянием таким образом, что определенное событие, которое оказывается «случайным» или «совпадающим», может фактически быть физически значимым, и его смысл зачастую обозначен символически в сновидениях, которые совпадают с этим событием.

Спустя несколько недель после начала чтения «Книги перемен» Генри последовал моему совету (со значительной долей скептицизма) и бросил монеты. То, что он обнаружил в книге, потрясло его. Если кратко, то предсказание, которое ему выпало, имело несколько поразительных ссылок на его сон и вообще соотносилось с психологическим состоянием. По удивительному «синхронистическому» совпадению выпавшая ему гексаграмма называлась Мэн, или «Недоразвитость. Свершение. Юный глупец». В этом разделе есть несколько параллелей к обсуждаемым здесь мотивам сновидения. Согласно тексту «И цзин», три верхние линии гексаграммы символизируют гору и имеют значение «оставаться спокойным»; они могут также истолковываться как ворота. Три нижние линии символизируют воду, бездну и луну. Все эти символы уже появлялись в предшествующих снах Генри. Среди многих других утверждений, применимых к Генри, было следующее предупреждение: «Для юного глупца самое безнадежное — связать себя с бесплодным воображением. Чем более настойчиво и упрямо он цепляется за такие нереальные фантазии, тем более вероятно, что он окажется в унизительном положении».

Таким образом, предсказание оказалось абсолютно уместным в отношении проблем Генри. Это совершенно потрясло его. Вначале он попытался подавить сам эффект волевым путем, но не смог с этим справиться, что отчетливо показали и последующие сновидения. Послание «И цзин» затронуло его довольно глубоко, несмотря на запутанный язык, которым оно было выражено. Он оказался побежденным самой иррациональностью, чье существование так долго отрицал. Несколько молчаливый, подчас раздраженный, читая слова, оказавшиеся столь тесно связанными с символами сновидения, он сказал: «Я должен все

это тщательно обдумать» — и ушел, не дожидаясь окончания сеанса. Он отменил следующий сеанс по телефону, сказавшись больным гриппом, и пропал. Я ждала (оставаясь спокойной), поскольку полагала, что он, возможно, еще не «переварил» прочитанное.

Прошел месяц. В конце концов Генри появился снова, возбужденный и смущенный, и рассказал мне, что произошло за все это время. Поначалу его разум (на который он до того полагался так сильно) пребывал в сильном шоке и, прежде всего, попытался подавить все вновь полученное. Однако вскорости он был вынужден признать, что это предсказание преследует его. Тогда он вознамерился вновь обратиться к книге, поскольку в его сновидении прорицание было получено дважды. Но текст указанной гексаграммы Мэн недвусмысленно запретил ему задавать вопрос вторично. Две ночи подряд Генри метался в постели без сна; на третью ясный образ огромной силы явился ему во сне: шлем и меч, плывущие в пустом пространстве.

Генри тотчас же взял «И цзин» и открыл ее наугад, попав в комментарий к гексаграмме номер тридцать, где, к своему удивлению, прочитал следующие строки: «Прилипание есть свойство огня, оно означает броню, шлемы, оно означает копья и оружие». Тогда он почувствовал, что понял, почему вторичное вопрошание у оракула было запрещено. Так как в сновидении его эго было отстранено от повторного обращения к оракулу, то второй раз вопрос задавал охотник. Аналогичным образом можно считать полусознательным действием безотчетное стремление Генри повторно задать вопрос «И цзин», открыв книгу наугад и указав на символ, который совпал с его ночным видением.

Генри был настолько глубоко взволнован, что потребовалось время, чтобы попытаться истолковать сон, который дал толчок преобразованиям. Учитывая события в сновидении, было очевидно, что элементы сна должны интерпретироваться как внутриличностные содержания, а шесть персонажей, фигурировавших в нем, — как персонификация его психических качеств. Такие сны относительно редки, но когда они все же случаются,

производимый ими эффект очень силен. Вот почему их можно было бы назвать «снами преобразования», или «трансформирующими сновидениями».

В снах, богатых яркими образами, сновидец редко обнаруживает что-либо, кроме немногих личных ассоциаций. Все, что мог предположить Генри в этом случае, было то, что недавно он пытался устроиться на работу в Чили, но ему отказали по причине того, что он не женат. Он знал также, что некоторые китайцы не стригут ногти на левой руке, выращивая их как знак предпочтения занятий медитацией работе.

Неудача Генри (получить работу в Южной Америке) воплотилась в его сне. В нем он перенесся в жаркий южный мир — мир, который, по контрасту с Европой, он бы назвал примитивным, раскованным, чувственным, не стесненным условностями. Сон дает превосходную символическую картину области бессознательного.

Эта область была прямо противоположной культивированному интеллекту и швейцарскому пуританизму, господствовавшим в сознательном разуме Генри. Фактически сон представил его природную «теневую землю», о которой он так мечтал; но через некоторое время почувствовал, что ему не очень-то на ней комфортно. Генри вырван из цепких хтонических, темных, материнских сил (символизируемых Южной Америкой) и возвращен в сновидении к свету, личной матери и своей невесте. Он вдруг осознает, насколько далеко он ушел от них; он чувствует себя одиноким в «чужом городе».

Такое возрастание в сознании символизируется во сне как «более высокий уровень» — город был построен на горе. Поэтому Генри «карабкался вверх», к более высокому уровню сознания в «теневой земле», надеясь оттуда найти «свою дорогу домой». Задача восхождения на гору уже вставала перед ним в самом первом сновидении. И так же как во сне с проституткой и святым или во многих мифологических сказаниях, гора часто символизирует место откровения, где могут происходить любые внутренние изменения.

«Город на горе» также хорошо известный архетипи-ческий символ, возникающий в истории культуры в самых разных вариациях. Город, соответствующий в своем основном плане мандале, представляет «область души», в центре которой обретает свое обиталище самость (центр психической целостности и душевной глубины).

Удивительно, что место самости представлено в сновидении Генри как центр перевозки людей — железнодорожный вокзал. Вероятно, это объясняется тем, что самость (если сновидец молод и обладает сравнительно низким уровнем духовного развития) обычно символизируется объектом из области личного опыта сновидца, часто весьма банальным объектом, который компенсирует высокие стремления данного человека. Только у зрелой личности, знакомой с образами своей души, самость воплощается в символе, соответствующем ее уникальной ценности.

Хотя Генри и не знает точно, где находится вокзал, он тем не менее предполагает, что он расположена в центре города, на самом высоком месте. Здесь, как и в предыдущих снах, он получает помощь из бессознательного. Сознательный разум Генри отождествлен с его профессией инженера, поэтому он хотел бы также, чтобы и его внутренний мир был связан с рациональными продуктами цивилизации наподобие железной дороги. Сновидение, однако, начисто отвергает эту установку и указывает совершенно другой путь.

Этот путь ведет «под» и «сквозь» темную арку. Арочные ворота также являются символом порога — места, где скрывается опасность, места, которое одновременно объединяет и разделяет. Вместо вокзала, который искал Генри (железная дорога должна по идее соединять нецивилизованную Южную Америку с Европой), он обнаруживает себя перед темным арочным проходом, где прямо на земле расположились четыре китайских оборванца, преградив путь. Сон никаких различий между ними не проводит, поэтому они могут рассматриваться как четыре недифференцированных аспекта мужского начала. (Число че-

тыре — символ целостности и завершенности, представляет архетип, который д-р Юнг обсуждает во многих своих работах.)

Китайцы, таким образом, представляют части бессознательного мужского начала в психике Генри, которые он не может игнорировать, поскольку «путь к самости» (то есть к психическому центру), блокированный ими, должен быть для него открыт. Пока этот вопрос не разрешится, он не может продолжить свое путешествие.

Не подозревая о надвигающейся опасности, Генри торопится к проходу, стремясь наконец добраться до станции. Но на пути он встречает свою «тень» — неизжитое первобытное начало, — появляющуюся в облике приземленного грубого охотника. Появление этого образа означает, возможно, что к интровертному эго Генри присоединилась его экстравертная (компенсаторная) составляющая, которая представляет подавленные эмоциональные и иррациональные черты. Эта теневая фигура выходит на передний план, минуя сознательное эго, и, поскольку она персонифицирует активность и автономность бессознательных свойств и качеств, то и становится действительным носителем судьбы, через которого все и происходит.

Сон подходит к своей кульминационной точке. Во время схватки Генри, охотника и четырех китайцев-оборванцев левая нога Генри оказывается поцарапанной длинными ногтями левой ноги одного из этих четырех противников. Вероятно, здесь европейский характер сознательного эго Генри столкнулся с персонификацией древней мудрости Востока, с крайней противоположностью своего эго. Китайцы пришли с совершенно иного психического континента, с «другой стороны», которая до сих пор совершенно не известна Генри и поэтому кажется ему опасной.

Можно также сказать, что китайцы символизируют «желтую землю»; китайский народ связан с землей, как немногие нации. И именно это земное, хтоническое свойство Генри должен был принять. Бессознательное мужское начало его психического, которое он встретил в своем сновидении, имело хтонический

материальный аспект, отсутствовавший у его интеллектуальной сознательной составляющей. Таким образом, тот факт, что он распознал китайцев в четырех фигурах оборванцев, показывает, что Генри добился расширения внутреннего понимания природы своих противников.

Генри слышал, что иногда китайцы не стригут ногти на левой руке. Но в сновидении эти ногти оказываются на левой ноге; то есть почти когти. Последнее может означать, что китайская точка зрения настолько отличается от позиции Генри, что способна нанести ему вред. Как мы знаем, сознательная установка Генри по отношению к хтоническому и женскому, по отношению к «телесному» своей натуры была наиболее неопределенной и амбивалентной. Эта установка, символизируемая его «левой ногой» (точка зрения или позиция его женской бессознательной стороны, которой он до сих пор боится), пострадала из-за китайцев.

Однако это «ранение» само по себе не вызвало какого-либо изменения у Генри. Любая трансформация требует в качестве предпосылки «конца света» — разрушение устаревшей философии жизни. Как отмечал д-р Хендерсон ранее в этой книге, в церемониях инициации (посвящения) молодой человек должен пройти через символическую смерть, прежде чем он возродится как мужчина и будет принят племенем в качестве полноправного члена. Поэтому научная, логическая установка инженера должна разрушиться, чтобы уступить место новой установке.

В психике инженера все «иррациональное» может быть с легкостью подавлено, поэтому оно часто обнаруживается в драматических парадоксах мира сновидений. Иррациональное во сне Генри возникает в виде некоего гадания неизвестного происхождения, в форме пугающей и необъяснимой силы, получающей право решать человеческие судьбы. Рациональному эго Генри ничего не остается, кроме как безоговорочно капитулировать, принеся интеллектуальную жертву.

Однако сознательный разум такой неопытной незрелой личности, какой является Генри, еще не вполне готов к реальному

действию. Фортуна отворачивается от него, и он лишается жизни. Он пойман, не имеет возможности продолжать действовать привычным путем или вернуться домой, то есть уклониться от своих взрослых обязательств и ответственности. (Именно к пониманию этой ситуации Генри был подготовлен своим «большим сном».)

В следующий момент сознательное цивилизованное эго Генри связывают и оставляют в стороне до тех пор, пока его место не занимает первобытный охотник, вопрошающий оракула. Жизнь Генри зависит от ответа прорицателя. Но когда эго пребывает в тюремной изоляции, те содержания бессознательного, которые персонифицировались в теневой фигуре, могут оказать помощь и дать решение. Это возможно лишь тогда, когда человек признает существование таких содержаний и почувствует их силу. Позже они смогут стать нашими постоянными сознательно выбранными спутниками. Генри оказался спасен, потому что охотник (его тень) победил в этой игре, заменив его.

Встреча с иррациональным

Последующее поведение Генри ясно продемонстрировало, что этот сон (так же, как и сновидения наряду с гадательной книгой «И цзин» поставили его перед фактом существования глубинных иррациональных сил внутри себя самого) имел на него очень глубокое воздействие. С того момента он с готовностью прислушивался ко всем сообщениям из бессознательного мира, и анализ стал принимать все более и более волнующий характер. Напряжение, которое ранее грозило разрушением глубинам его психики, вышло на поверхность. Тем не менее он смело следовал растущей надежде достичь удовлетворительного конца.

Спустя пару недель после вещего сна (но еще до того, как он был обсужден и истолкован) Генри приснился еще один сон, в котором он снова столкнулся с беспокоившей его проблемой иррационального.

«Я один в своей комнате. Множество мерзких черных жуков выползают из дыры и расползаются по моему письменному столу. Я пытаюсь загнать их назад в дыру, используя какую-то магию. Отчасти мне это удается, за исключением четырех или пяти жуков, которые ускользают со стола и начинают перемещаться по всей комнате. Но желания преследовать их у меня больше нет: они мне уже не отвратительны. Я поджигаю их убежище. Высоко вверх взмывают языки пламени. Я пугаюсь, что может загореться вся комната, но страх оказывается беспочвенным».

К этому времени Генри стал достаточно искусным в истолковании своих сновидений, поэтому он попытался дать этому сну собственное объяснение. Он сказал: «Жуки представляют мои темные свойства. Анализ разбудил их, и теперь они вылезли на поверхность. Есть опасность, что они могут помешать

моей профессиональной работе (символизируемой письменным столом). Однако я не посмел их уничтожить — по форме они напоминали мне черного скарабея — своими руками и был вынужден прибегнуть к „магии". Поджигая их убежище, я, так сказать, призвал к сотрудничеству что-то священное, в то время как взметнувшийся вверх столб пламени заставил меня подумать об огне в связи с Ковчегом Завета».

Чтобы еще глубже погрузиться в символизм этого сновидения, следует, прежде всего, обратить внимание на черный цвет жуков — цвет тьмы, депрессии и смерти. В сновидении Генри находится «один» в своей комнате, что может вести к интроверсии и соответствующим состояниям уныния и печали. В мифологии жуки-скарабеи часто оказываются золотыми; в Египте они считались священными насекомыми, символизировавшими солнце. Но если они черные, значит, символизируют противоположную сторону солнца, нечто дьявольское. Следовательно, инстинктивно Генри действует совершенно правильно, стремясь победить жуков при помощи магии.

И хотя четыре или пять жуков остаются живы, само уменьшение их числа уже достаточно, чтобы избавить Генри от страха и отвращения. Затем он пытается уничтожить их гнездо с помощью огня. Это положительное действие, поскольку огонь может символически вести к трансформации и возрождению (как, например, это происходит в древнем мифе о Фениксе).

В своей повседневной жизни Генри казался теперь довольно активным, но, по-видимому, он еще не научился пользоваться этой активностью с должным эффектом. Поэтому я хочу рассмотреть другой, более поздний сон, который полнее раскрывает его проблему. Этот сон с помощью символов описывает страх Генри перед ответственным отношением к женщине и его стремление уйти от чувственной стороны жизни.

«Старик находится при смерти. Он окружен своими родственниками, среди которых нахожусь и я. В просторной комнате собирается все больше и больше людей, каждый из которых представляет сам себя остальным. Собралось порядка сорока

человек. Старик стонет и бормочет о „непрожитой жизни". Его дочь, желая облегчить его страдания, спрашивает умирающего, в каком смысле следует понимать „непрожитую" жизнь, в культурном или моральном. Старик не отвечает. Дочь посылает меня в маленькую соседнюю комнату, где я должен найти ответ, гадая на картах. Девятка, которую я вытащу, даст ответ, согласно своей масти.

Я ожидал открыть девятку с самого начала, но выпадали разные короли и дамы. Я разочарован. Затем мне начали попадаться только обрывки бумаги, которые вообще не имели отношения к картам. В конце концов я обнаруживаю, что в колоде больше не осталось карт, только конверты и листки бумаги. Вместе со своей сестрой, тоже присутствующей здесь, я повсюду ищу карты. В итоге я нахожу одну то ли под учебником, то ли под тетрадкой. Это девятка, девятка пик. Мне кажется, что это может означать только одну вещь: „прожить свою жизнь" старику помешали моральные цепи».

Главный смысл этого странного сновидения заключался в том, чтобы предупредить Генри, что ожидает его, если ему не удастся «прожить свою жизнь». По всей видимости, старик представляет умирающий «доминирующий принцип» — принцип, который управляет сознанием Генри, но природа которого ему неизвестна. Сорок человек, присутствующих в комнате, символизируют всеобщность психических черт Генри (сорок — число тотальности, всеобщности, увеличенная форма числа четыре). То, что старик умирает, может означать, что мужское начало в Генри находится на пороге окончательной трансформации.

Вопрос дочери о возможной причине смерти — неизбежный и решающий вопрос. Возможно, здесь подразумевается, что «моралитет» старика помешал ему пережить свои естественные чувства и побуждения. Однако сам умирающий молчит. Поэтому стать активной вынуждена его дочь (персонификация переходной женской составляющей, анимы). Она посылает Генри найти ответ, гадая на картах, — ответ, который зависит от ма-

сти первой вытащенной девятки. Гадание на картах происходит в непривычной обстановке — в дальней смежной комнате (показывающей, насколько далеко подобное событие от сознательной установки Генри).

Он разочарован, когда сначала открывает только королей и дам (по всей видимости, собирательные образы его юношеского преклонения перед властью и богатством). Разочарование усиливается, когда карт больше не остается, так как это показывает, что символы внутреннего мира исчерпаны. Остались лишь «обрывки бумаги» без каких-либо образов. Следовательно, изобразительный источник в сновидении иссяк. Тут Генри вынужден принять помощь своей женской стороны (на этот раз представленной его сестрой), чтобы найти последнюю карту. Вместе с ней он наконец обнаруживает эту карту — девятку пик. Именно масть этой карты должна помочь своим цветом определить, что означает фраза «непрожитая жизнь», сказанная умирающим стариком. Знаменательно и то, что сама карта оказывается спрятанной под учебником или тетрадью, возможно представляющими сухие формулы технических интересов Генри.

Девятка является «магическим числом» на протяжении веков. Согласно традиционной символике чисел, она представляет совершенную форму совершенной Троицы в трехкратном увеличении. Существуют и другие бесчисленные значения, связанные с числом девять в разные эпохи и в разных культурах. Цвет девятки пик знаменует собой смерть и безжизненность. Кроме того, изображение «пики» ассоциируется с листом дерева, черный цвет которого подчеркивает, что, вместо того чтобы быть зеленым, полным сил, лист мертв. Более того, слово «пики» происходит от итальянского spada[26], что означает «меч» или «копье». Подобное оружие часто символизирует «проникновение», «колющую» функцию интеллекта.

Таким образом, сновидение проясняет, что это были «моральные цепи» по преимуществу (а не «культурные»), не позво-

[26] По-английски «пики» — spades.

лившие старику «прожить свою жизнь». В случае с Генри этими цепями, по-видимому, был страх полностью отдаться жизни, взять на себя обязательства перед женщиной и тем самым «предать» собственную мать. Сон известил, что «непрожитая жизнь» является болезнью, от которой можно умереть.

Генри не в силах больше игнорировать послание этого сновидения. Он понял, что в качестве компаса, направляющего человека сквозь жизненные трудности, необходимо иметь нечто большее, чем разум; следует искать руководства бессознательных сил, появляющихся в виде символов из глубин психики. С осознанием этого цель данной части сеансов анализа была достигнута. Теперь Генри знал, что окончательно выброшен из рая беспечной жизни и никогда не сможет в нее вернуться.

Завершающий сон

Последовавший сон полностью подтвердил прозрение Генри. После ряда незначительных коротких сновидений, затрагивавших его повседневную жизнь, этот последний сон (пятидесятый по счету) появился со всем тем богатством символов, которые относятся к так называемым «большим снам».

«Четверо из нас образовали дружеский кружок, и мы проводим время следующим образом.

ВЕЧЕР. Мы сидим за длинным грубо сколоченным столом и пьем из трех разных сосудов. Из ликерного бокала — желтый сладкий ликер; из винного фужера — темно-красное кампари; из большой, классической формы чаши — чай. Кроме нас сидит еще одна девушка, необщительная, утонченная. Она наливает свой ликер в чай.

НОЧЬ. Мы вернулись с большой попойки. Один из нас — президент Французской Республики. Мы находимся в его дворце. Выйдя на балкон, мы обнаруживаем его внизу, на заснеженной улице. Он пьян и мочится на сугроб. Содержимое его мочевого пузыря кажется неистощимым. И вот он уже бежит за старой девой, которая тащит на руках ребенка, завернутого в коричневое одеяло. Он поливает ребенка струей мочи. Старая дева чувствует сырость, но думает, что это наделал ребенок. Заторопившись, она уходит.

УТРО. Через улицу, залитую зимним солнцем, идет прекрасно сложенный и совершенно голый негр. Он двигается по направлению к востоку, к Берну (то есть к столице Швейцарии). Мы — во французской Швейцарии. Мы решаем пойти и оплатить его визит.

ПОЛДЕНЬ. После длительного путешествия на автомобиле по заснеженной пустынной местности мы въезжаем в город и

входим в темный дом, где, как сказано, остановился негр. Мы очень боимся, что он может замерзнуть до смерти. Однако его слуга, такой же черный, принимает нас. Негр и слуга немые. Мы заглядываем в свои рюкзаки в поисках подарка для негра. Там должно быть нечто характерное для цивилизованного мира. Я оказываюсь первым, кому приходит на ум предложить негру коробок спичек, который я поднимаю с пола и протягиваю ему с почтением. После того как и все остальные передали ему свои подарки, начинается совместный радостный кутеж, счастливый общий праздник».

Даже на первый взгляд это четырехчастное сновидение производит необычное впечатление. Оно включает в себя весь день и движется в «правую» сторону, в направлении роста сознания. Движение начинается с вечера, проходит сквозь ночь и заканчивается в полдень, когда солнце уже в зените. Таким образом, «дневной» цикл представлен как образец всеобщности.

Четверо приятелей в этом сне, похоже, символизируют становление мужественности психики Генри, а их похождения сквозь четыре «этапа» сновидения имеют геометрический образец, напоминающий одно из существенных базовых строений мандалы. Получается так, что вначале они пришли с востока, а затем с запада стали двигаться в направлении «столицы» Швейцарии (то есть центра). Они словно демонстрируют такой порядок, в котором совершается попытка объединения противоположностей в центре. И этот момент подчеркивается движением во времени — погружением в ночь бессознательного, за которым, согласно движению солнца, наступает подъем к яркому зениту сознания.

Сон начинается вечером, в то время, когда порог сознания низок, и импульсы и образы бессознательного способны легко его пересекать. В таком состоянии (когда женская составляющая мужчины пробуждается легче всего) совершенно естественно обнаружить появление женского образа среди четырех друзей. Это фигура ани-мы, принадлежащей им всем («необщительная и утонченная», напоминающая Генри его сестру) и связывающей

их всех друг с другом. На столе стоят три сосуда с различным содержимым, своими вогнутыми формами подчеркивающие саму восприимчивость, свойственную женщине. Тот факт, что этими сосудами пользуются все присутствующие, и указывает на тесную взаимосвязь между ними. Сосуды различаются по форме («ликерный бокал», «винный фужер» и «классической формы чаша») и по цвету содержимого в них. Противоположности, которые представляют эти жидкости: сладкое и горькое, красное и желтое, опьяняющее и отрезвляющее, — перемешаны между собой, так как употребляются каждым из пяти присутствующих, пребывающих в бессознательной общности.

Девушка выглядит как тайный агент, катализатор, ускоряющий события (поскольку ролью анимы и является задача вести мужчину в область его бессознательного и тем самым принуждать его к более глубоким воспоминаниям и расширению сознания). Это почти все равно что, смешивая ликер и чай, достичь веселья.

Вторая часть сна рассказывает нам больше о приключениях этой ночи. Четверо друзей внезапно обнаруживают себя в Париже (который для швейцарцев является воплощением города похотливой чувственности, безудержной радости и любви). Здесь уже имеет место некоторое разделение в единстве четырех, в особенности между эго в сновидении (которое в огромной степени отождествлено с ведущей мыслительной функцией) и «президентом Республики», представляющим неразвитую и бессознательную функцию эмоций.

Эго (Генри и два друга, которых можно считать олицетворением его полусознательных функций) смотрит с балкона на президента, чьим характеристикам соответствуют такие, которые можно при желании обнаружить в недифференцированной составляющей психического. Президент нетвердо стоит на ногах и предоставлен своим влечениям и инстинктам. Пьяный, он мочится на улице; он не осознает себя, как и примитивный человек, следующий лишь своим животным побуждениям. Таким образом, президент резко контрастирует с общепринятыми

нормами и правилами поведения добропорядочного швейцарского ученого, принадлежащего к среднему классу. Лишь в самой кромешной тьме бессознательного могла обнаружить себя эта сторона Генри.

Однако некий позитивный аспект фигура президента все же имеет. Его моча (которая может быть символом потока психической энергии-либидо) струится неистощимым потоком. Это указывает на изобилие творческой и жизненной силы. (Первобытные люди рассматривали, например, все относящееся к телу: волосы, экскременты, мочу или слюну, — как имеющее магическую силу.) Этот не совсем приятный образ президента может также быть признаком силы и изобилия, часто присущих теневой стороне эго. Но он не только мочится без всякого смущения и стеснения, а еще и гонится за какой-то старухой, держащей ребенка.

Эта «старая дева» является в некотором смысле противоположностью или дополнением той застенчивой, хрупкой анимы из первой части сновидения. Она до сих пор девственница, хотя и старая, и выглядит, словно она мать; фактически Генри ассоциирует ее с архетипиче-ским образом Марии с младенцем Иисусом. Но тот факт, что малыш завернут в коричневое (цвета земли) одеяло, создает впечатление, что это скорее хтонический, земной антипод Спасителя, нежели само небесное дитя. «Орошающий» это дитя своей мочой, президент словно пародирует обряд крещения. Если считать дитя символом потенциальности, составляющей внутреннюю суть Генри, то тогда оно может получить силу, пройдя через этот ритуал. Но сон больше ничего не сообщает; женщина с ребенком торопливо убегает.

Эта сцена знаменует поворотный момент в сновидении. Опять наступает утро. Все, что было темным, черным, примитивным, несущим в себе силу, в этом последнем эпизоде собрано вместе и воплощено в изумительном негре, который появляется обнаженным, то есть непосредственным и правдивым.

Подобно тому как темнота и яркое утро, горячая моча и холодный снег являются противоположностями, так теперь чер-

ный человек и белый ландшафт образуют отчетливую антитезу. Теперь четыре приятеля должны ориентироваться уже в этих новых измерениях. Их позиция изменилась; тот путь, который пролегал через Париж, неожиданно привел их во Французскую Швейцарию (откуда родом невеста Генри). Трансформация у Генри имела место и на более ранней стадии, когда он был раздавлен бессознательными содержаниями своего психического. Теперь он впервые может начать поиски своего дальнейшего пути из тех мест, что являются родными для его невесты (что указывает на принятие им основ ее психологии).

Вначале он следует из Восточной Швейцарии в Париж (с востока на запад, по пути, который ведет к темноте, мраку, бессознательному). Теперь он разворачивается на сто восемьдесят градусов, навстречу встающему солнцу и возрастающей ясности сознания. Этот путь ведет к центру Швейцарии, к ее столице, Берну, и символизирует устремленность Генри к центру, способному объединить противоположности внутри него самого.

Негр для некоторых людей является архетипиче-ским образом «темного примитивного существа», а следовательно, персонификацией определенных содержаний бессознательного. Возможно, это и есть одна из причин, почему негров столь часто отвергают представители белой расы, почему их боятся. В негре белый человек видит своего двойника, антипода, свою скрытую темную сторону. (Именно этого большинство людей стремится избежать; они желали бы подавить подобный импульс.) Белые люди проецируют на негров примитивные побуждения и влечения, архаические силы, безотчетные инстинкты, которые напрочь отказываются замечать в самих себе, и поэтому обозначают как качества, присущие другим людям, в данном случае неграм.

Для молодого человека возраста Генри негр может, с одной стороны, обозначать совокупность всех темных черт, подавленных в бессознательном, с другой — совокупность его первобытной мужской мощи, потенциала, эмоциональной и физической силы. То, что Генри и его друзья намерены сознательно кон-

фронтировать с негром, означает решительный шаг на пути к возмужанию.

Между тем время движется к полудню, когда солнце оказывается в своей наивысшей точке, а сознание достигает наибольшей ясности мысли. Можно было бы сказать, что эго Генри продолжает становиться все более и более твердым, что он укрепляет свою способность к сознательному принятию решений. Но на дворе все еще зима, что указывает на эмоциональную и душевную скупость Генри; его психический ландшафт уныл, а рассудок холоден. Четыре друга очень боятся, что обнаженный негр (привыкший к теплому климату) может замерзнуть. Но их страх оказывается беспочвенным.

После долгого путешествия на автомобиле по пустынной заснеженной местности они останавливаются в незнакомом городе и заходят в темный дом. Путешествие и пустынная местность символизируют долгий и утомительный поиск пути саморазвития.

И тут четырех друзей поджидают новые трудности. Негр и его слуга немые, поэтому речевой контакт с ними невозможен; четыре друга должны искать другие способы общения с негром. Скорее всего здесь могут помочь эмоциональные жесты, поскольку интеллектуальные инструменты — слова — бессильны. Друзья предлагают негру подарок, словно некое подношение богам, чтобы снискать его расположение и выразить свою признательность. И этот подарок должен быть предметом нашей цивилизации, представляющим ценность для разумного белого человека. Снова для завоевания благосклонности негра, воплощающего природное и инстинктивное начало, требуется интеллектуальная жертва.

Генри первым соображает, что следует сделать. Это естественно, коль скоро он является носителем эго, чей высокомерный разум должен смириться и стать покорным. Он поднимает с пола коробок спичек и «с почтением» подносит его негру. На первый взгляд может показаться абсурдным, что маленький, вероятно выброшенный кем-то предмет, лежащий на полу, может

стать подходящим подарком, но это был правильный выбор. Спички хранят огонь и управляют им; с их помощью в любое время можно получить пламя. Огонь и пламя символизируют тепло и любовь, чувство и страсть — неотъемлемые качества человеческой души во все времена.

Преподнеся негру такой подарок, Генри символически совместил высокоразвитый цивилизованный продукт сознательного эго с центром собственной первобытности и мужской силы, олицетворяемой негром. Действуя таким образом, Генри способен полностью овладеть своим мужским началом, с которым его эго отныне должно оставаться в постоянном контакте.

Это и есть нужный результат. Шестеро мужчин — четыре друга, негр и его слуга — теперь все вместе веселятся за общей трапезой. Ясно, что здесь завершилось формирование мужской целостности Генри. Его эго, похоже, обрело стабильность, в которой нуждалось, давая ему возможность сознательно и свободно подчиниться более мощной архетипической личности внутри себя, которая предвещает появление самости.

То, что произошло в сновидении, имело отклик также и в обычной жизни Генри. Но теперь он стал уверен в себе. Быстро приняв решение, он серьезно подошел к своей помолвке. Спустя ровно девять месяцев после начала анализа он обвенчался в маленькой церкви в Западной Швейцарии; на следующий день молодые отправились в Канаду, где Генри получил новую должность, на которую его назначили во время решающих недель его последних снов. С тех пор он живет активной творческой жизнью, являясь главой небольшого семейства, и занимает ответственный пост в одной из отраслей промышленности.

Случай Генри служит примером, так сказать, быстрого созревания и готовности к обретению мужественности. Он олицетворяет инициацию в реальность внешней жизни, усиление эго и его маскулинности и тем самым завершение первой части процесса индивидуации. Вторая часть — являющаяся установлением правильных взаимоотношений между эго и самостью — еще только предстоит Генри в его дальнейшей жизни.

Не в каждом случае с пациентом устанавливается такой успешный контакт, и не в каждом случае аналитические сеансы протекают и регулируются одинаковым образом и столь плодотворно. Наоборот, каждый случай — особенный. Любой человек: молодой или старый, мужчина или женщина — требует индивидуального подхода. Даже одни и те же символы требуют разного толкования в каждом конкретном случае. Я выбрала данный пример из своей практики потому, что он особенно наглядно демонстрирует автономность бессознательных процессов и неиссякаемость символотворящей мощи психического океана жизни. Это доказывает, что саморегулирующаяся деятельность психического (когда ее не сбивают с толку слишком рациональными объяснениями или критическим анализом) может не только поддерживать процесс душевного развития, но и во многом способствовать ему.

Мария Луиза фон Франц

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наука и бессознательное

В предыдущих главах д-р Юнг и его коллеги попытались прояснить роль символообразующей функции в бессознательной психике человека и наметить некоторые области этой относительно недавно открытой сферы жизни, требующие к себе особого внимания. Мы еще довольно далеки от понимания бессознательного или архетипов — этих динамических центров психического — во всей полноте их проявлений. Единственное, что нам сейчас известно, — это что архетипы в огромной степени воздействуют на личность, формируя ее чувства, этические представления, мировоззрение, оказывая влияние на взаимоотношения индивида с другими людьми и, таким образом, на всю его судьбу. Мы знаем, что структура архетипических символов соответствует структуре целостности индивида и что их правильное понимание может сопровождаться исцеляющим эффектом. Вполне очевидно, что архетипы могут действовать в психике человека и как созидательные, и как разрушительные силы. Созидательные — когда они вдохновляют на новые идеи, а разрушительные — когда эти же самые идеи застывают, пре-

вращаясь в сознательные предрассудки и предубеждения, препятствующие дальнейшему развитию.

Юнг показал в своей главе, насколько необходим тонкий и дифференцированный подход при любой попытке толкования архетипических идей и символов. В подобной интерпретации важно не ослабить их специфической индивидуальной и культурной ценности путем уравнивания их друг с другом, то есть переводя в рассудочные стереотипные формулы. Сам Юнг посвятил всю свою жизнь таким исследованиям и толкованиям. Естественно, что эта книга дает представление лишь о бесконечно малой части его обширного вклада в эту новую область психологии. Он был первооткрывателем и отдавал себе полный отчет в том, что еще множество вопросов, требующих дальнейших исследований, остались без ответа. Вот почему его теоретические построения разработаны в самом общем виде и с максимальными допущениями (но без претензий на всеохватность), а его суждения в этой области образуют так называемую «открытую систему», в которой есть место и для всевозможных новых открытий.

Для Юнга его концепции были обычным научным инструментарием или эвристическими гипотезами, которые могли бы оказаться полезными в исследовании новой реальности, обнаруженной вместе с открытием бессознательного. Открытие последнего не просто расширило наше мировоззрение, оно фактически его удвоило. Теперь мы всякий раз должны задаваться вопросом, является ли то или иное психическое явление сознательным или бессознательным, воспринимается ли «реальное» внешнее явление осознанным или неосознанным образом.

Мощные силы бессознательного проявляются, несомненно, не только в клиническом материале, но и в мифологической, религиозной, художественной деятельности и других областях человеческой культуры, связанных с личностным самовыражением. Очевидно, что если все люди имеют общие и врожденные стереотипы или модели эмоционального и рассудочного поведения (названные Юнгом архетипами), то вполне естественно

ожидать, что мы обнаружим их продукты (символические фантазии, мысли и действия) практически в любой области человеческой деятельности.

Работы Юнга оказали значительное влияние на некоторые направления современных исследований в самых разных областях. Например, в литературоведении оно заметно в таких работах, как «Литература и западный человек» Дж. Б. Пристли, «Путь Фауста к Елене» Готфрида Динера или «Шекспировский Гамлет» Джеймса Кирша. Аналогичным образом юнгианская психология способствовала развитию искусствоведения, что видно в работах Герберта Рида, Аниэлы Яффе, в исследованиях творчества Генри Мура, проведенных Эрихом Ной-манном, или в статьях Майкла Типпета о музыке. Использование идей Юнга обогатило труды Арнольда Тойнби по истории, антропологические работы Пола Ра-дина, а также синологические изыскания Рихарда Вильгельма, Энвина Русселя и Манфреда Поркерта.

Разумеется, это не означает, что специфические черты искусства и литературы, включая их интерпретацию, можно понять исходя только из их архетипической основы. Эти области управляются своими собственными законами, и, подобно всем действительно творческим действиям, их невозможно до конца объяснить рациональным образом. Но в сферах действия каждой из них можно различить архетипические образцы как некий динамический фон. Зачастую в них распознаются (как и в сновидениях) послания некой целенаправленной, эволюционной тенденции бессознательного.

Плодотворность идей Юнга более понятна в области культурной деятельности человека, к которой они имеют непосредственное отношение. Очевидно, что если архетипы определяют наше рассудочное поведение, то они должны проявляться во всех областях этой сферы. Однако неожиданно выяснилось, что теории Юнга также позволяют по-новому взглянуть и на явления, изучаемые естественными науками, например биологией. Физик Вольфганг Паули отметил, что благодаря новым открытиям наши представления об эволюции жизни требуют пере-

смотра, с тем чтобы учесть взаимосвязь между бессознательной сферой психического и биологическими процессами. До последнего времени считалось, что видовые изменения происходят случайным образом и в результате естественного отбора выживают наиболее «значимые» и приспособленные особи, а другие вымирают. Однако современные эволюционисты указывают, что отбор, основанный на чисто случайных изменениях, занял бы значительно больше времени, чем позволяет установленный возраст нашей планеты. Здесь полезной оказывается юнговская концепция синхронии, поскольку она позволяет прояснить возникновение некоторых редких «пограничных» явлений или необычайных событий. Она, к примеру, может объяснить, каким образом «осмысленные» приспособления и мутации происходят быстрее, нежели абсолютно случайные. Сегодня известно много примеров, когда в момент активации архетипа происходят значимые «случайные» события.

В истории науки есть много примеров одновременных изобретений или открытий. Известнейший случай такого рода связан с дарвиновским открытием теории происхождения видов: Дарвин представил свою теорию в большой статье и в 1844 году стал готовить на ее основе фундаментальный трактат. Работая над ним, он получил рукопись от неизвестного ему молодого биолога по имени А. Р. Уоллес. Рукопись фактически излагала дарвиновскую теорию, но делала это более кратко. В то время Уоллес был на Моллукских островах Малайского архипелага. Он знал Дарвина как натуралиста, но не имел ни малейшего представления о характере той теоретической работы, которую вел тогда Дарвин.

В обоих случаях каждый ученый в процессе творчества независимо пришел к гипотезе, которой было суждено перевернуть все развитие науки. Причем и тому и другому первоначальная идея пришла в виде интуитивного «озарения» и только позже подтверждалась фактическим материалом. Таким образом, архетипы действуют здесь как своего рода проводники, так сказать creatio continua. (То, что Юнг называл синхро-

ничными событиями, есть нечто вроде «актов творения во времени».)

Можно сказать, что подобные «значимые совпадения» происходят тогда, когда индивиду жизненно важно узнать о чем-то: при угрозе жизни близкого человека, серьезной потере имущества и т. п. Во многих случаях такая информация поступает путем экстрасенсорного восприятия. Аномальные явления происходят в условиях, когда этого требует жизненно важная ситуация. Этим же объясняется и то, почему разные виды животных, находящиеся под давлением внешних обстоятельств или в экстремальных обстоятельствах, могут осуществлять «значимые» (но обусловленные) изменения в своей внешней материальной организации.

Представляется, что наиболее обещающее направление дальнейших исследований открылось в последнее время (и это предвидел Юнг) в области микрофизики. С первого взгляда связь между психологией и физикой элементарных частиц кажется совершенно невероятной, так что этот вопрос требует пояснения.

Самый очевидный аспект такой взаимосвязи заключается в том, что большинство фундаментальных понятий физики (пространство, время, материя, энергия, континуум или поле, частица и т. д.) были первоначально введены в оборот древнегреческими философами в качестве интуитивных, мифологически окрашенных, архети-пических идей. Затем эти идеи постепенно изменялись, дополнялись, становились более точными и в настоящее время выражаются главным образом в абстрактных математических терминах. Например, идея частицы была сформулирована древнегреческим философом Левкип-пом, жившим в IV веке до н. э., и его учеником Демокритом, который назвал ее «атомом», то есть «неделимой частицей». Хотя атомы в конце концов оказались делимыми, мы до сих пор полагаем материю состоящей из волн и частиц (или дискретных квантов).

Идея энергии в ее взаимосвязи с силой и движением также была сформулирована древнегреческими мыслителями, а затем

развита философами-стоиками. Они постулировали существование некоего животворящего «напряжения» (tonos), которое поддерживает и движет все вещи. Ясно, что это полумифологические истоки современного представления об энергии.

Даже близкие к современности ученые и мыслители полагались на подобные полумифические, архетипические образы при разработке новых гипотез и теорий. В XVII веке, например, Рене Декарт считал «доказательством» абсолютного действенности закона причинности «непреложность Господа в своих решениях и деяниях». Великий немецкий астроном Иоганн Кеплер утверждал, что существует не больше и не меньше трех измерений пространства, поскольку Бог существует в трех ипостасях.

Можно привести и другие примеры, показывающие, что даже наши более современные научные понятия из числа основополагающих оставались в течение длительного времени привязанными к архетипическим идеям, первоначально пришедшим из бессознательного. Они не обязательно выражают «объективную» реальность (нам этого, по крайней мере, не доказать), но вытекают из врожденного стремления человеческого рассудка к поиску «удовлетворительных» рациональных объяснений, увязывающих между собой различные внешние и внутренние факты, с которыми ему приходится иметь дело. То есть, исследуя природу и Вселенную, человек, говоря словами физика Вернера Гейзенберга, стремится не к познанию их объективных характеристик, а к «встрече с самим собой».

По этой причине Вольфганг Паули и другие ученые начали изучать роль архетипической символики в сфере научных понятий. Паули полагал, что исследование внешних объектов должно вестись параллельно с психологическими исследованиями внутреннего источника научных понятий. Такие исследования могли бы по-новому осветить «единство» физической и психической сфер, количественных и качественных аспектов реальности.

Помимо этой вполне очевидной связи между психологией бессознательного и физикой, имеются и другие связи, еще более

удивительные. Тесно сотрудничая с Паули, Юнг открыл, что исследования в области аналитической психологии подтолкнули ученых к созданию понятий, которые впоследствии оказались удивительно схожими с теми, что разработали физики, обнаружившие элементарные частицы. Одной из наиболее важных была идея Нильса Бора о взаимодополнительности.

Современные исследователи микрофизики открыли, что свет можно описать лишь с помощью двух логически противоположных, но взаимодополнительных понятий: волны и частицы. Чрезмерно упрощая, можно сказать, что при одних экспериментальных условиях свет проявляет себя как состоящий из частиц, а при других он предстает как волна. При исследовании субатомных частиц было также установлено, что осуществлять точные наблюдения возможно либо за их положением, либо за их скоростью, но не за тем и другим одновременно. Наблюдатель должен выбрать условия проведения эксперимента, исключив при этом (или «пожертвовав») все другие условия и их результаты. Более того, в описание эксперимента должно входить описание измерительной аппаратуры, поскольку она воздействует решающим, но не контролируемым образом на условия его проведения.

Паули полагает, что, с учетом принципа дополнительности, физика элементарных частиц сталкивается с невозможностью исключения воздействия наблюдателя на ход эксперимента путем внесения учитываемых поправок. В результате в этой области приходится в принципе отказаться от какого бы то ни было объективного понимания физических явлений. Там, где классическая физика еще видела «причинно детерминированные естественные законы природы», мы сейчас видим лишь «статистические законы» с «первичными возможностями», имеющими вероятностный характер.

Другими словами, в микрофизике наблюдатель оказывает на ход эксперимента влияние, которое невозможно измерить и, следовательно, исключить. Поэтому ни один естественный закон нельзя выразить в виде формулы: «то-то и то-то произойдет

в любом случае». Все, что может сказать исследователь элементарных частиц, это что «с учетом статистических возможностей есть вероятность ожидать то-то и то-то». Естественно, это ставит наш классический метод мышления в физике перед огромной проблемой, требуя учитывать в научных экспериментах характер мышления исследователей-экспериментаторов. Таким образом, ученые могут больше не надеяться на возможность независимого и «объективного» описания каких бы то ни было аспектов или качеств внешних объектов. Большинство современных физиков соглашаются с тем, что в любом эксперименте с элементарными частицами невозможно исключить влияние осознанных идей наблюдателя. Однако никто не задумывается о возможности того, что общее психологическое состояние (и сознательное, и бессознательное) наблюдателя также может иметь значение. По мнению Паули, у нас, по меньшей мере, нет причин априори отвергать такую возможность. Нам следует относиться к этому как к еще недостаточно исследованной проблеме.

Идея дополнительности Бора особенно интересна для психологов-юнгианцев, поскольку Юнг понимал, что отношения сознательного и бессознательного также образует взаимодополнительную пару противоположностей. Природа любого нового образования, выходящего из сферы бессознательного, изменяется, как только часть его попадает в поле зрения сознания наблюдателя. В этом смысле даже содержимое сновидений (если на него обращают внимание) является полуосознанным. И любое расширение сознания наблюдателя, вызываемое истолкованием сна, оказывает обратное влияние на бессознательное. Вот почему эту сферу можно описывать лишь приближенно (подобно элементарным частицам в физике) с помощью парадоксальных понятий. Мы никогда не узнаем, какова «в себе» реальность бессознательного, так же как мы не знаем этого и в отношении материи.

Продолжим, однако, параллель между психологией и микрофизикой. То, что Юнг называет архетипами (или образчиками эмоционального и когнитивного поведения человека), можно было бы с равным успехом назвать, используя терминологию

Паули, «первичными возможностями» психических реакций. Как отмечалось выше (см. часть 1), не существует законов, определяющих специфическую форму, в которой может проявиться архетип. Существуют только «тенденции», что, в свою очередь, позволяет нам сказать, что в определенных психологических ситуациях может произойти то-то и то-то.

Как однажды отметил американский психолог Уильям Джеймс, сама идея бессознательного сравнима с понятием «поля» в физике. Можно сказать, что подобно некоторому упорядочению частиц, попадающих в магнитное поле, психологические образования так же некоторым образом упорядочиваются в области, называемой нами бессознательным. Если мы сознательно называем что-нибудь «рациональным» или «осмысленным» и считаем такое «объяснение» удовлетворительным, это, вероятно, вызывается тем, что ожидания нашего сознания гармонируют с предшествующей осознанию констелляцией этих содержаний в бессознательном.

Другими словами, представления нашего сознания всегда упорядочены (или структурированы) еще до того, как они становятся осознаваемыми. Немецкий математик XVIII столетия Карл Фридрих Гаусс описал переживание подобной бессознательной упорядоченности идей. Ему надо было найти одну закономерность в теории чисел, и он обнаружил ее «не в результате упорных исследований, а благодаря, так сказать, милости Божьей. Ответ пришел внезапно сам собой, как молниеносное озарение, и я не мог понять или найти связь между данными, известными мне раньше, с которыми я последний раз экспериментировал, и тем, что привело меня к конечному успеху». Французский ученый Анри Пуанкаре еще четче описал подобное явление. Однажды бессонной ночью он увидел, как в нем сталкиваются математические образы, идеи, представления. Наконец некоторые из них пришли в более устойчивое соединение. «Ощущение было такое, будто наблюдаешь непосредственно за работой бессознательного, причем его деятельность постепенно начинает частично проявляться в сознании, не теряя соб-

ственной природы. В такие моменты интуитивно понимаешь, как могут функционировать два эго».

В качестве последнего примера параллелизма между физикой элементарных частиц и психологией можно привести юнгианское понятие смысла. Там, где раньше искали причинные (то есть рациональные) объяснения явлений, Юнг предложил идею поиска смысла (или, можно сказать, цели). Вместо того чтобы спрашивать, почему произошло нечто (то есть по какой причине), Юнг ставит вопрос: для чего или зачем это произошло? Эта же тенденция проявляется и в физике, где многие современные ученые более заняты поиском взаимосвязей, действующих в природе, нежели законов причинности, причинных цепей.

Паули рассчитывал, что идея бессознательного выйдет за «узкие рамки терапевтического применения» и повлияет на все естественные науки, изучающие жизнь и все с ней связанное. Словно отзвуком на высказанное Паули предположение, стало развиваться новое направление — кибернетика, наука, занимающаяся сравнительным изучением так называемых систем управления головного мозга и нервной системы и механических или электронных информационно-управляющих систем, используемых в вычислительной технике. В итоге «наука и психология должны в будущем, — как заметил современный французский ученый Оливер Коста де Боре-гар, — вступить в активный диалог».

Неожиданная перекличка психологических и физических понятий предполагает, по мнению Юнга, возможность в конечном счете единого целого, то есть единого психофизического поля реальности, единого пространства всех явлений жизни. Юнг даже был уверен, что сфера бессознательного каким-то образом связана со строением неорганической материи, на что, по-видимому, указывает существование так называемых «психосоматических» заболеваний. Концепция всеединой реальности, подхваченная впоследствии Паули и Эрихом Нойманном, была названа Юнгом unus mundus (мир, в котором материя и психика еще не различимы или не реализованы по отдельности). Юнг

проложил дорогу к такой унитарной точке зрения, показав, что в синхронистических событиях архетип обладает «психоидным» (то есть не чисто психическим, а близким к материальному) характером. Такое событие является в действительности смысловой композицией внутрипсихических и внешних фактов[27].

Другими словами, архетипы не только отвечают внешним ситуациям (как инстинкты поведения животных отвечают окружающей их природной среде), но и — по сути — стремятся проявиться в синхронийной «композиции» из материальных и психических элементов. Однако эти соображения лишь указывают на некоторые направления, по которым могло бы осуществляться исследование феномена жизни. Юнг понимал, что надо еще очень многое узнать о взаимосвязи этих двух областей (материи и психики), прежде чем пускаться в какие-либо спекулятивные рассуждения по этому вопросу.

Сам Юнг считал наиболее плодотворным для дальнейших исследований изучение аксиом в математике (называемых Паули «первичными математическими озарениями»), среди которых он особенно выделял идею бесконечного числового ряда в арифметике или континуума в геометрии. Как заметила родившаяся в Германии Ханна Арендт, «по мере развития математика не просто расширяет свое содержание или обращается к бесконечному только в виде приложимости к бесконечно большей и разрастающейся в бесконечность Вселенной. Математика вообще перестала касаться внешнего мира. Математика не является больше одним из начал философии или наукой о Бытии в его истинном проявлении, но становится наукой, изучающей структуру человеческого разума». (Юнгианец тотчас же спросил бы: какого разума? Сознательного или бессознательного?)

Как мы уже видели на примере Гаусса и Пуанкаре, математики также убедились в том, что наши представления «упорядочи-

[27] Юнговская идея unus mundus следует из ряда средневековых идей, разрабатывавшихся в схоластике (Джон Дунс Скотт и др.). Unus mundus представлял всеобщее или архетипическое понятие мира в Божьем разумении еще до того, как Он воплотил задуманное в действующую реальность.

ваются» еще до того, как становятся осознаваемыми. Б. Л. Вандер-Верден, изучивший много примеров крупных математических озарений, пришедших из бессознательного, делает такой вывод: «...бессознательное способно не только ассоциировать и комбинировать, но также и оценивать. Суждение бессознательного интуитивно, но при благоприятных обстоятельствах абсолютно достоверно».

Среди множества «первичных математических ин-туиций», или априорных идей, наиболее интересны с точки зрения психологии натуральные числа. Они не только служат нашим сознательно осуществляемым повседневным измерительным и счетным операциям; в течение веков они были единственным средством для «считывания» значения в таких древнейших видах предсказаний, как астрология, нумерология, геомантика и т. д., — все они основывались на арифметическом счете и были исследованы Юнгом с точки зрения его теории синхронии. Более того, натуральные числа, если взглянуть на них через призму психологии, должны определенно являться архетипическими символами, потому что мы воспринимаем их некоторым определенным образом. К примеру, любой человек не задумываясь скажет, что два — это наименьшее четное число. Другими словами, числа не являются понятиями, сознательно изобретенными людьми для подсчетов. Это спонтанные и автономные продукты бессознательного, как и другие архетипические символы.

В то же время натуральные числа являются также качествами внешних объектов. Мы можем утверждать или сосчитать, что здесь лежат два камня, а там стоят три дерева. Даже если лишить внешние объекты всех признаков, таких как цвет, температура, размеры и т. д., все же останется признак их «множественности» или единичности. Однако эти же числа являются бесспорной частью устройства нашего разума: абстрактными понятиями, которыми мы можем оперировать без всяких внешних объектов. Числа, таким образом, предстают в виде ощутимой связи между сферами материи и психики. Именно здесь, полагал Юнг,

мы имеем дело с наиболее плодотворным полем для дальнейших исследований.

Я кратко остановилась на этих довольно сложных концепциях, чтобы показать, что — по крайней мере для меня — идеи Юнга не образуют целостной доктрины, а являются началом нового воззрения на мир, которому предстоит еще развиваться и расширяться. Я надеюсь, что этого будет достаточно, чтобы у читателя сложилось мнение о наиболее существенных и типичных, с моей точки зрения, сторонах научных воззрений Юнга.

Он всегда пребывал в творческом поиске, всегда был свободен от условностей и предрассудков в постижении феномена жизни и при этом отличался большой скромностью и аккуратностью. Он не стал углубляться в упомянутые выше идеи, понимая, что у него еще не накоплено достаточно фактов для более подробных суждений. Точно так же он обычно выжидал несколько лет перед тем, как сообщить о своих новых открытиях, снова проверяя их и перепроверяя критически, до тех пор пока не исчезали малейшие сомнения в их достоверности.

Поэтому то, что может при первом прочтении показаться некоторой незавершенностью идей и некоторой расплывчатостью изложения, исходит на самом деле из интеллектуальной скромности, отличающей его научный подход. Для Юнга не свойственны поспешность в выводах и чрезмерное упрощение, мешающие новым возможным открытиям и не учитывающие всю сложность и многообразие феномена жизни. Этот феномен всегда представлял для Юнга волнующую тайну. Он никогда не воспринимал его, подобно ограниченно мыслящим людям, как «объясненную» реальность, о которой все известно.

Ценность творческих идей заключается, по-моему, в том, что они, подобно ключам, помогают открывать еще не раскрытые связи между фактами, способствуя таким образом все большему проникновению человека в тайны жизни. Я убеждена, что идеи д-ра Юнга могут аналогичным образом помочь найти и объяснить новые факты во многих областях науки

(как и в повседневной жизни) и вместе с тем направить личность к более уравновешенному, нравственному и сознательному взгляду на жизнь. Если читатель почувствует интерес к дальнейшему изучению и освоению сферы бессознательного, а начать это можно только с работы над собой, то цель этой книги будет достигнута.

ЮНГ, ЮНГИАНЦЫ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

В истории современной мысли Карл Юнг по-прежнему остается фигурой не вполне разгаданной. Уже сто лет его работы действуют вдохновляюще на многих людей и остаются озаряющим источником для мыслящей публики самых разных профессий: психологов, врачей, философов, артистов и художников, писателей и танцоров, религиозных деятелей разных конфессий, учителей, психотерапевтов. Юнг открыл ворота в психический мир человека, в тайну жизни души, проложил пути к постижению духовного смысла. Он пробудил интерес у нескольких поколений к символической стороне жизни человека, к власти символов над его мыслями и поступками, к древнему миру мифов и к исцеляющей способности сновидений. Юнг способствовал тому, что оказалось возможным восхищаться духовными глубинами и в пострелигиозную эпоху, сложившуюся в европейской культуре в XX веке, во многом утратившей общую духовную историю. Для России, пережившей в советский период все катаклизмы атеистического «воспитания», повсеместного насаждения «фантастической» идеологии, юнгианская психология привносит сегодня новые импульсы к духовному возрождению человека и общества.

Нелегко разобраться и в современном юнгианском мире. Поскольку работа Юнга на всем протяжении его жизни часто сопровождалась спорами, ссорами с коллегами или последова-

телями, вела к разногласиям или расхождениям во мнениях, то историки психологии часто просто не в состоянии оценить его достижения. Как только его не называли при жизни и даже после смерти — пророк, оккультист, ученый, шарлатан, философ, фрейдовский отступник, гностик, постмодернист, целитель, психиатр и антипсихиатр, теист, атеист, мистик, материалист. Наука в тот период оказывалась в замешательстве от его работ и идей, высказываемых относительно устройства психической жизни, поскольку он говорил о влиянии богов или архетипов (структурных форм или психологических мотивов) на поведение человека. И все это присутствовало в трудах Юнга в то время, когда повсеместно царил дух рациональности и повсюду господствовали количественные измерения всего и вся. Естественно, психологические воззрения Юнга рассматривались как ненаучные, мистические и умозрительные. В свою защиту он заявлял, что его наукой является «глубинная психология», которая выходит за поверхностные рамки сознательного бытия, тогда как академическая психология видит только то, что может быть рационально объяснено и истолковано.

И действительно, многим читателям его работа вообще и предлагаемая книга в частности могут показаться не «слишком научными» из-за отсутствия на ее страницах сколько-нибудь детально проработанных случаев, статистических отчетов, математических выкладок, выводов и примеров, истолкованных с позиций научного материализма. Но Юнг был склонен придерживаться отчасти философского стиля изложения, опираясь прежде всего на свои открытия и умозаключения, нежели на те эмпирические факты, на которых эти открытия и умозаключения строились, хотя при этом он утверждал, что рассматривает человека и мир с эмпирических позиций. Он, казалось, проявлял небрежение и даже безразличие по отношению к деталям, в стремлении направить свой острый и проницательным ум на выстраивание и описание всей картины, всей полноты психической жизни. Широта его видения отражена и в увлекательной книге «Человек и его символы», написанной

Юнгом вместе с учениками и последователями для массового читателя, не искушенного в тонкостях и подробностях «научного» душеустройства.

Масштаб личности Юнга всегда выводил его в поисках истины за границы той или иной дисциплины — психиатрии, психологии, культурологии или философии. Его интерес не ограничивался клиническими приложениями в психиатрии или психотерапии, но касался всей жизни пациентов или общества в целом в широком смысле. В своих поисках понимания души Юнг затрагивал самые разнообразные аспекты психического. Поскольку Юнг с усердием брался за разработку сущностных основ психической жизни, он снискал любовь и почтительное уважение среди самого широкого круга читателей-непрофессионалов. Обычные рядовые представители интеллектуальной общественности в европейской культуре чувствовали, что мысли Юнга как-то сопрягаются с их эмоциональными и духовными запросами и потребностями и адресованы не только — и не столько — небольшой горстке коллег по медицинской профессии.

Юнг поставил перед собой задачу не только получить новое знание о человеческой личности, но и прорваться к передовым рубежам мудрости, переступить тот порог, где предшествующее знание пасовало, останавливалось перед пугающей бесконечностью неведомого. Что же хотел узнать Юнг? Среди прочего, он стремился понять:

Связаны ли мы с чем-то бесконечным или нет?

Воздействуют ли силы, действующие за пределами человеческого разума, на наши тела, на нашу психику и на наше поведение?

Является ли смысл неотъемлемо присущим человеческому существованию и существованию всего живого вообще и свойствен ли он человеку с рождения или же привносится в жизнь самим человеком, обществом, культурой или цивилизацией?

Являются ли боги реальными сущностями или же они просто изобретены нами?

Эти вопросы казались странными и ненаучными многим современникам Юнга. Они являлись неизменными и вечными вопросами философии, а тогдашняя медицинская наука свела себя к узкоэкспериментальной и клинической базе, где более широкие вопросы не играли никакой роли в судьбе человеческого здоровья. В эпоху поклонения рационализму и обожествления разума Юнг искал дух, но время, в которое он жил, не благоприятствовало этим поискам. Сегодняшний день более соответствует запросам такого рода, поскольку мы живем во времена постмодерна или постидеологии, иначе говоря, присутствия постортодоксальной или светской религиозности, когда многие научные допущения и предположения, конфессиональные императивы подверглись массовому усомнению, отрицанию или обращению в собственную противоположность. Мы переживаем момент энантиодромии, или острого кризиса идентичности в индивидуальном и массовом сознании. И наше время отчаянно ищет свой смысл существования. Оно испытывает голод в отношении смысла, а Юнг напрямую говорит в своих трудах об этом пострациональном и постпросвещенческом голоде и указывает на пути выхода из тупиковых ситуаций.

* * *

Карл Густав Юнг родился 26 июля 1875 года на севере Швейцарии, в Кессвиле, маленькой деревушке, на берегу живописного озера Констанц, в семье пастора швейцарской реформаторской церкви. С детства Юнг был погружен в изучение религиозных и духовных вопросов.

В апреле 1895 года Юнг поступил в Базельский университет, где изучал медицину, но затем решил специализироваться в области психиатрии и психологии. Помимо этих дисциплин он глубоко интересовался философией, теологией, оккультизмом.

По окончании медицинского факультета Юнг написал диссертацию «О психологии и патологии так называемых оккультных явлений», оказавшуюся прелюдией к его длившемуся почти шестьдесят лет творческому периоду. Уже в этом исследовании

заложена логическая основа всех его последующих работ: от теории комплексов к архетипам, от содержания либидо к представлениям о синхронности и т. д.

В 1900 году только что окончивший университет Юнг переехал в Цюрих и стал работать ассистентом у известного в то время врача-психиатра Юджина Блейлера в больнице для душевнобольных Бургхольцли (пригород Цюриха).

Первоначально интерес Юнга к работе в клинике был скорее теоретическим, нежели практическим. Он хотел наблюдать, «как человеческий ум реагирует на зрелище своего собственного распада», полагая, что этот распад был изначально обусловлен физическими причинами. Юнг надеялся, что, изучая психические «отклонения от так называемой нормы», он узнает что-то определенное о природе человеческой души. Его коллеги, более занятые установлением диагноза и статистическими подсчетами, часто посмеивались над его странными занятиями. Однако Юнг все больше приходил к убеждению, что понятие «душа» не только означает нечто реальное, но и «является самым основным, самым реалистическим понятием в психологии».

В феврале 1903 года Юнг женился на двадцатилетней дочери преуспевающего фабриканта Эмме Раушенбах (1882—1955), с которой прожил вместе 52 года, став отцом четырех дочерей и сына.

Важнейшими событиями в жизни Юнга стала его судьбоносная встреча с Фрейдом в 1907 году и последующий за этой встречей так называемый психоаналитический период в его творческой биографии.

Еще до знакомства с Фрейдом Юнг занимался исследованиями бессознательного. Он разработал тест словесных ассоциаций (который показал, как бессознательные проблемы воздействуют на речевые паттерны), предложил идею комплекса (отщепленных психических фрагментов с полуавтономным существованием), прошел подготовку по психопатологии у Пьера Жане в Париже и продолжал исследования по шизофрении в

клинике Бургхольцли в Цюрихе. Работа Фрейда заинтересовала Юнга, поскольку в ней исследовались психологические причны возникновения умственных заболеваний, Юнг чувствовал, что она может пролить свет на неизвестные доселе области человеческого разума.

Фрейд, со своей стороны, приветствовал интерес Юнга к психоанализу, потому что обнаружил в нем высокую образованность и сильную мотивацию к психоаналитическим изысканиям; он почувствовал, что Юнг способен вывести психоанализ за пределы еврейской Вены в психиатрический мир христианского Запада, на который нацелился сам Фрейд. «Связь Юнга с нами, — писал Фрейд Карлу Абрахаму в 1908 году, — тем более ценна для нас, что благодаря ему (Юнгу) психоанализ сможет избежать опасности остаться в истории исключительно еврейским национальным занятием». Фрейд «миропомазал» Юнга в качестве своего «преемника и коронованного принца». Но почти сразу же Юнг начал выражать свое несогласие со взглядами Фрейда на психоанализ.

Юнг увидел, что фрейдовские взгляды ограничены теми самыми материалистическими предпосылками и ограничениями, с которыми он столкнулся в психиатрии. Уже в 1908 году Юнг стал критически относиться к тому, что он называл фрейдовской «догмой» инфантильной сексуальности, к настойчивости, с которой Фрейд заявлял, что симптомы всех болезней восходят к детским травмам, к его приверженности идее эдипова комплекса, к его рецептурному подходу к символизму сновидений, где всё, по сути, символизирует пенис или вагину. Не соглашался Юнг и с моделью психического устройства личности, предложенной Фрейдом и состоящей, по его мнению, из супер-эго, эго и оно. Он считал, что такое разделение носит спорный, условный характер и весьма упрощено, а это не позволяет, по его мнению, достаточно адекватно описывать ландшафт психического.

Тем не менее дружеские отношения сохранялись, и в 1909 году вместе с Зигмундом Фрейдом и другим психоаналитиком — венгром Шандором Ференци, работавшим в Австрии,

— Карл Юнг впервые приехал в Соединенные Штаты Америки, где прочел курс лекций о разработанном им методе словесных ассоциаций. Университет Кларка в штате Массачусетс, пригласивший европейских психоаналитиков на празднование своего двадцатилетия, присудил Юнгу и его коллегам почетную степень доктора.

Международная известность, а с ней и частная практика, приносившая неплохой доход, постепенно росли. В 1910 году Юнг оставляет свой пост в клинике Бургхольцли (к тому времени он стал главным врачом) и полностью сосредотачивается на частной практике, принимая многочисленных пациентов у себя в Кюснахте (предместье Цюриха, где семейство Юнгов выстроило себе дом), на берегу Цюрихского озера. В это время Юнг становится первым президентом Международной ассоциации психоанализа и погружается в свои глубинные исследования мифов, легенд, сказок в контексте их взаимодействия с миром психопатологии.

Появляются публикации, довольно четко обозначившие область последующих жизненных и академических интересов Юнга. К этому моменту более ясно определилась и граница его идеологической независимости от Фрейда во взглядах на природу бессознательного психического.

Фрейд, по мнению Юнга, двигался в глубинные области человеческой души, но с такими предрассудочными ограничениями, что это не давало ему возможности понять многое из того, что он видел. Юнг же хотел, чтобы все в психологии носило открытый характер, было восприимчиво к самой возможности того, что силы, управляющие будущим, а не только прошлым, играли свою роль в пьесе, именуемой историей личности. Юнг утверждал более широкое — не сводимое только к сексуальности — представление о либидо, или психической энергии, исповедовал символический подход к сновидениям и постулировал телеологический характер — направленность вперед психических устремлений и мотиваций — психического. Фрейд, как это виделось Юнгу, хотел увязать все психическое с прошлым, с

ранним детством; Юнг же стремился показать, что психическое имеет свою цель и побуждает нас созидать все более новую и более масштабную личность.

Подобные заявления Юнга расстраивали Фрейда, срывали его планы в отношении своего «преемника». Он не хотел, чтобы Юнг представлял психическое в поэтической или литературно-символической области, где неопределенные философские принципы управляли бы тем, что происходит в человеческом разуме. Юнга, символического мыслителя, унаследовавшего знание немецкой романтической и греческой философской традиций, привлекали корневые, базовые идеи относительно психического и мифологические силы или архетипы, которые никогда не смогут быть объяснены в рациональных терминах. Юнг утверждал, что архетипы даны самой жизнью и должны восприниматься как основополагающие психические начала и структуры. Подобное представлялось Фрейду не вполне научным, а скорее мистическим подходом в изучении психического. В любой психической проблеме Фрейд всегда искал — и находил — рациональные причины, однако Юнг отверг фрейдовское понимание бессознательного, аргументируя это тем, что разум не является только личностным достоянием, что он носит универсальный характер и содержит в себе религиозное измерение.

Архетипы, которые Юнг определял как универсальные формы коллективного бессознательного, не имеют своим источником личный опыт, но происходят из платоновской области родовых идей и воспоминаний. Если Юнг во многих смыслах является интеллектуальным наследником Платона, который постулировал идеальную сферу абстрактных форм — невидимых метафизических конструктов, — то Фрейд является наследником Аристотеля, который стремился понять окружающий мир и человека в нем с помощью рациональных объяснений и логики.

Взгляды Юнга, как и аналитическая терминология на этапе его сотрудничества с Фрейдом (1906—1913), были еще не вполне сформулированы, но уже тогда Фрейд увидел, что Юнг уходит из

науки в сторону магического мышления, что он замещает скептицизм научного подхода философскими, религиозными и космологическими утверждениями. И в каком-то смысле Фрейд был прав, так что понять его душевную боль можно. Интуиция указывала Юнгу на тот уровень психической реальности, который не являлся «научным» в общеупотребительном смысле, и Фрейд оказался перед тяжелым выбором. Он должен был либо оставить науку и отправиться вслед за Юнгом, либо оставить Юнга и сохранить верность науке, как он ее понимал. Фрейд выбрал второе.

Юнга трудно назвать ученым в традиционном смысле. В этом отношении он скорее религиозный философ и выдающийся психотерапевт, предъявивший культурному миру глубокие научные интересы в области психологии. Юнг надеялся, что другие смогут присоединиться к его «поиску души», но большинство ученых коллег отказалось это сделать и сомкнуло перед ним свои ряды. Тем не менее уважение к Юнгу на Западе всегда сохранялось. Другое дело отношение к Юнгу в советской науке. Его имя на протяжении всей советской истории было попросту исключено из списков, а если и упоминалось, то только в критическом или уничижительном смысле. Впрочем, Фрейду его «научность» тоже не способствовала сколько-нибудь долговременному признанию в Советском Союзе. Расцвет фрейдизма в первые послереволюционные годы сменился последующим закрытием официального Психоаналитического института в Москве и неофициальным разгоном всего психоаналитического движения. Работы Фрейда и Юнга и другая психоаналитическая литература были либо уничтожены, либо отправлены в главных библиотеках страны на спецхранение.

По всей видимости, разрыв между Фрейдом и Юнгом был неизбежен. Но возникает вопрос: а что же удерживало их вместе все те упомянутые годы? Каким образом настолько разные мыслители, движимые подозрением (Фрейд) и самоутверждением (Юнг), могли поддерживать тесное взаимодействие и личную дружбу? Должно быть, у каждого сохранялись сомнения относительно другого, но оба подавляли эти сомнения в пользу

взаимного и глубокого интереса друг к другу. Фрейд достаточно рано увидел, что Юнг является мыслителем-мечтателем. Юнг же так же рано понял, что Фрейд предан науке и не сможет отойти от нее. Он надеялся, что жажда истины возобладает у Фрейда, а Фрейд, в свою очередь, полагал, что Юнг образумится и оставит свои религиозные «прихоти». В конце концов надежды и чаяния обоих развеялись и они вынуждены были признать неприукрашенную правду о том, что они совершенно разные люди.

Но по иронии истории высветились и другие аспекты этого разрыва. Сегодня происходит очередной пересмотр отношений развода между наукой и религией, эмпиризмом и философией. Во времена Юнга было еще слишком рано говорить о каком-либо примирении между этими с очевидностью противоположными аспектами разума. Будущие запросы как внутри самого психоаналитического движения, так и вне его, возможно, приведут к исцелению болезненных разрывов, и если это произойдет, то противостояние между религией и наукой будет в известной степени преодолено. И Фрейд, и Юнг были великими мыслителями, однако величие Юнга может стать очевидным даже не сегодня, а только в грядущем завтра, уже потому, что его работа имеет непосредственное отношение к будущей задаче, заключающейся в переоткрытии целостности жизни, а не в штудиях по изучению ее фрагментов в отдельных специальных дисциплинах.

Разрыв с Фрейдом не только лишил Юнга профессиональной уверенности и подорвал его репутацию, но и вызвал близкий к психотическому переворот в его сознании, который продолжался с 1913 по 1919 год и который впечатляюще описан в его автобиографической книге «Воспоминания, сновидения, размышления». Эти годы были переполнены фантазиями, психическими извержениями и хаотическими мыслями. Юнг пережил период неустойчивости, беспокойства и предостерегающих предчувствий. Юнгианцы называют это время в жизни Юнга «стычкой с бессознательным» или «болезнью шамана», время, предшествующее рождению его новой самости, появлению зрелого Юнга. Сегодня мы лучше понимаем происходившее в его

душе и не удивляемся тому факту, что поначалу любой целитель, имеющий дело с расщепленной психикой, или же мыслитель, стремящийся преодолеть раскол между религией и наукой, должен исцелить свою собственную травмированную подобным расщеплением душу. В наших оценках здесь все зависит от того, рассматриваем ли мы задачу соединения науки и религии в качестве «стоящего проекта» или же нет. Если мы считаем этот проект стоящим, то наша оценка Юнга будет высокой и, соответственно, его роль в истории идей окажется значимой. Но если полагать, что сплав науки и религии — занятие пустяшное и бесплодное, то такая оценка окажется весьма невысокой, а роль незначительной.

В двадцатые годы Юнг совершает ряд увлекательных длительных путешествий в различные районы Африки и к индейцам пуэбло в Северной Америке. Здесь ему впервые открылся необъятный мир, где люди живут, не ведая неумолимой размеренности часов, минут, секунд. Глубоко потрясенный, он пришел к новому пониманию души современного европейца. Во всех последующих работах заключены две главные темы Юнга: как психолога и психотерапевта и как культуролога. Это тема личностного развития — индивидуации — и тема коллективного бессознательного.

Юнг рассматривал индивидуацию как бытие, направленное в сторону достижения психической целостности, и использовал для его характеристики многочисленные примеры из алхимии, мифологии, литературы, западных и восточных религий, а также собственные клинические наблюдения.

Что касается коллективного бессознательного, то это понятие также выступает ключевым для всей аналитической психологии и, по мнению многих авторитетных ученых и мыслителей, является наиболее революционной идеей XX века, идеей, серьезные выводы из которой так и не сделаны до сего времени.

Юнг возражал против того, что личность полностью детерминирована ее опытом, обучением и воздействием окружающей среды. Он утверждал, что каждый индивид появляется на

свет с «целостным личностным эскизом... представленным в потенции с самого рождения» и что «окружающая среда вовсе не дарует личности возможность ею стать, но лишь выявляет то, что уже было в ней [личности] заложено.

Уверенность Юнга в абсолютном единстве всего сущего привела его к мысли, что физическое и ментальное, подобно пространственному и временному, — категории человеческого разума, не отражающие реальности с необходимой точностью. Вследствие природы своих мыслей и языка люди неизбежно вынуждены бессознательно все делить на свои противоположности. Отсюда антиномичность любых утверждений. Фактически же противоположности могут оказаться фрагментами одной и той же реальности. Сотрудничество Юнга в последние годы жизни с физиком Вольфгангом Паули привело обоих к убеждению, что изучение физиками глубин материи, а психологами — глубин психического может быть лишь разными способами подхода к единой скрытой реальности. Ни психология не может быть достаточно объективной, поскольку наблюдатель неизбежно влияет на наблюдаемый эффект, ни физика, не способная на субатомном уровне измерить одновременно количество движения и скорость частицы. Принцип дополнительности, ставший краеугольным камнем современной физики, применим и к проблемам души и тела.

Юнг стремился изобразить психическое в многообразии всех оттенков, показать его глубину и символическую мощь, продемонстрировать его божественные и демонические пределы. Чтобы дать этому обоснование, он позаимствовал ряд понятий из древних религий, таких как душа, дух, анима, анимус, хотя они считались устаревшими и вышедшими из употребления уже многие столетия. Юнг хотел увидеть религиозное начало воочию, — в космических силах, образующих психическое, во взаимодействии психических противоположностей, в снах и видениях, в структуре разума, становящегося видимым в искусстве, мифе, воображении, литературе и в символизме повседневной жизни. Это был юнгианский миф, предлагающий нашему времени нечто, во что можно было бы поверить. Бог не

умер, как объявил некогда Ницше, он лишь сменил свое имя и местоположение. Спасением стала индивидуация, духовное искусство становления целостной личности.

По мере своего развития наука становится все более открытой мистическим возможностям формы, материи, времени и пространства. Изменения, произошедшие в физике, математике, химии, биологии, медицине и психологии, показывают, что дело движется в направлении, указанном Юнгом. Наука эпохи постмодерна начинает смотреть сквозь идеологию рациональности и оказывается все более восприимчивой к таинственному, холистическому, умозрительному и универсальному. Юнговские архетипы и коллективное бессознательное теперь уже не кажутся странными и причудливыми образованиями, какими они воспринимались прежде. Современная мысль все больше поворачивается в сторону от редукционизма к более умозрительным моделям, где наука и религия могут оказываться, если и не вполне совместимыми то, по крайней мере, толерантно сосуществующими в качестве разных картин мира.

Юнг не был неправ в своих утверждениях, он просто был впереди своего времени. По мере того как жажда познания мира смещается от сбора информации к поиску мудрости, его работы будут все чаще возникать из забытья и играть более заметную роль в формировании сознания и культуры. Сегодня мы живем в то время, когда маргинальное знание смещается в сторону центра и входит в зону видимости, когда центр и периферия начинают меняться местами.

В 85 лет Карл Густав Юнг получил титул почетного гражданина Кюснахта, в котором поселился в далеком 1909 году. Мэр торжественно вручил «мудрому старцу» церемониальное письмо и печать, а Юнг выступил с ответной речью, обратившись к собравшимся на родном базель-ском диалекте.

Карл Густав Юнг умер в своем доме 6 июня 1961 года. Прощальная церемония под музыку Баха состоялась в протестантской церкви Кюснахта. Тело было кремировано, а пепел захоронен в семейной могиле на местном кладбище.

* * *

«Человек и его символы» — удивительная и увлекательная книга, по сути являющаяся популярным изложением основ аналитической психологии. Она выросла из многочисленных интервью и телевизионных передач, на которые приглашали Юнга в последние годы его жизни. Юнг написал ее вместе со своими учениками незадолго до смерти. В это время Юнгу было 85 лет.

Книга открывается большой работой Юнга «Подход к бессознательному», в которой обсуждаются функция и важность анализа сновидений; проблема типов личности, роль архетипа в символизме снов; душа человека; роль символов и исцеление расщепленной человеческой психики.

Остальные главы написаны ближайшими учениками и последователями Юнга, о которых также следует сказать несколько слов. Все они учились непосредственно у Юнга и принадлежат к первому поколению юнгианских аналитиков.

Джозеф Хендерсон (1903—2007)

Единственный из авторов не швейцарцев, умерший накануне выхода данной книги, Джозеф Хендерсон родился 31 августа 1903 года в Элко, штат Невада. Подростком он учился в школе Лоренсвилля в Нью-Джерси, где его наставником был Торнтон Уайлдер, известный американский писатель и драматург. Окончив Принстонский университет со степенью по французской литературе, он вернулся в Сан-Франциско, чтобы начать профессиональную деятельность в качестве журналиста. Здесь Хендерсон писал книгу, рецензии на кинофильмы и театральные постановки. Большой радости эта деятельность ему не доставляла, и 1929 год Джо провел в Цюрихе, проходя анализ у Юнга. В 1934 году он женился на Хелене Дарвин Корнфорд, внучке Чарльза Дарвина. В 1938 году Хендерсоны переехали в Нью-Йорк, где Джо начал свою практику в качестве юнгианского аналитика.

В 1960 году Хендерсон был единственным иностранцем, которого попросили написать главу для книги «Человек и его символы». На международном уровне он считается одним из выдающихся учеников Юнга первого поколения. Его глава посвящена структуре древних мифов и тому, как мифологическое прошлое человечества отражается в судьбах современных людей, через описание архе-типических символов и через изображение их носителей — героев мифологических сюжетов. Хендерсон прослеживает этапы судьбы этих героев от момента их инициации, или посвящения, анализируя сны пациентов с их символическими образами, разбирает специфику символов перехода и ритуалы, обеспечивающие поддержание динамики психической жизни.

Мария-Луиза фон Франц (1915—1998)

Мария-Луиза встретилась с Юнгом в 1933 году, во время экскурсии, организованной в их классе. Она хотела пройти у Юнга анализ, но ей это было не по карману. Тогда в счет оплаты она стала делать переводы текстов с латинского и греческого, которые были нужны Юнгу при проведении им алхимических исследований. Свою докторскую диссертацию по классической филологии она защитила в 1943 году. Это была большая и обстоятельная работа о волшебных сказках. Ряд книг фон Франц переведен на русский язык.

Мария-Луиза фон Франц стала известной во всем мире среди последователей Юнга и после его смерти сделалась основным выразителем его идей. Одна ее глава в книге посвящена процессу индивидуации: психическому возрастанию личности; аниме и анимусу, символам самости и ее социальным аспектам. В другой — заключительной — рассматривается взаимоотношение физики и бессознательной психики с использованием юнговского понятия синхронии.

Аниэла Яффе (1903—1991)

Другим человеком, связавшим свою жизнь с юнговской работой, является Аниэла Яффе, долгое время работавшая личным секретарем Юнга и выступившая соавтором его книги «Воспоминания, сновидения, размышления».

Родившись в еврейской семье в 1903 году, Аниэла была вынуждена бежать от нацистов накануне защиты своей докторской диссертации по психологии в Гамбургском университете.

В конце тридцатых годов Аниэла Яффе переехала в Цюрих, где начала работать секретарем. В дальнейшем она познакомилась с Юнгом и прошла у него долгий путь анализа.

Когда в 1948 году открылся Институт Юнга, Аниэла Яффе стала его первым секретарем. Она провела большую работу по формированию учебной программы Института. В 1955 году после смерти жены Юнгу потребовался личный секретарь, и тогда он призвал на помощь Аниэлу Яффе. В должности личного секретаря она пробыла рядом с ним до самой его смерти в 1961 году. Для книги Яффе написала главу о символизме в современном изобразительном искусстве, где рассмотрела ряд священных в европейской культуре символов и проанализировала живопись с символической точки зрения.

Иоланда Якоби (1890—1973)

В наиболее узком юнговском круге цюрихских учеников Юнга Иоланда Якоби отличалась от всех остальных своим характером, среди них она была единственным экстравертом. Иоланда родилась в Будапеште 25 марта 1890 года в ассимилировавшейся еврейской семье с высоким положением в обществе. После окончания школы в 1909 году вышла замуж за адвоката, доктора Андорра Якоби. После Первой мировой войны Иоланда увлеклась культурной деятельностью в Вене, и ее квартира стала местом встреч известных художников, артистов, музыкантов и писателей. Одним из ее гостей однажды оказался К. Г. Юнг.

В 1934 году она поступила в университет в Вене, где изучала психологию у Шарлотты и Карла Бюлер. В это же время она начала курс анализа у Юнга. Когда в 1938 году нацисты аннексировали Австрию, Якоби бежала в Цюрих. В Швейцарии Иоланда проявила большую активность, участвуя в работе многих психологических организаций, включая и Институт Юнга в Цюрихе. Еще до начала Второй мировой войны она начала убеждать Юнга в необходимости создания такого института, а уже после войны предприняла огромные усилия, чтобы осуществить задуманное и открыть обучающий центр. Эта задача оказалась выполненной по большей части благодаря ее энергии и энтузиазму. Якоби была одним из главных учредителей Попечительского совета института и пробыла на этом посту девятнадцать лет. Она внесла огромный вклад в организацию обучающего процесса в открывшемся в 1948 году Институте Юнга и как лектор высоко ценилась во всем юнгианском мире. Ее особый интерес проявлялся к толкованию изображений, и она основала исследовательский центр в Цюрихе, который занимался сбором художественных работ — картин, рисунков, гравюр и т.д. — многих анализандов со всего света.

В своей главе в книге Якоби рассмотрела символы, выявившиеся в интересном и успешном индивидуальном анализе («случай Генри»). Она представила обработанные клинические записи начала анализа и сновидений, с ним связанных; развитие аналитических отношений и сопутствующий им страх пациента перед бессознательным, а также продемонстрировала пророческие аспекты сновидений и сны на этапе завершения анализа.

Подготовка данного издания осуществлялась в рамках издательской программы Информационного центра психоаналитической культуры в Санкт-Петербурге.

Валерий Зеленский
Декабрь 2007

Содержание

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Юнг Карл Густав

ЧЕЛОВЕК И ЕГО СИМВОЛЫ

Перевод *В. В. Зеленский*
Оформление *А. Никулин*
Компьютерная верстка *В. Кислюк*

Подписано к использованию 22.03.20
Формат 12,0×19,5 см
Гарнитура Minion Pro

ООО Издательство
«Институт общегуманитарных исследований»
119071, Москва, Ленинский проспект, д. 18

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: http://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru